

Этой книге суждено стать
современной классикой.

Кэтрин Вебб
Наследство

Две сестры. Одна тайна.
И прошлое, которое ворвется в их жизнь

Annotation

Промозглой английской зимой сестры Эрика и Бет Кэлкотт приезжают в старинное поместье, доставшееся им в наследство от недавно умершей бабушки. В детстве они проводили здесь каждое лето. До тех пор, пока не пропал без вести их кузен Генри...

Кажется, Бет знает о случившемся куда больше, чем говорит. Пытаясь выяснить, что же скрывает сестра, Эрика неожиданно возвращает к жизни историю вековой давности о богатой девушке из солнечной Оклахомы. И оставленные в наследство тайны прошлого странным образом преломляются в настоящем...

- [Кэтрин Вебб](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Отъезд](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Любовь](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Ожидание](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Потеря](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Горе](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Испытания](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Наследство](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Кэтрин Вебб
Наследство

Маме и папе

Пролог

1905

Мало-помалу Кэролайн приходила в чувство. Оцепенение, сковавшее ее разум, рассеивалось, в голове пронеслись мириады мыслей, они металась, как птицы по клетке, слишком быстро, так что она не успевала их уловить. Неуверенно она поднялась на ноги. Ребенок все еще лежал здесь, на кровати. От мгновенно вспыхнувшего страха у нее взмокла спина. Где-то в глубине души тлела безумная надежда, что его тут не будет, он каким-то образом исчезнет, а еще лучше — окажется, что его и вовсе не было, а все это ей пригрезилось. Ребенок старался перебраться на дальний край кровати, пытался ползти по скользкому и мягкому шелковому покрывалу. Захватывая ткань сильными кулачками и подтягиваясь, он словно медленно плыл по сине-зеленой глади. Какой же он стал большой и крепкий. В другом месте, в другой жизни мог бы вырасти воином. А волосы густые, черные, как смоль. Ребенок добрался до дальнего края кровати, повернул голову и посмотрел на Кэролайн. Потом издал отрывистый звук, похожий на кряканье, и, как ни глупо, Кэролайн могла бы поклясться, что он о чем-то спросил ее. Ее глаза наполнились слезами, а ноги чуть было не подкосились снова: ей не почудилось, он реален, он здесь, в ее спальне в усадьбе Стортон Мэнор. И подросток уже настолько, чтобы задавать ей вопросы.

Стыд сгустился в облако, она ничего не видела сквозь него. Стыд висел в воздухе, как дым, заслонял все, не давал думать. Кэролайн растерялась, не представляла, что ей делать. Так тянулись долгие минуты, пока в коридоре у самой двери не раздались чьи-то шаги. Сердце заколотилось — сейчас она понимала только одно: это дитя не может, не должно здесь оставаться. Его не должно быть ни на этой кровати, ни в ее комнате, ни в усадьбе. Такое просто *невозможно*, и ни слуги, ни ее муж не должны узнать о существовании ребенка. Но что, если прислуга уже его обнаружила, если кто-то что-то увидел или услышал, пока она лежала без чувств на полу? Оставалось только молиться, чтобы это было не так. Она понятия не имела, сколько времени просидела так, в раздумьях, скованная ужасом и горем.

Может, не так уж и долго, судя по тому, что ребенку пока не надоело обследовать кровать. Время для того, чтобы что-то предпринять, еще оставалось, а выбора у нее не было.

Промокнув лицо, Кэролайн обогнула кровать и взяла мальчика, от стыда стараясь не заглядывать ему в глаза. Они тоже черные, это было ей хорошо известно. Черные и непроницаемые, как чернильные кляксы. Ребенок оказался намного тяжелее, чем ей представлялось. Она положила его и раздела, сняла все, даже пеленку. Одежки были самыми простыми, но Кэролайн все же опасалась, что они каким-то образом могут навести на ее след. Вещи она сунула в камин, и тряпье, источая зловоние, задымилось на последних тлеющих углях утреннего огня. Кэролайн начала осматриваться и на миг растерялась, но тут ее взгляд упал на подушку в вышитой наволочке. Прекрасная, искусная работа: мастерица изобразила желтые цветы с лепестками, похожими на ленты. Ткань была мягкой и плотной. Кэролайн сняла наволочку и уложила в нее сопротивляющегося младенца. Движения ее были полны нежности, как если бы руки любили ребенка, вопреки тому, что разум не мог вместить любовь. Она взвалила наволочку на спину, будто мешок, и вынесла ребенка: так, должно быть, браконьеры носят кроликов. Лицо ее было мокрым от слез, исторгнутых из самых глубин ее существа. Но нельзя было останавливаться, нельзя было позволить себе снова полюбить его.

На улице шел проливной дождь. Кэролайн поспешно перебежала через лужайку, ощущая боль в спине. По коже головы бежали мурашки: она так и чувствовала на себе взгляды из окон дома. Лишь благополучно оказавшись вне зоны видимости, под деревьями, она перевела дух. Костяшки пальцев, которыми она сжимала наволочку, побелели. Ребенок внутри копошился и покряхтывал, но не кричал. Дождь тек по ее волосам, капал с подбородка. *Но ему никогда не отмыть меня дочиста*, сказала она себе с покорной безнадежностью. Где-то рядом, она знала, был Росный пруд. Чистый пруд в дальнем конце усадьбы, где парк выходил к холмам — оттуда сверху сбегала река, протекавшая через деревню. Река была глубокой, тихой и тенистой. Вода, темная в такие ненастные дни, как сегодня, покрылась рябью от дождя и была готова принять и сохранить любую тайну. Женщина ахнула и задержала дыхание, пораженная пришедшей ей в голову мыслью. Ее пробрала дрожь от холода. Нет, я не смогу,

мысленно взмолилась она. *Не смогу*. Она и так уже лишила это дитя слишком многого.

Кэролайн пошла дальше, не к пруду, но прочь от дома, молясь, чтобы ей представилась возможность найти другой выход. Когда это произошло, она вздрогнула и даже пошатнулась от облегчения. Впереди прямо перед ней, на зеленой опушке леса, выходявшей к дороге, стоял крытый фургон. Рядом пасся стреноженный пони, черный с белым. Из жестяной трубы на крыше фургона стлалась тонкая струйка дыма. *Бродячие лудильщики*, подумала Кэролайн с внезапно вспыхнувшей безумной надеждой. Ребенка обнаружат, подберут, увезут с собой. Она с ним никогда больше не встретится, никогда не увидит его лица, но о нем будет кому позаботиться. Он будет жить.

Ребенок расплакался: дождь промочил наволочку и добрался, наконец, до него. Кэролайн торопливо снова взвалила ношу на плечо и, прячась за деревьями, направилась к дальнему краю опушки, подальше от дома, стараясь запутать следы, чтобы никому не пришло в голову вести поиски в том направлении. Пусть считают, что младенца подбросил кто-то, пришедший по дороге с юга. Она уложила ребенка между узловатыми корнями высокого бука, где было почти сухо, и поспешила прочь, а его крик тем временем становился все громче и настойчивее. *Забирайте его и скорее уезжайте*, заклинала она мысленно.

Кэролайн торопливо углубилась в лес, стараясь двигаться как можно тише, детский крик долго несся ей вслед, пока, наконец, не остался за пределами слышимости. Когда все стихло, она пошла медленнее. Кэролайн стояла неподвижно, разрываясь между желанием вернуться и необходимостью идти дальше. *Никогда больше я его не услышу*, говорила она себе, но эта мысль теперь не приносила облегчения. Другого выхода у нее не было, но сердце словно пронзила игла, острая и твердая, как лед, потому что невозможно уйти от того, что натворила, теперь она это понимала. Невозможно забыть его, это навек останется внутри нее, точно раковая опухоль, а теперь, когда нельзя уже ничего изменить, она не была уверена, что сумеет с этим жить. Кэролайн приложила руку к животу, к тому месту, где — она это подшила — лежало дитя. Она держала руку, пока не ощутила сквозь одежду ее тепло — это было чем-то вроде доказательства того, что она

по-прежнему живет, чувствует, любит и будет любить своего ребенка. Потом она медленно, спотыкаясь, брела к дому, а там поняла (только было поздно, прошли часы), что, раздев младенца и тщательно избавившись от всех примет, она оставила его в наволочке с редкой и приметной вышивкой. Кэролайн долго сидела, уткнувшись лицом в подушку, пытаясь стереть мальчика из памяти.

Глава 1

Как тихо все!
Так тихо, что
смущает
И беспокоит
душу этот
странный,
Чрезмерный
мир.

*Сэмюэль Тэйлор
Кольридж,
«Полуночный
мороз»^[1]*

Что ж, по крайней мере, зима. Мы всегда приезжали сюда только летом, поэтому место казалось немного другим. Не таким нестерпимо знакомым, не таким подавляющим. Стортон Мэнор, мрачный и массивный, в тон сегодняшнему низкому небу. Викторианская, неоготическая громада, окна в каменной декоративной облицовке и с облупленными деревянными рамами, позеленевшими от сырости. У стен кучи сухих листьев и мох, ползущий из-под них вверх, к подоконникам первого этажа. Выбираясь из машины, я тихонько вздохнула. Пока что зима совершенно типичная для Англии. Сырая и грязная. Живые изгороди вдалеке похожи на размытые фиолетовые кровоподтеки. Я сегодня оделась поярче, бросая вызов этому месту, его давящей суровости, хранившейся в моей памяти. Теперь я кажусь себе нелепой, как клоун.

Сквозь лобовое стекло обшарпанного белого «гольфа» я вижу руки Бет у нее на коленях и растрепанные кончики ее длинных, висящих жгутами волос. В них кое-где появились седые пряди — рано, слишком рано. Она буквально рвалась сюда, но теперь сидит как статуя. Эти бледные, тонкие руки, бессильно сложенные на коленях — пассивные, выжидающие. Раньше, когда мы были детьми, волосы у нас обеих были яркими. Сияющие, белокурые волосы ангелов, юных

викингов, чистый цвет, выцветший с возрастом и превратившийся в невыразительный мышинный. Я свои теперь подкрашиваю, чтобы выглядели хоть немного радостнее. Мы все меньше и меньше внешне похожи на сестер. Я вспоминаю Бет и Динни, склонивших друг к другу головы, шепчущихся, как заговорщики: у него волосы такие черные, у нее такие светлые. Тогда меня изводила ревность, а сейчас, в воспоминаниях, их головы кажутся похожими на инь и ян. Друзья — не разлей вода.

Окна в доме пустые, в стеклах темные отражения обнаженных деревьев. Эти деревья сейчас кажутся выше, и они слишком близко подобрались к дому. Нужно их подстричь. Я что, обдумываю, что нужно сделать, поправить? Я собралась здесь жить? Дом теперь наш, все двенадцать спален; высоченные потолки, великолепная лестница, подвальные помещения, каменные плиты пола, отполированные ногами сновавших по ним слуг. Все это наше, но только если мы останемся и будем жить здесь. Мередит всегда этого хотела. Мередит — наша бабушка, ехидная, с костлявыми, сжатыми в кулаки руками. Она хотела, чтобы наша мама привезла нас сюда навсегда, хотела видеть, как она умрет. Наша мама отказалась, была лишена наследства, а мы продолжали спокойно и беспечно жить в Ридинге. Если мы не переедем сюда, имение будет продано, а деньги пойдут на благотворительность. Мередит — посмертный филантроп, странно как-то. Так что пока дом наш, но только на короткое время, потому что я не думаю, что мы сможем здесь жить.

На то есть причина. Когда я пытаюсь четко осознать ее, она исчезает, испаряется, как дымок. На поверхность всплывает только имя: Генри. Мальчик, который пропал, которого просто нет больше. Сейчас, глядя на качающиеся ветки, от которых кружится голова, я думаю, что *понимаю*. Понимаю, почему мы не сможем здесь жить, почему удивительно, что мы вообще сюда приехали. *Я понимаю*. Понимаю, почему Бет сейчас даже не выходит из машины. Я спрашиваю себя, нужно ли мне уговаривать ее выйти, так же, как приходится уговаривать ее поесть. На пространстве отсюда до дома ни травинки — тень слишком глубокая. А может, почва отравлена. Пахнет землей и гнилостными бархатистыми грибами. *Гумус*, всплывает слово из уроков естествознания — целая вечность прошла с тех пор. Тысячи крошечных ртов насекомых, кусающих, работающих, переваривающих

почву. Сейчас момент затишья. Молчит мотор, молчат деревья и дом, и все пространство между ними. Я снова забираюсь в машину.

Бет устала на свои руки. По-моему, она так и не подняла головы, не взглянула на дом. Я вдруг начинаю сомневаться, правильно ли поступила, решив притащить ее сюда. Вдруг становится страшно, что я чересчур с этим затянула, от страха даже начинает крутить живот. У сестры на шее жилы, как веревки, она сложилась на сиденье, угловатая, вся словно на шарнирах. Какая же она стала худая, какой хрупкой кажется. По-прежнему моя сестра, но очень изменилась. Что-то в ней появилось такое, чего я не могу понять. Она совершает непостижимые для меня поступки, я даже представить не могу, о чем она думает. Глаза, которыми она уставилась себе в колени, расширены, взгляд остекленевший. Максвелл хочет снова поместить ее в больницу. Так он сказал мне по телефону два дня назад, а я его за это отругала. Но теперь и сама держусь с ней напряженно, хотя и стараюсь изо всех сил — и ненавижу себя за это в глубине души. Она моя старшая сестра. Ей следовало бы быть сильнее меня. Я глажу ее по руке и весело улыбаюсь.

— Ну что, может, войдем? — спрашиваю. — Я бы выпила чего-нибудь крепкого.

Голос мой звучит слишком громко для такого близкого расстояния. Я представляю себе хрустальные графины Мередит, выстроенные в гостиной. В детстве я, бывало, прокрадывалась туда, разглядывала, как таинственные жидкости преломляют свет, вытаскивала пробки и украдкой нюхала. Как-то это странно, абсурдно — пить ее виски сейчас, когда она мертва. Моя заботливость — это способ показать Бет, что я понимаю: она не хотела сюда возвращаться. Но вот, глубоко вздохнув, она выходит из машины и широкими шагами направляется к дому, так быстро, что я едва за ней поспеваю.

Внутри дом кажется меньше, чем прежде, — так всегда происходит с тем, что ты видел в детстве, — но все равно он огромный. Квартира, которую я снимаю в Лондоне, показалась мне большой, когда я в нее въехала, в ней было ровно столько места, чтобы не приходилось смотреть телевизор сквозь сохнувшее на веревке белье. Сейчас, стоя в гулком обширном холле, я испытываю нелепое желание пройтись колесом. Взволнованные, мы стоим, побросав сумки у

подножия лестницы. Мы впервые приехали сюда одни, без родителей, и это так непривычно, что мы растерялись, как овцы. Наша роль определяется привычкой, памятью и традициями. Здесь, в этом доме, мы дети. Но я обязана это преодолеть, потому что вижу, что Бет еле держится на ногах, а в глазах у нее появляется отчаяние.

— Ставь чайник. Я поищу спиртное, и мы устроим кофе с чем-то покрепче.

— Эрика, еще даже не время обеда.

— И что с того? У нас каникулы, ведь так? — Ох, но это же не так. Совсем не так. Не знаю, как это назвать, но только не каникулы.

Бет качает головой.

— Я просто выпью чаю, — говорит она, направляясь на кухню. Спина у нее узкая, острые плечи торчат сквозь ткань блузки. Я смотрю на нее с тревогой — всего десять дней прошло с тех пор, как я ее видела последний раз, а она явно похудела. Мне хочется обнять ее, прижать, сделать что-то, чтобы ей стало лучше.

Дом холодный и сырой, поэтому я решаю включить отопление, жму кнопки на древней панели, пока в глубине что-то не начинает шевелиться, жалобно ноют трубы, клокочет и бурлит вода. На каминной решетке кучка пепла, в корзинке для мусора в гостиной до сих пор валяются бумажные носовые платки и сладковато пахнет гниющий яблочный огрызок. От этого невольного вторжения в жизнь Мередит мне становится не по себе. Как будто, обернувшись, я вдруг увидела ее отражение в зеркале — кислую гримасу, ненатурально золотые крашенные волосы. Я задерживаюсь у окна, смотрю на зимний сад, путаницу полегших, неухоженных голенастых стеблей. Я помню, как пахли летние месяцы, проведенные здесь: кокосовый крем от солнца; суп из бычьих хвостов на обед, какая бы ни стояла жара; сладкие, густые облака аромата роз и лаванды на террасе; едкий тяжелый дух от жирных лабрадоров Мередит, которые вечно пыхтели, привалившись в изнеможении к моим ногам. Как же все изменилось. Кажется, прошли века, возможно даже, все это вообще было не со мной. По стеклу ползут дождевые капли, я в сотне лет от всего и ото всех. Здесь мы и впрямь совсем одни, Бет и я. Одни, снова в этом доме, в нашем заговоре молчания, после стольких лет, за которые ничего так

и не решилось, за которые Бет отстранялась, понемногу, постепенно, а я увиливала и избегала всего этого.

Первым делом нужно будет привести в порядок все эти вещи, разобраться с баррахлом, скопившимся по углам. В доме столько комнат, столько мебели, столько ящиков и шкафов, и потайных мест. Вообще-то я должна бы затосковать при мысли о предстоящей продаже имущества, о том, что оборвется ниточка семейной истории, связанная с теми годами, со мной и Бет. Но мне не грустно. Может, потому, что по праву здесь все должно было принадлежать Генри. Вот когда оборвалась нить. Я долго наблюдаю за Бет, которая вынимает из ящика кружевные носовые платки и складывает их стопкой себе на колени. Она берет их по одному, разглядывает узор, водит по ткани пальцем. Стопка на коленях не такая аккуратная, как в ящике. Непонятно, зачем она это делает.

— Пойду-ка я пройдуся, — говорю я, поднимаясь с затекших коленей, кусая губы, чтобы прогнать раздражение.

Бет подскакивает, словно забыла о моем присутствии:

— Куда ты уходишь?

— Погулять, я же сказала. Хочу подышать свежим воздухом.

— Ладно, только недолго, — говорит Бет.

Такое у нее тоже нередко бывает — она говорит со мной, как с упрямым ребенком, будто я могу убежать. Я вздыхаю:

— Нет. Двадцать минут. Ноги разомну.

По-моему, она знает, куда я направляюсь.

Ноги сами несут меня. Лужайка неровная, вся в кочках; ноги тонут в этом покрытом рябью море мятой бурой травы. Раньше все было ухожено, тщательно подстрижено. Я думаю, что все здесь стало таким запущенным после смерти Мередит. Ерунда, конечно. Она умерла месяц назад, а сад, по всему видно, заброшен давно, им не занимались долгие годы. Мы и сами забросили его, похоже. Я представления не имею, как она тут управлялась — *если* управлялась, конечно. Где-то в глубине души я помнила о ней все это время. Мама с папой ездили ее навещать каждый или почти каждый год. Мы с Бет не были здесь лет сто. К нашему отсутствию относились с пониманием, как мне кажется, — во всяком случае, расспросами не одолевали. И не настаивали на нашем приезде. Возможно, Мередит хотелось повидать

нас, а может, и нет. Ее было трудно понять. Она не была нежной бабушкой, даже матерью была не слишком ласковой. Наша прабабушка Кэролайн тоже жила здесь, когда росла наша мама. Еще один источник дискомфорта. Мама уехала отсюда при первой же возможности. Мередит умерла в одночасье, от удара. Казалась вечной, не меняющейся древней старухой с тех пор, как я себя помню, — и вдруг ее не стало. Последний раз я видела ее на серебряной свадьбе мамы и папы. Это было не здесь, а в душном отеле с бархатными коврами. Она восседала за столом, как королева, и бросала по сторонам пронзительные холодные взгляды.

Вот и Росный пруд. Там, где был всегда, но зимой выглядит совершенно иначе. Он примостился в углу большого поля, объединенного скотом. Поле расстилается на восток, западнее — лес. Сквозь листву на поле падали пестрые зеленые отцветы. Холодный свет, повторение ветвей, колышущихся на ветру, с поющими в них птичками. Сейчас ветви обнажены, обсижены шумными грачами, которые гомонят, хлопают крыльями. В жаркие июльские дни пруд так и тянул к себе, устоять было невозможно, но под унылым серым небом он кажется плоским, как мелкая лужа. По воде несутся тучи. Я знаю, пруд не мелкий. В дни нашего детства он был огорожен, но несколько полос колючей проволоки не мешали исполненным решимости юнцам. Дело стоило исцарапанных голеней и запутавшихся в проволоке волос. В сияющем свете дня синела зеркальная гладь воды. Пруд казался глубоким, но Динни говорил, что он еще глубже, чем кажется. Он объяснял, что вода обманчива, а я не верила, пока однажды он не нырнул, вдохнув поглубже, и, отчаянно брыкаясь, не начал пробиваться вглубь, вглубь... Я следила, как вода искажает очертания его смуглого тела, как он продолжает бить ногами, даже когда, как мне казалось, уже добрался до светлого дна. Хватая ртом воздух, Динни вынырнул — я ждала на берегу, восхищенная, потрясенная.

От пруда берет начало речка, бегущая через деревню Бэрроу Стортон, вниз от усадьбы по склону широкого холма. Этот пруд врезался мне в память как нечто очень важное для моего детства. Я вспоминаю, как Бет носилась по берегу, когда я в первый раз поплыла. Она бегала взад-вперед, нервничала, потому что была старшей, а берега у пруда крутые, и, если бы я утонула, виноватой бы оказалась она. Я ныряла снова и снова, пытаюсь, как Динни, добраться до дна, но

не доставала, и слышала писклявые угрозы Бет каждый раз, как показывалась на поверхности. Меня выталкивало наверх, как пробку. Такая уж была плавучая, с жирком на щенячьих толстых ногах, с круглым животиком. Бет заставила меня бегать круг за кругом вокруг сада, прежде чем позволила приблизиться к дому: нужно было, чтобы я обсохла, согрелась и перестала клацать зубами, что могло вызвать ненужные расспросы.

Сзади, за голыми деревьями, вдали виднеется дом. В этом есть что-то, чего я никогда раньше не замечала. Летом за кронами деревьев дома не видно, но сейчас он смотрит, ждет. Мне тревожно от мысли, что Бет там одна, но возвращаться пока не хочется. Я иду дальше, перелезаю через калитку и оказываюсь на поле. Пройти это поле, за ним другое, и ты окажешься на круглых уилтширских известняковых холмах — на каждом шагу следы доисторических древностей, а также танков и учебных стрельб. На горизонте виднеется курган, давший название деревне, это захоронение бронзового века, надгробие древнего короля, имя и судьба которого канули в небытие, — плоский, узкий бугор длиной в две легковушки, разрытый с одного конца. Летом король покоится под буйными зарослями заячьего ячменя, крестовника и незабудок, прислушиваясь к несмолкаемому хору жаворонков. А нынче тут только ломкие стебли высохших трав, мертвый чертополох, пустые пакеты от чипсов.

Я стою у кургана и гляжу вниз на деревню, пытаюсь отдышаться после подъема. Движения на улицах почти нет, лишь кое-где из труб поднимаются рваные клочья дыма да кое-кто из жителей, потеплее укутавшись, вышел прогулять собак и проверить почтовый ящик. С этого необитаемого холма кажется, что здесь центр Вселенной. *Чрезмерный мир*, стучат у меня в голове стихи Кольриджа. Я иногда веду беседы о стихах со своими десятилетками. Заставляю читать их медленно, чтобы почувствовали слово, впитывали образы, но они скользят по поверхности, тараторят, как мартышки.

Воздух здесь обжигающий — рвется, расступается вокруг меня, как холодная волна. Я промочила туфли и не чувствую пальцев ног, они онемели. В доме пар десять, а то и двадцать резиновых сапог, я знаю. Стоят в подвале стройными рядами, покрытые паутиной. Однажды — это было ужасно — я сунула босую ногу в сапог, не вытряхнув его предварительно, и почувствовала, что там кто-то

шевелится. Отвыкла я от сельской местности, плохо экипирована, да и не готова менять что-то в этой жизни, на этой почве, недостаточно плодородной, чтобы взрастить что-то хорошее во мне. И все же, если меня спросят, я отвечу, что выросла здесь. Эти летние месяцы, такие долгие и так четко сохранившиеся в памяти, всплывают, словно острова, из моря школьных дней и дождливых уик-эндов, слишком расплывчатых и однообразных, чтобы их вспоминать.

У входа в курган ветер начинает тихо завывать. Я спрыгиваю с каменной ступеньки и налетаю на какую-то девушку. Она ахает, выпрямляется и ударяется головой о низкий потолок, тут же пригибается и обеими руками обхватывает ушибленную голову.

— Черт! Простите! Я нечаянно... не ожидала, что внутри кто-то есть... — Я улыбаюсь.

Тусклый свет падает на девушку, на золотистые тугие кудряшки, связанные на затылке бирюзовым шарфом, на юное лицо и странно бесформенное тело, запеленутое в длинные шифоновые юбки и вязаную шаль. Она поднимает на меня взгляд, но видит, должно быть, только силуэт, черную фигуру на фоне неба.

— С вами все в порядке?

Она не отвечает. В щель в стене, прямо перед ней, заткнуты крошечные яркие букетики, подстриженные стебли аккуратно перевязаны ленточками. Чем она занималась здесь, в такой тишине? Молилась, что ли, как в святилище? Заметив, что я смотрю на ее приношения, она вскакивает, сердито смотрит на меня, проталкивается к выходу, не говоря ни слова. Я соображаю, что ее бесформенность на самом деле — это избыток формы, тяжесть беременности. Очень хорошенькая, очень юная, огромный живот. Выбравшись из кургана, я смотрю на склон, ведущий в сторону деревни, но ее там нет. Она движется в другую сторону — туда, откуда пришла я, к лесу рядом с усадьбой. Идет размашистым шагом, размахивает руками.

В первый вечер мы с Бет ужинаем в кабинете. Такой выбор может показаться странным, но только там есть телевизор. Мы едим пасту, держа подносы на коленях, а вечерние новости составляют нам компанию. Болтать о пустяках у нас не получается, а серьезный разговор пока еще не созрел. Мы не готовы. Я не уверена, что когда-нибудь будем готовы, однако кое о чем мне хотелось бы расспросить сестру. Я подожду, я должна быть уверена, что задаю те вопросы,

которые нужно. Надеюсь, что, если задам правильный вопрос, ей станет легче. Что правда ее освободит. Бет долго гоняет каждый кусок по тарелке, прежде чем подцепить на вилку. Она по нескольку раз подносит вилку к губам, прежде чем сунуть ее в рот. Некоторые куски туда так и не попадают: она их стряхивает, выбирает другие. Я замечаю это все краем глаза, как и то, что ее организм страдает от голода. Телевизионные картинки отражаются в ее мрачных глазах.

— Ты думаешь, это хорошая идея? Позвать Эдди сюда на Рождество? — вдруг спрашивает она.

— Конечно. Почему бы и нет? Мы же задержимся здесь на какое-то время, чтобы разобраться и привести дела в порядок, стало быть, можем остаться и на Рождество. Вместе. — Я пожимаю плечами. — В конце концов, места здесь всем хватит.

— Нет, я хочу сказать... привезти сюда ребенка В это... место.

— Бет, это просто дом. Ему здесь понравится. Он не знает... Ладно. Он будет в восторге, я уверена, — здесь столько закутков и уголков, которые можно обследовать.

— Но все-таки дом такой большой и пустой. Не мрачноват ли? Ему тут может быть одиноко.

— Ну, так предложи ему пригласить друга. Нет, правда! Позвони ему завтра же. Не на все каникулы, конечно. Но кое-кто из работающих родителей был бы просто счастлив получить несколько деньков свободы от своего маленького разбойника, как ты думаешь?

— Гм... — Бет округляет глаза. — Не думаю, что кому-то из мамаш в этой школе приходится работать, чтобы обеспечить себя.

— Работает, значит, только шелупонь вроде тебя?

— Только шелупонь вроде меня, — соглашается Бет невозмутимо.

— Я пошутила, правда. Ведь ты-то как раз настоящая, первый класс. Практически голубая кровь.

— Будет тебе... Ровно в той же мере же, что и ты.

— Нет. Что касается меня, тут аристократизм проскочил через поколение. — Я улыбаюсь.

Однажды, когда мне было десять лет, Мередит сказала мне: *Твоя сестра — настоящая Кэлкотт. У нее наша статья. Ты, Эрика, боюсь, пошла в отца.* Тогда меня это не огорчило, да и сейчас не огорчает. Я не знала наверняка, что означает «статья». Думала, она о моих волосах, которые пришлось коротко остричь из-за того случая с жевательной

резинкой. Как только Мередит отвернулась, я высунула язык, а мама погрозила мне пальцем.

Бет тоже все это отвергает. Она сражалась с Максвеллом, отцом Эдди, и добилась, чтобы сын посещал сельскую начальную школу, маленькую и уютную, с уголком дикой природы в школьном дворе: кораллы и высохшие оболочки стрекозьих личинок, весной первоцветы, потом анютины глазки. Но при переходе Эдди в среднюю школу Максвелл одержал верх. Возможно, к лучшему. Теперь Эдди постоянно живет в пансионе. У Бет есть время, чтобы набраться сил, вернуть блеск своей улыбке.

— Пустоту мы заполним, — уверяю я ее. — Украсим залы. Я разыщу радио. Дом не будет похож на... — Смешавшись, я умолкаю. Сама толком не знаю, что собиралась сказать.

Крошечный телевизор в углу вдруг злобно потрескивает — помехи. Мы обе подсакиваем от неожиданности.

Уже почти полночь, и мы с Бет расходимся по своим комнатам. Это те же комнаты, которые мы обычно занимали, и в них мы находим то же постельное белье, выглаженное и давно полинявшее. Сначала это кажется мне неправдоподобным. Но потом я думаю — к чему менять постельное белье в комнатах, которыми никто не пользуется? Я почти уверена, что Бет тоже еще не спит. Матрас низко проседает, когда я на него опускаюсь: пружины утратили упругость. Спинка кровати из темного дуба, на стене акварель, совсем выцветшая. Лодки в гавани, хотя я никогда не слыхала, чтобы Мередит ездила на взморье. Подхожу к изголовью, скольжу пальцами вниз, пока не нахожу это. Пересохла, покрылась пылью. Это ленточка, которую я там прикрепила, — красная жесткая ленточка, которой был перевязан подарок на день рождения. Я привязала ее там, когда мне было восемь лет и у меня появился настоящий секрет, известный только мне одной. Я могла думать о нем, вспоминать, когда снова начинались занятия в школе. Представлять себе ленточку, остававшуюся невидимой, даже когда в комнате убирали и прислуга входила и выходила. Здесь было нечто, о чем было известно лишь мне, мой след, который я всегда могла найти.

Еле слышный стук, и в дверном проеме показывается лицо Бет. Косы расплетены, волосы лежат свободно, обрамляя лицо, и Бет выглядит моложе. Бет иногда бывает так красива, что у меня даже щемит в груди. В тусклом свете ночника тени падают на ее скулы, под глаза, подчеркивают изгиб верхней губы.

— Как ты тут? Я не могу уснуть, — шепчет она, как будто в доме есть еще кто-то, кого она боится разбудить.

— Я отлично, Бет. Но спать тоже еще не хочу.

— Да? — Она медлит в дверях, колеблется. — Так странно оказаться здесь...

Это не вопрос. Я жду.

— Я чувствую себя как... Чувствую себя немного Алисой в Зазеркалье. Понимаешь, о чем я? Все такое знакомое, а в то же время другое. Будто бы вывернуто наизнанку. Как ты думаешь, почему она завещала нам дом?

— Честно, я даже не представляю. Из-за мамы и дяди Клиффорда, мне так кажется. Знаешь, Мередит была мастерица на такие штучки, — вздыхаю я.

Бет все так же нерешительно топчется на месте, такая хорошенькая, моложавая. Сейчас она такая же, как раньше, как будто время остановилось. Как будто ей двенадцать, а мне восемь, и она пришла будить меня, чтобы я не опоздала на завтрак.

— По-моему, она хотела нас наказать, — мягко произносит Бет с подавленным видом.

— Нет, Бет. Мы же не сделали ничего плохого, — твердо говорю я.

— Разве? А в то лето... Нет. Нет, наверное, нет... — Бет поднимает на меня взгляд, быстрый, испытующий. У меня ощущение, что она пытается что-то разглядеть, понять про меня что-то. — Спокойной ночи, Рик, — шепчет она, используя привычное мальчишечье сокращение от моего имени, и скрывается в коридоре.

Я многое помню о том лете. Последнем лете, когда все было нормально, лете 1986 года. Помню, как Бет была в трансе оттого, что распался «Уэм!». ^[2] Помню, как от жары у меня на груди появились водяные пузыри, они зудели, лопались, если надавить ногтем, и мне от этого становилось тошно. Помню дохлого кролика в лесу, к которому я наведывалась почти каждый день — меня и страшило, и притягивало

то, как он медленно расплывался, терял форму. Мне показалось, что кролик дышит, я ткнула в него палкой, желая убедиться, что он мертв, и поняла, что там двигалось: масса кишачих внутри прожорливых личинок. Я помню, как смотрела по малюсенькому телевизору Мередит свадьбу Сары Фергюсон и принца Эндрю (двадцать третьего июля), ее потрясное платье, которому я до смерти завидовала.

Я помню, как отплясывала под хит Дайаны Росс «Цепная реакция». Помню, как стащила для своего наряда у Мередит одно из ее боа, споткнулась и наступила на него — душ из перьев, — как прятала его в дальнем ящике, как сосало под ложечкой от ужаса — было так страшно, что сознаться я не решилась. Помню журналистов и полицейских, стоящих лицом друг к другу у железных ворот Стортон Мэнора. Полисмены, скрестив руки, томились от скуки и жары в своих форменных мундирах. Репортеры возились с оборудованием, что-то говорили перед камерами и наговаривали на магнитофоны — и ждали, ждали новостей. Помню сверлившие меня глаза Бет, когда полицейский заговорил со мной о Генри, стал расспрашивать, где мы играли, что делали. От него пахло мятными леденцами «Поло», только запах был не сладким, а кислым. Я, кажется, ответила ему, а потом мне стало дурно, и устремленные на меня глаза Бет расширились и куда-то пропали.

Несмотря на воспоминания, я в конце концов крепко засыпаю, едва привыкнув к холодящему прикосновению простыней и к непривычной темноте в комнате. И еще этот запах — не то чтобы неприятный, но вездесущий. Чужие дома всегда пахнут своими обитателями — сочетание мыла, которым они моются, дезодоранта и волос, когда пора мыть голову, духов, кожи, пищи, которую здесь готовят. Несмотря на то что стоит зима, этот запах проникает в каждую комнату, пробуждает воспоминания, будоражит. Один раз я просыпаюсь — мне кажется, что я слышу в доме шаги Бет. А потом мне снится пруд, как я плаваю в нем, пытаюсь нырнуть на глубину, как будто мне нужно непременно достать что-то со дна, но у меня никак не получается. Оторопь от ледяной воды, давление в легких, безумный ужас при мысли о том, что я нащупаю на дне.

Отъезд

1902

Я должна быть стойкой, напомнила себе Кэролайн, тайком наблюдая сквозь опущенные ресницы за своей тетей Батильдой. Пожилая дама методично и тщательно опустошала тарелку, прежде чем вновь заговорить.

— Боюсь, ты совершаешь ужасную ошибку, моя дорогая...

Однако в глазах у тети блеснул отнюдь не испуг. Скорее возмущение или даже удовлетворение, словно она, сколько бы ни утверждала обратное, чувствовала себя победительницей.

Кэролайн смотрела в свою тарелку, где жир, натекший из жаркого, уже застыл неаппетитной коркой.

— Вы и прежде об этом говорили, тетя Батильда. — Голос Кэролайн звучал ровно и почтительно, но все равно тетушка вскинула на нее глаза.

— Если я повторяюсь, дитя мое, то лишь потому, что ты, как мне кажется, не слушаешь меня, — вздохнула она.

Щеки Кэролайн обдало жаром. Она поправила нож и вилку, ощутив в пальцах приятную тяжесть серебра. Чуть пошевелила лопатками. Спина, затянутая в тугий корсет, болела.

— И не ерзай, — добавила Батильда.

Обеденный зал в «Ла Фиорентина» была не в меру светлым, весь в окнах, запотевших от дыхания и пара, поднимавшегося от горячей пищи. Желтый свет играл и отражался в стекле, украшениях, полированном металле. Зима выдалась долгой и суровой, и вот теперь — как раз когда весна начала подумывать, не разразиться ли ей дразнящей неделей птичьего пения, цветущих крокусов и зеленой дымки, окутывающей деревья в парке, — над Нью-Йорком повисли холодные затяжные дожди.

Кэролайн видела свое отражение в зеркалах, каждое ее движение многократно повторялось. Смущенная повышенным вниманием к ее персоне, она зарделась:

— *Я слушаю вас,* тетушка *Я всегда вас слушаю.*

— Насколько я понимаю, *слушала прежде*, потому что была вынуждена. Теперь же, возомнив себя взрослой, ты меня полностью игнорируешь. Принимая самое важное решение в жизни, от которого зависит твое будущее, ты пренебрегаешь моим советом. Что ж, я могу только порадоваться, что моего бедного брата уже нет в живых и он не видит, что я не справилась, упустила его единственное дитя, — прошелестела Батильда с улыбкой мученицы.

— Вы не упустили, тетя, — пробормотала Кэролайн скрепя сердце.

Официант убрал пустые тарелки, подал сладкое белое вино на смену красному, поднос с пирожными. Батильда сделала глоток, оставив на бокале жирный отпечаток губ, а потом выбрала эклер с кремом, отрезала большой кусок, широко раскрыла рот, готовясь его съесть. Мучнисто-бледный двойной подбородок складками лег на кружевной воротник. Вид ее вызывал у Кэролайн отвращение, даже горло сжалось.

— Вы ничего не сделали, чтобы я могла вас полюбить, — прошептала Кэролайн так тихо, что слова потерялись в шуме голосов, стуке ножей и вилок. В воздухе висели запахи жареного мяса и супа, приправленного карри.

— Не бубни, Кэролайн. — Батильда покончила с эклером и вытерла крем, оставшийся в уголках губ.

Недолго. Теперь уж недолго, повторяла про себя Кэролайн. *Не тетя, а настоящая крепость, подумала она со злобой, пирамида хороших манер и богатства, а что внутри? Чаще всего там сытная пицца и херес. И уж конечно, никакого сердца, любви, душевного тепла.* Кэролайн чувствовала, что вот-вот взорвется.

— Мистер Мэсси хороший человек... из уважаемой семьи... — начала она спокойным, рассудительным тоном.

— Моральные качества мужчины — вещь ненадежная. Корин Мэсси сделает из тебя простую рабочую лошадку. Ты не будешь с ним счастлива, — перебила ее Батильда. — Да разве может он тебя осчастливить? Он *ниже* тебя. Намного ниже... и по размеру состояния, и по воспитанию — во всех отношениях.

— Вы же едва с ним знакомы! — воскликнула Кэролайн.

Батильда бросила на нее испытующий взгляд:

— Будет ли мне позволено напомнить, что и ты *едва с ним знакома*? Разумеется, тебе исполнилось восемнадцать, ты можешь считать себя независимой, но не заслуживаю ли я уважения хотя бы за то, что тебя вырастила? Заботилась о тебе, учила...

— Вы растили меня на деньги, оставленные моими родителями. Вы выполнили свой долг, — довольно резко возразила Кэролайн.

— Не прерывай меня. Мы носим уважаемое имя, которое может обеспечить тебе хорошую партию здесь, в Нью-Йорке. И вдруг ты собираешься замуж за... *крестьянина*. И собираешься бросить всё и всех, кого знаешь, чтобы жить невесть где, в глуши. Нет, я в самом деле потерпела неудачу, упустила тебя, это очевидно. Мне не удалось привить тебе уважение, здравый смысл и правила приличия, несмотря на все усилия.

— Но я никого здесь не *знаю*, тетя. Почти... Только вас, — печально заметила Кэролайн. — А Корин не крестьянин. Он владелец крупного скотоводческого хозяйства, очень преуспевающего. Его дело...

— Его *дело*? Его *дело* — оставаться в глухомани, а не рыскать здесь, не охотиться за впечатлительными юными девицами.

— У меня достаточно денег. — Кэролайн упрямо подняла подбородок. — Бедствовать мы не будем.

— Нет, сначала не будете. Первые два года. Но понравится ли тебе жить на доходы фермера? И поглядим, надолго ли хватит твоего состояния, когда он получит к нему доступ, а потом доберется до игорных притонов!

— Не говорите так. Он хороший человек. И он любит меня, и... и я люблю его, — решительно выпалила Кэролайн. *Он ее любит*. Девушка, подумав об этом, не могла сдержать улыбки.

Делая Кэролайн предложение, Корин сказал, что полюбил ее с первой минуты, когда они встретились месяц назад на балу, который Монтомери давали по случаю окончания сезона перед началом Великого поста. Это был первый выезд Кэролайн в свет, и она сразу позавидовала другим девушкам, которые держались так свободно. Они танцевали и смеялись, вели оживленные разговоры. Кэролайн, вынужденная прогуливаться по залу рука об руку с Батильдой, чувствовала себя крайне неуютно. Она старалась ни с кем не

заговаривать, опасаясь, что тетя станет ее поправлять или прилюдно выбранит. Корин все изменил...

Для бала у Монтгомери Кэролайн выбрала шелковое бежевое платье и изумруды своей матери. Ожерелье, холодное и тяжелое, обвивая ее изящную шею, прикрывало декольте, а глубокий цвет камней оттенял серые глаза Кэролайн, заставляя их искриться.

— Вы выглядите как императрица, мисс, — восхищенно произнесла Сара, расчесывая светлые волосы Кэролайн и собирая их в высокую прическу. Упершись коленом в табурет, она затянула шнурки корсета. Талия Кэролайн была предметом зависти сверстниц, и Сара всегда мучила ее, стараясь затянуть как можно туже. — Ни один мужчина перед вами не устоит.

— Ты думаешь? — спросила Кэролайн, едва дыша. Сара, темноволосая и улыбчивая, была, пожалуй, единственной, кого Кэролайн могла назвать подругой. — Боюсь, однако, что все они устоят перед тетушкой.

Кэролайн вздохнула. Батильда уже отпугнула не одного молодого человека, который казался ей недостойным ее племянницы.

— Тетя возлагает на вас большие надежды, мисс, вот и всё. Но с тем, кто на вас женится, она будет любезна, вот увидите, — утешила Сара.

— Если так и дальше пойдет, я вообще ни за кого не выйду и буду до конца дней слушать тетино ворчание, что я не оправдала ее надежд!

— Чепуха! Появится подходящий кандидат и завоюет вашу тетушку, если это будет нужно, чтобы получить вас. Вы только взгляните на себя, мисс! Да вы всех там затмите, я вам верно говорю, — улыбалась Сара.

Кэролайн встретила с ней глазами в зеркале. Подняв руку, она пожалала пальцы девушки, ища ободрения.

— Ну, полно! Все будет хорошо, вот увидите, — успокоила ее Сара и потянулась к туалетному столику за пудрой и румянами.

Кэролайн, скромная, безупречная светская девушка, спускалась по парадной лестнице в ярко освещенный бальный зал. Кругом блестели драгоценности, то и дело слышался смех, витали ароматы вина и душистой помады для волос. По залу разносился неясный шум

голосов, то приветливых, то веселых, то завистливых. От Кэролайн не ускользнуло, что ее наряд оценили по достоинству, ожерельем восхищались, а над тетушкой посмеивались. Дамы бросали на Кэролайн заинтересованные взгляды, вполголоса отпускали комментарии, прикрываясь тонкими пальчиками и черепаховыми мундштуками. Сама Кэролайн была немногословна, говорила ровно столько, сколько требовали приличия, — по крайней мере, эту черту тетя всегда в ней одобряла. Она улыбалась и аплодировала вместе со всеми, когда Гарольд Монтгомери представил гостям гвоздь программы: шампанское, лившееся каскадом в поставленные пирамидой бокалы. Вино, как всегда, брызгало и переливалось через край, ножки бокалов стали мокрыми и оставляли пятна на перчатках дам.

Было жарко и душно. Кэролайн стояла, попивая кислое вино, от которого становилось легче дышать, и чувствовала, как от пота чешутся руки. В каминах трещал огонь, в канделябрах сияли сотни электрических свечек, таких ярких, что можно было разглядеть, как расплылась красная помада на морщинистых губах Батильды. Но тут прямо перед ними возник Корин, и Кэролайн едва расслышала, как Монтгомери представлял его; открытый, доброжелательный взгляд незнакомца ее заморозил. Она смутилась, а он, тоже покраснев, произнес первые свои слова, обращенные к ней:

— Здрасьте, как поживаете? — словно они были старыми друзьями, встретившимися за партией в вист.

Он схватил руку Кэролайн в вышитой перчатке, как будто хотел пожать, но, осознав свою оплошность, резко разжал пальцы, и рука девушки бессильно упала на юбки.

— Прошу прощения, мисс... я... эээ... Вы меня простите? — забормотал Корин, опустив голову, а потом скрылся в толпе.

— Какой *удивительный* молодой человек! — язвительно воскликнула Батильда. — И *где* только вы его отыскиали, Чарли?

Черные волосы Чарли Монтгомери блестели, как клеенка, и отбрасывали блики, когда он поворачивал голову.

— О, не обращайтесь внимания на Корина. Он просто немного отвык от всего этого. Это мой дальний родственник. Его родители живут здесь, в Нью-Йорке, а сам он вот уже несколько лет как

переселился на запад, в Оклахому. Вернулся в город на похороны отца, — пояснил Чарли.

— Просто *поразительно*, — повторила Батильда. — Я и подумать не могла, что встречаются молодые люди с подобными манерами.

В ответ на это Чарли лишь неопределенно улыбнулся. Бросив взгляд на тетку, Кэролайн поняла: ей даже невдомек, какую неприязнь она вызывает у окружающих.

— Что случилось с его отцом? — обратилась она к Чарли, и сама удивилась своему интересу.

— Он был в одном из поездов, которые в прошлом месяце столкнулись в туннеле на Парк Авеню. Кошмар, что там творилось, — ответил Чарли, поморщившись. — Сообщают о семнадцати погибших, около сорока человек ранено.

— Какой ужас! — ахнула Кэролайн.

Чарли покивал, соглашаясь.

— Пора уже, чтобы поезда работали на электричестве. Все должно быть автоматизировано. Тогда не будет риска, что машинист заснет и опять произойдет трагедия.

— Но как может работать автомат, если никто не будет им управлять? — заинтересовалась Кэролайн, но тут Батильда вздохнула, показывая, что заскучала, Чарли Монтгомери извинился и откланялся.

Кэролайн всматривалась в толпу, пытаясь рассмотреть отливающую бронзой шевелюру незнакомца. Она вдруг поймала себя на мысли, что сочувствует ему — из-за его утраты и из-за того, как неловко он схватил ее за руку под убийственным, беспощадным взглядом Батильды. Страшная боль от потери близкого родственника — о, как это было ей близко, она сочувствовала ему всей душой. Задумавшись, Кэролайн рассеянно сделала глоток из бокала. От вина, нагревшегося в руке, защипало в горле. Девушка внезапно почувствовала тяжесть изумрудов у себя на груди и шелковистую ткань платья на бедрах, вся ее кожа словно жаждала прикосновений. Когда минуту спустя Корин, оказавшись рядом, пригласил ее на танец, она приняла приглашение молча, просто кивнув; сердце колотилось так, что она не могла говорить. Батильда не сводила с Корина цепкого взгляда, которого молодой человек не заметил, так как даже не взглянул на нее, чем дал ей повод воскликнуть:

— Подумать только!

Молодые люди кружились в медленном вальсе, и, размышляя, почему Корин выбрал именно этот танец, Кэролайн пришла к выводу, что причиной тому его неловкие движения и то, как робко, неуверенно он держал партнершу. Она неопределенно улыбалась, и сначала они не разговаривали. Затем Корин обратился к ней:

— Прошу простить меня, мисс Фитцпатрик. За давешнее и за то... боюсь, я не очень искусный танцор. Прошло уже порядочно времени с тех пор, как я имел честь присутствовать на подобном торжестве или танцевать с кем-то, столь... эээ...

Он смешался, и Кэролайн улыбнулась в ответ, потупив глаза, как ее учили. Но долго не смотреть на него она не могла. Его рука жгла ей спину, словно его ладонь и ее кожу ничто не разделяло. Внезапно она почувствовала себя обнаженной, это привело ее в замешательство и взволновало. Лицо Корина покрывал загар, на усах и бровях словно задержались лучи солнца, окрасив их в теплые тона. Волосы были причесаны, но не набриолинены, выгоревшая на солнце прядь упала на бровь, вызвав у Кэролайн желание поправить ее. Он смотрел на нее светло-кариими глазами, и ей почудилось, что она видит в них радость.

Когда танец закончился и Корин предложил ей руку, чтобы отвести на место, тонкая ткань перчатки зацепилась за огрубевшую кожу его ладони. Повинуясь внезапному порыву, Кэролайн развернула его ладонь к себе и стала рассматривать, дотрагиваясь большим пальцем до мозолей, сравнивая ширину его и своей кисти. Ее рука казалась детской, и она было уже собралась сказать ему об этом, но вовремя остановилась, представив, как неприлично это прозвучало бы.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, мистер Мэсси? — спросила она.

— Да... благодарю вас, совершенно здоров. Здесь немного душно, вы не находите?

— Подойдем к окну, там свежее. — Девушка взяла его за руку, чтобы пробиться сквозь толпу гостей. Воздух и в самом деле был спертым, тяжелым от пота и дыхания, дыма, музыки и голосов.

— Благодарю, — промолвил Корин. Высокие створчатые окна были наглухо закрыты, защищая дом от холодной февральской ночи, и все же холод проникал сюда, исходил от самих стекол, создавая прохладный оазис для тех, кто изнемогал от жары. — Непривычно

видеть столько народу под одной крышей. Удивительно, как быстро человек отвыкает от подобных вещей.

Он дернул плечом — жест слишком резкий, небрежный, не соответствующий его вечернему костюму.

— Я никогда не выезжала из Нью-Йорка, — вырвалось у Кэролайн. — Не считая, конечно, нашего загородного дома на побережье... То есть я хотела сказать...

Но она и сама не знала, что именно хотела сказать. Что он казался ей чужестранцем, фигурой почти мифической — оставил цивилизацию, выбрал жизнь в неизведанных краях...

— Вам не хотелось бы путешествовать, мисс Фитцпатрик? — спросил Корин, и она почувствовала, что между ними происходит что-то необычное. Осторожные шаги навстречу, нечто вроде разведки.

— Ах, вот ты где, моя дорогая. — На молодых людей налетела Батильда. Казалось, она заметила эти шаги даже издалека. — Идем же, я представлю тебя леди Клеменс.

Кэролайн ничего не оставалось, как последовать за тетей, но, обернувшись, она успела посмотреть на Корина и слегка приподняла руку, прощаясь...

— Не выставляй себя на посмешище, милочка. — Батильда перебила размышления Кэролайн, заставив ее вернуться в настоящее, за обеденный стол в «Ла Фиорентине». — Ты ведешь себя как влюбленная школьница! Я тоже читала *роман* мистера Уистера,^[3] и мне совершенно очевидно, это из-за него голова у тебя забита романтическими бреднями. Не могу представить другой причины, по которой можно решиться выйти за *скотовода, ковбоя*. Но ты еще поймешь, что «Виргинец» — это вымысел писателя, выдумка, не имеющая отношения к действительности. И разве не читала ты также об опасностях и дикости, о трудностях жизни в тех краях?

— Там теперь все не так. Корин рассказывал мне. Он говорит, что эти края прекрасны, что там в каждой травинке виден перст Божий... — На это Батильда презрительно фыркнула. — Да и сам мистер Уистер признает, что дикая эпоха, описанная им, осталась в далеком прошлом. Вудворд — процветающий город, Корин говорит...

— Вудворд? Просто неслыханно — *Вудворд!* В каком это штате?

— Я... не знаю... — призналась Кэролайн и плотно сжала губы.

— Он не принадлежит ни одному штату в составе Соединенных Штатов, вот почему ты этого не знаешь! Клочок ничьей земли в краю дикарей и неотесанных мужланов. Да-да, я слышала, что к западу от Додж-сити невозможно встретить леди — только *женщин* самого дурного пошиба Ни одной леди! Можешь себе представить, что это за *богопротивное* захолустье?

Грудь Батильды, стесненная винно-красным платьем, ходила ходуном. Она залилась краской до самых корней седых волос, собранных в пышную прическу. Да она непритворно *взволнована*, с удивлением поняла Кэролайн. Батильда в самом деле разнервничалась.

— Разумеется, там есть леди! Я уверена, что эти слухи сильно преувеличены, — заговорила Кэролайн.

— Не понимаю, почему ты так уверена, если ничего не знаешь. Что ты можешь об этом знать, Кэролайн? Ты еще дитя! Да он что угодно бы тебе рассказал, чтобы заполучить такую прекрасную, богатую жену. А ты веришь каждому слову! Ты оставляешь семью, родной дом и отказываешься от всех планов на будущее. Меняешь это на жизнь в неизвестности, без общества, без комфорта.

— Мне будет там хорошо, — настаивала Кэролайн.

Спустя неделю после бала Корин пригласил Кэролайн покататься на коньках в Центральном парке вместе с Чарли Монтгомери и его сестрой Дианой, которые тактично держались на расстоянии. Февраль подходил к концу, и небо было странного желтовато-белого цвета, так что кружащиеся в воздухе снежинки сперва казались черными, затем становились белыми на фоне голых деревьев и лишь после этого опускались на землю.

— В детстве я всегда побаивался кататься здесь. Мне было страшно, что лед подо мной проломится, — признался Корин, неуверенно семеня по льду. Его движения скорее напоминали ходьбу, чем катание.

— Вам не о чем тревожиться, мистер Мэсси. В начале зимы почти всю воду откачивают, чтобы промерзло насквозь, — улыбнулась в ответ Кэролайн.

Мороз щипал кожу. Щеки у девушки покраснелись, изо рта вырывались рваные облачка белого пара Кэролайн сунула руки в перчатках в карманы шубки и описала вокруг Корина большой плавный круг на коньках.

— У вас прекрасно получается, мисс Фитцпатрик. Куда лучше, чем у меня!

— Мама всегда меня сюда водила, когда я была маленькой девочкой. Но я давным-давно не каталась. Батильду это не интересует.

— Где теперь ваша матушка? — осведомился Корин, неуклюже размахивая руками в попытке сохранить равновесие. Снег напал на поля его шляпы.

— Мои родители умерли восемь лет назад, — сказала Кэролайн, останавливаясь прямо перед Корином, который тоже притормозил. — Случился взрыв на фабрике... Вечером, когда они ехали домой. Обрушилась стена, и... их экипаж засыпало.

Она говорила тихо. Корин протянул было руки, словно желая обнять ее, но тут же уронил их.

— Какое страшное несчастье. Примите мои соболезнования, — произнес он.

— Чарли рассказал мне о вашем отце, и я тоже соболезнаю, — ответила Кэролайн, гадая, обратил ли Корин, как она, внимание на то, насколько схожи кошмарные обстоятельства, при которых оба они лишились родителей.

Опустив голову, она рассматривала свои коньки. Пальцы на ногах онемели от холода.

— Идемте-ка, мистер Мэсси, надо подвигаться, пока мы не замерзли в лед! — позвала она и протянула руку.

Корин с улыбкой взял девушку за руку. Она потянула его за собой, и молодой человек со страдальческим выражением лица поковылял за ней, спотыкаясь, как ребенок, едва начавший ходить.

Когда на льду стало совсем тесно от катающихся, они пили горячий шоколад в павильоне. Сидя за столом, наблюдали в окно за юркими мальчишками, неумоимо снующими среди взрослых. Кэролайн заметила, что совсем не чувствует зимнего холода, как это бывало обычно. Возможно, ее согрело то, что рядом был Корин — казалось, в его присутствии кровь бежит быстрее.

— У вас поразительные глаза, мисс Фитцпатрик, — произнес Корин, смущенно улыбнувшись. — В самом деле, они сияют на фоне снега, будто серебряные доллары! — воскликнул он.

Кэролайн не представляла, что на это ответить. Она не привыкла к комплиентам и в смятении принялась рассматривать свою чашку.

— Батильда говорит, что глаза у меня холодные. Она сокрушается, что я не унаследовала синих глаз моего отца, — выговорила она наконец, медленно помешивая шоколад.

Но Корин, протянув палец, коснулся ее подбородка, и Кэролайн показалось, что ее ударили электрическим током.

— Ваша тетушка глубоко заблуждается, — сказал он.

Предложение Корин сделал спустя три недели, когда в парках начал таять лед, а линияемое небо стало чуть ярче. Он зашел к ним во вторник днем, зная, что застанет Кэролайн одну, так как тетя в этот день всегда играла в бридж у леди Атвелл. Когда Сара проводила гостя в гостиную, кровь бросилась Кэролайн в лицо, в горле пересохло, а когда она поднялась навстречу гостю, ноги были ватными и непослушными. Крепкая смесь радости и страха, действуя с каждым разом все мощнее, совершенно лишала ее сил, как только она видела молодого человека. Вот и теперь из головы вылетели все слова. Сара, закрывая дверь, радостно и ободряюще улыбнулась хозяйке.

— Как мило, что вы заглянули, — удалось наконец выдавить Кэролайн. Голос дрожал, руки тряслись. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Вместо ответа Корин, вертя в руках шляпу, заговорил было, но смешался и оттянул пальцем воротничок, как будто тот его душил. Кэролайн сжала руки, пытаясь унять дрожь, и ждала, изумленно глядя на него.

— Не... не хотите ли присесть? — предложила она после паузы.

Корин посмотрел на нее и, кажется, на что-то решился.

— Нет, я не буду садиться, — объявил он, поразив Кэролайн резким тоном.

Некоторое время они смотрели друг на друга, не зная, как выйти из положения. Затем двумя широкими шагами Корин пересек комнату, взял лицо Кэролайн в ладони и поцеловал ее. Его прикосновение настолько ошеломило Кэролайн, что она даже не попыталась остановить его или отодвинуться, как следовало, — она это знала. Ее поразила мягкость губ Корина и то, какие они были горячие. Кэролайн не могла дышать, у нее кружилась голова.

— Мистер... мистер Мэсси... — пробормотала она, когда он отстранился, по-прежнему держа в ладонях ее лицо и вглядываясь в

него с необычной серьезностью.

— Кэролайн... едемте со мной. Будьте моей женой, — проговорил он.

Кэролайн не хватало слов, чтобы ответить.

— А вы... любите ли вы меня? — спросила она наконец. Сердце отчаянно колотилось, пока она ожидала его ответа, тех самых слов, которые так мечтала услышать.

— Разве вы не догадываетесь? Не видите? — недоверчиво переспросил он. — Я люблю вас с первой минуты, как вас увидел. С самой первой минуты, — прошептал он.

Кэролайн прикрыла глаза, испытывая невыразимое облегчение.

— Вы улыбаетесь, — заметил Корин, проводя пальцем по ее щеке. — Означает ли это, что вы согласны... или вы просто смеетесь надо мной?

Он тревожно улыбнулся, и Кэролайн, взяв его руку свои, прижала ее к лицу:

— Это означает, что я стану вашей женой, мистер Мэсси. Это означает, что... я хочу этого больше всего на свете, — выдохнула девушка.

— Со мной вы будете счастливы, — пообещал Корин, снова целуя Кэролайн.

Батильда отказалась объявлять о помолвке своей племянницы с Корином Мэсси. Она наотрез отказалась помочь ей в подготовке приданого, покупке одежды для путешествия, упаковке кожаных саквояжей в дорогу. Вместо этого она наблюдала за Кэролайн, аккуратно укладывающей сшитые на заказ юбки годе, вышитые английские блузки с длинным рукавом.

— Ты, я полагаю, считаешь себя эмансипированной женщиной, если так ужасно себя ведешь. Вылитая девушка Гибсона,^[4] — заметила она.

Кэролайн не стала отвечать, хотя тетины слова так и жалили ее, попадая в цель. Она завернула в синий бархат украшения и убрала сверток в свой объемистый несессер. Позже она разыскивала Батильду по всему просторному дому в Грэмерси Парк и наконец обнаружила ее сидящей в лучах весеннего солнца, такого яркого, что оно будто счистило с пожилой женщины ее годы. Кэролайн снова попросила

объявить о ее помолвке. Ей хотелось, чтобы все было сделано по правилам, официально, как следует, но ее мольбы натыкались на глухую стену.

— Праздновать решительно нечего, — отрезала Батильда, — я счастлива, что меня здесь не будет и не придется краснеть, отвечая на вопросы. Я возвращаюсь в Лондон и остановлюсь у кухни моего дорогого последнего супруга, к которой я всегда питала и питаю глубокую взаимную приязнь и уважение. Здесь, в Нью-Йорке, меня ничто не держит.

— Вы возвращаетесь в Лондон? Когда же? — спросила Кэролайн более кротким тоном. Она с горечью подумала, что, несмотря на все их размолвки, тетушка Батильда была ее единственной родственницей, последней оставшейся в живых из всей ее семьи.

— В следующем месяце, когда станет теплее.

— Ясно... — протянула Кэролайн. Она сцепила пальцы и что есть силы сжала.

Батильда, подняв взгляд от книги, которую якобы читала, взглянула на нее почти враждебно.

— Полагаю, после этого мы почти не будем видеться, — прошептала Кэролайн.

— Разумеется, дорогая моя. Но это произошло бы, даже останься я в Нью-Йорке. Вы ведь намерены удалиться далеко за пределы тех краев, куда я могла бы спокойно отправиться. Я оставлю тебе свой адрес в Лондоне, и ты, конечно, можешь писать мне. Вероятно, на ферме ты найдешь себе компанию по сердцу. В окрестностях будут и другие фермерские жены, я уверена, — заявила тетя, едва улыбнувшись, после чего вновь погрузилась в чтение.

Кружевной воротничок душил Кэролайн. Ей вдруг стало страшно, она не знала, подойти к Батильде или бежать от нее.

— Вы никогда не выказывали ко мне любви, — прошептала она тихо, сдавленным голосом. — Почему же вас так удивляет, что я привязалась к тому, кто мне ее предложил?

И она покинула комнату прежде, чем Батильда успела ее высмеять.

Итак, Кэролайн вышла замуж, но никто не благословил ее, а на свадьбе не было ни одного родственника с ее стороны. На ней было платье из тончайшего белого муслина с широкой полосой

гофрированных кружев на груди, кружевным воротником и манжетами. Волосы были уложены в прическу, которую удерживали гребни из слоновой кости, в ушах блестели жемчужные сережки, единственное украшение. Она отказалась от румян и, посмотрев в последний раз в зеркало, увидела, что очень бледна. Хотя погода была совсем не жаркой, Кэролайн повесила на запястье шелковый веер своей матери и нервно сжимала его всю дорогу до небольшой церкви в Верхнем Ист-Сайде, расположенную по соседству с домом, где Корин жил в детстве. Служанка Сара одиноко сидела на скамье на стороне невесты, и Кэролайн, входя в церковь, мучительно захотелось увидеть рядом с ней своих родителей. На Корине были взятый напрокат костюм и галстук, волосы аккуратно зачесаны назад, щеки гладко выбриты, в нескольких местах заметны порезы. Проходя вдоль ряда к своему месту, он нервно поправлял воротничок, но, едва встретившись глазами со встревоженным взглядом Кэролайн, улыбнулся и замер, как будто его ничто больше не волновало. Мать и два старших брата Корина, присутствовавшие на церемонии, серьезно и сосредоточенно наблюдали за тем, как новобрачные в присутствии священника приносят друг другу обеты. Миссис Мэсси все еще носила траур. Хотя она была ласкова со своей новой невесткой, боль недавней утраты мешала ей в полной мере радоваться происходящему. Шел дождь, в церкви было тихо и темно, пахло мокрой кирпичной пылью и свечным воском. Кэролайн это не беспокоило. Ее мир сократился настолько, что вмещал только мужчину, стоявшего перед ней, мужчину, державшего ее руку, пожиравшего ее глазами и клявшегося ей в верности. Их руки соединились пред Господом, и Кэролайн охватил такой восторг, что она, не в силах вместить его, разразилась счастливыми слезами, а Корин вытирал их кончиками пальцев и целовал ее. С ним она наконец сумеет начать новую, настоящую жизнь.

Однако, к ужасу молодой жены, Корин на другой же день собрал вещи и приготовился уехать из Нью-Йорка.

— Первую брачную ночь мы проведем *дома*, в доме, который я построил для нас, а не тут, где пока еще продолжается траур по отцу. Я же приехал на похороны и не думал, что найду себе жену, — улыбался он, целуя ей руки. — Мне необходимо кое-что уладить, подготовить дом к твоему приезду. Хочу, чтобы там все было идеально.

— Все и будет идеально, Корин, — уверила его Кэролайн, до сих пор не привыкшая называть мужчину — любого мужчину — просто по имени. Его поцелуи жгли ей кожу, у нее сбивалось дыхание. — Пожалуйста, разреши мне тоже поехать с тобой.

— Дай мне месяц, всего месяц, любимая. Выезжай через четыре недели, к тому времени я все приготовлю. У тебя будет время проститься с друзьями, а у меня — похвастаться всем моим знакомым, что я женат на самой красивой девушке в Америке. — Корин был убедителен, и жена согласилась, хотя с его отъездом даже небо, казалось, потемнело.

Кэролайн нанесла визиты нескольким школьным подругам, желая попрощаться, но одних не заставала дома, другие были заняты и не могли ее принять. Поняв наконец, что стала персоной *non grata*, она просидела четыре недели дома, страдая от тяжелой молчаливой атмосферы, царящей в доме, упаковывая и перепакующая багаж, строча Корину письмо за письмом и глядя в окно, откуда открывался вид на недавно возведенный дом Фуллера^[5] — клиновидное чудовище, возносившееся в небо на высоту почти трехсот футов. Кэролайн поверить не могла, что люди способны возвести такую громаду. Глядя на него, она чувствовала себя крохотной, и в сердце закрадывались первые сомнения. С отъездом Корина ей начало казаться, что его здесь никогда и не было, что все это ей просто приснилось. Кэролайн крутила на пальце обручальное кольцо и хмурилась, гоня прочь подобные мысли. Но что такого ужасного могло случиться, возьми он ее с собой? Что он хочет скрыть от нее — уж не сожаление ли о скоропалительной женитьбе? Сара чувствовала, как страдает хозяйка.

— Теперь уж недолго, мисс, — говорила она, подавая чай.

— Сара... побудь со мной, ладно?

— Конечно, мисс.

— Как ты думаешь... как ты думаешь, у нас все будет хорошо? Там, в Оклахоме? — тихо спросила Кэролайн.

— Разумеется, мисс! Я, правда, не знаю... Никогда не бывала в тех краях, но мистер Мэсси будет о вас заботиться, мисс, я уверена. Он не потащит вас куда-то против воли, если вы не захотите, это уж точно, — уверяла ее Сара.

— Батильда говорит, мне придется работать. Пока я не вступлю в права наследства, я буду... женой фермера.

— Ну да, мисс, но ведь не простого фермера...

— Работать — это очень трудно? По дому и вообще? Ты так хорошо справляешься с хозяйством, Сара... тебе трудно? — теребила Кэролайн служанку, стараясь прогнать тревогу.

Сара смотрела на нее со странным, смешанным выражением удивления, жалости и легкого презрения.

— Работа может быть и трудной, мисс, — ответила она как-то неуверенно, — но вы же будете хозяйкой дома! Вы сможете все в доме поставить по-своему, и, я уверена, у вас будет помощь. Ой, да не беспокойтесь так, мисс! Конечно, вам придется привыкать к жизни, непохожей на здешнюю, но вы будете счастливы, я уверена.

— Да. Буду счастливой, правда? — улыбнулась Кэролайн.

— Мистер Мэсси вас любит, а вы любите его, как же можете вы не быть счастливы?

— Да, я люблю его, — подтвердила Кэролайн с глубоким вздохом и крепко пожала Саре руку.

— Я *так* за вас рада, мисс. — Голос Сары дрогнул, в глазах блеснули слезы.

— О, не надо, Сара, прошу тебя! Как бы хотела я, чтобы и ты поехала со мной! — вскрикнула Кэролайн.

— И я бы хотела, мисс, — тихо поговорила Сара, вытирая глаза уголком фартука.

Когда наконец пришло письмо от Корина, со словами любви и просьбой набраться терпения и подождать еще совсем чуть-чуть, Кэролайн читала и перечитывала его по двадцать раз на дню, пока не выучила наизусть. Письмо поддерживало, вселяло в нее бодрость. Когда подошли к концу четыре недели, она, прощаясь, поцеловала Батильду в щеку в красных прожилках, надеясь увидеть хоть намек на сожаление в тетушкиных глазах. Но провожала ее только Сара, безутешно проплакавшая всю дорогу рядом с юной хозяйкой, пока гнедые лошади цокали копытами по оживленным улицам.

— Не знаю, как я тут буду без вас, мисс. Не знаю, зачем мне этот Лондон, — рыдала девушка.

Кэролайн взяла ее за руку и крепко сжала, слишком взволнованная, чтобы вымолвить хоть слово. Только оказавшись перед локомотивом, неистово изрыгавшим пар и дым, и почувствовав, как

ноздри ее наполнились запахами горячего железа и угля, она поняла наконец, что в ее жизни начинаются перемены, что ей предстоит изведать радость путешествия. Кэролайн зажмурилась, поезд тронулся, и под его громкий, торжественный гудок старая ее жизнь закончилась и началась новая.

Глава 2

Брат моей матери, дядя Клиффорд, и его жена Мэри хотят взять старый бельевой шкаф из детской, круглый столик в стиле королевы Анны из кабинета и коллекцию миниатюр в стеклянной витрине у подножия лестницы. Я не уверена, что Мередит именно это имела в виду, когда говорила, что ее дети могут взять по *сувениру*, но мне, в сущности, плевать. Осмелюсь предположить, что до конца недели в грузовике Клиффорда окажутся и многие другие вещи, но, хотя это разозлило бы Мередит, меня это не волнует. Дом, конечно, великолепный, но все же это не Чатсуорт.^[6] Антиквариата, место которому в музее, здесь нет, разве что пара картин. Просто большой старый дом, полный старых вещей, возможно ценных, но нелюбимых. Наша мама попросила только семейные фотографии, все, какие найду. Я люблю ее за эту сдержанность, а также порядочность и доброту.

Надеюсь, Клиффорд пришлет достаточно грузчиков. Шкаф для белья — настоящая громадина. Он занимает всю дальнюю стену в детской: акры французского красного дерева с башенками и резными карнизами, целый миниатюрный замок для хранения крахмала и нафталина, со скрипучей лесенкой, ступеньки которой стонут и прогибаются подо мной. Я стягиваю с полок хрусткие стопки накрахмаленного белья и бросаю на пол. Они плоские и тяжелые, когда они падают на пол, качаются картины. Повсюду летает пыль, у меня свербит в носу, а в дверях появляется Бет: пришла посмотреть, что за разгром я тут устроила. Тут столько всего. Целые «поколения» простыней, достаточно истертых, чтобы их заменить, но еще не настолько, чтобы выбросить. Некоторых стопок, похоже, никто не касался десятилетиями. Я вспоминаю экономку Мередит, поднимающуюся по ступенькам со стопками белья, ее морщинистые красные щечки и некрасивые широкие ладони.

Опустошив шкаф, я задумываюсь, как поступить со всем этим бельем. Пожалуй, можно отдать в благотворительную организацию. Но сейчас мне совсем не хочется распахивать все по черным пластиковым мешкам, перетаскивать в машину и партиями отвозить в соседний городок Дивайзес. Я начинаю складывать стопки белья у

стены, при этом в глаза мне бросается узор, единственное цветное, хоть и бледное, пятно среди всей этой белизны. Желтые цветы. Три наволочки с желтыми цветами и зелеными стеблями, вышитыми в каждом углу. Шелковые нити до сих пор блестят на солнце. Я вожу пальцем по аккуратным стежкам, ощущая, какой мягкой стала ткань от времени. Что-то мелькает в голове, что-то, что я знаю, но никак не могу вспомнить. Видела ли я их прежде? Цветы похожи на дикорастущие, страшно знакомые, но я не могу вспомнить, как они называются. И таких наволочек только три. Во всех остальных комплектах, кроме этого, по четыре. Кидаю их обратно в стопку, набрасываю сверху еще белье. И, заметив, что хмурюсь, старательно разглаживаю лоб.

Клиффорд и Мэри — родители Генри. Были родителями Генри. Они были в Сан-Тропе, когда он пропал, и пресса обошлась с ними несправедливо, раздув из этого целую историю. Как будто они оставили ребенка с чужими людьми или вообще бросили дома одного. Наши родители тоже так делали. Мы часто приезжали сюда и оставались на все школьные каникулы, и так было много лет — мама и папа на две-три недели уезжали без нас. В Италию, где они совершали долгие прогулки, или на Карибские острова — покататься на яхте. Я любила и боялась, когда они уезжали. Любила, потому что Мередит не особенно за нами следила, никогда не искала нас, даже когда мы пропадали часами. Мы носились как угорелые, наслаждались свободой. А боялась, потому что иногда Мередит вспоминала о том, что отвечает за нас. Мы должны были находиться при ней. Ужинать с ней, отвечать на ее вопросы, выдумывая, как получше соврать. Я никогда не думала, что бабушка мне не нравится или что я ее не люблю. Слишком была мала, чтобы так рассуждать. Но, когда возвращалась мама, я бежала к ней со всех ног и обнимала, вцепляясь в юбку.

Бет не отпускала меня от себя, когда родители уезжали. Если она и уходила вперед, то одну руку всегда держала чуть сзади, растопырив длинные пальцы и всегда ожидая, что я вот-вот ухвачусь за них. Если этого не происходило, сестра останавливалась, оглядывалась через плечо, проверяя, не отстала ли я.

Однажды летом Динни решил построить дом на высоком буке в дальнем конце леса. Он пропал там целыми днями и запретил нам

выслеживать его. Погода стояла пасмурная, поверхность Росного пруда, слишком холодного, чтобы купаться, покрылась рябью. Мы затевали в пустующей спальне игры с переодеванием, возводили в оранжерее замки из пустых горшков, в саду на верхней лужайке устроили тайник в тисовом кусту, подстриженном в форме шара. Спустя несколько дней солнце вновь показалось из-за туч, и мы опять мы увидели Динни. Он махал нам рукой, и Бет заулыбалась, а глаза у нее сияли.

— Он готов, — сообщил Динни, как только мы подошли.

— О чем ты? — заинтересовалась я. — Ну, говори же скорей!

— Сюрприз, — вот и все, что он сказал, улыбаясь так же застенчиво, как и Бет.

Мы поспешили за ним следом через лес, и я все тараторила, рассказывала ему о нашем укромном месте среди тисовых кустов. Но тут я увидела его и замолчала. Один из самых больших буков, с гладким серебристым стволом и складками коры там, где отходили ветки, как на сгибе локтя или колени. Я и прежде видела, как Динни забирался на него, ловко подтягиваясь, и сидел среди светло-зеленой листвы у меня над головой. Сейчас там, в вышине, где дерево начинало ветвиться, Динни соорудил широкую площадку из крепких досок. Сделал стены из старых мешков из-под удобрений. Ярко-голубые мешки, прибитые гвоздями к деревянному каркасу, раздувались и пузырились, как паруса. Путь к этой цитадели был отмечен прочными веревочными петлями и деревянными чурбачками, приколочеными к стволу и образующими что-то вроде перил. В наступившей тишине я слышала, как шелестят мешки на ветру.

— Ну как? — Динни сложил на груди руки и искоса взглянул на нас.

— Просто потрясающе! Это самый лучший дом на дереве, который я только видела! — воскликнула я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Здорово! Неужели ты все сам построил? — спросила Бет. Она все еще улыбалась, запрокинув голову и рассматривая голубой дом.

Динни кивнул.

— Забирайтесь и посмотрите — внутри он еще лучше, — бросил он, подходя к подножию дерева и хватаясь за нижний брус.

— Ну, давай же, Бет! — подтолкнула я сестру, когда она заколебалась.

— Ах так? — рассмеялась Бет. — Давай-ка ты первая, Эрика, я тебя подсажу на первую ветку.

— Нужно придумать ему имя! Ты должен его назвать, Динни! — тараторила я, поддергивая юбку и запихивая ее в штанишки.

— Может, Сторожевая башня? Или Гнездо ворона? — предложил он.

Мы с Бет согласились: Гнездо ворона — название что надо. Бет посадила меня на нижний сук, я встала на него, ободрив рантом сандалий зеленый, похожий на пудру налет, но до следующей петли дотянуться не сумела. Кончиками пальцев я цеплялись за край петли, вот она, совсем рядом и в то же время слишком далеко, чтобы ухватиться как следует. Динни тоже забрался на нижний сук и подставил мне колено, так что я дотянулась до петли, но не сумела закинуть ногу.

— Слезай, Эрика, — скомандовала наконец, Бет, когда я, красная и взмокшая, уже чуть не плакала.

— Нет! Я хочу наверх! — Я протестовала, но сестра покачала головой.

— Ты слишком мала! Слезай! — настойчиво повторяла она.

Динни убрал колено, спрыгнул с дерева, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я сползла вниз на землю и уныло молчала, уставившись на свои дурацкие коротенькие ноги. Я ободрала коленку, но была так подавлена, что даже не обратила внимания на липкую струйку крови, текущей по коже.

— Бет, тогда ты? Полезешь наверх? — спросил Динни, и я совсем пала духом, поняв, что сейчас останусь одна и так и не увижу чудесного дома на дереве.

Однако Бет тряхнула головой.

— Нет, раз Эрика не может, — твердо сказала она.

Я посмотрела на Динни, но тут же снова отвернулась, сжавшись от горького разочарования, которое заметила в его глазах, от того, что улыбка исчезла с его лица. Динни прислонился к стволу, сложил руки на груди.

Бет чуточку поколебалась, как будто не зная, что сказать. Потом снова протянула мне ладонь:

— Идем, Рик. Нам нужно идти и вымыть тебе ногу.

Через два дня Динни снова позвал нас, и на этот раз ствол бука был весь утыкан петлями и ступеньками. Бет спокойно улыбнулась Динни, а я вскочила на первую ступеньку этой шаткой лестницы, поглядывая на плывущий в вышине дом, к которому мне предстояло вскарабкаться.

— Осторожно, — выдохнула Бет, прикусив пальцы, когда я, оступившись, покачнулась.

Она поднималась следом за мной, сосредоточенно хмурясь и стараясь не смотреть вниз. Вместо двери болталась занавеска из мешковины. Внутри Динни разложил мешки, набитые соломой. Мы увидели деревянный стол из ящика, букетик купыря в молочной бутылке, колоду карт, несколько комиксов. Самое лучшее место из всех, где я когда-либо бывала. Мы сделали надпись и прибили внизу: *«Гнездо ворона. Посторонним вход воспрещен»*. Мама смеялась, когда увидела эту табличку. Мы проводили в шалаше долгие часы, парили в шелестящих зеленых облаках, над которыми виднелись лоскутки ясного синего неба. Мы устраивали там пикники вдаль от Мередит и Генри. Я боялась, что Генри все испортит, если поднимется в шалаш. Меня волновало то, что он бесцеремонно вторгнется в наше волшебное место, высмеет его, разрушит чары. Но по счастливейшему для нас стечению обстоятельств оказалось, что Генри боится высоты.

В моей памяти Генри всегда крупнее меня, всегда старше. Ему было одиннадцать, а мне семь. Тогда эта разница казалась непреодолимой. Он был *большим мальчиком*. Он был шумным и любил распоряжаться. Он заявил, что я должна его слушаться. Он подлизывался к Мередит, которая всегда больше любила мальчиков. Он сопровождал ее, когда изредка Мередит решала прогуляться по лесу, и неоднократно помогал осуществлять ее мерзкие замыслы. Генри... Мясистая шея и скошенный подбородок, темно-русые волосы, светлые голубые глаза — когда он щурился, они превращались в противные буравчики, — бледная кожа, а летом облупленный нос. Он, как я теперь понимаю, был из тех детей, которые больше похожи на маленьких взрослых. Посмотришь на такого — и сразу поймешь, каким он будет, когда вырастет. Черты его лица уже оформились, им предстояло увеличиться, но не измениться. Он, мне кажется, был весь

как на ладони: неинтересный, необаятельный. Впрочем, говорить так несправедливо. У него не было шанса опровергнуть мое мнение.

У Эдди лицо пока еще детское, и мне оно нравится. Ничем не примечательный мальчишка с острым носом, волосы хохолком, из школьных шорт торчат тощие ноги с шишковатыми коленками. Мой племянник. На платформе он обнимает Бет, слегка смущаясь, потому что в поезде едут его одноклассники, они машут ему в окно, одобрительно поднимают большой палец. Я с окоченевшими руками жду у машины — и улыбаюсь, когда Бет с сыном подходят поближе.

— Привет, Крошка Эдди! Эддерино! Эддиус Великий! — Я обнимаю племянника и прижимаю к себе, приподнимая от земли.

— Тетя Рики, я теперь просто Эд! — протестует он несколько раздраженно.

— Все поняла. Прости. А ты не говори мне *тетя* — я чувствую себя столетней старухой! Забрасывай назад свой рюкзак и поехали, — отвечаю я, преодолевая искушение еще подразнить его. Эду уже одиннадцать. Возраст, в котором навсегда остался Генри. Еще ребенок, но уже достаточно взрослый, чтобы обижаться на поддразнивание. — Как прошла поездка?

— Скучно. Если не считать того, что Эбсомом запер Маркуса в туалете. Он орал там всю дорогу — было весело, — сообщает Эдди. От него пахнет школой, и запах, острый и кисловатый, заполняет машину. Грязные носки, карандашные стружки, цементный раствор, чернила, залежавшиеся черствые сэндвичи.

— Весело, что и говорить! Две недели назад меня вызывали в школу из-за того, что этот красавец запер в классе учительницу рисования. Они подперли дверь шкафчиками! — громко и радостно сообщает Бет, переглянувшись со мной.

— Это *не я* придумал, мам!

— Ты только помогал, — парирует Бет. — А если бы там случился пожар или еще что-то? Бедняжка несколько часов просидела взаперти!

— Ну... тогда не надо запрещать пользоваться в школе мобильниками, вот! — заявляет Эдди с улыбкой.

Перехватив его взгляд в зеркале заднего вида, я подмигиваю.

— Эдвард Мэлкотт Уокер, я просто в шоке, — беспечно комментирую я.

Бет смотрит на меня с упреком. Я должна помнить, что мне не следует принимать сторону Эдди против нее, даже в таких, казалось бы, мелочах. Мы не можем объединяться с ним против Бет ни на секунду. Она уже обижается.

— Это новая машина?

— В общем, да, — отвечаю я ему. — Старый-то мой «жучок» накрылся в конце концов. Подожди, Эд, ты еще дома не видел. Это просто монстр.

Но когда мы приближаемся и я в предвкушении оглядываюсь, он кивает, подняв брови. Заметно, однако, что зрелище не особенно впечатлило его. Тогда мне приходит в голову, что наши хоромы, возможно, не больше флигеля в его школе. Вероятно, усадьба даже меньше, чем дома большинства его одноклассников.

— Я так счастлива, что у тебя каникулы, сынок, — говорит Бет, снимая с Эдди рюкзак.

Он улыбается, глядя на нее искоса: явно немного сконфужен. Со временем он вытянется и перегонит мать — уже сейчас он ей по плечо.

Я показываю Эдди окрестности, пока Бет изучает табель с оценками. Я веду племянника вверх на курган, по унылому лесу, оттуда к Росному пруду. Он где-то нашел длинную палку и со свистом рассекает ею воздух, рубит траву и глухую крапиву. Сегодня потеплело, но очень сыро. В воздухе висят мелкие капельки мороси, над головой постукивают голые ветки.

— Почему его так называют — Росный пруд? Это же и не пруд вовсе. — Эдди, низко присев на своих худющих голенастых ногах, тычет в берег палкой. По воде идет рябь. Карманы джинсов у него набиты разными сокровищами. Парнишка — суцая сорока, но этот этап никого не минует. Старые английские булавки, каштаны, подобранные на земле осколки сине-белого фарфора.

— Отсюда берет начало река. Давным-давно исток углубили, сделали этот пруд, что-то вроде водохранилища А Росный пруд, наверное, потому, что в него собирается роса.

— А плавать в нем можно?

— Мы раньше плавали — Динни, твоя мама и я. Хотя, знаешь, я что-то не припомню, чтобы твоя мама хоть раз зашла на глубину. Вода

в пруду всегда холоднющая.

— У родителей Джейми есть классное озеро, в нем можно плавать. Настоящий бассейн, только не воняет хлоркой, нет кафеля, ну, ты понимаешь... Там растут водоросли, все такое, но он чистый.

— Здорово, наверное. Но не в это время года, как считаешь?

— Да уж, пожалуй. А кто такой Динни?

— Динни... это был мальчик, с которым мы вместе играли.... Когда мы были детьми и приезжали сюда. Его семья жила по соседству. Вот мы и... — Я умолкаю.

Почему разговор о Динни так смутил меня? Динни... Его руки с квадратными ладонями, такие умелые. Смеющиеся темные глаза из-под челки, копна волос, в которую я однажды, пока он спал, натыкала ромашки, трясаясь от еле сдерживаемого смеха и собственной дерзости. От того, что я так близко и дотрагиваюсь до него.

— Он любил приключения. Однажды он построил нам потрясающий дом на дереве...

— Можно на него посмотреть? Он все еще там?

— Хочешь, пойдем проверим? — предлагаю я.

Эдди расплывается в улыбке, убегает вперед на несколько шагов и, прицелившись в тощее деревце, сражает его палкой, как двуручным мечом.

Постоянные зубы у Эдди еще не окончательно встали на место. Кажется, они борются за положение во рту. Между ними большие щели, а два зуба наезжают друг на друга. Скоро им предстоит скрыться за брекетами.

— Я не расслышала, что кричали тебе другие ребята, — кричу я.

Эдди строит гримасу.

— Цветок в горшке, — нехотя сознается он.

— Что за *фигня*?..

— Ну, это довольно противно... Хочешь, чтобы я рассказал?

— Давай-ка колись. Никаких секретов между нами. — Я улыбаюсь.

Эдди вздыхает:

— Мисс Уилтон держит у себя на столе маленький горшок с растением — я не знаю точно каким. У мамы тоже такое есть — с темно-лиловыми цветами и волосатыми листьями, помнишь?

— По описанию похоже на африканскую фиалку.

— Кто ее знает. Ну, она один раз наказала нас, заставила сидеть в классе вместо обеда. И я сказал, что так хочу есть, что готов сожрать что угодно. А Бен меня начал подначивать, что я не съем ее цветок. Ну и...

— Ты его съел? — Я поднимаю бровь, на ходу складываю на груди руки.

Эдди пожимает плечами, но видно, что он горд собой.

— Не *весь*. Только цветы.

— *Эдди!*

— Не рассказывай маме! — хихикает он и снова бежит вперед. — Какое у тебя было прозвище в школе? — кричит он, обернувшись ко мне.

— Вообще-то, никакого. Просто Рик. Я всегда была самой младшей, бегала за старшими хвостиком. Динни иногда звал меня Щенок.

У нас с Эдди отношения ближе, чем обычно у теток с племянниками. Я жила с ним два месяца, пока Бет выздоравливала, пока ей *оказывали помощь*. Непростое это было время, мы были предупредительны, не ссорились и во всем друг другу уступали, вели себя нормально. Долгих разговоров по душам мы не вели. Не изливали друг другу душу, не откровенничали. Эдди тогда был слишком мал, а я чересчур замкнута. Но нас объединяли страх за Бет, постоянное чувство тревоги, печали и замешательства. Мы оба с ума сходили и понимали это. Оно-то нас и сблизило — то тяжелое время. Мы с Максвеллом, отцом Эдди, взволнованно спорили вполголоса за закрытыми дверями, потому что не хотели, чтобы мальчик услышал, как отец называет его мать *недееспособной*.

Все, что осталось от дома на дереве, — несколько досок, потемневших и зеленых, скользких на вид. Они похожи на сгнившие обломки кораблекрушения.

— Ну что ж, он знал и лучшие времена, — грустно констатирую я.

— Ты же можешь его заново отстроить. Я помогу, хочешь? — Эдди старается меня подбодрить.

Я улыбаюсь:

— Можем попытаться. Но в любом случае дом годится только для лета, сейчас в нем холодно и грязно, так что нужно все обдумать.

— Почему вы перестали сюда ездить? Навещать прабабушку? — Невинный вопрос — бедняга Эдди, он хочет разрядить обстановку. Ну и выбрал что спросить.

— О... знаешь... просто мы, когда подросли, стали ездить всюду с родителями. Да я и не помню.

— Но ты же сама говорила, что люди навсегда запоминают важные события своего детства. Ты мне так сказала, когда я получил приз на конкурсе чтецов.

Я, конечно, имела в виду приятные воспоминания. Но Эдди получил этот приз, когда я жила с ним, в те два месяца И мы тогда оба, не сговариваясь, подумали об одном: Эдди никогда не забудет, как вернулся из школы домой и обнаружил Бет в ужасном виде. Увидев, как эта мысль отразилась на его лице, я только прикрыла глаза и пожалела, что не могу вернуть вылетевшие слова.

— Вот видишь, лишнее доказательство того, что это не было так уж важно, понимаешь? — отвечаю я небрежно. — Пошли, тут еще полно всего интересного.

Мы идем обратно к дому и, спасаясь от начавшегося дождя, ныряем в оранжерею. Оттуда, вымокнув до нитки, мы двигаемся короткими перебежками от укрытия к укрытию, от старой конюшни к каретному сараю, заваленному хламом и побелевшему от птичьего помета. Задрав головы, мы считаем ласточкины гнезда потолочные балки облеплены ими, будто древесными грибами. Эдди находит топорик с лезвием, покрытым ржавчиной.

— Класс! — выдыхает он, описывая в воздухе широкую дугу.

Я ловлю его за запястье, большим пальцем провожу по лезвию, убеждаюсь, что оно не чересчур острое.

— Будь с ним крайне осторожен! — Я смотрю ему прямо в глаза. — И не носи его в дом.

— Не буду, — обещает мальчишка, снова взмахивает топориком — и улыбается, слушая, как свистит разрубаемый воздух.

Становится темнее, дождь усиливается. За дверью каретного сарая уже течет, пузырясь, грязный ручей.

— Пойдем-ка домой, пора уже. Твоя мама начнет беспокоиться, куда мы пропали.

— Давай покажем ей дом на дереве и скажем, что можем его восстановить. Спросим, что она об этом думает. Как ты думаешь, она

захочет работать с нами?

— Я не знаю, Эд. Ты же знаешь, как она легко простужается в такую погоду, — отвечаю я. У нее нет никакой защиты от зимней стужи. Ни полноты, ни мускулатуры, ни толстой кожи.

Когда мы являемся на кухню, Бет снова печет пирожки с мясом. Раскатывает тесто, вырезает кусочки, кладет начинку, отправляет в духовку, снимает с противня. Она начала печь вчера, готовясь к приезду Эдди, и конца, похоже, не видно. Кухонный стол засыпан мукой и обрезками теста, заставлен пустыми лотками из-под фарша. Запах просто божественный. Раскрасневшаяся Бет вынимает из духовки очередную порцию, ставит противень на исцарапанную столешницу. Она уже заполнила пирожками все коробки для печенья, миски и подносы. А еще несколько пакетов убрала в древнюю морозилку в подполе. Я хватаю пару пирожков, один протягиваю Эдди. Обжигаю язык начинкой.

— М-м... сказочно вкусно, — говорю я вместо приветствия.

Бет отвечает улыбкой, которая становится шире, когда она поворачивается к сыну. Подойдя, она целует Эдди в щеку и оставляет бледные мучные отпечатки у него на рукавах.

— Ты просто молодец, сынок. Все учителя, похоже, тобой довольны, — обращается она к мальчику.

Я беру со стола табель, сдуваю муку и перелистываю.

— Кроме, кажется, мисс Уилтон, — добавляет Бет.

Та самая. Африканская фиалка.

— Что она преподает? — спрашиваю я, и Эдди поеживается.

— Французский, — мычит он с набитым ртом.

— Она пишет, что ты работал не в полную силу, и если бы постарался, то мог добиться куда больших успехов, — продолжает Бет, держа Эдди за плечи и не давая ему улизнуть. Он пожимает плечами. — И еще: тебя в этом семестре *трижды* наказывали, оставляли после уроков! Что это значит?

— Французский *жутко* скучный! — заявляет Эдди. — А мисс Уилтон *жутко* строгая. И несправедливая, честно! Один раз наказала меня за то, что Бен бросил мне записку. Я, что ли, был в этом виноват?

— Ну, постарайся быть повнимательнее, хорошо? Французский язык — важный предмет... да, важный! — настаивает Бет, когда Эдди

закатывает глаза. — Вот я разбогатею, уйду на пенсию и перееду на юг Франции, что ты будешь делать, не зная языка?

— Буду кричать и тыкать во все пальцем, — отважно предполагает Эдди.

Бет сурово поджимает губы, но потом прыскает со смеху. Смех у нее мягкий, глубокий — как редко я его слышу. Сейчас она не может сдержать его, спасибо Эдди.

— Можно мне еще пирожок? — спрашивает он, понимая, что победил.

— Бери. А потом отправляйся в ванную, грязнуля!

Эдди хватает два пирожка и пулей вылетает из кухни.

— Захвати наверх свой рюкзак, — кричит Бет ему вдогонку.

— У меня руки заняты! — вопит в ответ Эдди.

— Скажи уж, просто лень, — тихо комментирует Бет, глядя на меня, и улыбается чуть виновато.

Потом мы смотрим фильм. Бет свернулась калачиком на диване рядом с Эдди, между ними большущая миска с попкорном. Взглянув на сестру, я замечаю, что она почти не смотрит на экран. Повернув голову, она положила подбородок на плечо Эдди и довольно жмурит глаза. У меня внутри что-то разжимается, будто ледышка тает в камине. Суббота и воскресенье пролетают незаметно — поход в кинотеатр в Дивайзесе, приготовление уроков за кухонным столом, пирожки. Эдди или возится в каретном сарае, или обследует пустую конюшню, размахивая топориком. Бет безмятежна, хотя немного рассеянна. Печь она перестает, когда заканчивается мука, и подолгу стоит у окна, наблюдает за Эдди со слабой, отсутствующей улыбкой.

— Я могу взять его во Францию на будущее лето, — говорит она, не отрывая взгляда от окна.

Я подаю ей чашку чаю.

— Мне кажется, ему там понравится, — отвечаю я.

— Например, в Дордонь. Или в долину Ло. Мы бы поплавали в речке.

Меня радует, что она строит планы на будущее. Меня радует, что она загадывает на целый год вперед. На миг я кладу подбородок ей на плечо, следую за ее взглядом, устремленным в сад.

— Я же говорила, что ему здесь понравится, — замечаю я. — У нас будет замечательное Рождество.

Волосы у Бет чуть пахнут мятой, и я перекидываю их ей на спину, расправляю, провожу рукой, приглаживая их.

Вечером в воскресенье Максвелл приезжает за сыном. Я зову Бет, открываю ему дверь и, пока она не появилась, показываю ему первый этаж и варю кофе. Максвелл развелся с Бет пять лет назад, когда ее депрессия набирала обороты, а вес стремительно снижался. Он объяснил, что больше так не может и что нельзя растить ребенка в такой обстановке. Так что он ее бросил и почти сразу же снова женился — на маленькой, пухлой и пышущей здоровьем женщине по имени Диана. Белоснежные зубы, кашемир, превосходный маникюр. Женщина без излишних сложностей. Мне всегда казалось, что депрессия Бет пришла Максвеллу как нельзя кстати. Но он вовсе не злодей. Просто познакомился с Бет в хорошие времена, вот и все. Она тогда была само изящество — грациозная, застенчивая красавица, напоминающая лебедя или лилию. А Максвелл оказался другом до первой беды. Сейчас с его серого плаща на пол капает вода, но никакая непогода не может погасить отблеск богатства на его волосах, обуви, коже.

— Замечательное место, — говорит Максвелл и делает глоток обжигающе-горячего кофе с хлюпающим звуком, который я не переношу.

— Да, мне тоже так кажется, — соглашаюсь я и протягиваю руки к плите. Мне трудно было делать вид, что Максвелл мне нравится, даже когда он был моим родственником. Сейчас это почти невозможно.

— Потребуется много работы, конечно. Но возможности просто огромные, — заявляет он.

Свое состояние Максвелл сколотил на недвижимости, и я задумываюсь, и не без злорадства, сильно ли отразился на нем финансовый кризис. Огромные возможности. Точно так же он говорил и про коттедж неподалеку от Эшера, который Бет купила после развода. Он на все смотрит глазами застройщика, но Бет решила сохранить разбухшие деревянные двери и камин, которые не желают разгораться, пока не откроешь окна. Ее устраивает полуразруха.

— Вы уже решили, что будете с ним делать?

— Пока нет. Мы с Бет еще об этом не говорили.

На его лице мелькает раздражение. Ему не по душе, когда деликатность мешает здравому смыслу.

— А ведь это наследство может сделать вас обоих богатыми...

— Вот только мы должны остаться здесь. Жить здесь. Я не уверена, что нам с сестрой этого хочется.

— Ну, не обязательно же занимать весь дом. А вы не думали поделить его на отдельные квартиры? Конечно, потребуется сделать проект, но это не проблема. Вы бы заняли одну квартиру, и платить не нужно, а остальные сдавали бы в многолетнюю аренду. Сумасшедшая прибыль, и условия завещания будут соблюдены.

— Работа обойдется в десятки тысяч... — Я качаю головой. — А про кризис ты не забыл? Мне казалось, жилищное строительство сейчас парализовано?

— Да, сейчас отрасль испытывает временные затруднения, но пройдет два-три года, и... людям всегда будет нужно жилье. — Максвелл кивает в такт своим словам. — Вам потребуются инвесторы. Я мог бы помочь. Я и сам мог бы заинтересоваться...

Я смотрю, как он с интересом оглядывает комнату, как будто строит планы, прикидывает, измеряет. Это вызывает у меня приступ отвращения.

— Спасибо. Я скажу Бет. — Я говорю таким тоном, что становится ясно: разговор окончен.

Максвелл сверлит меня взглядом, но на время умолкает. Он пристально смотрит на натюрморт с фруктами на противоположной стене, потом откашливается, прочищает горло, и я уже знаю, каким будет следующий вопрос.

— Ну, а как там Бет?

— Нормально. — Я нарочно отвечаю так неопределенно.

Снова раздражение на его лице, морщины на лбу обозначаются резче.

— Прекрати, Эрика. Когда я видел ее на прошлой неделе, мне показалось, что она опять похудела. У нее снова начались странности?

Я стараюсь не думать о пирожках. О сотнях пирожков с мясом.

— Что-то не замечала, — лгу я. Лгу чудовищно. Сестре снова все хуже, и хотя я точно не знаю причины, зато могу уверенно сказать, когда это началось, когда она вновь стала слабеть. Это произошло,

когда умерла Мередит и со своей смертью вернула этот дом в нашу жизнь.

— Так где же она?

— Понятия не имею. Может, ванну принимает.

— Следи за ней, — буркает он. — Я не хочу, чтобы Эдди встречал здесь Рождество, если снова начнется та же история. Он этого просто не заслуживает.

— *История* не начнется. По крайней мере, если ты не собираешься забрать у нее Эдди, — рывкаю я.

— Я не говорю, что хочу отнять у нее Эдди. Речь о том, что лучше для моего сына, и...

— Для него лучше проводить как можно больше времени с матерью. И ей важно, чтобы он был рядом. Она всегда чувствует себя лучше...

— Я не позволю использовать Эдварда — он не лекарство для его матери!

— Я не это имела в виду!

— Я согласился, чтобы Эдвард приехал сюда только при условии, что ты, Эрика, постоянно будешь рядом и не спустишь с него глаз. Бег уже показала, какой непредсказуемой, нестабильной может быть. И не стоит прятать голову в песок, этим делу не поможешь, ты и сама понимаешь.

— Смею надеяться, что я знаю свою сестру, Максвелл, и она *не* нестабильна...

— Вот что, Эрика, я вижу, что ты стоишь за нее горой, и это достойно восхищения. Но это не игрушки. Если Эдвард застанет Бет в один из худших ее моментов, это может неблагоприятно сказаться на всей его дальнейшей жизни. И я не собираюсь этого допускать! Это не должно повториться.

— Бога ради, говори тише.

— Послушай, я же просто хочу...

— Я знаю, чего ты хочешь, Максвелл, но ты не в силах изменить то, что Бет является матерью Эдди. Люди несовершенны, и Бет не исключение. Но она прекрасная мать, она обожает Эдди, и если бы ты, для разнообразия, обратил на это внимание, вместо того чтобы следить, выжидать и вопить «*Передайте опеку отцу!*» каждый раз, как она *чуть оступится*...

— *Чуть оступится* — это слишком мягкое выражение, ты не находишь, Эрика?

И я едва могу поднять на него взгляд, потому что он прав.

В этот момент до нас доносится шум, и мы с Максвеллом испепеляем друг друга взглядами. В коридоре появляется Эдди, неловко помахивая рюкзачком с вещами, слева направо. Рюкзак крутится на тоненьком запястье.

— Эдвард! — с широкой улыбкой восклицает Максвелл и спешит навстречу сыну, чтобы обнять и тут же отпустить.

Мне приходится потрудиться, чтобы найти Бет. В доме сегодня мрачно, как и в окружающем мире. Воскресный день в разгар зимы, когда солнце едва приподнимается над горизонтом и вскоре уже ползет обратно. Я хожу от двери к двери, обнаруживаю, что они открыты, заглядываю внутрь, вдыхаю затхлый запах комнат, которые долго стояли запертыми. Несколько часов назад мы завтракали за длинным столом на кухне. Поздний завтрак. Бет была весела, она просто сияла. Она приготовила нам какао, разогрела в печи круассаны. Слишком веселая, подозрительно сияла, запоздало понимаю я. Я не заметила, как она соскальзывает вниз. На ходу я щелкаю выключателями, но большая часть лампочек перегорела. Наконец я нахожу ее сидящей на подоконнике в одной из спален верхнего этажа. Оттуда сквозь грязное, исполосованное дождем окно ей видна серебристая машина у входа.

— Максвелл приехал, — сообщаю я неизвестно зачем. Бет не обращает на меня внимания. Она берет двумя пальцами за нижнюю губу, прижимает ее к зубам и что есть силы кусает. — Бет, Эдди уезжает. Тебе нужно выйти попрощаться. Пошли. И Максвелл хочет с тобой поговорить.

— Я не буду с ним говорить. Не хочу его видеть. И не хочу, чтобы Эдди уезжал.

— Я понимаю. Но это же не насовсем. И не можешь же ты отпустить Эдди, не обняв на прощание.

Бет поворачивает голову, смотрит на меня. Она кажется такой усталой. Усталой и грустной.

— Пожалуйста, Бет. Они ждут... нам нужно спуститься.

Бет тяжело вздыхает и слезает с подоконника, двигается она медленно, нерешительно, словно под водой.

— Я ее нашла! — Мой бодрый голос звучит слишком громко. — Этот дом так велик, что можно потеряться.

Бет и Максвелл не обращают на меня внимания, но Эдди растерянно улыбается в ответ. Как бы я хотела, чтобы сестра умела притворяться, хоть иногда. Показать, что может держать себя в руках. А я сейчас просто готова стукнуть ее за то, что она неспособна предстать перед Максвеллом в наилучшем свете. Стоит перед ним со сложенными руками, утопая в бесформенном кардигане. Бет не боролась, когда Максвелл ее бросил. Расстались они «полюбовно» — именно с такой формулировкой согласились обе семьи.

Полюбовно. Нет ничего *полюбовного* в том, как Бет стоит сейчас здесь, суровая, с серым лицом. Они не прикасаются друг к другу.

— Рад видеть тебя, Бет. Хорошо выглядишь, — врет Макс.

— Ты тоже.

— Слушай, ты не возражаешь, если я привезу Эдди назад в субботу, а не в пятницу? Просто в пятницу вечером у Мелиссы школьный рождественский концерт, и мы хотели бы пойти на него вместе, правда, Эд?

Эдди дергает плечом, но кивает. Бедняга мог бы давать уроки дипломатии. У Бет искривляется рот. Для нее мучительны любые упоминания о теперешней семье Максвелла, невыносима каждая лишняя секунда, которую Эдди проводит там. Но просьба справедлива, и она тоже старается быть справедливой.

— Конечно. Разумеется, без проблем, — говорит она.

— Отлично. — Максвелл улыбается, улыбка мимолетная, деловая.

Воцаряется тишина, только «шарк-шарк-шарк» шуршит рюкзак Эдди, качаясь, как маятник.

— У вас, наверное, большие планы на эту неделю? — спрашивает Максвелл.

— Не особенно. Разобрать старое детское барахло, подготовиться к Рождеству, — весело отвечаю я. Бет молчит.

— Что ж, пожалуй, пора в путь, как ты думаешь, Эд? — Максвелл подталкивает сына к дверям. — Увидимся в субботу. Хорошей вам недели, девочки.

— Подожди! Эдди... — Бет кидается к мальчику и буквально душит в объятиях. Она поехала бы с ними, будь это возможно. Не

отпускала бы его от себя, не позволяла слишком привязаться к Диане и Мелиссе.

Когда дверь за мужчинами закрывается, я поворачиваюсь к Бет, но она не смотрит мне в глаза.

— Ну почему ты всегда такая вялая при Максвелле? — взрываюсь я. — Неужели ты не можешь быть более...

В замешательстве я умолкаю. Бет взмахивает руками.

— Нет, не могу! Я же знаю, он только и ждет, чтобы забрать у меня Эдди. Не могу я притворяться, что не понимаю этого или что мне это безразлично! — кричит она.

— Да я понимаю, понимаю... — Теперь я стараюсь утешить сестру.

Она обеими руками приглаживает растрепавшиеся волосы.

— Эдди скоро вернется, — добавляю я. — Бет, ты же знаешь, как сильно он тебя любит. Просто обожает, и Максвелл с этим ничего не сможет поделать...

Я обнимаю ее за плечи, пытаюсь развеселить. Бет вздыхает, складывает руки.

— Знаю. Я просто... Пойду приму душ, — произносит она и отворачивается.

Без Эдди большой дом снова опустел. По молчаливому согласию мы на время отложили сортировку вещей Мередит. Слишком уж их много, да и вообще это кажется бессмысленным. Обстановка и вещи уже так давно в доме, что, кажется, приросли к своим местам. Выдирать их оттуда — непосильный труд. Тут требуется недюжинная сила, возможно, не обойтись без бульдозера, и я представляю себе, как зубастый стальной ковш слой за слоем зачерпывает ткани, ковры, бумагу, дерево, пыль... Тяжелая работа, не легче, чем вырезать шарики из неспелой дыни. Это будет еще и ужасным актом насилия, вандализма. Ведь все эти тряпки — свидетельства множества жизней.

— Я раньше никогда не задумывалась, что происходит с вещами человека, когда он умирает, — рассуждаю я за ужином. В кладовке, когда мы приехали, обнаружили залежи банок с консервированным супом «Хайнц», вот сейчас мы их и подьедаем. Но скоро мне нужно будет сделать вылазку за продуктами в поселок.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... я просто хочу сказать, что раньше никто из знакомых мне людей не умирал. Мне никогда не приходилось разгребать то, что осталось, и...

— Разгребать то, что осталось? По-твоему, получается, что смерть — это крайнее проявление эгоизма. Ты это хотела сказать? — Голос у Бет тихий и напряженный. Она резко переменялась после отъезда Эдди.

— Нет же! Конечно нет. Я совершенно не о том говорила. Я просто хотела сказать, что какие-то вещи даже в голову не приходят, о них вообще не думаешь, пока это не случится. Ну, например... Как все рассортировать? Куда девать эти вещи? Я имею в виду, что будет с ночнушками Мередит? С ее чулками? С едой в кладовке? — отбиваюсь я. Я-то надеялась, что разговор получится самый обычный.

— Какая разница, Эрика? — резко бросает Бет.

Я умолкаю, отламываю кусок хлеба, крошу его в пальцах.

— Да никакой, — отвечаю. Иногда мне так одиноко рядом с Бет.

Раньше такого не было, ни в юности, ни в детстве. Мы почти не ссорились. Может, достаточно велика была разница в возрасте. Может, дело в том, что у нас был общий враг. Даже когда нас продержали взаперти целых два дня, два долгих солнечных дня, мы не вымещали досады друг на друге. Виноват был Генри. И Мередит. Мередит с самого начала, как только мы радостно сообщили о новом друге, запретила нам играть с Динни, общаться с членами его семьи, даже просто приближаться к нему.

Мы познакомились с ним у Росного пруда, когда он плавал. День тогда был теплым, но не жарким. Кажется, лето только начиналось, зелень еще была свежая и яркая. Дул холодный ветер, так что, когда мы впервые увидели Динни, с которого ручьями стекала вода, нас пробрала дрожь. Его одежда была кучкой сложена на берегу. Вся одежда. Бет схватила меня за руку, но мы не убежали. Он нам сразу понравился. Нам сразу захотелось познакомиться с ним, худеньким, смуглым, обнаженным мальчиком с темными мокрыми волосами до плеч, который плавал и нырял один, не нуждаясь в компании. Сколько мне тогда было лет? Точно не скажу. Четыре или пять, не больше.

— Вы кто? — спросил он, стоя в воде.

Я придвинулась ближе к Бет, крепче ухватила ее за палец.

— Это дом нашей бабушки, — объяснила Бет, махнув в сторону дома.

Динни подошел чуть ближе к берегу.

— Но вы-то кто? — Он заулыбался, зубы и глаза блестели.

— Бет! — обеспокоенно зашептала я. — Он совсем голый!

— Шш! — шикнула на меня Бет, но это прозвучало не строго, а весело, как сдавленный смешок.

— Значит, ты Бет. А ты? — Динни посмотрел на меня.

Я вздернула подбородок.

— Я Эрика, — объявила я, собрав все свое самообладание в кулак.

В это мгновение из леса выскочил рыжий с белым песик, джек-рассел-терьер, и с лаем запрыгал вокруг нас, виляя хвостом.

— Я Натан Динсдейл, а вот это Артур. — Мальчик кивнул на собаку.

После этого я готова была следовать за ним куда ни позовет. Я мечтала о домашнем животном — настоящем друге, а не золотой рыбке, для которой только и хватило бы места у нас дома. Я так заигралась с песиком, что не помню, удалось ли Динни выйти из воды так, чтобы Бет не увидела его наготы. Подозреваю, что не удалось.

Разумеется, мы продолжали видеться, несмотря на запреты Мередит. От Генри нам обычно удавалось ускользнуть, и только после этого мы отправлялись к стоянке на границе поместья, где Динни жил со своими родителями. Впрочем, Генри и сам старался держаться от нас подальше. Он не хотел слушаться Мередит и, подражая ей, выказывал презрение к бродягам. Он проникся этим заимствованным чувством настолько, что оно переросло в его личную ненависть. В тот раз, когда Мередит заперла нас, родителей не было, они уехали на выходные. Мы бегали в деревню с Динни, чтобы купить в лавочке конфет и колы. Оглянувшись, я увидела Генри — он нырнул за телефонную будку, но недостаточно проворно, и, пока мы шли к дому, у меня все время покалывало между лопатками. Динни попрощался с нами и побрел прочь между деревьями, стараясь держаться подальше от нашего дома.

Мередит, когда мы вернулись, уже поджидала нас. Генри нигде не было видно. Но я-то знала, откуда ей все известно. Она схватила нас за руки, оцарапав ногтями, и нагнулась с искривленным от злобы лицом.

— Кто якшается с дворнягами, рискует набраться блох, — выговорила она ледяным тоном, чеканя каждое слово.

Нас потащили наверх, заставили мыться в ванной с такой горячей водой, что кожа покраснела и воспалилась. Я плакала навзрыд. Бет, осатанев от ярости, молчала.

Когда это кончилось, я лежала в постели, меня бил озноб, а Бет тихо объясняла:

— Она хочет нас наказать, держа взаперти, значит, мы должны показать, что нам все равно, что нам на это наплевать. Понимаешь, Эрика? Пожалуйста, не плачь!

Она шептала, гладила меня по волосам пальцами, трясущимися от гнева. Кажется, я кивала, но была слишком расстроена и потрясена, чтобы вслушиваться в ее слова. На улице еще всю светило солнце. Я слышала, как Генри играет на лужайке с собакой, слышала голос Клиффорда, неясно доносившийся с нижнего этажа. Ясный, погожий августовский день, а нам велено ложиться спать. Мы под замком на все выходные.

Когда родители вернулись, мы все им рассказали.

— Это уж чересчур, Лора, — сказал отец, — на сей раз она зашла слишком далеко.

Мама ответила:

— Я с ней поговорю.

За чаем я подслушала их разговор на кухне. Мама и Мередит.

— Мне кажется, мама, он неплохой мальчик. Довольно неглупый. Я не понимаю, чем общение с ним может им повредить, — мягко обратилась к бабушке мама.

— Ах, не понимаешь? Ты хочешь, чтобы девочки подхватили от него этот мерзкий уилтширский жаргон? Хочешь, чтобы он научил их воровать и сквернословить? Хочешь, чтобы они завшивели и опустились? Если так, тогда и в самом деле их общение не может им повредить, — холодно отвечала Мередит.

— Мои девочки *никогда* не будут воровать, — твердо сказала мама. — И мне кажется, называя их *опустившимися*, ты тоже сильно преувеличиваешь.

— Совсем нет, Лора. Разве ты забыла, сколько неприятностей причинили нам эти люди за все годы?

— Разве можно это забыть, — вздохнула мама.

— Ну вот, а это ведь твои дочери...

— Да, мои.

— Так вот, если желаешь, чтобы они жили под моим кровом, если уверяешь их моим заботам, пусть изволят подчиняться *моим* правилам, — отрезала Мередит.

Мама глубоко вздохнула:

— Если только я услышу, что ты снова запирала девочек, они никогда здесь больше не появятся. Как и мы с Дэвидом.

Она говорила тихо, но я почувствовала, как она напряжена. Голос ее слегка дрожал. Мередит не ответила. До меня донесся звук ее шагов, и я поскорее спряталась. Поняв, что опасность миновала, я бросилась на кухню. Мама стирала, молча, энергично терла белье, глаза у нее сверкали. Двумя руками я обняла ее ноги что было сил. Мередит по-прежнему была против того, чтобы мы водились с Динни, но больше она никогда не сажала нас под арест. Мама одержала верх — по крайней мере, на этот раз.

Утро понедельника, свинцовое и сырое. Проснувшись, я чувствую, как замерзли пальцы на руках и ногах, и не могу их согреть, а теперь заледенел и кончик носа. Не припомню, когда я в последний раз так мерзла. В Лондоне такого не случается. Там промозгло-теплое метро, душное тепло магазинов и кафе. Сотни мест, где можно укрыться, если на улице похолодает. Я в оранжерее в южной части дома, осматриваю небольшой газон, окруженный сучковатыми плодовыми деревьями. Если мы слишком шумно играли и «испытывали терпение» Мередит, нас выслали сюда, на лужайку. Взрослые тем временем пили холодный чай и водку, сидя за белым металлическим столом на западной веранде. Компанию мне составляют скелетообразные «останки» высохшей помидорной рассады да пухлая жаба. Она уселась рядом с краном, из которого капает ржавая вода. Я успела отвыкнуть от сельского покоя, и тишина нервирует меня.

Здесь сыро, пахнет землей, это запах плодородия, хотя сезон и неподходящий. С этой лужайкой связано одно из самых ранних моих воспоминаний о Генри, которому тогда было лет восемь-девять, а мне, наверное, пять. Жаркий августовский день, лето из тех, которое, кажется, будут длиться вечно. Трава выгорела и высохла, каменные

плиты террасы так раскалены, что босыми ногами не ступить. Собаки разомлели и не хотят играть. У меня облупился нос, у Бет на руках веснушки. Для нас на лужайке устроили бассейн-лягушатник. Такой большой, что сбоку подставлена лесенка, чтобы забираться в него, внутри бассейн устлан синим пластиком, манящим даже без воды. До сих пор помню запах этой разогретой на солнце пластмассы. Бассейн установлен, расправлен, к нему подведен шланг. Он незаконно подсоединен прямо к магистральной трубе, и ледяная вода обжигает горячую кожу. Восхитительное онемение. Я прыгаю вокруг в красном купальнике, мечтая, чтобы бассейн скорее наполнился.

Генри сразу же забрался в него, по воде поплыли травинки с его грязных ног. Схватив шланг, он направил его на нас — взрослые как раз отошли. Он брызгал на нас, не давая подойти. Я помню, что мне до смерти хотелось в воду, намочить ноги. Но только *по-моему!* Я не хотела, чтобы меня окатывали сверху. Сначала ноги, потом все остальное, постепенно. Но как только я подходила, Генри брызгался. Вода доходила ему до щиколоток, рябь покрывала белые ступни. Тело тоже было белым, мягким на вид, соски на пухлой груди слегка отвисли вниз. Потом он перестал дразнить меня и дал слово — нет, поклялся. Он торжественно пообещал, что больше не будет брызгаться и я могу спокойно подойти. Я заставила его опустить шланг и осторожно полезла по ступенькам. Мгновение восторга, когда ноги коснулись холодной воды, а потом Генри схватил меня, зажал голову под мышкой и направил шланг прямо в лицо. Вода заливалась мне в нос, в глаза, обжигающе-холодная, она душила меня. Бет увидела это издали и закричала на него. Я кашляла и ревела, пока мама не прибежала узнать, что случилось.

Хорошо бы Бет вышла из дому. Я где-то читала, что пребывание на свежем воздухе — идеальное средство при депрессии. Бодрящая прогулка, единение с природой. Как будто депрессия — что-то вроде расстройства желудка, и с ней так же просто справиться. Я не уверена, что рецепт сработает в это время года, когда душу выматывает вой ветра, и все же это лучше, чем без конца бродить по дому. На скамейке я нахожу плетеную корзинку и секаторы и отправляюсь к лесу.

Я иду в обход, мимо Росного пруда. Я хожу так почти каждый день. Кажется, меня сюда тянет. Постоять на крутом берегу, сбрасывая ногой гальку и кусочки известняка. Когда я так стою, всплывают

какие-то ощущения, намеки на воспоминания. Куда бы я ни пошла в окрестностях Стортон Мэнора, они возвращаются — как вспышки. От пейзажа, запаха, интерьера. Бантик, завязанный за спинкой кровати. Желтые цветы, вышитые на наволочке. Каждый шаг будит память. Здесь, у пруда, я должна что-то вспомнить, не просто игры, плавание, не просто страх нарушить запрет. Закрыв глаза, я присаживаюсь на корточки, обхватываю колени. Я стараюсь сосредоточиться на запахе воды и земли, на шуме деревьев над головой. Слышу собачий лай, далеко отсюда, в деревне, кажется. Определенно, должно быть *что-то*, что я должна понять. Я тяну вперед руки, пока пальцы не касаются воды. Вода ледяная, холод пробирает до костей. Я представляю, как она становится твердой, как кристаллики льда выпускают вглубь жесткие нити. На миг испытываю давнишний страх, что меня затянет на дно. Ведь если вода могла появиться со дна, ниоткуда, как по волшебству, значит, может засосать и в обратную сторону? В огромную сливную дыру. Так я иногда думала, когда плавала. Сладко замирало сердце — как бывает, если плаваешь в море и вдруг подумаешь об акулах.

У подножия холма, где кончаются деревья, склон обрывается, переходя в круглый овраг. Огромная яма заросла боярышником, терном и бузиной, кусты переплелись и похожи на бороду неряшливого старика. Здесь холод чувствуется сильнее. Я заметила куст остролиста, растущий ровно посередине, яркие ягоды сияют в тусклых зарослях, как драгоценные камни. Но мне не удастся подойти ближе. Я спускаюсь, поскользываясь на поросших травой буграх, и, добравшись до чаши, вижу, что внутрь не пробраться. Воздух тихий, здесь он заметно холоднее. От моего дыхания поднимается пар, пока я бреду вокруг, пытаюсь найти проход внутрь. Ничего, кроме тропки, поднимающейся вверх по склону. Делаю последнюю попытку пробраться в заросли и ухожу, исцарапанная с ног до головы.

Я двигаюсь в обратный путь, вхожу в лес. В корзинке у меня до сих пор ничего нет, кроме нескольких ростков полосатого плюща из сада. Этот лес не для прогулок, он не истоптан, в нем почти нет тропинок. Пастбищные земли поместья все сданы в аренду или распроданы местным фермерам, и я задумываюсь, заходит ли сюда кто-то из них — собирать хворост, ловить фазанов, ставить силки на кроликов. Я не вижу следов присутствия людей. Земля засыпана палой

лиственной, кругом колючие заросли ежевики, бурелом, упавшие стволы гниют и плесневеют. Из-под ног прыскают в разные стороны какие-то мелкие зверюшки, я не успеваю их рассмотреть, только слышу тихое посвистывание. Желуди, буковые орешки; под одним деревом ковер из полусгнивших желтых яблок. Тут нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. И не слышно птичьего пения над головой. Только тихие, похожие на вздох звуки — это в голых ветвях проносится ветер.

Я не смотрю, куда иду, и чуть не наступаю на сидящего на корточках человека. От неожиданности я вскрикиваю. Молодой мужчина с длинными дредами, в пестрой одежде.

— Извините! Здрасьте, — выдыхаю я.

Выпрямившись, он оказывается намного выше меня, и я вижу у его ног большой гриб. Желтый, уродливый. Парень его рассматривал, практически касаясь носом.

— Мне кажется, он несъедобный, — добавляю я, улыбнувшись.

Парень поворачивается, смотрит на меня и ничего не отвечает. Он худой и поджарый. Свесив руки вдоль тела, он стоит молча, рассматривает меня, и я чувствую тревожное желание поскорее оказаться от него подальше. То ли инстинкт, то ли что-то странное в его взгляде подсказывает мне, что с ним не все в порядке. Я отступаю назад и поворачиваю налево. Он делает шаг и преграждает мне путь. Я поворачиваю в другую сторону, но он снова встает передо мной. Сердце у меня колотится. Его молчание путает меня, от него исходит угроза, впрочем, он не делает попыток подойти ближе. От него пахнет чем-то пряным, терпким. Мне приходит в голову, что он пьян или под кайфом. Я снова поворачиваю влево, он расплывается в широкой улыбке, обнажающей десны.

— Слушай ты, прочь с дороги, дай пройти! — рявкаю я, нервы у меня на пределе. Но он делает шаг ко мне.

Пытаюсь отступить, но, зацепившись каблуком за плеть ежевики, неловко падаю на бок. Шипы впиваются в ладони, дыхание от удара перехватывает. Вокруг кружат листья, их гнилой запах проникает повсюду. Повернув голову, вижу, что длинный наклонился надо мной, закрыв собой небо. Я пытаюсь высвободить ногу из куста, но двигаюсь рывками и только хуже запутываюсь. Хочу закричать, но понимаю, что дом слишком далеко отсюда и Бет меня не услышит. Она

и не знает, что я здесь. Никто не знает. Я в панике, меня бьет дрожь, становится трудно дышать. Сильные, тяжелые руки обхватывают меня за запястья.

— Пошел вон! Убери свои руки! Пошел *вон!* — визжу я что есть мочи.

Я слышу другой голос, и меня отпускают, бесцеремонно роняя обратно на ковер из листьев.

— Гарри не опасен. Он не хотел вас напугать, правда, Гарри? — говорит подошедший незнакомец и хлопает долговязого по плечу.

Я таращусь на них с земли. Гарри трясет головой, и теперь я понимаю, что он огорчен, подавлен, в его лице нет ни намека на злобу или похоть.

— Он пытался вам помочь, поднять, — поясняет подошедший мужчина с едва заметным укором.

Гарри вновь склоняется над своим желтым грибом.

— Он просто... я только... искала зеленые ветки для украшения. Для дома, — поясняю я, все еще в замешательстве. — Я думала... Ладно. В общем, ничего.

Я замолкаю. Незнакомец подает руку, рывком ставит меня на ноги.

— Спасибо, — бормочу я.

На согнутом локте у него висит духовое ружье, ствол тускло поблескивает. Я брыкаюсь, стряхивая с ноги плети ежевики, осматриваю горящие ладони. Они покрыты бусинками крови. Я вытираю руки о джинсы и поднимаю смущенный взгляд на своего спасителя. Оказывается, все это время он пристально и напряженно вглядывается в мое лицо, а потом вдруг радостно улыбается:

— Эрика?

— Откуда вы... Простите, мы знакомы?

— Ты меня не узнаешь? — спрашивает он.

Я присматриваюсь: темная копна длинных волос, перехваченных на затылке, широкая грудь, нос с горбинкой, прямые брови, прямая, решительная линия рта. Черные глаза сияют. А потом что-то в мире сдвигается, черты проявляются, встают на место, в них проглядывает что-то невероятно знакомое, близкое.

— *Динни?* Это ты? — ахаю я.

— Никто не зовет меня Динни уже много лет. Сейчас я для всех Натан. — Улыбка у него немного неуверенная. В ней удивление, радость, как и у меня, от неожиданной встречи с прошлым, но и настороженность. Он не отрывает глаз от моего лица. Его взгляд, будто прожектор, следит за каждым моим движением.

— Поверить не могу, что это и в самом деле ты! Как... как ты живешь? Как, черт побери, ты здесь оказался? — Я поражена. Мне и в голову не приходило, что Динни тоже повзрослел, что у него своя жизнь, что он мог вернуться в Бэрроу Стортон. — Ты так изменился!

Щеки у меня горят, как будто меня застучали за чем-то постыдным. Сердце так бьется, что пульсируют даже подушечки пальцев.

— Зато ты выглядишь все так же, Эрика. Я кое-что узнал из газет... Леди Кэлкотт скончалась. Это навело меня на воспоминания о... об этих местах. Мы здесь не бывали с тех пор, как умер мой отец. Но вдруг захотелось навестить...

— Ох ты, господи!.. Вот горе. Я о твоём отце.

Отца Динни звали Микки. Мы с Бет любили его. У него были широкая белозубая улыбка, большие сильные руки, он всегда подбрасывал нам мелочь или угощал конфетами — выуживал их у нас из-за ушей. Мама с ним разговаривала один или два раза. Решила познакомиться, раз уж мы проводили там время. А маму Динни, Морин, всегда называли Мо. Микки и Мо. Отсюда наше кодовое обозначение: чтобы Мередит не поняла, мы всегда называли это «пойти в гости к Микки Маусу».

— Это было восемь лет назад. Он быстро умер, даже не успел понять, что случилось. По-моему, это лучшая смерть, — спокойно замечает Динни.

— Да, наверно.

— А что случилось с леди Кэлкотт? — Я слышу в его голосе легкую горечь. Он не выразил соболезнований по поводу моей потери.

— Инсульт. Ей было девяносто девять. Должно быть, она сильно разочарована.

— В каком смысле?

— В роду Кэлкоттов многие женщины доживали до ста лет. Моей прабабушке было сто два. Мередит была твердо намерена пережить королеву. Крепкая у нас порода... — Я тут же спохватываюсь и жалею,

что произнесла эти слова. К чему эти упоминания о породе, крови, родословных!

Повисает напряженная тишина. Мне так много хочется рассказать своему другу детства, но я не представляю, с чего начать. Динни отводит от меня изучающий взгляд, смотрит вдаль, сквозь деревья, в сторону дома, и на лицо его падает тень.

— Мне очень стыдно, что я накричала. На... Гарри. Он только смотрел на меня, и все, — тихо говорю я.

— Не нужно его бояться, он безобидный, — уверяет меня Динни.

Мы оба смотрим вниз на нескладную фигуру, скрючившуюся над грибом. Динни стоит ко мне так близко, что я могу до него дотронуться. Динни, реальный, и снова здесь, а ведь только что он был почти легендой, каких-то несколько минут назад. Я все еще не могу поверить.

— Он... с ним что-то не так? — спрашиваю я.

— Он тихий, спокойный и не любит разговаривать. Если по-твоему это значит, что с ним что-то не так, то да.

— Ой, да я ничего не имела в виду. Ничего плохого, — возражаю я поспешно и слишком громко.

— А что ты искала? Остролист?

— Да, или омелу. Или хорошие ветки плюща, с ягодами. Чтобы дом украсить, — улыбаюсь я.

— Идем, Гарри. Покажем Эрике большой остролист.

Динни поднимает Гарри и мягко подталкивает его вперед по тропинке.

— Спасибо, — повторяю я.

Я все еще не могу отдышаться. Динни оказывается впереди, и я вижу у него за спиной тушки серых белок, связанных за хвосты веревкой. Их черные помутневшие глазки полуприкрыты. На боках темные пятна слипшегося меха.

— Зачем тебе белки? — интересуюсь я.

— Ужин, — невозмутимо объясняет Динни. Он оглядывается, видит ужас на моем лице и криво ухмыляется: — Что, в меню лондонских ресторанов белки еще не включены?

— Почему? В каких-то, наверное, уже есть. Но не в тех, куда я хожу. А как ты узнал, что я живу в Лондоне?

Динни снова оборачивается, окидывает взглядом мои модные сапоги, темные джинсы, мягкую, свободную шерстяную куртку. Челку с острыми краями.

— Просто угадал, — бурчит он.

— Тебе не нравится Лондон?

— Да я там и был-то всего один раз, — бросает Динни через плечо. — Но, в общем, не нравится. Я не люблю города. Мне нравится, чтобы до горизонта было больше десятка метров.

— Ну и я люблю, когда есть на что посмотреть, — отвечаю я.

Динни не улыбается, но притормаживает и идет со мной рядом. Молчит, хотя вполне приветливо. Я пытаюсь придумать, как бы прервать паузу. Динни не намного выше меня, примерно такого же роста, как Бет. Мне видно, что его волосы перевязаны темно-красным, сильно потертым кожаным шнурком, затянутым в тугий узел. Потертые джинсы испачканы. На нем футболка и мешковатый хлопчатобумажный джемпер. Глядя на его голую шею, я поеживаюсь, хотя сама укутана в сто одежек, а он, кажется, и не замечает ледяного ветра. Мы идем вверх по пологому склону, я шумно топаю. Шаги Динни не слышны, он и не спотыкается, как будто у него под ногами нет ни сучьев, ни корней.

— Вон там, — показывает Динни.

Я смотрю вперед и вижу остролист, темное дерево, старое и искривленное. Гарри, подняв упавшую веточку, колет шипом подушечку пальца, морщится и трясет рукой, после чего проделывает все сначала.

Я срезаю самые красивые ветки, те, у которых листья самые колючие и побольше красных ягод. Одна ветка вырывается, хлещет по лицу. Под глазом у меня царапина, больно. Динни снова пристально смотрит на меня с непроницаемым выражением.

— Как твоя мама? Она здесь с вами? — задаю я вопрос.

Мне хочется разговорить его, услышать, что он делал все это время, пока мы не виделись. Я хочу, чтобы он снова стал реальным, чтобы мы оставались друзьями. Но теперь я вспоминаю это — его приступы молчания. Раньше я никогда не испытывала из-за этого неловкости. Детей не тревожит такая безобидная вещь, как молчание, они относятся к этому на удивление терпеливо и спокойно.

— С ней все нормально, спасибо. Но она больше с нами не путешествует. Перестала, когда отец умер, — сказала, что слишком стара для этого. Но я думаю, ей просто надоели дороги. Отцу она никогда бы не призналась, конечно. Но как только он умер, мама это дело прекратила. У нее, кстати, новый муж, водопроводчик, зовут Кейт. Они живут в Вест-Хэтче, отсюда рукой подать.

— О, здорово. Кланяйся ей от меня, когда увидишь.

В ответ он слегка хмурится, и я гадаю, не ляпнула ли что-то не то. У Динни лицо из тех, которые мгновенно мрачнеют, становятся хмурыми и воинственными. В двенадцать лет это придавало ему серьезный и значительный вид. Я рядом с ним чувствовала себя глупой как пробка, и сейчас это чувство возвращается.

С полной корзинкой остролиста мы возвращаемся лесом к поляне, где раньше всегда останавливалось его семейство. Широкая прогалина на западной опушке окружена с трех сторон тенистыми деревьями, на запад открывается вид на поля и изрезанную колеями зеленую проселочную дорогу, выходящую на шоссе. Земля здесь пропиталась водой и хлюпает под ногами, пока мы идем. А летом тут бывает очень зелено — высокие травы с шелковыми стеблями, почва растрескавшаяся и твердая. Гарри маячит далеко впереди, его внимание перескакивает с одного объекта на другой.

— А ты? Поселишься теперь здесь? — Динни наконец нарушает молчание.

— Ой, нет. Не знаю. Наверное, нет. Я здесь временно, но уж как минимум до Рождества. Мы унаследовали дом, Бет и я...

Просто жуть, как напыщенно это прозвучало.

— Бет здесь? — перебивает Динни, поворачиваясь ко мне.

— Да, но... Да, она здесь... — Я собиралась сказать «но она изменилась, она почти не выходит из дома». — Ты должен к нам заглянуть, повидаться с ней.

Но я понимаю, что он не придет.

На стоянке лагеря шесть автомобилей, больше, чем бывало раньше. Два мини-автобуса, два жилых автофургона с прицепами, старый разбитый грузовик и переоборудованный походный госпиталь. Динни поясняет, что это его машина. Из труб вьется дымок, на земле круги золы — остывшие кострища. Гарри устремляется вперед. Усевшись на пень, он подбирает что-то с земли и внимательно изучает.

Когда мы подходим поближе, навстречу бросаются три собаки, они лают, изображая ярость. Мне такой прием известен. Я останавливаюсь, опускаю руки по швам и жду, пока псы подбегут, обнюхают меня, поймут, что я не собираюсь бежать.

— Твои?

— Только две, а черная и желтая — моего двоюродного брата Патрика. Это Клякса, — Динни треплет за ухо грязную черную дворнягу, зубастую и робкую, — а вот Шпинат.

Вторая собачка мельче, изящнее, с грубой бурой шерстью и добрыми глазами. Шпинат лижет пальцы Динни.

— Так ты... ммм... работаешь здесь в округе? Чем занимаешься? — Это звучит как разговор на светской вечеринке.

Динни пожимает плечами. На миг мне становится не по себе от мысли, что он, вероятно, живет на бесконечные пособия, а может, ворует или торгует наркотиками. Но это мысли Мередит, и мне стыдно пускать их в голову.

— Сейчас в общем-то ничем. Мы большей частью ездим по стране, работаем. На фермах, в автомастерских, на праздниках. Сейчас повсюду затишье — мертвый сезон.

— Трудно, наверное.

Динни бросает на меня косой взгляд.

— У меня все отлично, Эрика, — спокойно говорит он. Меня он не спрашивает, чем я занимаюсь. Кажется, за время нашей короткой прогулки я растеряла весь кредит доверия, на который могла рассчитывать в силу детского знакомства.

— Симпатичная у тебя машина, — делаю я отчаянную попытку вернуть его расположение.

Не успеваю я закончить, как дверь походного госпиталя распахивается, и из нее осторожно вылезает девушка. Положив руки на поясицу, она потягивается, болезненно поморщившись. Я мгновенно узнаю ее — беременная девушка с кургана. Но сейчас я вижу, что ей лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Динни — ровесник Бет, ему тридцать пять. Я снова смотрю на девушку, пытаюсь убедить себя, что ей восемнадцать или даже девятнадцать, но не могу.

Девочка с кудряшками, яркая натуральная блондинка, таких в наше время редко встретишь. Кожа у нее бледная, под глазами синие круги. На ней трикотажная кофта в обтяжку, и сейчас я вижу, что она

буквально на сносях. Увидев нас с Динни, она, насупившись, идет к нам. Я пытаюсь улыбаться, выглядеть естественно. Вид у девушки злее, чем у Кляксы.

— Это кто? — спрашивает девчонка, уперев руки в бедра. Обращается она к Динни, не ко мне.

— Эрика, это Хани. Хани, это Эрика.

— Хани? Очень приятно познакомиться. Простите, если испугала вас на днях, на кургане. — Я говорю с ней ненатурально, с деланным оживлением, и с ужасом понимаю, что точно таким же тоном я говорю со своими учениками.

Хани таращит на меня невыразительные, скучные глаза.

— Это вы были? Вы меня не испугали. — У нее заметный картавый уилтширский выговор.

— Ну, я не так выразилась. Не испугала, но... — Я развожу руками.

Она смотрит на меня, долго не отводит взгляда. Необычно пристальное внимание от такой юной особы. Я чувствую облегчение, когда она наконец поворачивается к Динни.

— Печка не тянет, — говорит она.

Динни вздыхает, наклоняется и запускает пальцы в шерсть Шпината. С неба падают первые капли дождя падают.

— Приду посмотрю через минутку, — ласково отвечает он.

Хани глядит на него, йотом разворачивается и скрывается внутри. Я растерянно провожаю ее взглядом.

— А... когда ждете события? Похоже, уже недолго осталось? — интересуюсь я, понижая голос, чтобы в машине не было слышно.

— Сразу после Рождества, — отвечает Динни, отворачиваясь и глядя в сторону просеки.

— Так скоро! Переживаете, наверное. Она уже подготовила вещи? Для больницы?

Динни отрицательно мотает головой:

— Никакой больницы. Она говорит, что хочет прямо тут рожать. — Динни замолкает, поднимается и поворачивается ко мне: — Не знаю, правда, хорошая ли это идея. Ты что-нибудь знаешь про новорожденных?

В его голосе слышна тревога.

— Я? Нет, почти ничего... У меня никогда... Но сейчас многие хорошо отзываются о домашних родах. В общем-то, каждая женщина имеет право выбора. У вас есть хорошая акушерка?

— Никакой акушерки нет, и это не *домашние* роды, она собралась рожать прямо здесь, в лесу.

— В *лесу*? Да ведь... декабрь на дворе! Она сошла с ума?

— Я знаю, что сейчас декабрь, Эрика. Но она имеет право выбирать... сама сказала... — Его голос звучит ровно, но решительно. — Она забрала себе в голову, что роды должны быть максимально приближены к природе.

— Ну, знаешь, ты тоже имеешь право выбирать. У отца тоже есть такое право. Первые роды могут быть затяжными, ты же понимаешь. Бет рожала Эдди тридцать шесть часов...

— У Бет есть малыш?

— Был малышом. Сейчас ему одиннадцать. Он приедет на Рождество, так что вы обязательно познакомитесь... Эдди — чудесный парень.

— Так она замужем?

— Была. Сейчас нет, — лаконично отвечаю я. У него нашлись вопросы о Бет, и ни одного обо мне.

Дождь снова усиливается. Я горблюсь, глубже засовываю руки в карманы, но Динни, кажется, ничего не замечает. Думаю, не предложить ли поговорить с Хани, но вспоминаю ее злые глаза. Надеюсь, что Динни не попросит меня об этом. Впрочем, возможен компромисс.

— Знаешь, если Хани захочет обсудить это с кем-нибудь, она могла бы поговорить с Бет. То, что она пережила, может послужить хорошим уроком и предостережением.

— Она ни с кем не станет то обсуждать. Она... сильная, — вздыхает Динни.

— Да уж, я заметила, — бормочу я под нос.

Молчание невыносимо. Я хочу расспросить Динни о Рождестве. Об именах для младенца. Я бы засыпала его расспросами о путешествиях, о его жизни и о нашем прошлом.

— Что ж, мне, наверное, пора. Пока не промокла насквозь... — Вот и все, что я могу выжать. — Я в самом деле очень рада была снова тебя повстречать, Динни. Хорошо, что ты вернулся. И было приятно

познакомиться с Хани. Я... в общем, если надумаете зайти или что-то понадобится...

— Я тоже рад был тебя повидать, Эрика. — Динни смотрит на меня, склонив голову набок, но глаза у него не радостные, а тревожные.

— Ну, ладно, счастливо, — бросаю я небрежно, насколько мне это удастся.

Я не рассказываю Бет о Динни, когда нахожу ее в кабинете, где она смотрит телевизор. Сама не знаю почему. Неизвестно, как она отреагирует, думаю я. Я внезапно чувствую возбуждение. Мне кажется, что я больше не одна. Даже отсюда я ощущаю присутствие Динни там, за деревьями. Как будто вдалеке что-то маячит, и я вижу это краем глаза. Третий угол нашего треугольника. Я выключаю телевизор, откидываю шторы.

— Собирайся. Мы идем гулять, — объявляю я.

— Я не хочу выходить. Куда мы пойдем?

— В магазин. Мне осточертел консервированный суп, к тому же Рождество на носу. Мама с папой приедут к обеду, а чем ты будешь угощать Эдди в праздник? Высохшими крекерами Мередит?

Бет минуту обдумывает мои слова, потом быстро встает:

— Господи, ты права. Ты права!

— Я знаю.

— Нам нужно кучу всего... индейка, сосиски, картошка, пудинги... — Она загибает длинные пальцы.

До Рождества, конечно, еще десять дней, у нас полно времени, но я не произношу этого вслух. Пользуясь внезапным оживлением сестры, показываю на двери.

— И украшения! — вскрикивает она.

— Идем. Ты можешь составить список в машине.

Едем в Дивайзес. Городок прихорашивается к Рождеству. Наряженные елочки выставлены в витринах магазинов и у дверей гостиниц вдоль всей Хай-стрит, освещенной гирляндами белых огней. Вот играет духовой оркестрик, вот продавец жареных каштанов — завитки едкого дыма вьются над его тележкой. Мне интересно, чем он занят в остальное время года. Становится темно, дождь со снегом кружит, мы замерзаем, как и прохожие вокруг, закутываемся в шарфы

и забегаем в каждый магазин поглазеть, наслаждаясь теплым желтым светом. Мы снова вместе с миром, мы обе, после уединения усадьбы. Нам хорошо, радостно, и я понимаю, что соскучилась по Лондону. В каждой лавчонке звучат рождественские песенки, Бет мурлычет, подпевая. Выходя на улицу, я беру ее под руку и крепко прижимаюсь.

Проходит несколько часов, Бет возбуждена предрождественской суетой. Мы уже купили восемь сортов сыра, громадный окорок, свиные сардельки, свежие крекеры, индейку, которую я с трудом дотаскиваю до машины, и торт, и все это по смехотворным ценам. Сложив покупки в багажник, возвращаемся за блестящими елочными шарами, бусами, золотой краской, стеклянными сосульками, мишурой и ангелами из соломки, одетыми в белые кисейные платица. В двух минутах езды от усадьбы есть ферма, где продают елки, мы заезжаем туда на обратном пути и заказываем четырехметровое дерево. Его доставят и установят двадцать третьего декабря.

— Поставим его в холле, и можно закрепить за перила, — решительно распоряжается Бет.

Может, не нужно было позволять ей платить, когда она в таком состоянии. Я даже не решаюсь собрать все чеки, чтобы подсчитать общую сумму. Но у Бет есть деньги — от Максвелла и за переводы. Определенно, денег у нее больше, чем у меня, хотя мы никогда об этом не говорим. Большую часть времени она живет на гроши. Откладывает деньги на случай, если что-то понадобится Эдди. Все мои доходы поглощает Лондон — транспорт, квартира, жизнь. Сейчас мы набрали еды на десятерых, хотя нас будет пять человек, зато Бет счастлива, лицо у нее сияет. Магазиноterapia. Нет, это не о ней, ей всегда нравилось отдавать. Предоставляю ей развешивать гирлянды вокруг камина — она сосредоточена, слегка хмурится, — а сама, сонная и довольная, иду ставить чайник.

На мобильнике сообщение из моего агентства: двенадцатого января мне нужно быть на работе, в школе Илинг, чтобы подать заявку на продукты. Палец уже тянется к кнопке, чтобы перезвонить, но что-то во мне сопротивляется, не давая нажать на нее, вернуться к реальной жизни. Однако, как ни крути, деньги надо зарабатывать. «Заталкивать» литературу в глухие, ни к чему не чуткие уши. Если только не забить на все. Если не поселиться здесь. И не платить за съемную квартиру. Хотя содержание дома, скорее всего, будет

обходиться дороже любого съемного жилья. Но, может, лет пять можно продержаться? Или даже десять? Попробовать пожить здесь, пока хватит наследства. А потом можно и продать дом с торгов, лет в сорок уйти на пенсию. Но что, если придется жить здесь с больной Бет? Что, если я так и не избавлюсь от чувства, будто кто-то крадется у меня за спиной? Хочется резко обернуться и увидеть, кто это, застичь его врасплох. Я помню все, что произошло тем летом, все-все, кроме того, что случилось с Генри.

Мы приезжали сюда через два лета после того года, и мама внимательно за нами наблюдала. Не затем, чтобы нас защитить, уберечь, а чтобы увидеть нашу реакцию, посмотреть, как мы себя поведем. Не знаю, естественно ли я держалась. Может, немного тише, чем обычно. И еще, мы все время оставались в саду, никакие приключения нас больше не влекли. Мама держала нас подальше от Мередит, от которой тогда всего можно было ожидать, она то и дело раздражалась проклятиями и обвинениями. Но Бет все больше и больше погружалась в себя. Мама это заметила, сказала отцу, и он нахмурился. И больше мы сюда не приезжали.

За окном заходит солнце, окрашивая горизонт оранжевыми и холодными розовыми тонами. Я брызгаю золотой краской на остролист, позолота блестит на темных листьях. Красота, да и только. От паров краски у меня кружится голова, я чувствую эйфорию. Я подвешиваю ветки к потолочным балкам и раскладываю по подоконникам, когда сверху спускается Бет, со скрещенными руками и совершенно сонным лицом. Она бродит по комнате, разглядывает ветки, которые я разложила, трогает их, легко касается краски кончиками пальцев.

— Нравится? — с улыбкой спрашиваю я.

Я настроила радио на «Классику FM». Там поют рождественскую балладу про доброго короля Венцеслава. Бет кивает, зевая. Я дурачусь, пою: «Старый дурень оступился и в костер свалился». Голос у меня отнюдь не для пения на публику.

— Ты развеселилась, — замечает Бет. Подойдя к подоконнику, который я украшаю, она заботливо заправляет мне за ухо прядь волос, касается царапины под глазом. Она так редко до меня дотрагивается. Я улыбаюсь.

— А знаешь... — начинаю я. Но слова застревают. Так и подмывает произнести их, но я все еще не могу понять, правильно это будет или нет.

— Ну, что же?

— Знаешь, Динни здесь, — решаюсь я.

Любовь

1902

Путешествие из Нью-Йорка до Территории^[7] Оклахома оказалось долгим: без малого две тысячи миль. Штат за штатом разворачивались за окном поезда, продвигавшегося все дальше на запад. Сначала Кэролайн не могла отвести глаз от пейзажа за окном. Остались позади знакомые города штата Нью-Йорк, после этого поселения встречались все реже. На их пути вставали леса, такие дремучие и мрачные, что, казалось, они перенеслись сюда из каких-то древних времен, и поезд терялся в этих дебрях на долгие, бесконечные мили. Они ехали мимо пшеничных и кукурузных полей, таких необъятных, что это вызывало изумление, мимо небольших городков и поселков, будто сдавленных окружающими их бескрайними просторами. На одной станции грубые дома были построены совсем рядом с путями, там же играли дети, бежали сбоку от поезда, махали руками, выпрашивали монетки. Кэролайн вздрогнула, заметив их босые ноги. Она махала им, пока поезд набирал скорость и вновь вырывался на просторы, и оглядывалась назад, пока их хижины не исчезли из виду, а по обеим сторонам поезда опять не потянулись равнины. Она и в самом деле дикая, думала девушка, эта западная земля. Люди ее покорили, но еще не придали ей цивилизованный вид, такой, как у Нью-Йорка. Кэролайн откинулась на спинку сиденья и любовалась дальними лиловыми холмами. Ей становилось тревожно при мысли о том, что поезд, казавшийся таким мощным, на деле не более чем песчинка, букашка, карабкающаяся по безграничной поверхности земного шара.

В Додж-сити в штате Канзас Кэролайн сделала пересадку в третий и последний раз, она устала, ей хотелось переодеться. В пустом желудке жгло, поскольку припасы, приготовленные Сарой, кончились больше суток назад. Сара не представляла себе, что поездка продлится так долго, упаковала полдюжины крутых яиц, яблоко и пирог со свининой, и этого, конечно, не хватило. Присоединившись к соседям по вагону, Кэролайн пообедала в «Эль Вакеро», гостинице рядом с железной дорогой в Додж-сити. Это было новенькое здание из кирпича, и Кэролайн увидела в нем свидетельство богатства и

стабильности этого совсем недавно освоенного края. Она потихоньку осматривалась, любопытство в ней побеждало застенчивость.

Недостроенная улица была забита людьми, пони, экипажами и крытыми повозками. Слышался приглушенный гул, совсем не похожий на уличный шум в Нью-Йорке. У коновязей вдоль улицы рядами стояли оседланные лошади. Крепкий зловонный дух навоза от близлежащих загонов для скота плыл над городом, смешиваясь с запахами пищи и разгоряченных тел людей и животных. Желудок Кэролайн растерялся и то урчал от голода, то сжимался от отвращения. По улицам неторопливо расхаживали мужчины с револьверами в свисающих до бедер кобурах, в рубашках с расстегнутым воротом. Кэролайн изумленно провожала их взглядом, словно они вышли прямо из легенды. Сердце у нее часто билось, нервы были напряжены, в горле пересохло. В какой-то миг ей стало до того не по себе, что даже захотелось, чтобы Батильда оказалась рядом, захотелось укрыться за несокрушимой стеной ее респектабельности. Устыдившись этих мыслей, девушка распрямила плечи и погрузилась в чтение меню.

Ресторан был полон, но худенькая официантка в аккуратной форме оказалась проворной. Вскоре она подала бульон с вермишелью, яйца-пашот и кофе.

— Далеко ли вы направляетесь, мисс? — обратился к Кэролайн мужчина. Он сидел за столом через два места от нее и сейчас с улыбкой наклонился в ее сторону, так что она залилась краской, смущенная его небрежным тоном. Мужчина был небрит, обшлага его пальто лоснились.

— В Вудворд, — прошептала она, не зная, должна ли она прежде представиться и следует ли вообще вступать с ним в разговор.

— Вудворд? Так вы, по-моему, уже почти добрались, если учесть, сколько уже проехали. Из Нью-Йорка, позволю себе предположить по вашему выговору? — Он опять улыбнулся, шире прежнего.

Кэролайн торопливо кивнула и сосредоточилась на еде.

— Едете навестить родных? В Вудворде, я имею в виду?

— Я еду к мужу, — ответила Кэролайн.

— К мужу, вот так так! Но это же вопиющее безобразие, доложу я вам! А все же повезло нам, что открылось это заведение, верно? Раньше-то Фред Харви кормил тут народ в вагончике на сваях! Видали

вы что-нибудь подобное там, на востоке? — громыхал он, а Кэролайн пыталась выдать вежливую улыбку.

— Оставь девушку в покое, Дун. Не видишь разве, что она хочет спокойно пообедать? — Это подал голос другой человек, сидящий рядом с первым. Вид у него был раздраженный, вокруг глаз залегли глубокие морщины. Буйные волосы он зачесал на одну сторону, и они остались лежать так, закрепленные фиксатуаром или каким-то другим составом.

Кэролайн едва осмеливалась поднять на него глаза. Щеки у нее пылали.

— Извините, миссус, — буркнул первый собеседник.

Кэролайн с непристойной торопливостью проглотила свой обед и поспешила назад к поезду. Она прятала руки в муфте из лисьего меха, не обращая внимания на теплую погоду.

После Додж-сити потянулись равнины. Миля за милей тянулась за окном поезда, свернувшего на юг, в направлении Санта-Фе, безликая ровная прерия. Кэролайн съезжилась на сиденье, мечтая вытянуть и размять ноги. Поскольку в купе больше никого не было, девушка, слишком измученная, чтобы сидеть прямо, как подобает леди, решила прислониться лбом к стеклу и глядела в бесконечное небо цвета яичной скорлупы. Никогда еще она не видела такого широкого, такого далекого и ровного горизонта. Постепенно от созерцания этого простора у Кэролайн пошла кругом голова. Она ожидала увидеть заснеженные горные вершины, изумрудные поля, быстрые реки. Но эта земля томилась от зноя и усталости в точности, как она сама. Отвернувшись от окна, девушка вынула из саквояжа томик «Виргинца» и погрузилась в чтение, представляя, что и она, подобно Молли Вуд,^[8] бесстрашно порвала узы прошлого и теперь, полная отваги, несется к новой жизни в неизведанные края. Впрочем, очень скоро Кэролайн перестала воображать себя Молли Вуд, и ей снова стало страшно. Поэтому она стала думать о муже, ожидающем ее в Вудворде, и эти мысли — хотя из-за них поезд, казалось, замедлил бег, продлевая нескончаемое путешествие, — наконец ее успокоили.

Поезд прибыл в Вудворд с опозданием, когда солнце уже начало расплываться и казалось рыжим сквозь пыльное оконное стекло. Кэролайн дремала, когда в ее купе постучал кондуктор:

— Вудворд! Следующая станция Вудворд!

Резкий крик разбудил Кэролайн, сердце застучало. Она собрала вещи и так поспешно вскочила, что закружилась голова. Ей пришлось снова сесть, отдышаться. *Корин* — только о нем она могла думать. Наконец они снова увидятся, после стольких дней! Пока поезд с визгом тормозил, девушка напряженно смотрела в окно, пытаясь рассмотреть мужа. Заметив свое отражение в стекле, она поспешно пригладила волосы, покусала губы, чтобы казались красными, пощипала побледневшие щеки, возвращая им румянец. Она пыталась взять себя в руки, но никак не могла успокоиться и унять дрожь.

Кэролайн неловко соскочила на перрон. Юбки липли к ногам, ноги, распаренные в башмаках, опухли. Она вертела головой в разные стороны, обшаривая взглядом деревянную платформу, но ей никак не удавалось разглядеть Корина между встречающимися и выходящими из вагонов людьми. Поезд, испустив протяжный стон, отполз на запасной путь, туда, где на фоне неба громоздилась водонапорная башня. Теплый ветер приветствовал девушку, что-то тихо напевая ей на ухо, а песок на платформе скрипел под ногами. Кэролайн осмотрелась, внезапно ощутила себя опустошенной и такой легкой, что следующий порыв ветра, кажется, мог подхватить ее и унести. Она нервно поправила шляпу, но сохраняла на лице улыбку. Вудворд показался ей маленьким и сонным. От железнодорожных путей к городу вела улица, широкая, еще не застроенная. Ветер несся по ней, поднимая песок. До Кэролайн донеслись запах смоляного вара от разогретого солнцем станционного здания и всепроникающее зловоние коровника. Она опустила глаза и носком башмака начертила линию на песке.

Локомотив уехал, и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только грохотом проезжающей коляски да скрипом тележки, закриклевшей, когда носильщик перекладывал на нее багаж Кэролайн. Где же Корин? Сомнения и страхи клокотали в душе девушки: Корин пожалел о своем выборе и разочаровался в ней, он бросил ее — и теперь придется возвращаться в Нью-Йорк. Она повернулась кругом, отчаявшись увидеть мужа. Носильщик пытался поймать ее взгляд, чтобы спросить, куда доставить багаж, но поскольку Корина не было, Кэролайн не знала, что сказать. Она не представляла, куда идти, где жить, что делать. Кровь отхлынула от ее лица, закружилась голова, мысли спутались. На один ужасный миг ей показалось, что она вот-вот упадет в обморок или, хуже того, расплачется... или и то и другое

вместе. Девушка судорожно вздохнула, отчаянно пытаюсь обдумать, что ей делать и что сказать носильщику, чтобы не выдать своего смятения.

— Миссис Мэсси?

В первый момент Кэролайн не сообразила, что окликают ее, не узнала своего имени, произнесенного лениво, врасстяжку. Она не смотрела на человека, державшего шляпу в руках, который шел к ней, неуклюже сутулясь. На вид ему было около тридцати, но солнце и ветер состарили его лицо и выбелили некогда синюю фланелевую рубаху. Рыжие и каштановые пряди мешались в его нечесаной шевелюре.

— Миссис Мэсси? — спросил он снова, приближаясь.

— О! Да, это я, — воскликнула она в тревоге.

— Очень приятно познакомиться, миссис Мэсси. Я Дерек Хатчинсон, но здесь все зовут меня Хатч, и я буду рад, если вы тоже будете так меня называть, — представился он, сунул шляпу под мышку и протянул руку, которой Кэролайн робко коснулась самыми кончиками пальцев.

— Где мистер Мэсси? — спросила она.

— Корин должен был прибыть вовремя и встретить вас, мэм, и я знаю, что он просто мечтал об этом, но случилась закавыка, кто-то начал скот воровать, и ему пришлось срочно отправиться туда, посмотреть что да как... Он наверняка будет уже дома к тому времени, как мы доберемся, я уверен, — прибавил Хатч, заметив, как вытянулось лицо Кэролайн. На глазах у нее выступили слезы, так что все расплылось, и она сильно прикусила нижнюю губу, чтобы сдержаться.

Хатч медлил в растерянности, не зная, как себя вести.

— Понятно, — выдохнула Кэролайн, пошатнувшись. Ей ужасно хотелось где-нибудь сесть. Корин не приехал ее встретить. Охваченная внезапным ужасом, она искала причины, по которым он может избегать ее.

Хатч тихо откашлялся и нерешительно повозил по песку ногой:

— Я... хм... Я доподлинно знаю, Корин хотел сам вас встретить, миссис Мэсси. Но если объявляются воры, землевладельцы обязаны помогать друг другу, ничего не попишешь. Он поручил мне, и вот я тут, к вашим услугам.

— Он исполнял свой долг? — переспросила Кэролайн с сомнением.

— Конечно. Он просто был обязан.

— А вы его... слуга? — спросила она.

Хатч усмехнулся, поскреб подбородок:

— Да не совсем, миссис Мэсси. Не совсем так. Я старший ковбой на ранчо.

— А... понятно, — произнесла Кэролайн, хотя ничего не поняла. — Что ж... Мы успеем вернуться к ужину, как вы полагаете? — обратилась она к Хатчу, пытаясь сохранять достоинство.

— К ужину, мэм? К завтрашнему, вы хотите сказать?

— Завтрашнему?

— До ранчо почти тридцать пять миль отсюда из Вудворда. Так-то это, конечно, недалеко, но все же далековато, чтобы пускаться в путь на ночь глядя, мне кажется. Здесь в пансионе вас дожидаются комната и знатный ужин. Вам нужно как следует подкрепиться, осмелюсь заметить. — И он оценивающе окинул взглядом ее хрупкую фигурку и бледное лицо.

— Тридцать пять миль? Но... сколько же займет поездка?

— Если тронемся завтра рано утром, то уж наверное доберемся до места к полудню на второй день... Я не подумал, что вы привезете с собой столько чемоданов и саквояжей, с ними фургон, пожалуй, будет двигаться медленнее. Но лошади свежие, и, если погода не испортится, домчат в один миг.

Хатч улыбнулся, и Кэролайн, собравшись, нашла силы улыбнуться в ответ, хотя так устала, что сама мысль о новом путешествии была непосильной. Хатч шагнул вперед, протягивая руку:

— Ну, вот и славно. А сейчас идемте, устроим вас на отдых. А то, сдаётся мне, вы не на шутку устали, миссис Мэсси.

В центральной гостинице на Мэйн-стрит заправляла пухленькая дама с кислым лицом, представившаяся миссис Джессоп. Она показала Кэролайн ее комнату, небольшую, но чистую. Хатч тем временем следил за перегрузкой багажа с вокзальной тележки в крытый фургон, которому предстояло доставить их на ранчо. Миссис Джессоп скривилась, услышав просьбу приготовить горячую ванну, и Кэролайн поспешно извлекла из кошелька деньги.

— Ну, хорошо. Я постучу к вам, когда все будет готово, — бросила хозяйка гостиницы, неприветливо глядя на девушку.

Щеколда на двери ванной едва держалась, а в дощатой двери была дыра на месте вылетевшего сучка, в которую любой мог заглянуть из холла. Кэролайн, пока мылась, не сводила глаз с двери, с ужасом ожидая, что увидит тень от глаза, прислонившегося к отверстию. Воды в ванне было немного, но все же она смыла усталость. Кровь побежала живее к онемевшим мышцам, к ноющей спине, и девушка наконец расслабилась, задышала ровнее. Комната пропахла сырими полотенцами и дешевым мылом. Сквозь ставни пробивались последние лучи теплого вечернего света, с улицы доносились голоса, слышалась речь, медленная и мелодичная, с непривычным выговором. Потом громкий мужской голос раздался прямо у нее под окном:

— Ах ты, *чертов сукин сын!* Какого *дьявола* ты здесь делаешь? — От таких непристойностей у Кэролайн участился пульс, и она резко села, ожидая, что вот-вот снова услышит ругань и проклятия или шум драки, а то и выстрелов. Но услышала совсем другое: взрыв добродушного хохота и звук дружеского похлопывания по плечам. Погрузившись в остывающую воду, она постаралась снова обрести самообладание.

Вытершись грубым полотенцем, Кэролайн надела к ужину чистое белое платье, решив обойтись без украшений, чтобы не смущать своего сопровождающего и не выделяться на фоне других. Без помощи Сары ей не удалось сделать талию настолько же тонкой и так же безупречно уложить волосы. И все же, спускаясь к ужину, она чувствовала себя почти уверенно. Поискав глазами Дерека Хатчинсона и не обнаружив его, Кэролайн спросила о нем у миссис Джессоп.

— Сегодня вы его уже не увидите, — отвечала женщина, и на лице ее мелькнула усмешка. — Я видела, как он направлялся в «Каплю росы».

— Куда направлялся, простите?

— В салун «Капля росы», за Миликен Бридж, возле депо. Так что, чем бы он ни решил подкрепиться нынче вечером, это будет происходить там, а не здесь... — Хозяйка хмыкнула. — Он выбирается на прогулку раз в несколько месяцев, как же мужчине не оголодать.

Увидев по растерянному лицу Кэролайн, что та ничего не поняла, миссис Джессоп добавила:

— Проходите и садитесь, миссис Мэсси. Я сейчас велю Доре подавать вам ужин.

Кэролайн так и сделала и поужинала одна, у стойки. Компанию ей никто не составил, кроме любознательной девушки Доры, которая, подавая блюда, засыпала ее вопросами о востоке. В другом конце комнаты два потрепанных джентльмена с озабоченными лицами долго и подробно обсуждали цены на зерно.

Наутро погода была ясной, на чистом небе ни единого облачка, а в воздухе стоял непривычный для Кэролайн аромат влажной земли и свежих ростков полыни в прерии вокруг Вудворда. Это так отличалось от запаха кирпича, дыма и людей в Нью-Йорке. Когда начался последний этап путешествия, солнце палило в полную силу. Хатч помог Кэролайн забраться в фургон. Девушка заметила, что у него в кобуре на поясе висит теперь шестизарядный револьвер, и в желудке у нее что-то екнуло. Она надвинула шляпку на лоб, чтобы прикрыть глаза от яркого света, но все же исподтишка поглядывала кругом. Кэролайн казалось, что в Нью-Йорке никогда не бывает такого яркого солнца, и Хатч согласился, когда она поделилась с ним своим наблюдением.

— Думаю, так и есть, мэм. Сам я никогда не заезжал так далеко на восток, но думаю, что в любом месте, где так много домов, где столько народу живет и умирает, воздух в конце концов совсем замутится, да и реки тоже.

Свежий ветер поднимал песок под колесами и крутил вокруг, так что Кэролайн приходилось отмахиваться обеими руками. Скоро песок набился и в складки ее юбки. Хатч наблюдал за ней без улыбки.

— Когда выберемся из города, миссис Мэсси, песку станет меньше, — пообещал он.

Чтобы выехать из Вудворда, много времени не потребовалось. Они проехали по Мэйн-стрит, вдоль которой тянулись деревянные постройки и одно или два более капитальных строения. Здесь было несколько салунов, банков, почта, большой магазин, в котором торговали самыми разными товарами, и театр. На улице было много фургонов и лошадей, а по тротуарам спешил по своим делам множество людей, по большей части мужчин. Когда городок остался позади, Кэролайн оглянулась. Издали было видно, что фасады многих

высоких зданий — фальшивки, а за ними спрятались одноэтажные домики.

— Что же, это все, что есть в Вудворде? — скептически спросила Кэролайн.

— Да, мэм. На сегодняшний день примерно две тысячи душ считают его домом, но он постоянно растет. С тех пор как южнее были открыты для проживания земли шайеннов и арапахо, люди все едут сюда, обосновываются, обустривают хозяйство. Кому-то кажется достойным сожаления, что открытые земли разгораживают и распахивают. Что до меня, я называю это прогрессом, хоть и рад, замечу, что вокруг пока еще достаточно простора, чтобы пасти коров.

— Арапахо? Что это означает?

— Это индейцы. Они из более северных краев, но сюда их, как и многих других, переселило правительство... А вот эти земля справа, которую мы сейчас проезжаем, еще недавно принадлежала индейцам чероки, хотя сами они жили дальше на восток. Они издавна сдавали ее фермерам и скотоводам и только потом уж освободили, в девяносто третьем...

— Но разве это не опасно? Цивилизованным людям жить рядом с индейцами? — Кэролайн была потрясена.

Хатч смерил ее долгим взглядом, потом повел плечом:

— Они продали свои земли и перебрались на восток. Думается мне, им не очень хочется жить бок о бок с белыми соседями, точно так же, как некоторым белым — соседствовать с индейцами.

— Слава богу, — вздохнула Кэролайн, — я бы ни за что не смогла уснуть ночью, зная, что за окном бродят эти твари!

Она даже засмеялась, тоненько и нервно, и не заметила внимательного взгляда, который Хатч устремил в прерию. Подражая ему, Кэролайн окинула взором горизонт, и ей стало не по себе от мысли, что совсем еще недавно эти дикари, возможно, добывали в этих местах скальпы. Два кролика, выскочив чуть не из-под колес фургона, скрылись в траве, так что виднелись лишь черные кончики длинных ушей.

Когда проехали десять — двенадцать миль, вдали появились очертания зданий. Кэролайн обрадовалась, увидев их. Каждая миля на пути из Вудворда, казалось, уносила ее все дальше от безопасного мира, от цивилизации, невзирая даже на то, что каждая миля

приближала ее к Корину. Она прищурилась, чтобы получше разглядеть.

— Там другой город? — спросила она.

Хатч тихонько свистнул, и две гнедые кобылы с сильными ногами и мясистыми крупами встали как вкопанные.

— Нет, мэ. Это старый военный форт. Форт Снабжения — так его называют. Скоро мы свернем с большой дороги, и тогда, боюсь, ехать будет тряско.

— Форт Снабжения? Так здесь расположен гарнизон?

— Теперь уже нет. Он заброшен вот уже лет семь или восемь, там никто не живет.

— Но почему здесь были военные? Чтобы защищать людей от индейцев, я полагаю?

— Ну, это, я думаю, была одна из причин. Но по большей части им приходилось удерживать белых, чтобы не селились на индейских землях. Можно сказать, что военные здесь защищали индейцев от таких, как вы и я.

— О... — выдохнула Кэролайн, ощутив, что ее вернули с небес на землю. Ей стало легче при мысли о военных, охраняющих их ферму от индейцев, и она уже успела представить, как танцует кадрили с кавалерами в щегольских мундирах.

Однако при ближайшем рассмотрении форт оказался приземистой и грубой постройкой, даже не из камня или кирпича, а из бревен и глины. Черные дыры окон выглядели жутко и тревожно. Вздрогнув, она отвернулась:

— А куда же ведет эта дорога?

— Да, в общем-то, особо никуда. Отсюда идет к Форту Силл, но с этого конца по ней ездят все больше такие, как мы, чтобы немного облегчить себе путь из города, — разъяснил Хатч.

Кэролайн посмотрела через его плечо на пустынную дорогу. Поднятая ими пыль снова оседала в колеи. Девушка представила себе эту землю девственной, еще не знавшей руки человека, когда только перст Господа касался ее. Теперь здесь уже имелись мрачные руины и дорога в никуда.

— Скоро будем переправляться через Норт-Канейдиан, миссис Мэсси, но только пусть вас это не волнует, — добавил Хатч. — В это время года с этим никаких затруднений не предвидится.

Кэролайн кивнула и храбро ему улыбнулась.

Река была широкой, но мелкой. Вода покрыла ступицы колес, а лошадям не доходила до брюха. Хатч ослабил поводья, и животные начали жадно пить, отряхиваясь, так что брызги с их пыльных крупов летели во все стороны, наполняя ноздри Кэролайн запахом разгоряченной шкуры. Она вытерла несколько капелек, попавших на юбку, но только размазала грязь. Выбравшись из воды, сделали остановку, чтобы пообедать, в узорчатой тени тополей, которые цеплялись узловатыми корнями за песчаный берег. Кэролайн, опершись на руку Хатча, выбралась из фургона и уселась на расстеленное им толстое одеяло. Ей было неудобно в тугом корсете, и она почти не разговаривала, сражаясь с ломтем ветчины — его пришлось жевать до неприличия долго — и кусочком хлеба, раскрошившимся на колени. На зубах скрипели песчинки. Тишину нарушал только шелест колеблемой ветром серебристо-зеленой листвы тополей. Прежде чем фургон снова тронулся в путь, Кэролайн, порывшись в багаже, извлекла оттуда шелковый зонтик с фестонами.

По открытой прерии фургон двигался не так споро, то подпрыгивая на кочках, то буксуя на зыбучих песчаных прогалинах и в полупересохших болотистых руслах мелких ручьев. Время от времени они проезжали мимо небольших поселений с вросшими в землю, лепящимися друг к другу домишками, построенными здесь, чтобы защитить людей, за столбить участки, положить начало новой жизни. Однако постройки находились далеко от дороги и попадались все реже. Жаркий день все тянулся, и Кэролайн задремала, покачиваясь на сиденье рядом с Хатчем. Голова ее то и дело падала на грудь, но каждый раз девушка встряхивалась и просыпалась.

— Мы скоро остановимся и переночуем, миссис Мэсси. Полагаю, вы не откажетесь от чашки горячего кофе и удобного ночлега.

— О, да! Я немного устала. Еще долго ехать?

— Выходит дольше в таком медленном фургоне. Верхом-то я бы за день домчался, даже без особой спешки. Все, что нужно, это добрый скакун под седлом, а ваш муж разводит самых отменных лошадей во всей Оклахоме.

— Где мы остановимся на ночлег? В каком-то поселении поблизости?

— О, нет, мэм. Нынче вечером мы разобьем лагерь.

— Лагерь?

— Верно. Да не пугайтесь вы так, миссис Мэсси! Я человек с понятиями и рукам воли не даю, — добавил он с кривой усмешкой, увидев расширившиеся от ужаса глаза Кэролайн.

Спустя миг она поняла, что Хатч неверно истолковал ее испуг, решив, что она боится провести ночь с ним наедине. Зарумянившись, Кэролайн потупилась, при этом взгляд ее упал на поясной ремень ее спутника. Рубаха слегка приоткрылась, обнажив его крепкий загорелый живот. Кэролайн сглотнула и устремила взгляд на горизонт. Сказать по правде, вначале она оробела, осознав, что всю ночь им придется провести под открытым небом, не имея защиты от диких зверей, непогоды и всей этой необузданной дикой природы.

Хатч засветло остановил фургон на ровном участке прерии с более зеленой и пышной травой. Он помог Кэролайн спуститься, и она стояла, не зная, что делать. Все тело у нее болело и ныло. Хатч отцепил фургон и распряг лошадей, похлопав их по спинам. Радостно помахивая хвостами, они отошли немного и стали шумно жевать траву, набирая полные рты.

— Но... не убегут ли лошади? — обеспокоилась Кэролайн.

— Далеко не убегут, я думаю. А уж за ломтем хлеба прибегут хоть откуда.

Хатч выгрузил из фургона палатку и вскоре установил ее. Расстелив толстые одеяла поверх коровьих шкур, он внес в палатку несессер Кэролайн.

— Вам будет удобно. Не хуже любого отеля в Нью-Йорке, — пообещал он.

Кэролайн взглянула на него, подумав, что он издевается над ней, но потом улыбнулась и, забравшись в палатку, уселась, морща нос от запаха шкур. Но ложе оказалось мягким и удобным, а стены палатки слегка колыхались от ветра, будто тихо дышали. Кэролайн почувствовала умиротворение, сердце перестало колотиться.

Хатч тем временем развел костер и сидел рядом с ним на корточках, следя за большой плоской сковородой, на которой что-то дымилось и брызгало. Он подбрасывал в огонь какие-то сухие темные куски, распознать которые Кэролайн не сумела.

— Чем вы поддерживаете огонь? — спросила она.

— Коровьими лепешками, — ответил Хатч и больше не дал никаких пояснений. Переспрашивать Кэролайн не отважилась.

Закат был великолепен: розовые и бирюзовые сполохи бежали от яркого сияния на западе к глубокой бархатной синеве на востоке. На лице Хатча плясали отблески огня.

— Я поставил там ящик, чтобы вы могли сесть, — обратился он к Кэролайн, махнув вилкой.

Кэролайн послушно уселась. В темноте за языками пламени одна из лошадей фыркнула и тихо заржала. Потом раздался вой, тонкий, зловещий, он отдался эхом, разнесся по плоской равнине.

— Что это было? — воскликнула Кэролайн, вскакивая на ноги. Кровь отлила от ее лица, она пошатнулась и упала бы, не подставь ей руку Хатч, в мгновение ока оказавшийся рядом.

— Присядьте, мэ. Да садитесь же, — настаивал он.

— Это *волки*? — воскликнула она дрожащим голосом.

— Всего-навсего луговые волки, только и всего. Пустяк, они не крупнее комнатной собачки и совсем не свирепые. Они и близко к нам не осмелятся подойти, обещаю вам.

— Вы уверены?

— Уверен так же, как в том, что сижу сейчас здесь, миссис Мэсси. — Голос Хатча звучал убедительно.

Кэролайн плотнее завернулась в шаль и осторожно присела на жесткий деревянный ящик, нервы ее были напряжены до предела. Хатч, казалось, почувствовал ее тревогу, потому что нарушил молчание и начал рассказывать:

— Койоты — так их тоже иногда называют. Они бегают поодаль стаями, подбирают и обглаживают брошенные кости. Вот об этом они и перекликаются — рассказывают, кто где нашел старую коровью кость, чтобы поживиться. Самая большая неприятность, которую они могут причинить, это стащить у фермера курицу, да и на это решатся только если уж совсем оголодают. Мне кажется, они научились держаться подальше от людей, чтобы не схлопотать пулю в хвост, вот как...

Он все продолжал говорить тихим, баюкающим голосом, и Кэролайн совсем успокоилась. Койоты время от времени заводили свою песню, их вой пронесся над лагерем, протяжный и тоскливый.

— Они как будто жалуется на одиночество, — прошептала девушка.

Хатч посмотрел на нее, его глаза скрывала глубокая тень. Он бережно передал ей жестяную кружку.

— Выпейте-ка кофе, мэ, — сказал он.

Она проснулась на заре, разбуженная ярким светом, проникающим сквозь ткань палатки. Ей приснилась Батильда, которая из-за ее плеча следила, как Кэролайн играет гаммы на рояле. «Кисть! Держи кисть!» — восклицала Батильда по своему обыкновению. В первую минуту Кэролайн не могла вспомнить, где находится. Она осторожно высунула голову из палатки и испытала облегчение, поняв, что Хатча поблизости нет. Небо на востоке было ослепительным. Кэролайн никогда в жизни не просыпалась так рано. Она встала и потянулась, уперевшись руками в поясицу. Волосы у нее растрепались, а во рту стоял кисловатый привкус вчерашнего кофе. Она потерла глаза, обнаружила песок у себя на лбу. И не только, в песке было все ее лицо, да и одежда. Под манжетами появилась грязная полоса, песок забился под воротник и натирал шею. Смятые одеяла возле остывающих угольев костра объяснили ей, где провел ночь старший ковбой.

— С добрым утром, миссис Мэсси, — окликнул Хатч, заставив ее вздрогнуть.

Он приближался к фургону, выйдя из высокой зеленой травы и держа в руках поводья пары гнедых лошадей.

— Ну, как спалось, как ваша первая ночь в роли вэдди?^[9] — улыбнулся он.

Кэролайн улыбнулась в ответ, хотя и не поняла, о чем он.

— Доброе утро, мистер Хатчинсон. Я прекрасно выспалась, благодарю вас.

— Я собираюсь отвести эту парочку на водопой к ручью — это вон там, — а потом вернусь и соображу нам завтрак.

Кэролайн кивнула и осмотрелась.

— Вот здесь я поставил бидон с водой, на случай, если вам захочется освежиться, — добавил Хатч и опять улыбнулся, уходя за пределы их лагеря.

На самом-то деле Кэролайн давно хотелось в туалет. Помучившись какое-то время из-за своей стеснительности, она с ужасом поняла, что облегчиться ей придется прямо в кустах и Хатч, демонстративно удаляясь в противоположном направлении, вероятно, тактично давал ей понять, что никто во всей округе не станет свидетелем ее унижения. Рядом с полным бидоном воды Хатч заботливо положил порванную на куски газету и тонкое хлопчатобумажное полотенце. С гримасой ужаса Кэролайн постаралась, насколько могла, воспользоваться этими скудными удобствами. Возвратившись, Хатч с величайшей деликатностью не искал оставленные для нее предметы и не спрашивал о них.

К полудню солнце немилосердно палило, у Кэролайн онемела от усталости рука, которой она стискивала пыльный зонтик. Наконец девушка сдалась и положила его на колени. Посмотрев в бескрайнее небо без единого облачка, она заметила в вышине две темные точки, описывающие круги.

— Это орлы? — спросила она, указывая вверх, и заметила, что ее шелковая перчатка стала совсем бурой от грязи.

Хатч, щурясь, проследил за ее взглядом:

— Боюсь, это просто канюки. Здесь-то, в прерии, орла встретишь не часто. Вот в Скалистых горах можно увидеть прекрасных птиц. Ну и острые же у вас глазки, однако, миссис Мэсси.

Он снова уставился вперед поверх лошадиных ушей и тихонько запел себе под нос: «Дейзи, Дейзи, дай же, дай ответ...»

Кэролайн перевела скучающий взгляд на горизонт, тут же выпрямилась и вытянула руку.

— Там кто-то едет! — взволнованно воскликнула она.

— Что ж, мы ведь уже не так далеко от ранчо, мэм. Это может быть кто-нибудь из наших, — кивнул Хатч с еле заметной усмешкой.

— Это Корин? — с замиранием сердца спросила Кэролайн, а руки сами собой взлетели к растрепанным волосам. — Вы полагаете, это мистер Мэсси?

— Что ж... — Хатч снова улыбнулся, пока она продолжала лихорадочно приводить себя в порядок, — я никого не знаю в этих краях, кто бы еще ездил на такой вороной кобылке, так что, думаю это все-таки ваш супруг, мэм.

Пока Кэролайн отряхивала юбки и щипала себя за щеки, не обращая внимания на то, видит ли Хатч ее ухищрения, всадник подскакал ближе, и она наконец увидела мужа — впервые с тех пор, как вышла за него месяц назад. Она аккуратно сложила руки на коленях и уселась прямо, хотя внутри у нее все так и прыгало от волнения. Вороной скакун легко преодолевал расстояние, взметая копытами песок. Вот он уже подскакал к ним, и Корин стянул с лица платок, открывая широкую радостную улыбку. Он оказался таким же чудесным, каким она его помнила.

— Кэролайн! — крикнул он. — До чего же я рад тебя видеть!

Корин спрыгнул с коня, подошел, встал у ног Кэролайн. Она продолжала сидеть в высоком фургоне, пригвожденная к месту волнением и предвкушением.

— Как ты себя чувствуешь? Как поездка?

Она не ответила, и лицо Корина будто потухло, а в глазах появилась озабоченность. А виновата она! Все еще не в силах от растерянности подобрать нужные слова, но чувствуя облегчение и радость от встречи куда большие, чем она осмелилась бы признать, Кэролайн отбросила всякие приличия и бросилась вниз, прямо в его распахнутые объятия. Лишь благодаря субтильному сложению девушки оба они не упали в результате на песок. Хатч, со сдержанной усмешкой наблюдавший за ними, держа поводья по своему обыкновению в одной руке, одобрительно кивнул своему хозяину.

Вокруг дома на ранчо, куда фургон доставил молодую жену Корина Мэсси, собралась небольшая кучка народу. В основном это были молодые люди в изношенной и запыленной одежде, которые, впрочем, явно приложили некоторые усилия, чтобы выглядеть поприличнее, — причесались и заправили рубахи. Корин улыбался, наблюдая за волнением Кэролайн, безуспешно пытавшейся привести в порядок свой туалет. Мужчины кивали, дотрагивались до шляп и бормотали приветствия, пока она выбиралась из фургона, а она улыбалась и любезно их благодарила.

— Мне прямо не терпится показать тебе ранчо, Кэролайн, показать тебе все-все! Надеюсь, поездка тебя не слишком утомила? — говорил Корин, спешиваясь с лошади.

— О, я ужасно устала, Корин! Конечно же ты все мне покажешь, но сначала мне просто необходимо прилечь, а потом принять ванну, — ответила она.

Корин с готовностью кивнул, хотя не смог скрыть некоторого разочарования. Высокий белый дом, который рисовала себе в мечтах Кэролайн, оказался приземистой деревянной постройкой, и хотя фасад и вправду был выкрашен белой краской, но на нее налип песок, и нижняя часть стены выглядела неряшливо. Корин перехватил ее взгляд.

— Весенний ветер подул раньше, чем успела просохнуть краска, — объяснил он с виноватым видом. — Мы потом все перекрасим, не беспокойся. Хорошо еще, мы только успели закончить фасад, не так много работы пошло насмарку!

Кэролайн заглянула за угол и в самом деле увидела голые доски.

— Я сам присмотрю за Потаскухой. А вы ведите миссис Мэсси в дом, — сказал Хатч, принимая у Корина поводья.

— Потаскуха? — Кэролайн не верила своим ушам.

— Моя кобыла, — ухмыльнулся Корин и ласково почесал лошади лоб. Кэролайн мало что понимала в лошадях, но ей показалось, что вид у животного был злобный. — Самая упрямая и злобная животина, какую только можно найти в этих краях, с этим никто не поспорит.

— Почему же ты ее держишь, если она такая скверная?

— А как же, — Корин пожал плечами, будто такое никогда не приходило ему в голову, — ведь это моя лошадь.

Внутри были голые стены, окна без занавесок. Мебели было достаточно, но все было расставлено как попало, даже не задвинуто в углы. Легкое кресло у керосиновой лампы, рядом со стопками журналов по скотоводству и каталогами семян, казалось единственной вещью, стоящей на своем месте. На полу множество коробок и картонок. Кэролайн медленно шла среди них, под каблуками ее башмаков скрипел песок. Посмотрев на мужа, она не сумела скрыть разочарования. С лица Корина сползла улыбка.

— Понимаешь, я ведь специально не стал ничего расставлять, не хотелось без тебя. Думал, вот ты приедешь и скажешь, как и что нужно сделать. Но мы быстро наведем порядок... теперь-то, когда ты здесь, — заторопился он с объяснениями.

Кэролайн улыбнулась, глубоко и прерывисто вздохнула, вбирая в легкие воздух, напоенный ароматом свежетесанного дуба.

— Просто... постройка дома заняла у меня больше времени, чем я рассчитывал... Прости меня, Кэролайн.

— О, нет! Тебе не за что просить прощения! — Ей было невыносимо видеть Корина таким удрученным. — Я уверена, что все будет просто прекрасно — я уже знаю, как мы все расставим. Ты так замечательно все сделал.

Она повернулась и прильнула головой к его груди, с удовольствием вдыхая его запах. Корин отбросил волосы со лба Кэролайн и крепко прижал ее к себе. От этого прикосновения она почувствовала какое-то стеснение, похожее на голод.

— Идем со мной, — шепнул Корин и повел ее к двери в дальнем углу гостиной. Дверь вела в комнату поменьше, где над всем возвышалась огромная железная кровать. Поверх нее лежало многоцветное стеганое покрывало. Кэролайн легко погладила его пальцами. Лоскуты были шелковыми и атласными, прохладными и гладкими на ощупь.

— Кровать везли из самого Нью-Йорка, — похвалился Корин, — ее доставили перед самым твоим приездом. А покрывало подарила мать. Почему бы тебе ее не испробовать?

— О, нет! Я же запачкаю покрывало. Оно такое красивое, Корин, — восторгалась Кэролайн.

— Ничего, я тоже грязный. Говорю тебе, мы должны ее испробовать.

Корин взял ее за руки, потом обнял за талию.

— Подожди! Нет! — расхохоталась Кэролайн, когда муж повалил ее за собой на пружинящий матрас.

— У нас с тобой не было первой брачной ночи, — тихо заговорил он.

От лучей солнца, ударивших в окно, вокруг его волос возникла светящаяся корона, а карие глаза утонули в тени. Кэролайн было страшно неуютно из-за несвежего запаха ее немытого тела и оттого, что во рту пересохло.

— Нет. Еще же не время ложиться. Мне нужно принять ванну... и к тому же нас кто-нибудь увидит.

— Мы больше не в Нью-Йорке, любовь моя. Больше не нужно слушаться тетю и оглядываться на то, что скажут о нас в свете...

Корин положил ладонь ей на корсаж, и у Кэролайн перехватило дыхание, она быстро задышала. Корин расстегнул все пуговицы на ее блузке и осторожно распахнул ее.

— Но что я...

— Но *ничего*, — прошептал Корин, — повернись.

Кэролайн повиновалась, и Корин неловко, что-то бормоча, распустил шнуровку на ее корсаже. Воздух с такой силой устремился в освобожденную грудную клетку Кэролайн, что у нее закружилась голова, и она прикрыла глаза. Корин повернул ее лицом к себе, изучающе и ласково провел по ее телу шершавыми ладонями, которые она заметила при их первой встрече. Он нежно поцеловал ее глаза.

— Ты такая красавица... — Его низкий голос звучал еле слышно. — А глаза сияют, словно серебряные доллары.

Напуганная силой нахлынувшего чувства, Кэролайн набралась храбрости и тоже поцеловала его. Она почти не представляла, чего ей ожидать, знала лишь, что отныне у Корина больше прав на ее тело, чем у кого бы то ни было раньше. Батильда туманно и мрачно намекала на боль, которую она испытает, и на долг, который вынуждена будет исполнять. Однако прикосновения кожи Корина к ее собственной оказались чудесными, ничего подобного ей еще не приходилось испытывать, а нежная настойчивость его касаний, когда он проник между ее бедер, наполнила ее сразу и жаром, и холодом; это было почти болезненно и необычно, превосходило все, что ей доводилось пережить, так что она закричала, не заботясь более о том, пристойно ли это и не услышит ли ее кто-нибудь.

Молодую жену Корин возил по ранчо в коляске — для пешей прогулки расстояния были слишком велики, а верхом Кэролайн не ездила ни разу в жизни. Корина, кажется, поразило это обстоятельство, но потом он развел руками и сказал:

— Не беспокойся, ты скоро научишься.

Но Кэролайн не доверяла этим тварям с их уродливыми зубами и необузданной животной силой, и перспектива оказаться сидящей на спине у одной из них несколько ее не привлекала. Корин горделиво знакомил ее со своими племенными кобылами и жеребцом Апачем, и

Кэролайн кивала и улыбалась, изо всех сил пытаясь их различить. Все животные казались ей одинаковыми. Муж вез ее мимо всевозможных коралей, загонов для лошадей и коров, мимо приземистых, грубо сколоченных барачков, в которых жили объездчики. Кэролайн обратила внимание, как Корин свободно здесь держится, без малейшего следа неловкости и скованности, свойственных ему в Нью-Йорке. Они миновали жалкого вида землянку, выкопанную в почве и крытую досками и дерном.

— Это мог бы быть наш дом, появишься ты на несколько лет раньше! — улыбаясь, сказал Корин.

— Это? — эхом отозвалась потрясенная Кэролайн.

— Эта нора — самое первое жилье, которое я здесь соорудил, когда застолбил свой участок в девяносто третьем. И я два раза в ней зимовал, пока не заполучил нормальный дом — я нашел его в прерии и перетащил сюда, ты можешь в это поверить?

— Ты украл *дом*?

— Не украл! Нет, не так. Я думаю, его поставил кто-то из переселенцев, чтобы занять землю, когда это еще не было разрешено. В общем, неважно, кто его построил, все равно он не то сам оттуда съехал, не то его прогнали. Дом просто стоял там, и никто в нем не жил, кроме гремучих змей. Ну, я их повытряхнул, затащил дом на платформу и перевез сюда. Славный был домик, но для семьи маловат.

С этими словами он схватил ее за руку и крепко сжал. Кэролайн стыдливо отвернулась.

— Для *большой* семьи? — неуверенно осведомилась она.

— Думаю, четверо или пятеро детишек было бы в самый раз, — усмехнулся Корин. — А ты как считаешь?

— Четверо или пятеро будет в самый раз, — согласилась она, широко улыбаясь.

— Смотри, а вот сюда мы пригоняем кобыл, которые собираются жеребиться.

— А это что? — спросила Кэролайн, указывая на шатер позади загона для кобыл.

— А... там живет семья Джо. Видишь, рядом землянка? Джо и его жена спят там, но их родня захотела поставить типи. В таких они всегда жили и живут до сих пор. Этот народ умеет чтить традиции.

— С чего бы это родственникам Джо жить в типи? — не могла понять Кэролайн.

Корин изучающе взглядывался в жену, не менее озадаченный, чем она сама.

— Да потому что они индейцы, радость моя. И им нравится жить, как они всегда жили, хотя сам-то Джо более прогрессивен. Он работал со мной с самого начала, с первых дней, а ведь я тогда мог с ним расплатиться только одеждой и пятицентовыми жестянками ричмондского табака. Один из моих лучших объездчиков...

— Индейцы? Здесь есть *индейцы*? — У Кэролайн затрепетало сердце, свело живот. Она бы не так ужаснулась, скажи ей Корин, что среди его стадов свободно рыщут волки.

— Хатч сказал, что они давно ушли! — пролепетала она.

— Ну, многие ушли, это верно. Оставшаяся часть родных Джо живет в резервации, к востоку отсюда, на земле, которая идет до берегов реки Арканзас. У тех, которые остались на Территории Оклахома, вождь Белый Орел. Но другие несколько лет назад снова пошли на север. Вождь Стоящий Медведь повел их обратно в земли Небраски. Мне кажется, их больше мучила тоска по дому, чем остальных, — объяснил Корин.

Кэролайн почти не слушала эту краткую историю племени. Она не верила собственным глазам и ушам, не могла поверить, что здесь, почти на пороге ее дома, стоят лагерем дикари, известные своей жестокостью. На востоке жуткие истории об их свирепости передавались из уст в уста годами и десятилетиями. Леденящий страх пригвоздил ее к месту. Поддавшись панике, Кэролайн выхватила у Корина поводья и потянула, направляя голову лошади назад, к дому.

— Эй, погоди, что ты делаешь? — вскрикнул Корин, пытаясь отобрать волоки, пока лошадь, протестуя, мотала головой, грызя мундштук.

— Уедем отсюда! Я хочу домой, хочу быть *подальше* от них! — Кэролайн била дрожь. Она закрыла лицо руками, отчаянно желая спрятаться.

Корин, успокоив лошадь, сгреб руки Кэролайн в свои ладони.

— Ну же, послушай! — Он говорил серьезно, глядя ей в глаза. — Послушай меня, Кэролайн. Они хорошие люди. *Люди*, совсем как мы с тобой. Они хотят просто жить и трудиться... и растить своих детей. И

забуди все, чего ты наслушалась на востоке, — там любят изображать индейцев отпетыми злодеями. А я говорю тебе: они не хотят зла ни тебе, ни кому-то еще. В прошлом бывали распри, да, а виновниками частенько становились белые люди, но сейчас все мы хотим только одного — жить в мире и ладить по-соседски. Джо привел всю свою семью сюда, чтобы жить здесь и работать. Ни ты, ни я даже представить не можем, какого мужества это от него потребовало. Ты меня слушаешь, Кэролайн?

Она кивнула, но поверить в то, что говорил Корин, было слишком трудно. По ее щекам катились слезы.

— Не плачь, моя милая. Вся чушь, которую тебе рассказывали про индейцев, не имеет отношения к Джо. В этом я могу тебя заверить. А теперь идем, я вас познакомлю.

— Нет! — выдохнула она.

— Да. Теперь это твои соседи, а Джо — мой верный друг.

— Не могу! Пожалуйста! — прорыдала Кэролайн.

Корин любовно отер ее лицо платком. Он приподнял ее подбородок и нежно улыбнулся:

— Бедняжка моя. Ну не бойся, прошу тебя. Пойдем, пойдем. Как только ты их увидишь, в тот же миг поймешь, что тебе нечего бояться.

Поцокав языком, Корин развернул лошадь и направил коляску в сторону типи и землянки. Вокруг жилищ были натянуты бельевые веревки, громоздились сушилки для одежды, канаты, инструменты, конская упряжь. Рядом с типи горел костер, и когда они подошли поближе, то увидели, как маленькая женщина с проседью в волосах ставит на угли почерневший котелок. Спина старухи была согнута, но глаза ярко блестели из сеточки глубоких морщин, покрывающей ее лицо. Старуха ничего не сказала, только встала и кивнула, со спокойным интересом глядя на Кэролайн, пока Корин спрыгивал с коляски.

— Доброе утро, Белое Облако. Приехал представить вам свою молодую жену, — обратился к старухе Корин, почтительно касаясь пальцами широких полей шляпы.

Когда Кэролайн спустилась вниз, у нее дрожали все поджилки. Она глотнула, но в горле по-прежнему оставался комок, мешавший ей дышать. Мысли вихрем кружили у нее в голове, будто метель. Из землянки вышел мужчина, за ним девушка. Из типи появилась еще

одна женщина, средних лет, суровая на вид. Обращаясь к Корину, женщина произнесла что-то непонятное, а он, к полнейшему изумлению Кэролайн, ответил.

— Ты говоришь на их языке? — вырвалось у Кэролайн, но она тут же смущенно замолкла, когда глаза всех присутствующих повернулись к ней.

Корин скромно улыбнулся:

— Да, разумеется. Ну, Кэролайн, вот это Джо, а это его жена Сорока, хотя чаще ее называют Мэгги.

Кэролайн пыталась улыбаться, но долго не могла справиться с собой и поднять глаза на этих людей. Когда ей все-таки это удалось, она увидела темного, мрачноватого мужчину, невысокого, но широкоплечего, и пухленькую девушку; разноцветные нити были искусно вплетены в ее волосы. Оба были длинноволосыми, скуластыми, с суровыми складками на лбу. Мэгги-Сорока улыбнулась и нагнула голову, чтобы заглянуть Кэролайн в глаза.

— Я очень рада с вами познакомиться, миссис Мэсси, — заговорила она, и ее английский оказался совершенно правильным, несмотря на заметный акцент.

Кэролайн изумленно воззрилась на нее.

— Вы говорите по-английски? — недоверчиво пробормотала она.

Мэгги польщенно захихикала.

— Да, миссис Мэсси. Лучше, чем мой муж, хотя я училась не так долго, как он! — похвасталась индианка. — Я так рада, что вы приехали. Здесь, на ранчо, слишком уж много мужчин.

Кэролайн внимательнее пригляделась к девушке, одетой в скромную юбку и простую блузку. На ее плечи было наброшено пестрое тканое одеяло. Обута она была в мягкие башмачки, Кэролайн прежде таких не видела. Ее муж, в тяжелом расшитом бисером жилете поверх рубахи, что-то пробормотал на своем языке, и Мэгги нахмурилась, ее короткий ответ прозвучал возмущенно. Джо был не так улыбочив, как его супруга, а выражение его лица казалось Кэролайн почти враждебным. Ее настораживали непроницаемая чернота его глаз и то, как его рот был сжат в прямую упрямую линию.

— Я никогда еще не встречала... людей чероки, — заговорила Кэролайн: общительность Мэгги вселила в нее некоторую уверенность.

— И сейчас не повстречали, — в первый раз заговорил Джо, и довольно ехидно. Его акцент был таким сильным, что поначалу не все было понятно.

Кэролайн обернулась к Корину.

— Джо и его семья из племени понка, — пояснил он.

— Но... Хатч говорил, что эти земли раньше принадлежали чероки...

— Так и было. Просто... ну, короче говоря, в этой стране много разных племен. Раньше Оклахома, как ни крути, была землей индейцев. Джо и его семейство не такие, как все, потому что захотели перенять кое-что из образа жизни белых людей. Большинство индейцев предпочитают жить сами по себе, в резервациях. А Джо попробовал заняться скотоводством, разохотился и теперь не намерен возвращаться к старому. Верно ведь, Джо?

— Разохотился бить тебя в карты, так вернее, — ответил понка, иронически скривив рот.

Когда они отъехали от типи, Кэролайн наморщила лоб:

— Джо... Не совсем обычное имя для... для понко...

— Понка. Это потому, что настоящее имя у него такое заковыристое — язык сломаешь. А означает Пыльный Смерч или что-то в этом роде. Куда проще выговорить «Джо», — объяснил Корин.

— Мне показалось, он не выказывает достаточно почтения к тебе... как своему хозяину.

На это Корин слегка нахмурился и взглянул на Кэролайн:

— Он меня уважает, уверяю тебя; и это уважение я сумел заслужить. Такие люди, как Джо, не выказывают почтение только потому, что ты белый, или у тебя есть земля, или ты платишь жалованье. Они уважают того, кто честен и прям, кто готов учиться и способен отнестись к ним с уважением. Здесь все немного не так, как в Нью-Йорке, Кэролайн. Людям приходится самим заботиться о себе и помогать друг другу, когда случается наводнение или, бывает, торнадо сметет все в один миг... — Корин умолк.

Теплый ветер из прерии наигрывал какую-то песню на спицах колес. Кэролайн, уязвленная отповедью, тоже молчала.

— Ты привыкнешь, и все уладится, не грусти, — уловив ее состояние, проговорил Корин уже менее напряженно.

Прошло несколько дней, и они устроили себе свадебное путешествие. Коляска тронулась в путь, как только солнце показалось на востоке, и почти три часа ехала на запад от ранчо. Они оказались в месте, где пышные холмы окружали неглубокое озеро, куда впадали два медленно текущих ручья. Серебристые ивы склоняли ветви, затеняя берег, и время от времени касались воды, отчего по отраженному в ней небу пробегала рябь.

— Как же здесь красиво, — с восхищенной улыбкой сказала Кэролайн, когда Корин поднял ее на руки и снял с коляски.

— Рад, что тебе понравилось. — Корин поцеловал молодую жену в лоб. — Это место одно из моих любимых. Иногда я приезжаю сюда, если надо что-то обдумать или когда на душе скверно...

— Почему же ты не захотел здесь поселиться? Почему устроил ранчо дальше на восток?

— Да я хотел, но Джефффри Бьюкенен меня опередил. Его ферма отсюда в двух милях, и он успел застолбить эту землю.

— Он не станет возражать против того, что мы приехали?

— Не думаю. Он парень добродушный, а главное, он и не узнает, что мы тут побывали, — ухмыльнулся Корин, а Кэролайн рассмеялась и, подбежав к берегу озера, окунула руку в воду.

— Так ты часто сюда приезжаешь вот так? Часто грустишь?

— Случалось раньше, когда я впервые сюда приехал. Волновался, сумею ли правильно подать заявку на землю, беспокоился, что оказался так далеко от родных, подойдет ли земля для скота. Но в последнее время я сюда совсем не навещался. Довольно скоро я понял, что все сделал как надо и лучшего даже желать не могу. Просто так в этой жизни ничего не происходит, вот во что я верю, и теперь я знаю, что поступил правильно.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Кэролайн, повернувшись к мужу и вытирая пальцы о подол юбки.

— Потому что у меня появилась ты. Когда погиб мой отец, я подумал... я какое-то время думал, что должен вернуться в Нью-Йорк, чтобы быть с матерью. Но, приехав, моментально понял, что остаться не смогу. И тогда я встретил тебя, и ты была готова уехать со мной, чтобы быть вместе... и если уж из того, что я лишился отца, могло выйти что-то хорошее, то вот ты-то и есть это хорошее, Кэролайн. Ты

— то, без чего моя жизнь была неполной. — Корин говорил так радостно и с такой убежденностью, что Кэролайн была растрогана.

— Ты и правда так думаешь? — прошептала она, подойдя к мужу вплотную и чувствуя, как солнце печет кожу. Солнце зажгло огоньки в его глазах, окрасило их в цвет жженого сахара.

— Я правда так думаю, — тихо подтвердил Корин, и Кэролайн встала на цыпочки, чтобы поцеловать мужа.

Они расстелили ковер в тени ивняка, вынули припасы из корзины, выпрягли лошадь, и Корин привязал ее к дереву. Кэролайн уселась, тщательно подобрав под себя ноги, и налила Корину стакан лимонада. Он улегся рядом, опершись на локоть, и расстегнул пуговицы на рубашке, позволив свежему ветру проникнуть под ткань. Кэролайн смотрела на него почти украдкой, еще не освоившись с мыслью, что он принадлежит ей. До приезда на ранчо она даже не подозревала, что у мужчин на груди растут волосы, и вот теперь смотрела на завитки, влажные от жара его тела.

— Корин? — вдруг окликнула она.

— Да, любимая?

— Сколько тебе лет?

— Что? Да ты знаешь!

— Да нет же! Я только сейчас поняла — не знаю, сколько тебе лет. Мне кажется, ты намного старше меня — не на вид, я хочу сказать! Ну, и на вид тоже... немного, но главное — в другом. — Кэролайн смешалась.

Корин улыбался:

— Мне будет двадцать семь. Ну что, огорчена, что вышла за такого старика?

— Двадцать семь — совсем еще не старый! Мне самой месяца через два исполнится девятнадцать... Но, послушай, у меня сложилось впечатление, будто ты живешь здесь уже целую вечность. Ты так здесь обжился, будто тебе лет пятьдесят, не меньше!

— Что ж, впервые я приехал сюда с отцом. Поездка была деловая — отец подыскивал новых поставщиков мяса. Он ведь торговал мясом, я тебе не рассказывал? Поставлял его в лучшие рестораны Нью-Йорка, и тогда все считали, что я должен пойти по его стопам. Но стоило мне попасть в эти края, я сразу понял, что мы держимся не за тот конец этой цепочки. Словом, больше я домой не возвращался. Шестнадцать

мне было, когда я решил остаться здесь и научиться разводить скот, вместо того чтобы покупать его в виде туш.

— Шестнадцать! — отозвалась Кэролайн. — Неужели тебе не было страшно оставить вот так родной дом, семью?

Корин немного поразмыслив, покачал головой:

— Я никогда в жизни ничего особо не боялся. Пока не пригласил тебя на танец...

Кэролайн зарделась от счастья, разглаживая юбки.

— Жарко сегодня, правда? Даже здесь, в тени, — заметила она.

— Хочешь знать самый лучший способ освежиться?

— Что за способ?

— Плавать! — объявил Корин, вскакивая на ноги и стягивая рубашку через голову.

— Плавать? Что ты имеешь в виду? — прыснула Кэролайн.

— Я покажу! — смеясь, Корин раскидал башмаки, стащил и отшвырнул в сторону брюки и, обнаженный, как Адам в раю, вбежал в озеро, ухая и поднимая брызги. Кэролайн, поднявшись, уставилась на него круглыми от изумления глазами. — Иди сюда, родная! Это так чудесно!

— Ты *сошел с ума!* — крикнула она девушка. — Мне *нельзя* здесь плавать!

— Это почему же? — спросил он и мощными гребками поплыл через озеро.

— Ну... здесь же... — она неопределенно махнула рукой, — вода мутная! И все на виду — кто угодно может подглядеть! А у меня нет купального костюма...

— Конечно есть! Он у тебя прямо под одеждой, — усмехнулся Корин. — И кому здесь подглядывать? Здесь на мили вокруг ни души — только ты да я. Ну, иди же! Тебе понравится!

Нерешительно подойдя к воде, Кэролайн расшнуровала башмаки и заколебалась. Солнечный свет зазывно плясал на поверхности воды, на мелководье лениво шевелили плавниками крошечные рыбки. Солнце припекало, жгло макушку, одежда казалась тесной и душной. Наконец, решившись, она нагнулась, стянула обувь и чулки, аккуратно сложила их на берегу. Затем, подобрав юбки до колен, пошла вперед, пока вода не дошла ей до лодыжек. Прикосновение холодной воды к липкой коже застигло ее врасплох.

— Господи! — выдохнула она.

— Ну, что скажешь, так легче? — Корин подплыл ближе. Его ягодицы белели под водой, рябь искажала очертания.

Кэролайн не могла удержаться от смеха.

— Ты похож на лягушку в ведре! — поддразнила она мужа.

— Ах, вот как? — И он обдал ее брызгами с ног до головы. С визгом Кэролайн отпрянула. — Иди, иди сюда, поплавай! Я бросаю тебе вызов!

Кэролайн осмотрелась, как будто за спиной вдруг могли появиться наблюдатели, готовые осудить ее за легкомыслие, а потом сняла платье и повесила на ивовые ветви. Снимать шелковую сорочку она не стала, по обнаженным плечам бежали мурашки. Кэролайн обхватила себя за плечи и снова подошла к кромке воды. Здесь она помедлила, наслаждаясь прикосновением ила к босым ногам. Никогда прежде она не испытывала подобного и сейчас, подобрав нижнюю юбку, смотрела вниз, рассеянно улыбаясь и поджимая пальцы ног. Желая поделиться новыми ощущениями, она подняла голову и обнаружила, что притихший Корин пристально смотрит на нее.

— В чем дело? — встревожилась она.

— В тебе. Просто люблюсь тобой... Ты храбрая. И прекрасная. Я никогда не видел ничего подобного, — просто ответил он. Мокрые волосы прилипли ко лбу, отчего он казался моложе, совсем мальчишкой.

Кэролайн собиралась только поплескаться у берега, но прохладное касание воды и возбуждение от слов Корина придали ей смелости. Она зашла по пояс, вода подхватила и закрутила полупрозрачные складки сорочки вокруг ее ног. С нервным смешком Кэролайн легла на спину, доверившись воде, которая держала ее на поверхности. Волосы намокли, сразу стало прохладно.

— Иди сюда, поцелуй меня, — потребовал Корин.

— Сожалею, сэр, я слишком занята плаванием, — величественно провозгласила Кэролайн, неловко шлепая руками. Она плавала только в детстве, около летнего дома родителей.

— Я должен получить свой поцелуй, даже если придется тебя догонять, — заявил Корин.

Хохоча и молотя ногами, Кэролайн попыталась ускользнуть — надо признаться, однако, что она не так уж старалась.

Солнце клонилось к горизонту, когда они преодолели последний подъем и увидели огни дома на ранчо, поблескивающие внизу. Кэролайн обгорела на солнце, непривычным было ощущение от платья, надетого без нижней сорочки. На губах был привкус воды. Ее запах остался у обоих на коже и волосах. Они занимались любовью на берегу ручья, и томление еще наполняло все ее тело теплом и тяжестью. Внезапно она поняла, что совсем не хочет возвращаться домой. Ей хотелось, чтобы вечно длился этот день, чтобы они с Коринном снова оказались в этом тенистом уголке, продолжали любить друг друга, ни о чем не думая и ни о чем не тревожась. Будто прочитав ее мысли, Корин натянул вожжи, остановил лошадь и посмотрел на их дом, а потом повернулся к ней.

— Ну что, хочешь домой? — спросил он.

— Нет! — горячо воскликнула Кэролайн. — Я... я хотела бы, чтобы каждый наш день был похож на этот. Он был просто восхитителен!

— Согласен с тобой, любимая. — Корин взял ее руку и поднес к губам.

— Обещай, что мы снова там побываем. Я не желаю приближаться к дому ни на *дюйм*, пока ты не пообещаешь *мне* это.

— Пора домой! Ночь скоро наступит... но я обещаю тебе, что мы снова туда съездим. Мы можем ездить туда, когда захотим, — мы *будем* ездить туда, и у нас впереди еще множество таких дней, как сегодня. Клянусь тебе.

Кэролайн видела только силуэт Корина в синем мерцании ночи, она уловила отблеск его глаз, очертания улыбающегося рта. Протянув руку, она коснулась его щеки.

— Я люблю тебя, — просто сказала она.

Покачивая поводьями, лошадь начала ленивый спуск вниз, к деревянному дому, и с каждым ее шагом Кэролайн ощущала, как в душе растет смутное предчувствие. Она смотрела на темную долину впереди — и вдруг поняла, что боится: боится, несмотря на клятву Корина, что не будет в их жизни такого же счастливого и беспечного дня, как тот, что только что прошел.

Как-то — мне тогда было лет семь — он принялся загадывать свои загадки. Помню, это была суббота, остатки завтрака еще не убрали со стола. Погода стояла солнечная, но прохладная. Большие окна, выходящие на террасу, были распахнуты, через них в комнату проникал свежий воздух, довольно холодный, так что у меня мерзли икры. Я не смотрела, чем там занят Генри, когда он разразился своими шутками. Мне было не до наблюдений. Я просто подбежала и слушала, клянча, как только он замолкал: *Скажи еще! — Что это, на окне сидит, по-французски говорит? Француз. На каких деревьях вороны обычно сидят в дождь? На мокрых.* Он подвинул к себе банку с бисквитами и занимался тем, что склеивал попарно плоские бисквиты, промазывая их толстым слоем английской горчицы. Ужасно жгучая была эта горчица мерзкого химического цвета, Клиффорд любил есть с ней сосиски. Вот тебе и на, попыталась, называется, вспомнить о мальчике что-то хорошее. А вспомнила вот это.

Мне в голову не пришло спросить, зачем он это делает. Мне было невдомек, куда и зачем мы с ним идем. Генри завернул бисквиты в салфетку, сунул в карман. Я бежала за ним по лужайке, как ручная обезьянка, и требовала еще смешных загадок. Мы направились на запад — не на юг, в лес, а в долину, обошли ее по краю и наконец добрались до лагеря Динни. Генри нырнул в какую-то яму, поросшую высокой травой, присел на корточки и меня потянул за собой. Мы спрятались за пенной дурманящей стеной цветущего купыря. Только тогда я додумалась шепотом спросить: *Генри, а что ты делаешь? А почему мы прячемся?* Он велел мне заткнуться, и я повиновалась. *Наверное, мы играем в шпионов,* подумала я. Стараясь не шуметь, я осматривалась, проверяла, нет ли подо мной крапивы, муравьев, шмелей. Дедушка Динни сидел на раскладном стуле рядом с их издавшим виды белым домом-автофургоном. Шляпа надвинута на глаза, руки сложены, пальцы под мышками. Мне кажется, он спал. От крыльев носа к уголкам рта сбегали глубокие темные морщины. Собаки дремали по обе стороны от него, положив морды на лапы. Два колли, черные с белым, Дикси и Файвер. Нам не разрешалось гладить их, пока дедушка флаг не позволит: *Им палец в рот не клади, отхватить могут.*

Генри швырнул свои сэндвичи через кусты. Собаки моментально вскочили, но, учуяв бисквиты, не стали лаять. Они моментально слопали бисквиты вместе с горчицей. Я затаила дыхание. Мысленно я взывала: *Генри!*

Дикси издала отрывистый звук, будто кашлянула, потом чихнула, положила морду на лапу, а второй лапой начала неистово ее тереть. Скосив глаза к носу, она чихала, трясла головой, скулила. Генри прикусил пальцы, глаза у него сияли, лучились весельем. Он прямо весь светился. Дедушка Флаг проснулся и тихонько успокаивал собак. Поглаживая Дикси, он внимательно всматривался в ее морду, а она шумно дышала и отфыркивалась. Файвер отбежал в сторону, и его вырвало мерзкой желто-зеленой гадостью. Генри, зажимая рот кулаком, всхлипывал от смеха. Я корчилась от жалости к собакам, от чувства вины. Я хотела вскочить и закричать: *Это не я!* Я хотела исчезнуть, броситься со всех ног к дому, но осталась сидеть на корточках, покачиваясь, уткнув лицо в колени.

Но самое ужасное случилось, когда мне наконец было позволено встать и уйти оттуда. Меня ущипнули за руку, чтобы я поднялась, и не прошли мы и двадцати шагов, как появились Динни и Бет. Джинсы у обоих были мокрыми от росы, у Бет в волосах застрял зеленый листик.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросила Бет.

Генри мрачно зыркнул на нее.

— Ничем, — ответил он. Ему удалось все свое презрение вложить в одно слово.

— Эрика? — Сестра серьезно смотрела на меня, пытаюсь понять, как я могла оказаться здесь с Генри и почему у меня виноватый вид. Как будто я их предала. *Но где же были вы, почему без меня?* — хотелось выкрикнуть мне. *Это они бросили меня.* Генри смерил меня хмурым взглядом и дал тычка.

— Ничем, — солгала я.

До вечера я ходила надувшись и молчала. А на другой день, увидев Динни, я не могла поднять на него глаз. Я понимала, что он понял. И все из-за загадок Генри.

— Рик? Ну мы идем? — Голова Эдди возникает в двери спальни, где я затаилась, задумавшись. Всматриваюсь в туманное стекло, в

белый мир за ним. Крохотные кристаллики по углам, перистые и совершенные.

— *Мороз, обряд свершая тайный, ее развесит цепью тихих льдинок, сияющих под тихую луну,* — цитирую я.

— Это что?

— Кольридж. Конечно, Эдди, идем. Дай мне пять секунд на сборы.

— Раз-два-три-четыре-пять.

— Ха, ха. Беги, я скоро спущусь... ну, не идти же мне в ночной рубашке. — Чуть раньше я отворила дверь Максвеллу именно в таком вызывающем наряде.

— По крайней мере, не сегодня, — соглашается Эдди, отступая. — В такую холодину и пингвин задницу отморозит.

— Это очаровательно, друг мой, — кричу я.

Мороз переокрасил деревья в белое. Мир стал другим — ломкий мир-альбинос, где белизна и переливчато-голубые тона пришли на смену мертвой серости и коричневому унынию. Дом изменился, обновился: это больше не призрак и не труп того места, которое я помню. Я и сама сегодня излучаю оптимизм. Трудно было бы чувствовать себя иначе. После стольких пасмурных дней небо наконец очистилось, и кажется, что это навсегда. Такой простор открылся там, в вышине, что голова идет кругом. А Бет сказала, что пойдет с нами, — вот какой замечательный сегодня день.

Когда я сообщила ей, что здесь Динни, она замерла. В первый момент мне стало страшно. Показалось, что она не дышит. Будто кровь в ее венах застыла, будто перестало биться сердце — настолько она была неподвижна. Тянулась долгая, мучительная минута, я ждала, смотрела на сестру и пыталась угадать, что за этим последует. Бет посмотрела в сторону и кончиком языка облизала нижнюю губу.

— Мы, наверное, стали чужими, — выговорила она и медленно вышла из кухни. Она не спросила, откуда я это знаю, как он выглядит, что делает здесь. А я почувствовала, что не имею ничего против. Мне скорее нравилось держать это при себе. Хранить сказанные им слова только для себя, владеть ими.

Бет успокоилась к тому времени, как я разыскала ее позже, и мы пили чай, а я макала в свою кружку печенье. Но Бет ничего не ела. Она

не тронула печенье, тарелку ризотто, которую я поставила перед ней, мороженое, поданное на десерт.

Сегодня двадцатое декабря. Окна в машине запотевают. Еду на восток через поселок, потом сворачиваю на север, на А361.

— Еще денек потерпеть, ребята, а потом полетим к весне, как с горки! — весело объявляю я, а сама разминаю заледеневшие в перчатках пальцы.

— Нельзя до Рождества мечтать об окончании зимы, рано еще, — строго указывает Эдди.

— Правда, что ли? Даже тем, у кого руки к рулю примерзли? Сам посмотри! Хочу разогнуть — и не могу! Окостенели — гляди!

Эдди, глядя на меня, фыркает от смеха.

— Крепко держаться за штурвал и не выпускать его из рук — это, можно сказать, полезное свойство, — лукаво замечает Бет с пассажирского места.

— Ну, значит, это здорово, что я промерзла. — Я улыбаюсь.

Сворачиваю на Эйвбери. Эдди в этом семестре предстоит изучать доисторический период. В Уилтшире на каждом шагу можно встретить всякие древности. Мы ставим машину и, отказавшись от предложения вступить в Национальное общество охраны исторических памятников, вливаемся в плотный поток людей, продвигающихся по тропе к кромлеху.^[11] Земля в инее сверкает, солнце слепит.

Суббота просто великолепная, в Эйвбери толпы гуляющих, все, как и мы, тепло укутаны и кажутся бесформенными. Люди подходят к древним валунам и отходят от них. Два концентрических круга, не такие высокие, как в Стоунхендже, не такие величественные, зато диаметр кругов гораздо, гораздо больше. Дорога ведет нас вокруг камней. Внутри кругов поместилась почти половина деревушки, правда, небольшая церковь скромно притулилась снаружи. Мне тут нравится. Столько разных жизней, столько лет — все сосредоточено в одном месте. Мы неторопливо движемся вокруг кольца. Бет читает вслух путеводитель, но мне кажется, Эдди не слушает. Он опять нашел палку. Это его меч — он воображает, что сражается с кем-то, и мне хочется залезть ему в голову и подсмотреть, кто его соперник. Может, варвары? Или кто-то из школы?

— Мегалитический комплекс в Эйвбери — самый большой в Британии. Огромный кромлех площадью в одиннадцать с половиной

гектаров и диаметром свыше трехсот пятидесяти метров окружен рвом и валом, с расположенными вдоль его внутренней кромки примерно 100 каменными столбами, каждый весом до пятидесяти тонн...

— Бет! — окликаю я. Она подошла слишком близко к краю насыпи. Трава мокрая от тающего инея, скользкая.

— Ой-ей! — смущенно посмеиваясь, сестра возвращается на дорогу.

— Эдди, я тебя потом проэкзаменую! — кричу я. В тихом воздухе голос звучит слишком громко. На нас оборачивается пожилая пара. А я всего-навсего хочу, чтобы мальчишка слушал Бет.

— Строилось сооружение с применением орудий из рога оленя, каменных скребков, бычьих лопаток, а также, возможно, деревянных лопат и корзин...

— Круто, — замечает Эдди.

Мы проходим мимо дерева, выросшего прямо на крепостном валу, корни его каскадом обрушиваются вниз, к земле, напоминая узловатый водопад. Эдди, как заправский командос, подползает к нему попластунски, вцепляется в корни и, соскользнув вниз, оказывается метрах в трех под нами.

— Ты эльф? — спрашивает Бет.

— Нет, я лесной житель, поджидаю вас, чтобы ограбить, — весело отвечает Эдди.

— Спорим, ты меня не поймаешь и я успею добежать до дерева, — подначивает его Бет.

— Я же выдал себя, пропал эффект внезапности, — сокрушается Эдди.

— Я убегаяю! — Бет дразнит его, делает рывок.

С боевым кличем Эдди карабкается по корням, соскальзывая и оступаясь, падая на колени. Но вот он обеими руками обхватывает Бет, так что она взвизгивает.

— Сдаюсь, ты победил, — хохочет она.

Не спеша, мы удаляемся от деревни по широкой аллее из камней, движемся к югу. Лицо Бет озарено солнцем — давно я не видела ее такой спокойной. Она кажется мне бледной и постаревшей, но на щеках появился румянец. Еще я вижу у нее на лице умиротворение. Эдди скачет впереди с мечом наперевес. Мы бродим, пока пальцы на ногах не начинают терять чувствительность от холода.

На обратном пути останавливаемся у супермаркета «Спар», чтобы купить для Эдди имбирного пива.^[12] Бет остается ждать в машине, она снова сникла, затихла. Мы с Эдди оба делаем вид, будто этого не замечаем. Это ужасно — чувствовать, как она балансирует на краю чего-то страшного. Мы с Эдди колеблемся — нам хочется расшевелить ее, но страшно, что можно случайно навредить, подтолкнув не в ту сторону.

— Можно мне кока-колы вместо имбирного?

— Конечно, как скажешь.

— Вообще-то, честно говоря, я не большой любитель алкоголя. А в прошлом семестре я пробовал водку... в спальне.

— Ты уже пьешь водку?

— Ну, не *пью*. Пил... один раз. И меня мутило, а Боффа и Дэнни *стошнило*, и такая вонища стояла, жуть. Не знаю, что взрослые находят в этой гадости, — беззаботно чирикает Эдди. Щеки у него пунцовые с мороза, глаза светлые и прозрачные, как вода.

— Со временем твои взгляды могут измениться. Только маме не говори, ради Христа! У нее случится припадок.

— Я же не *дурачок*, сама знаешь. — Эдди возмущенно таращит на меня глаза.

— Ты не дурачок. Я знаю, — улыбаюсь я, сгибаясь под тяжестью двух громадных бутылок кока-колы в корзинке. Когда мы приближаемся к кассе, входит Динни. Над его головой звенит колокольчик, изящная маленькая фанфара. Я сразу теряюсь, не знаю, куда встать, куда смотреть. Он только что прошел рядом с Бет, сидящей в машине. Интересно, видел ли он ее, узнали ли они друг друга.

— Привет, Динни! — окликаю я с улыбкой. Обычные соседи, не более того. Но сердце выпрыгивает у меня из груди.

Вздрогнув от неожиданности, он поднимает глаза:

— Эрика!

— Это Эдди. Точнее, Эд, о котором я тебе говорила. Мой племянник, сын Бет. — Я привлекаю Эдди к себе, он вежливо здоровается. Динни внимательно рассматривает его, потом улыбается.

— Сынишка Бет? Рад с тобой познакомиться, Эд, — говорит он.

Они обмениваются рукопожатием, и почему-то я так тронута, что в горле перехватывает. Обычный жест. Два мои мира встретились,

соприкоснулись.

— Вы тот самый Динни, с которым мама играла, когда была маленькой?

— Да, это я.

— Эрика мне про вас рассказывала. Она говорит, вы были лучшими друзьями.

Динни резко поворачивается, смотрит на меня, и я чувствую себя виноватой, хотя и сказала чистую правду.

— Да, так и было, по-моему, — говорит он спокойно, негромко, взвешивая каждое слово, как всегда.

— Покупки к Рождеству? — задаю я бессмысленный вопрос. «Спар» совсем не напоминает праздничную ярмарку — только к краям полок скотчем приклеены какие-то обшарпанные блестки.

Динни отрицательно мотает головой, подняв к небу глаза.

— Хани захотелось чипсов с солью и уксусом, — объясняет он и отворачивается с понурым видом.

— А маму вы видели? Она там у входа, в машине. Вы с ней поздоровались? — спрашивает Эдди.

— Нет. Еще нет. Но я это сделаю сейчас...

Динни смотрит в сторону двери, на мою грязную белую колымагу. Взгляд у него пронзительный. Он шагает к выходу, плечи напряжены, будто его кто-то заставляет туда идти.

Я наблюдаю через стеклянную дверь. Мне как раз виден Динни между двумя полосками снега, налипшими на стекло. Он наклоняется к окну машины, дыхание поднимается в воздух облачком. Бет опускает стекло. Ее лица я не вижу — Динни загораживает. Вижу, как ее руки взлетают ко рту, потом снова опускаются, медленно и плавно, как в невесомости. Я пригибаюсь, вытягиваю шею, чтобы видеть. Уши я тоже наострила, но слышу только музыку, льющуюся из радиоприемника рядом с кассой. Динни рукой без перчатки оперся о крышу машины, и мне кажется, что моя собственная кожа болит от соприкосновения с холодным металлом.

— Рик, наша очередь. — Эдди толкает меня локтем.

Вынужденная прервать наблюдение, я ставлю корзинку на прилавок, делаю приветливое лицо и улыбаюсь мрачному кассиру. Расплатившись за кока-колу, «Твикс» и ветчину, я почти бегом устремляюсь на выход, к машине.

— Ну, а чем ты сейчас занимаешься? Ты же всегда хотела стать флейтисткой и выступить с концертами, помнишь? — говорит Динни. Он выпрямляется, складывает руки на груди. У него вдруг делается немного обиженный вид, и до меня доходит, что Бет не вышла из машины, чтобы поговорить с ним. Она почти и не смотрит на него, усердно разглаживая концы шарфа на коленях.

— О, эта мечта так и не сбылась, — отвечает она с еле заметной усмешкой. — Я доучилась до седьмого класса, а потом...

Бет замолкает, снова отворачивается. В седьмой класс она перешла весной, как раз перед исчезновением Генри.

— Потом я перестала как следует заниматься, — ровным тоном договаривает она. — Сейчас я перевожу. В основном с французского и итальянского.

— О... — произносит Динни.

Он внимательно ее разглядывает, изучает, молчание затягивается, и я неуклюже вмешиваюсь в разговор:

— Я и с английским-то бьюсь... Пытаться обучить ему подростков — все равно что решетом воду носить. Но у Бет всегда был талант к языкам.

— Нужно просто внимательно слушать, Рик, вот и все, — обращается ко мне Бет, в ее словах звучит упрек.

— Никогда этого не умела, — признаю я с улыбкой. — Мы только что побывали в Эйвбери. Эдди хотел посмотреть, потому что будет проходить это в школе. Но честно говоря, лучше, наверное, было бы отправиться в кафе, поесть мороженого с шоколадной помадкой, а, Эдди?

— Ты что, это было *потрясающе!* — уверяет Эдди.

Динни добродушно смотрит на меня, но Бет больше ни о чем его не спрашивает, и он с вытянутым лицом отходит от машины.

— Так вы надолго здесь? — Он обращается ко мне, потому что Бет смотрит куда-то перед собой.

— На Рождество уж точно останемся. А что потом, пока не решили. Тут еще много что предстоит разрулить. А вы?

— Пока здесь, — пожимает плечами Динни. Еще меньше определенности.

— Ну... — Я улыбаюсь.

— Ладно, пойду, пожалуй. Рад был снова повидать тебя, Бет. Приятно было познакомиться, Эд. — Он кивает нам всем и идет прочь.

— Он так и не купил чипсы, — замечает Эдди.

— Точно. Забыл, должно быть, — подтверждаю я, ахнув. — Вот что, я куплю и занесу им позже.

— Класс! — кивает Эдди.

Одной рукой он отворяет дверцу, другой пытается раскрыть упаковку «Твикса». Какой он наивный. Даже представить себе не может, какое значительное событие произошло только что. Вот здесь, у дверцы автомобиля. Я бегу в магазин, покупаю чипсы с солью и уксусом, потом возвращаюсь в машину, завожу мотор и везу всю компанию домой. Я не смотрю в сторону Бет, потому что мне страшно, а те вопросы, которые хочется, я все равно не могу задать в присутствии ее сына.

Эдди валяется на кровати в пижаме, со своим айподом и в наушниках. Лежит на животе и болтает ногами. Он читает книгу под названием «Йети!», музыка в ушах грохочет так, что он не слышит криков за окном. Я выхожу. Внизу Бет заваривает чай с мятой, она держит пакетик двумя пальцами за угол и окунает в воду снова и снова.

— Надеюсь, Динни тебя не испугал, появившись у машины? — заговариваю я. Стараюсь говорить как можно беспечнее.

Бет, взглянув на меня, поджимает губы.

— Я увидела его еще в магазине, — отвечает она, продолжая окунать и окунать пакетик.

— Да что ты? И сразу его узнала? Я бы, наверное, не смогла — вот так, издали.

— Что за ерунда, он же совсем не изменился, — заявляет Бет.

Мне становится неуютно. Похоже, она видит что-то, чего не вижу я.

— Ну... — подаю я реплику. — Так странно встретить его через столько лет, правда?

— Да, пожалуй, — шепчет она.

Я не могу придумать, о чем еще спросить. Она не может быть такой равнодушной. Эта встреча должна много для нее значить. Вглядываюсь в ее лицо, в позу, ищу хоть какие-то знаки.

— Может, надо было пригласить их к нам? Посидеть, пропустить по стаканчику за встречу?

— Их?

— Динни и Хани. Это его... ну, честно говоря, я не уверена, что они женаты. Она ждет от него ребенка, вот-вот родит. Хорошо бы тебе поговорить с ней, убедить, что не стоит рожать в лесу. Мне кажется, Динни был бы тебе благодарен.

— Рожать в лесу? Весьма экстравагантно, — произносит Бет. — Но Хани [\[13\]](#) — очень милое имя.

И это все? Она не может *так* реагировать.

— Слушай, с тобой точно все нормально?

— А что со мной может быть? — удивляется сестра вроде бы искренне, но мне почему-то не верится.

Бет снова смотрит на меня, и я вижу, что она погрузила пальцы в воду. От воды идет пар, это почти кипяток, а она даже не морщится.

— Но ты с ним даже не поговорила. Вы ведь так дружили... Неужели тебе не захотелось хоть парой слов перекинуться? Узнать, что и как?

— Двадцать три года — долгий срок, Эрика. Мы теперь абсолютно другие люди.

— Не *абсолютно* другие — ты осталась собой, а он — собой. Мы все те же люди, которые играли вместе, когда были детьми...

— Люди меняются. Они растут, — настаивает Бет.

— Бет, — решаюсь я наконец, — что тогда случилось? С Генри, я имею в виду?

— В каком смысле?

— В смысле, что с ним произошло?

— Он пропал, — отвечает она ровно, но голос слабый, тонкий, как льдинка.

— Но ты помнишь тот день, у пруда? День, когда он исчез? Ты помнишь, что тогда произошло? — настаиваю я.

Наверное, не следует этого делать. Мне хочется и узнать правду, и растормошить, расшевелить сестру. Но я понимаю, что не должна. Рука Бет соскальзывает на столешницу, задевает чашку, чай расплескивается. Бет глубоко вздыхает.

— Как ты можешь меня об этом спрашивать? — сдавленным голосом бормочет она.

— Как я могу? А почему я не должна спрашивать? — Взглянув на Бет, я вижу, что она вся дрожит, а глаза горят гневом. Она отвечает не сразу:

— То, что Динни... то, что он здесь, не дает тебе права ворошить прошлое!

— При чем тут Динни? Какое отношение это имеет к нему? Я же задала простой вопрос!

— А ты не задавай! Прекрати донимать меня своими проклятыми вопросами, Эрика! — Бет вскакивает и выходит.

Я довольно долго сижу неподвижно, вспоминая тот день.

Мы рано проснулись, потому что ночь была невыносимо душной и жаркой. В ту ночь простыни, кажется, сами заворачивались вокруг ног, и от этого я без конца просыпалась, а волосы противными мышинными хвостами липли ко лбу и шее. Мы сами позавтракали, потом послушали радио в зимнем саду — там было прохладнее, так как окна выходили на север. Пол, выложенный плитками, на подоконниках орхидеи и папоротники. Мы качались в кресле Кэролайн, я помню слабый, едва уловимый запах его голубых парусиновых подушек. Кэролайн к тому времени уже не было в живых. Она умерла, когда мне было лет пять или шесть. Однажды, совсем еще малышкой, я бегала за этим креслом. Я не замечала ее, как вдруг она сделала выпад своей палкой и поймала меня.

— Лора! — скрипучим голосом позвала она мою маму. — Ступай-ка разыщи Корина. Скажи, мне нужно его видеть. Мне нужно его видеть!

Я понятия не имела, кто такой Корин. Но меня до смерти напугал и этот безвольно обмякший тряпичный узел в качалке, и та неожиданная сила, с которой меня зацепила клюка. Присев, я высвободилась и удрала.

Мы оделись в последнюю минуту, нехотя поплелись в церковь с Мередит и родителями, потом пообедали на лужайке, в тени раскидистого дуба. Там был поставлен специальный маленький столик, только для нас троих. Сэндвичи с арахисовым маслом и огурцами, которые приготовила нам мама, потому что понимала: в такую жару мы будем капризничать и откажемся от горячего супа. Плетеный стул колот мне ноги под коленками. Какая-то птичка, сидя

на дереве, капнула на стол. Генри соскреб это своим ножом и бросил в меня. Пытаясь увернуться, я так резко дернулась, что упала со стула, задела ножку стола и опрокинула наши с Бет стаканы с лимонадом. Генри так хохотал, что подавился хлебом и долго кашлял, из глаз у него текли слезы. Мы с Бет наблюдали за ним, чувствуя себя отмищенными. Мы не постучали его по спине. До конца дня он вел себя отвратительно. Чего мы только ни делали, чтобы оторваться от него. Из-за жары у него кружилась голова, и он озверел, точно бык, которому напекло голову. Под конец его поймали за тем, что он веревкой связывал лапы лабрадорам. Бедные псы только страдальчески пыхтели и кротко смотрели на него. Генри был наказан — отправлен в постель. Мередит никому не спустила бы издевательства над своими лабрадорами.

Но позже, ближе к вечеру, Генри снова вышел. Он нашел нас у пруда. Всех троих, конечно. Я резвилась в воде, изображая то выдру, то русалку, то дельфина. Генри стал дразнить меня, увидев мокрые трусы, с которых лила вода. *Я всем расскажу, что ты описалась, Эрика!* А потом что-то случилось, *что-то...* Бегу. Думаю о сливном отверстии на дне пруда и о том, что Генри, должно быть, затянуло в него. Наверное, именно поэтому я все просила снова и снова: *Посмотрите в пруду. Мне кажется, он в пруду. Мы все были у пруда.* Даже после того, как мне сказали, что там уже смотрели. Мама говорила мне это, полицейский говорил. Его искали в пруду и не нашли. Не нужно приглашать водолазов — вода такая прозрачная, что все и так видно. Мередит трясла меня за плечи, кричала: *Где он, Эрика?* У нее изо рта вылетел пузырек слюны и попал мне на щеку, теплый и мокрый. *Мама, перестань! Отпусти ее!* Нас с Бет кормили ужином на кухне, мама, бледная и озабоченная, ложкой выкладывала фасоль на тосты. Стемнело, вечер пах горячей травой, а воздух был таким чистым и прохладным, хоть ешь его. Но Бет отказалась есть. В тот вечер это случилось впервые. Впервые я увидела, как она решительно сжимает губы. Ничто не войдет в нее и ничто из нее не выйдет.

— Зачем столько чипсов? — спрашивает Бет, глядя на большую упаковку «Соли и перца», лежащую на столе среди остатков завтрака.

— А... это для Хани. Забыла вчера отвезти.

Эдди сидит на скамье, спиной к столу, он кидает теннисный мячик об стену и ловит. Мячик рваный, сплюснутый, возможно, когда-то он был игрушкой лабрадоров. Эдди швыряет его с раздражающим отсутствием ритма.

— Эд, может, передохнешь? — умоляю я.

Он вздыхает, прицеливается, и мячик, описав плавную дугу, оказывается в мусорной корзинке.

— Отличный бросок, родной, — ласково говорит Бет.

Эдди закатывает глаза.

— Тебе скучно? — спрашивает она.

— Немножко. Да нет, вообще-то нет, — быстро поправляется Эдди. Честность в нем борется с деликатностью.

— Может, отнесешь Хани эти чипсы? — предлагаю я, большим глотком допивая остатки чая.

— Я с Хани даже не *встречался*. Да и этого чувака видел только один раз, вчера. Хорош я буду, если вот так, ни с того ни с сего, притащусь к ним с мешком чипсов?

— Я с тобой схожу, — уверяю я, поднимаясь и разминая ноги. — А ты не хочешь пойти с нами, Бет? Их лагерь на том же месте, где был всегда.

Последнее я добавляю, не в силах преодолеть искушение. Просто не понимаю, как это ей не хочется пойти туда, взглянуть.

— Нет. Нет, спасибо. Я собираюсь... Я пойду в поселок. Куплю воскресную газету.

— Можно мне «Твикс»?

— Эдди, ты скоро сам превратишься в «Твикс»!

— Ну, пожалуйста!

— Хватит уже, Эд. Нам пора идти. Надевай сапоги, дорогу наверняка развезло.

Мы идем к лагерю длинной дорогой, мимо пруда. Это долгое путешествие. День сегодня обычный, холодный и бурый, вчерашнего искрящегося инея как не бывало. Подойдя к берегу пруда, я задерживаюсь, вглядываюсь в глубину. Ничего не меняется. Я не нахожу ответа. Я все думаю: может, тогда я просто не заметила, не поняла, что произошло? Со мной ведь бывает, что я отвлекаюсь, думаю о своем, уношусь куда-то в мыслях. Такое иногда случается, когда со мной разговаривают другие. Мне неприятна мысль, что дело,

возможно, в вытесненных воспоминаниях, что это психическая травма, амнезия. Душевная болезнь.

— Мне кажется, ты как будто одержима этим прудом, Рик, — мрачно говорит мне Эдди.

Я улыбаюсь:

— Нет, вовсе нет. А с чего ты это взял?

— Каждый раз, как мы сюда попадаем, у тебя делается выражение лица, прямо как у Полумны Лавгуд.^[14] Ты так же смотришь куда-то в пустоту.

— Ладно, *извини*, если напугала, но я не лунатик, точно.

— Да я просто *прикальываюсь*, — восклицает мальчик, грубовато-дружески подталкивая меня плечом. — Но взгляд у тебя, правда, каждый раз такой. Скажешь, нет?

Он отступает на несколько шагов, нагибается за камешком и бросает его в воду. Поверхность пруда покрывается рябью. Я смотрю на воду и вдруг чувствую, что у меня подгибаются колени и екает сердце, как будто я на лестнице поставила ногу мимо ступеньки.

— Пойдем-ка отсюда, — командую я, резко отвернувшись.

— Здесь что-то случилось? — взволнованно спрашивает Эдди. Голос его звучит напряженно и почти испуганно.

— Почему ты так решил, Эд?

— Ну, просто... ты все время сюда возвращаешься. И у тебя делается такой взгляд, как у мамы, когда она грустит, — бормочет Эдди.

Я мысленно проклиная себя.

— А маме, кажется... ей, по-моему, неприятно сюда приходить.

Как легко мы забываем, что дети подмечают решительно все.

— Да, здесь кое-что произошло, Эдди. Когда мы были маленькими, пропал наш двоюродный брат Генри. Ему было одиннадцать лет, как тебе сейчас. Никто так никогда и не узнал, что с ним стало, так что мы, конечно, всегда об этом помним.

— Ух! — Эдди ногой подбрасывает в воздух опавшие листья, еще и еще раз. — Да, это просто ужасно, — говорит он наконец.

— Да, очень печально, — отвечаю я.

— Может, он просто сбежал из дома и... ну, не знаю, вступил в шайку разбойников или что-то типа этого?

— Возможно, так и было, Эд, — уныло говорю я.

Эдди кивает, явно удовлетворенный этим объяснением.

Динни стоит с незнакомым мне мужчиной, собаки заливаются лаем, бегают крутом с хозяйским видом. Я с улыбкой машу рукой, как будто наш визит — обычное дело и я забегаю сюда каждый день, и Динни машет в ответ, хотя и не так уверенно. Его собеседник улыбается нам. Худой, жилистый, не очень высокий. Его светлые волосы очень коротко острижены, на шее татуировка в виде маленького голубого цветка Эдди будто прилипает к моему боку. Вместе мы робко подходим поближе к автомобилям.

— Привет, извините, если помешали, — заговариваю я. Стараюсь говорить весело, хотя, по-моему, выходит неестественно.

— Привет, я Патрик. А вы, должно быть, наши соседи из большого дома? — отвечает мне жилистый мужчина. Он улыбается дружелюбно и приветливо и с силой пожимает руку, чуть не отрывает ее от плеча. От его радушия чувствую, как тугой узел в животе начинает потихоньку ослабевать.

— Да, мы ваши соседи. Я Эрика, а это мой племянник, Эдди.

— Эд! — возмущенно шипит сбоку Эдди сквозь неровные зубы.

— Эд, будем знакомы. — Патрик пытается своим рукопожатием вырвать из плеча и руку Эдди тоже.

Я замечаю Гарри — он сидит на ступеньках автоприцепа. Хочу с ним поздороваться, окликнуть, но потом решаю не делать этого. Он снова крутит что-то в руках, полностью сосредоточившись на этом предмете. Лицо почти скрыто свисающими волосами и густыми усами.

— Видите ли... вы только не удивляйтесь... мы заметили, что ты забыл купить чипсы для Хани, вчера В магазине. Ну вот, мы вам их принесли. Хотя, конечно, может сегодня ей хочется не чипсов, а маринованных огурчиков? — И я машу большой упаковкой чипсов. Патрик смотрит на Динни — не сердито, скорее, слегка озадаченно.

— Я знаю, как *меня* злит, если мама забывает мне купить то, что я прошу, — спешит на помощь Эдди.

Услышав его голос, Гарри поднимаем голову. Динни пожимает плечом. Поворачивается.

— Хани! — кричит он, глядя в сторону фургона скорой помощи.

— Ох, да стоит ли ее беспокоить? — Я чувствую, что краснею. В окошке появляется лицо Хани, будто портрет в рамке. Симпатичное и насупленное.

— *Чего?* — кричит она в ответ, куда громче, чем нужно.

— Эрика принесла тебе кое-что.

Я ежусь от неловкости. Эдди подходит поближе к Гарри, стараясь рассмотреть, чем тот так занят. Появляется Хани, осторожно спускается по ступенькам, глядя себе под ноги. Сегодня она вся в черном, светлые волосы кажутся ослепительными на этом фоне. Она останавливается поодаль от меня и подозрительно смотрит.

— Вот. Глупо, конечно. Мы принесли вам вот это. Динни говорил, вам хочется чипсов, вот мы и... — Я сбиваюсь, умолкаю и вытягиваю руку с упаковкой.

Сделав шаг вперед, Хани забирает у меня чипсы.

— Сколько я вам должна? — спрашивает она, глядя исподлобья.

— Ой, нет, не беспокойтесь. Не помню. Тут не о чем говорить. — Я машу рукой.

Хани невыразительно смотрит на Динни, и он лезет в карман.

— Пары фунтов хватит? — спрашивает он.

— Правда, не нужно.

— Возьми. Пожалуйста.

И я беру у него деньги.

— Спасибо, — бурчит Хани и ретируется в свое убежище.

— Не обижайтесь на Хани, — ухмыляется Патрик. — Она и родилась-то сразу не в духе, в переходном возрасте характерец лучше не стал, а нынче, когда она в положении, вообще хоть святых выноси!

— Пошел ты, Патрик! — орет Хани, которую мы не видим.

Патрик только шире расплывается в улыбке.

Эдди подвигается все ближе к Гарри. Он не отводит глаз от его рук, но загораживает ему свет.

— Тебе не кажется, что ты мешаешь, Эд? — Я пытаюсь отозвать его.

— Что это? — Эдди обращается к Гарри, тот не отвечает, но поднимает голову и приветливо улыбается.

— Это Гарри, — говорит Динни Эду. — Он не особо любит разговаривать.

— А... Понятно. Похоже, это фонарик. Он сломан, что ли? Можно мне посмотреть? — атакует Эдди.

Гарри растопыривает руки, показывает мелкие металлические детальки.

— Придете сегодня на нашу вечеринку в честь зимнего солнцестояния, Эрика? — спрашивает Патрик.

— Ох, даже не знаю, — тяну я. Смотрю на Динни, а он оглядывается, как будто решает какую-то сложную задачу.

— Приходите, чего там! Чем больше народу, тем веселее, правильно я говорю, Натан? Будем пускать фейерверки, жарить мясо. Прихватите бутылку и милости просим, соседка, — уговаривает Патрик.

— Ну что ж, может быть. — Я улыбаюсь ему.

— Дреды у тебя просто чума! — восторгается Эд, обращаясь к Гарри. — Ты с ними немного похож на этого... «Хищника». Видел такое кино?

Пальцы его тем временем мелькают над деталями фонарика, что-то отбрасывая, соединяя. Гарри ошеломленно наблюдает за ним.

— Ну, я побежал. Увидимся позже. — Патрик кивает Динни и мне. Вприпрыжку он покидает лагерь, засунув руки в карманы потрепанной непромокаемой куртки.

Я разглядываю носки своих заляпанных грязью сапог, потом смотрю на Эдди, который под изумленным взглядом Гарри заканчивает сборку фонарика.

— Похоже, Эд симпатичный парень, — заговаривает Динни, и я киваю.

— Он самый лучший. И всегда готов помочь.

Снова воцаряется молчание.

— Когда я разговаривал с Бет... мне показалось... не знаю даже, — произносит Динни неуверенно.

— Что показалось?

— Она не такая, как раньше. Как будто у нее не все дома?

— Она страдает от депрессии, — торопливо поясняю я. — Но это все та же Бет. Просто... сейчас она не такая сильная.

Я должна объяснить, это необходимо, хотя и чувствую себя немного предательницей. Он кивает, хмурится.

— Мне кажется, это началось здесь. С того времени, по-моему, как пропал Генри, — выпаливаю я.

Бет уверяла меня, что это не так, но я думаю, что дело обстоит именно так. Сама Бет рассказывала, что все началось в грозовой день, когда она в сумерках возвращалась на машине домой. Небосклон было сплошь затянут тучами, но на горизонте, в той стороне, куда направлялась Бет, облака расслоились, а между ними открылось яркое светлое небо. Бывает такое небо, в барашках. Бет рассказывала, что вдруг запуталась, не могла понять, где небо, а где горизонт, отличить его от этих щелей в облаках. Не то тучи, не то горы. Не то воздух, не то земля. Она так запаниковала, что чуть было не свернула на встречную полосу. Весь вечер ее мутило, и земля уходила из-под ног, как при морской качке. И тогда, говорила Бет, она поняла, что ни в чем больше не уверена, не понимает, что реально, на что можно опереться. Вот когда, по ее уверениям, все началось. Но я ясно помню вечер того дня, когда бесследно исчез Генри. Помню ее молчание и несъеденную фасоль в ее тарелке.

— Ужасно, если она так переживает из-за того, что тогда случилось, и до сих пор болеет, — тихо говорит Динни. Он знает, что случилось тогда. Он *знает*.

— М-м? — подаю я голос. Только бы он продолжал, сказал что-то еще, сказал больше. *Скажи* мне. Но он не говорит.

— Это... скверно. Мне жаль, что она несчастлива.

— Я надеялась, что наш приезд сюда поправит дело, но... боюсь, ей становится только хуже. Знаешь, все эти воспоминания, все снова нахлынуло. Все могло бы быть и по-другому, мне кажется. Но хорошо, что Эдди здесь. Он ее отвлекает от мыслей. Не будь его, мне кажется, она бы даже о Рождестве не вспомнила.

— Как думаешь, Бет придет вечером на праздник?

— Честно говоря, не надеюсь. Но я ее позову, хочешь?

Динни кивает с удрученным видом:

— Позови. И приведи Эдди. Я смотрю, они отлично поладили с Гарри. Он вообще с детьми хорошо общается, ему с ними проще.

— Если бы ты сам ее пригласил, она бы пришла, я уверена. Заглянул бы к нам, а? — делаю я попытку.

Динни бросает на меня быстрый взгляд, сухо улыбается:

— У нас с этим домом никогда не складывалось. Ты уж позови ее сама, а я, может, как-нибудь и загляну, позже.

Я киваю, глубоко засовываю руки в задние карманы джинсов.

— Эд, ты готов? Я иду домой. — Эд и Гарри отрываются от работы и смотрят на нас. Две пары ясных голубых глаз.

— Можно я еще останусь и закончу это, а, Рик?

Смотрю на Динни. Он снова пожимает плечами, кивает.

— Я за ними пригляжу, — говорит он.

Мы один-единственный раз затащили Динни в дом, когда Мередит уехала в Дивайзес на прием к дантисту. Генри гостил в поселке у мальчика, с которым дружил. Мальчика, у которого дома был *приличный* бассейн.

— *Идем!* — шепотом понукала я Динни. — Не будь размазней!

Мне не терпелось показать ему просторные комнаты, широкую лестницу, высокие потолки. Не затем, чтобы похвастаться. Просто, чтобы увидеть, как он будет потрясен. Мне тоже хотелось чем-нибудь удивить его. Бет шла сзади, напряженно улыбаясь. В доме никого не было, кроме домоправительницы — которая никогда не обращала на нас особого внимания, — и все же мы двигались крадучись, перебежками. Притаившись за последним кустом, я сидела так близко к Динни, что его колено вдавилось мне в бок, я чувствовала смолистый запах его кожи.

Динни долго сопротивлялся. Ему много раз запрещали это и родители, и дедушка Флаг, он даже несколько раз мельком видел Мередит. Для него не было секретом, что в этом доме он нежеланный гость и что идти туда ему не следует. Но взглянуть ему хотелось, я это ясно видела. Запретный плод всегда сладок, особенно для ребенка. Никогда прежде я не видела его таким растерянным, неуверенным. Он долго колебался, а потом все же решился. Мы переходили из комнаты в комнату, и я кратко комментировала: *Вот салон для рисования, только сейчас в нем никто не рисует, я ни разу не видела. Это лестница на чердак. Пойдем, посмотрим! Он величиной с целый дом! А это комната Бет. У нее комната больше моей, потому что она старше, зато из моей видны деревья, а один раз я даже видела сову.* Я говорила не закрывая рта. За нами бежали лабрадоры, улыбаясь и восторженно виляя хвостами.

Но чем дольше я болтала, чем дальше мы вели нашего гостя, чем больше комнат показывали, тем тише становился Динни. Он почти не открывал рта, глаза потухли. Наконец даже я заметила:

— Тебе не нравится?

В ответ он повел плечом, вздернул брови. А потом мы услышали звук подъезжающего автомобиля. Мы замерли в панике, наши сердца бились все сильнее. Прислушивались, пытаюсь понять, куда он подъехал: к парадной двери или к заднему ходу? Я рискнула и ошиблась. Мы выскочили на террасу, когда они выходили из-за угла дома. Мередит, папа и, что хуже всего, Генри, который вернулся из гостей. Он злорадно ухмылялся. После секундного замешательства я схватила Динни за руку, дернула, и мы понеслись через лужайку. Чудовищное непослушание, подобного которому я, кажется, никогда не совершала и на которое отважилась ради спасения Динни. Необходимо было уберечь его, не дать услышать ужасных слов Мередит. От неожиданности она онемела на какой-то миг. Так и застыла — высокая и худая, в накрахмаленном зеленовато-голубом (оттенка утиного яйца) льняном костюме, с безукоризненной прической. Рот — жесткая линия, красная от помады щель — открылся, когда мы уже почти убежали.

— Эрика Кэлкотт, вернись *сию же минуту!* Как ты посмела привести в мой дом это *ничтожество!* Как ты *посмела!* Я *требую*, чтобы ты *сию минуту* вернулась! А ты, вороватый бродяга! Убегаешь, как преступник! Мерзкая скотина!

Мне хочется верить, что отец что-то возражал, пытался остановить ее. Хочется верить, что Динни не слышал, но в глубине души я, конечно, знаю, что он слышал все, убегая, как вор, как злоумышленник, незаконно вторгшийся в чужое жилище. Я тогда думала, что веду себя храбро и что он это оценит, что в его глазах я стану героиней. Но Динни долго на меня сердился. И за то, что затащила его в дом, и за то, что потом вынудила трусливо бежать.

Я наверху, в комнате Мередит. Это, разумеется, самая большая спальня в доме. Уродливая кровать с балдахинном на четырех столбиках, громоздкая, с резьбой. Высокое основание, большой пружинный матрас. Как, интересно, будущие владельцы дома станут вытаскивать такую громаду? Только с помощью топора, мне кажется.

Чтобы заменить ее на что-то более современное и, может быть, скучное. Я падаю поперек кровати прямо на жесткое парчовое покрывало и считаю, сколько раз меня подбросит. Кто стелил для нее постель? Наверное, домоправительница. Сюда Мередит принесли и положили в то утро, когда она упала в обморок на дороге в поселок. Мало-помалу я перестаю качаться и вдруг осознаю: я качаюсь на ложе своей умершей бабушки. На этих самых простынях она спала в ночь накануне смерти.

Здесь, в этой комнате, больше зловещих напоминаний о ней, чем где бы то ни было в доме. И это, полагаю, естественно. Я немного жалею, что так ни разу и не побывала у нее, став взрослой, что не приперла ее к стенке, не заставила объяснить, откуда взялась в ней эта ненависть. Теперь уже слишком поздно. Туалетный столик Мередит — тоже огромный, широкий, вместительный: две тумбы с несколькими ящиками с каждой стороны и один широкий ящик посередине. Открываю его, выдвинув себе на колени. Сверху — трельяж, три зеркальные створки, и еще много ящичков. Столешница гладкая, как шелк, отполированная за несколько сотен лет прикосновениями нежных дамских пальчиков. Мне приходит в голову, что я должна отдать маме не только фотографии, но и украшения. Мередит не хватило решимости признаться, что она распродала лучшие свои драгоценности, как и лучшие земли поместья, чтобы оплатить ремонт крыши. Позднее она сообщила об этом нашим родителям и обвинила их, как будто стоило им получше пошарить в карманах и поскрести по сусекам — и необходимые тридцать тысяч фунтов сразу нашлись бы. Но не все же она спустила, тут наверняка есть что-то, что я, ее вороватая внучка, сумею отыскать.

Помада, тени для век, румяна в верхнем правом ящике, под металлическими тюбиками и пластиковыми коробочками — холмики просыпавшейся пудры. В следующем ящике пояса и ремешки свернулись кольцами, как змеи. Носовые платки, заколки для волос, шифоновые шарфики. Этот ящик особенно сильно пахнет Мередит, ее духами с легким запахом псины. Нижний правый ящик заставлен шкатулками. Вынимаю их, расставляю так, чтобы видеть все. Почти во всех лежат украшения. Самая большая шкатулка, темная и блестящая, набита письмами и фотографиями.

С мурашками по коже я просматриваю ее содержимое. Письма от Клиффорда и Мэри, поздравительные открытки от моих родителей, несколько банковских счетов и квитанций, не знаю уж, по какой причине попавших в эту шкатулку. По одной разворачиваю старые бумаги, чувствуя себя преступницей, шпионкой. Фотографии я пока откладываю в сторону. Нахожу старые газетные вырезки, посвященные Генри, разумеется. Сверху местные газеты. «Исчезновение внука леди Кэлкотт». «Поиски пропавшего мальчика продолжаются». «Одежда, обнаруженная в Вестриджском лесу, не принадлежит пропавшему мальчику». За ними следуют центральные издания. Версии о похищении, домыслы, таинственный бродяга — его якобы видели у шоссе А361 со странным свертком, который мог оказаться ребенком. Похожего мальчика видели в Дивайзесе лежащим в автомобиле. «Полиция крайне озабочена». Я не могу оторвать глаз от газетных страниц. Вряд ли бродяга мог тащить Генри. Плотного, ширококостного Генри. Мы никогда не видели и не читали этих заметок, ни я, ни Бет. И понятно, что не читали. Никто не читает газет в восьмилетнем возрасте, а нам обычно даже запрещали смотреть новости.

Вероятно, она скупала множество газет, каждый день разных. Интересно, она вырезала заметки сразу или потом, спустя годы, чтобы только не умирала надежда, а вместе с надеждой жил и *он*? Я и не догадывалась, что у этой истории был такой резонанс. До сих пор сновавшие у ворот Мередит корреспонденты как-то не ассоциировались у меня с сенсацией, мне и в голову не приходило, что исчезновение Генри стало событием общенационального масштаба. Конечно, сейчас я понимаю, почему о нем столько писали тогда, почему эта история так долго не затихала. Только спустя месяцы, она стала занимать все меньше места на газетных полосах, пока не забылась всеми. Дети не должны исчезать бесследно. Это слишком страшно, наверное, даже страшнее, чем найти тело. Никаких ответов, никаких идей и предположений. Бедная Мередит. Ведь она была его бабушкой, она должна была лучше смотреть за ним.

Я долго вглядываюсь в увеличенную, крупнозернистую школьную фотографию Генри. Цветущий опрятный мальчик в блейзере и полосатом галстуке. Аккуратная прическа, благопристойная белозубая улыбка. Этот увеличенный снимок был выставлен в витринах

магазинов, напечатан на страницах газет, висел на телеграфных столбах, в приемных врачей и супермаркетах, на стенах гаражей и дверях пабов. Интернета тогда еще не было, но я помню, что натыкалась на эту фотографию буквально повсюду. Одна из них, в витрине магазина, была цветной, но скоро выцвела, поблекла на солнце, но когда я впервые ее увидела, краски были яркими. *Можно мне пойти в магазин? — Нет! Ты останешься дома!* Я не могла понять почему. В конце концов, со мной пошла мама, она крепко держала меня за руку, вежливо просила репортеров пропустить нас и не преследовать. Двое-трое все же увязались за нами, неизвестно зачем, щелкнули несколько раз, как мы выходим из магазина с апельсиновым мороженым на палочке. Крошечная вырезка от конца августа 1987 года. Ровно год спустя. Безысходная завершающая строчка: «Несмотря на все усилия полиции, следы пропавшего ребенка до сих пор не обнаружены».

Чувствую боль в груди — и вдруг понимаю, что давно уже сижу не дыша. Как будто жду, вдруг у этой истории окажется другой конец. Я замечаю, что дождь усилился и громче стучит в стекла. Эдди гуляет по лесу. Он вымокнет. Так странно читать в газетах о Генри, о том лете. И в то же время, наоборот, все события обретают какую-то новую реальность, кажутся еще более кошмарными. Это случилось на самом деле, и я была там. Я убираю вырезки в шкатулку, бережно, стараясь не повредить. Надо их сохранить, думаю я, в той же похожей на гроб шкатулке, в которую Мередит сложила их двадцать три года назад.

Придвинув к себе стопку фотографий, я просматриваю их, пытаюсь переключиться, прогнать мрачную тень. В основном здесь семейные фотографии, сделанные на праздниках, — их-то и хочет получить мама. Маленькие черно-белые фотографии Мередит и Чарльза в день их бракосочетания — моего дедушки Чарльза, погибшего во время Второй мировой войны. Чарльз не был в армии, он просто поехал по делам в Лондон, а в клуб, куда он зашел пообедать, попала бомба. Их лучшие свадебные фото в тяжелых серебряных рамках стоят на рояле в гостиной, но на этой маленькой карточке Мередит снята в необычном ракурсе, она смотрит через плечо, отвернувшись от Чарльза, как будто зацепилась за что-то подолом. Они выходят из церкви, из тени на свет. В профиль у Мередит совсем юное взволнованное лицо. У нее очень светлые

волосы, огромные глаза широко распахнуты. Как же могла эта прелестная девочка, эта юная невеста превратиться в Мередит? В ту Мередит, которую помню я, холодную и твердую, как мраморные полки в кладовой.

Одна фотография привлекает мое особое внимание. Она очень старая, с обтрепанными краями, изображение выцвело и покрыто бурными пятнами. Молодая женщина лет двадцати с небольшим, в закрытом платье с высоким воротничком, волосы строго зачесаны назад. На руках она держит младенца в шелковом платьице, месяцев шести, не больше. У ребенка темные волосики, лицо слегка смазано, как будто он дернулся как раз, когда «вылетела птичка». Эта женщина — Кэролайн. Я хорошо знаю ее по другим снимкам, висящим в доме, хотя ни на одном из них она не выглядит такой юной. Перевернув фотографию, я вижу на обороте выцветшую печать. Читаю: «Фотоателье „Джилберт Бофорт и сын“, Нью-Йорк». Рядом приписка бледными чернилами: «1904 год».

Позвольте, но ведь Кэролайн вышла за Генри Кэлкотта, нашего прадеда, только в 1905 году. (Какое-то время назад Мэри пришло в голову составить генеалогическое древо семьи Кэлкотт, она была так горда, что стала ее членом, выйдя замуж за Клиффорда. А в этом году на Рождество она разослала всем нам плоды своего труда вместе с поздравительными открытками.) Да, верно, они поженились только в 1905 году, и у них родилась девочка, которая умерла еще до появления на свет Мередит в 1911 году. Я хмурю брови, подношу фотографию к свету, пытаюсь найти еще какие-то подсказки. Кэролайн спокойно смотрит на меня, бережно придерживая младенца рукой. Куда делся этот ребенок? Каким образом он отпал от нашего семейного древа? Я сую фотографию в карман и начинаю перебирать украшения, но почти не вижу их. Больно уколотившись застежкой какой-то брошки, я долго сижу, слизывая кровь с пальца.

После ужина Эдди отправляется смотреть телевизор. Бет и я сидим среди нагромождения пустых тарелок и мисок. Она немного поела, недостаточно, но все же хоть что-то. Когда Эдди на нее смотрит, она старается есть. Я беру из миски еще одну, последнюю картофелину и, садясь на место, чувствую что-то твердое в кармане джинсов.

— Что это? — спрашивает Бет, когда я вытаскиваю фотографию нашей прабабки. С тех пор как я спросила ее про Генри, она почти со мной не разговаривает, да и сейчас голос звучит довольно сухо. Но если мне предлагают мировую, я в состоянии это понять.

— Я нашла это в комнате Мередит — это Кэролайн, — объясняю я, протягивая карточку Бет.

Бет изучает снимок, всматривается в юное лицо, светлые глаза.

— Господи, да, это правда она. Я помню эти ее глаза — она была уже совсем старушкой, но даже и тогда они все равно сияли, как серебро. Помнишь?

— Вообще-то, нет.

— Ну да, ты была тогда слишком мала.

— Только помню, что страшно ее боялась! Я ее вообще не воспринимала.

— Правда? Но она никогда нас не обижала. Просто не обращала на нас внимания.

— Да я понимаю. Просто она была такая... *старой*, — говорю я, и Бет хихикает:

— Можно сказать, древняя. Да уж, поистине из другой эпохи.

— Что ты еще про нее помнишь? — интересуюсь я. Бет откидывается на спинку скамьи, отодвигает тарелку. Ее порция, полкусочка пирога, осталась нетронутой.

— Я помню, какое выражение лица было у Мередит, всякий раз когда она собиралась кормить или одевать Кэролайн. Совершенно непроницаемое. Помню, я всегда думала; у нее, наверное, в голове роятся ужасные мысли, настолько ужасные, что приходится тщательно за собой следить, чтобы на лице ничего не отразилось.

— Ну, а сама Кэролайн? Ты помнишь хоть что-нибудь, что она говорила, делала?

— Дай-ка подумать. Я помню один раз она страшно разволновалась и накричала на служанку — летом, на празднике. Когда же это было-то? Точно не скажу, но незадолго до ее смерти. Ты-то этого не помнишь? Тогда еще устроили фейерверки, а вдоль аллеи висели фонарики, чтобы освещать дорогу к дому?

— Боже! А ведь у меня это совершенно вылетело из головы... Я помню фейерверк, разумеется. И угощение. Но сейчас ты напомнила

мне, как Мередит везла Кэролайн в коляске в дом, а она кричала что-то про какую-то ворону... или, постой-ка... что же это было? Не знаешь?

Бет качает головой.

— Это была не ворона, — отвечает она. И в это мгновение сцена из прошлого вспыхивает перед моими глазами. Видно она всегда хранилась у меня в памяти, ожидая только, чтобы Бет о ней напомнила.

Летний праздник в Стортон Мэнор был ежегодной традицией. Обычно его устраивали в первую субботу июля. Иногда мы оказывались там, иногда не успевали, все зависело от школьного расписания. Но мы всегда надеялись, что попадем на праздник — один из редких случаев, когда нам хотелось участвовать в чем-то, имеющем отношение к Мередит. Нам нравились разноцветные огни, музыка, люди в нарядной одежде — усадьба преображалась, становилась другой. В тот год Бет потратила очень много времени на мою прическу. Я горько плакала, потому что нарядное платье оказалось мне мало. Это выяснилось прямо в день праздника. Платье сильно жало под мышками, колючие оборки кусали кожу. Но поменять наряд было не на что, и Бет, желая меня утешить, стала вплетать мне в волосы бирюзовые ленты, пятнадцать или двадцать штук. Концы лент она закручивала и соединяла у меня на затылке в огромный бант.

— Осталась одна, последняя, сиди смирно! Ну вот. Теперь ты похожа на райскую птичку, Эрика! — улыбнулась Бет, завязывая последний бант.

Я в восторге крутила головой и так и этак, а концы лент приятно щекотали сзади шею.

Вдоль аллеи стояли горящие факелы, они чадили, в ночном воздухе пахло парафином. Звук от них был такой, будто на ветру хлопают знамена. На террасе играл струнный квартет, там же были накрыты длинные столы с белыми скатертями и шеренгами сверкающих хрустальных бокалов. В серебряных ведерках для льда на высоких ножках охлаждалось шампанское, и официанты только поднимали брови, когда я вытаскивала оттуда кубики льда и совала себе за щеку. Еда наверняка была превосходной, хотя запомнились мне только блины с черной икрой — я схватила один, сунула в рот, а потом долго плевалась над ближайшей клумбой. Поверх наших голов

проносились обрывки взрослых разговоров, сплетни и слухи, которых мы, впрочем, не понимали — никто не обращал внимания на нас, маленьких шпионов, незаметно снующих в толпе.

Среди гостей были наши близкие и дальние родственники, какие-то люди, которых я никогда с тех пор не видела, все, кто хоть что-то представлял собой в глазах местного общества. Фотограф из «Уилтшир Лайф» делал снимки самых красивых женщин и влиятельных мужчин. Крупные дамы с гладкими прическами и лошадиными зубами, в дорогих, но чересчур пестрых вечерних туалетах всех оттенков розового и сиреневого, изумрудного и переливчато-синего. По случаю праздника они нацепили бриллианты — целые булыжники сверкали на их веснушчатой коже. Сад пропитался ароматами их духов, а позже, когда начались танцы, еще и запахом свежего пота. Мужчины были в черных галстуках. Отец все время теребил воротничок и широкий блестящий кушак. Он не привык к твердым уголкам и к слоям ткани на поясе. Вокруг факелов вились мошки, как искры над костром. Над лужайками разносились голоса и смех, сливаясь в ровный гул, становившийся все громче по мере того, как росло количество пустых бутылок. Шум стих, только когда начался фейерверк, и мы, дети, как зачарованные глядели в бархатно-лиловое небо, озарявшееся разноцветными огнями.

Чтобы обслуживать гостей наняли целую команду прислуги: сомелье, отвечавших за напитки; поваров, оккупировавших кухню; официанток, разносивших на подносах горячие канапе; спокойных и невозмутимых старших официантов, распорядившихся в доме, — они любезно направляли людей в туалеты на первом этаже, не пуская зевак в жилые комнаты. На одну из таких безымянных представительниц обслуживающего персонала обрушилась тогда Кэролайн, внезапно и необъяснимо. Она сидела в своем кресле на балкончике первого этажа, достаточно близко к террасе, чтобы слышать музыку, но при этом в укромном уголке, не на виду. Люди подходили, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, опасливо склонялись, как бы не желая возвышаться над ней, и откланивались, как только позволяли правила приличия. Некоторым Кэролайн благосклонно кивала на прощание, других просто игнорировала. А потом к ней, мило улыбаясь, подошла официантка, предложила взять что-то с подноса.

Она была темноволосая, это я хорошо помню. Совсем молоденькая, наверное, ей даже не было двадцати лет. Мы с Бет заметили ее еще раньше и запомнили, так как с завистью обсуждали ее волосы. Кожа у нее была темно-оливковой, а через плечо девушка перебрала великолепную косу, черную и блестящую, как чернила. Аккуратная, округлая фигурка и аккуратное округлое лицо с темно-кариими глазами и высокими скулами. Может, она была испанкой или гречанкой. Бет и я оказались тогда рядом, потому что буквально ходили за ней по пятам. Она так нам нравилась, казалась невероятной красавицей. Но вот Кэролайн увидела девушку, глаза у нее округлились, а челюсть отвисла — так что рот превратился в черную, безгубую дыру. Я была совсем рядом, потому и заметила, что она вся трясется, увидела и тревогу на лице официантки.

— Сорока? — просипела Кэролайн, она с трудом выговорила слово и так шумно дышала, что я подумала, что ослышалась. Но она повторила, уже громче и тверже: — Сорока, это ты?

Официантка затрясла головой и растерянно заулыбалась, но Кэролайн, хрипло крича, схватила ее за руки. Мередит издали, хмуря брови, посмотрела в сторону матери.

— У вас все в порядке, мама? — громко спросила она, но Кэролайн, не обращая на нее внимания, продолжала сверлить глазами черноволосую официантку. На лице старухи застыл ужас.

— Это не можешь быть ты! Ты же умерла! Я знаю... я сама *видела*, — кричала она.

— Ничего, ничего, — приговаривала девушка, освобождая руки и пятясь.

Мы с Бет смотрели, не отводя глаз, как по щекам Кэролайн покатались слезы.

— Не делай мне зла... прошу тебя, не надо мстить, — прошелестела она.

— Что здесь происходит? — Мередит протиснулась ближе к матери, уставилась на злополучную служанку, которая только трясла головой, не в силах вымолвить ни слова. — Мама, успокойтесь. Что случилось?

— Нет! Сорока... как это возможно? Я была уверена... я не... я не хотела этого... — Кэролайн прижимала трясущиеся пальцы ко рту, ее голос звучал умоляюще. Лицо было таким, точно она увидела призрак.

Служанка ушла, извиняясь, улыбаясь смущенно и растерянно. — Сорока... погоди, Сорока, не уходи!

— Ну, хватит! Здесь нет никого по имени Сорока! Ради бога, мама, соберитесь, — раздраженно оборвала Мередит ее крики.

— В доме гости, — добавила она многозначительно, наклонясь к самому уху Кэролайн. Но прабабушка продолжала искать глазами в толпе черноволосую девушку.

— Сорока! Сорока! — кричала Кэролайн и продолжала плакать. Она схватила Мередит за руку и уставилась на дочь безумными расширенными глазами. — Она вернулась! Не позволяй ей причинить мне зло!

— Хорошо, достаточно. Клиффорд, помоги мне, — резко окликнула Мередит сына. Вдвоем они развернули кресло-коляску и увезли Кэролайн сквозь высокую стеклянную дверь. Она пыталась сопротивляться, помешать им, крутила головой в поисках девушки и все повторяла: *Сорока, Сорока*. Тогда, в первый и единственный раз на своей памяти я пожалела Кэролайн, так сильно она была напугана и так грустно, невозможно грустно звучал ее голос.

— Сорока, вот как. Странное имя, — говорю я, когда Бет, замолчав, расплетает свою длинную косу и пропускает волосы сквозь пальцы. — Хотела бы я знать, за кого же Кэролайн приняла ту девушку?

— Как знать? Она тогда явно обозналась. Ей ведь было уже больше ста, не забывай.

— Как ты думаешь, а Мередит знала? Она так резко ее оборвала, была так груба с ней!

— Нет. Не знаю, — качает головой Бет. — Мередит всегда была резкой.

— Но в тот вечер она рычала просто ужасно. — Я встаю, ставлю чайник на плиту. Хочется кофе.

— Тебе нужно поискать на чердаке, там куча старых бумаг и фотографий, которые ты так любишь, — говорит Бет с внезапно вспыхнувшим энтузиазмом.

— Да?

— Там должен быть старый бордовый чемодан — я помню, когда мы приезжали на похороны Кэролайн, Мередит складывала в него все,

что имело к ней отношение. Мне показалось, она хочет убрать с глаз долой все, что только может напомнить о Кэролайн.

— Этого я не помню. Где же я-то была?

— Тебя оставили в Ридинге у соседей, Ника и Сью. Папа сказал, что ты еще слишком мала, чтобы участвовать в похоронах.

— Обязательно поднимусь и пороюсь в нем. Нам с тобой нужно вместе туда пойти.

— Нет, нет. Меня семейная история никогда не занимала. Но не исключено, что ты сможешь раскопать там что-нибудь интересное, — улыбается Бет.

Я невольно отмечаю, как она воодушевляет меня, уговаривает покопаться в давнем семейном прошлом. Будто стремится отвлечь меня от событий, случившихся относительно недавно.

Ожидание

1902–1903

К концу весны и началу лета Кэролайн немного привыкла к соседству Джо и Сороки, и других женщин понка — матери Джо и его овдовевшей сестры Энни. Она не приглашала их больше, но Корин объяснил, что у индианок принято заходить друг к другу в гости и обмениваться подарками. И в самом деле, поначалу понка не раз наносили ей такие визиты, но со временем привыкли и, кажется, потеряли интерес. Кэролайн с замиранием сердца следила за приближением этой троицы к дому, принимала их в страшном напряжении, не зная, как и о чем с ними говорить, что подарить в ответ на принесенные митенки, мед или деревянный черпак с затейливой резьбой. Обычно она давала им деньги, которые Белое Облако принимала со сдержанным достоинством. Кэролайн угощала индианок чаем и не могла дожидаться, когда они уйдут, однако, когда визиты прекратились, невольно почувствовала, что не прошла какое-то испытание. Из окна она часто наблюдала за Джо, когда он ходил по ранчо, с любопытством разглядывала его непривычные, странные черты лица, черную гриву волос. На бедре у него висел длинный нож в тисненых кожаных ножнах, и всякий раз, как Кэролайн видела это оружие, по спине у нее пробегал холодок.

Она никак не могла привыкнуть к жаре, нараставшей с каждым днем. К полудню солнце превращалось в плоский белый диск, который будто гигантская ладонь тяжело давил на голову, до боли и полуслепоты. Если поднимался ветер, он обжигал, словно вырвался из раскаленной духовки. Кэролайн, которая всю жизнь вставала в десять часов, теперь поднималась вместе с Корином затемно, чтобы хоть чуть-чуть пожить, почувствовать себя человеком, прежде чем зной станет невыносимым. В час рассвета фиолетовое небо на востоке постепенно светлело, окрашивалось лазурью, звезды, мерцающие на нем, блекли при наступлении дня. Корин возил Кэролайн в Вудворд, где она заказала ткань для портьер, ковры и большое зеркало — повесить над камином. Муж, хотя и слегка озадаченный, как ей показалось, оплатил все ее покупки. Кэролайн вся извелась за недели,

которые потребовались, чтобы доставить товары поездом из Канзаса, когда же они прибыли, прыгала и хлопала в ладоши от восторга. Постепенно она переставила мебель в доме по своему вкусу и все подметала, подметала, изгоняя из дому песок, особенно в ветреные дни. Дошло до того, что руки Кэролайн покрылись мозолями, и она в отчаянии сдалась, только старалась заткнуть тряпками все щели в окнах и дверях.

Еще труднее оказалось привыкнуть к повседневной домашней работе. Кэролайн понимала: утром нужно готовить мужу кофе и завтрак, чтобы он не отправлялся на ранчо голодным. Но пока она приводила в порядок прическу, умывалась и затягивала шнуровку на корсете, Корин уже успевал позавтракать сам и уходил работать.

— Зачем тебе тратить столько времени на прическу, родная? Здесь нет никого, кто подумает о тебе плохо, если ты просто заколешь их в пучок, — ласково сказал однажды Корин, собирая ее волосы и пропуская пряди между пальцев.

— *Я сама стану думать о себе плохо,* — ответила Кэролайн. — Не пристало леди расхаживать с неубранными волосами. Это непристойно.

Однако, поразмыслив над словами мужа, она сделала свои выводы и начала подниматься по утрам еще раньше, чтобы успеть и привести себя в порядок, и приготовить завтрак.

Когда пересыхал наливной резервуар, воду приходилось носить в ведрах из колодца, вырытого на небольшом холме к северу от дома. Корин не упускал случая рассказать, что этот колодец — самое что ни на есть истинное чудо, ведь во всей округе вода с осадком, пахла гнилью и вредна для здоровья.

— В самых лучших домах Вудворда нет воды даже вполовину такой вкусной. И привозят ее на фургоне издалека, с юга, — с гордостью говорил он.

Воду приходилось долго кипятить на плите, и, поскольку дров было мало, Кэролайн все чаще приходилось пользоваться другим топливом — коровьими лепешками, в точности такими, какие подбрасывал в свой костер Хатч. Разобравшись со временем, что таинственные лепешки — не что иное, как куски высушенного коровьего навоза, Кэролайн наотрез отказалась их собирать. Скрепя сердце она согласилась подбрасывать их в огонь железными щипцами.

Неподалеку от ранчо протекала мелкая речка, которую ковбои называли Жабьим Ручьем. Вдоль ее берегов неровной узкой полоской тянулись чахлые тополя, сливы и грецкие орехи, даря желанную тень и прохладу.

— Разве нельзя просто срубить на растопку несколько деревьев у ручья? — морща нос, спросила Кэролайн, когда Хатч с некоторым неудовольствием поставил у ее порога корзину с сухими коровьими лепешками.

— Понимаете, мэм, можно-то оно можно. Да только через пару месяцев и мы вернемся к коровьим лепешкам, и деревья не будут больше радовать глаз, их просто не останется, — сухо пояснил Хатч.

Итак, каждое утро нужно было натаскать воды, вычистить и вновь растопить плиту, приготовить завтрак, а потом мыть кастрюли и стирать. Кэролайн привыкла отдавать грязную одежду и получать ее через два дня чистой, отглаженной и аккуратно сложенной. Она была искренне поражена, узнав, сколько тяжелого труда стояло, оказывается, за этими двумя днями. А затем начиналась бесконечная битва с песком в доме и на веранде. Кроме того, Кэролайн билась, пытаясь сохранить свой чахлый, низкорослый огородик. Корин гордо показал ей семена, привезенные от соседей: арбузы и дыни, горошек и фасоль. Еще он приобрел два вишневых деревца, за которыми она старательно ухаживала, поливала и беспокоилась, когда они гнулись от порывов ветра. Деревца с трудом приживались на красной почве и отказывались цвести, несмотря на все старания Кэролайн. Затем наступало время стряпать обед, чинить одежду, готовить ужин. Хорошим поваром Кэролайн не стала. Она пережаривала яичницу, забывала посолить бифштекс. Овощи у нее получались мягкими, как тряпка, мясо — жестким и волокнистым. Фасоль была твердой внутри и хрустела на зубах. Кофе доставало крепости, а тесто никак не хотело подниматься, так что хлеб выходил плоским и в нем вязли зубы. Каждый раз, как она начинала оправдываться, извиняться, Корин подбадривал любимую.

— Тебя ведь этому никто не учил. Но ты привыкнешь, освоишься, — улыбался он, усердно пережевывая и глотая все, что бы она ни положила ему в тарелку.

Стоило Кэролайн слегка запачкать руки, она торопилась вымыть их как можно тщательнее, таким невыносимым казалось ей ощущение

грязи на коже, черные полумесяцы под ногтями от земли и угля. Она постоянно терла руки, и они покраснели, кожа стала шершавой и потрескалась. Вечером, положив руки на колени, Кэролайн с тоской вспоминала, какими белыми и мягкими были они когда-то.

Чтобы принять горячую ванну, приходилось наполнять водой большой медный чан, разжигать под ним огонь, а потом ведром переливать воду в жестяную ванну. Мылась Кэролайн за большим деревянным щитом, который заказала специально и исключительно ради того, чтобы принимать ванну в уединении. Корин не одобрял столь расточительного использования драгоценной влаги, но к концу очередного, наполненного трудами дня у Кэролайн, еще и затянутой в неудобный тесный корсет, болело и ныло все тело до последней косточки. Растягиваясь в ванне и прислоняясь к ее стенке, она ощущала каждый свой выступающий позвонок, каждое ребро и впадины между ними. Руки, когда она обтиралась полотенцем, дрожали от усталости. В тусклом желтом свете керосиновой лампы Кэролайн разглядывала свои обломанные ногти, потемневшую от загара кожу — там, где она засучивала рукава на солнцепеке. Она рассматривала свои большие пальцы — на них теперь тоже появились мозоли — и втирала в них отбеливающий крем с запахом розы, надеясь смягчить кожу, а в темноте за окном звучала одинокая песня койота.

Кэролайн не сетовала на тяжелую работу даже наедине с собой. Лишь чувствуя, что начинает падать духом, она представляла себе Батильду и ее губы, искривленные в издевательской усмешке, или представляла восхищенный взгляд Корина, который называл ее храброй и прекрасной. Меньше всего ей хотелось разочаровать его. Однако временами, когда терпение ее и впрямь было на исходе, Корин словно чувствовал это. Он нежными движениями вычесывал из ее волос песок и тихо напевал, проводя щеткой по длинным прядям. А иногда, стараясь ее рассмешить, рассказывал разные истории — об умной чудо-корове, которая пила пиво и умела считать, или о нетерпеливом поселенце, вымазавшемся красной глиной, чтоб сойти за индейца и обосноваться на их землях. А порой, когда она лежала в ванне и пемзой терла мозоли, Корин заходил за ширму и сильными пальцами массировал ей шею и плечи, пока она полностью не расслаблялась и не начинала засыпать. Тогда он поднимал ее, не

вытирая, нес прямо в кровать, хотя с нее лилась вода. Всепоглощающая, ослепительная радость его любви заставляла Кэролайн забыть обо всех горестях и тяготах.

Как-то ночью они сидели рядышком на кровати, еще не отдышавшись после того, как занимались любовью. Опершись на локоть, Корин смахнул капли их смешавшегося пота с груди Кэролайн, потом провел рукой вниз, к животу. Улыбаясь, она слегка изогнулась под тяжестью его горячей руки.

— С кого начнем, с мальчика или девочки? — спросил он.

— А ты бы кого хотел? — задала она встречный вопрос.

— Я первый спросил!

Кэролайн заулыбалась:

— Я даже не знаю. Может быть, девочку... малышку с карими глазами, как у тебя, и твоими волосами цвета меда.

— А потом мальчишку? — продолжал Корин.

— Конечно! Или ты предпочел бы сначала мальчика?

— Необязательно... хотя как было бы хорошо наряжать его ковбоем, бегать взапуски, и на ранчо он бы стал мне помогать... — задумчиво проговорил он.

— Бедное дитя! Не успел еще и родиться, а ты уже собираешься учить его скачке с препятствиями! — возмутилась Кэролайн.

Ухмыльнувшись, Корин коснулся губами ее живота, поцеловал влажную кожу.

— *Тсс!* Эй, если ты уже там, давай-ка родись мальчиком, и я куплю тебе пони! — прошептал он.

Кэролайн залилась смехом и обняла Корина за голову обеими руками, уже не замечая, как они загорелись.

Это было за два месяца до того, как соседка нанесла ей визит. Кэролайн мрачно рассматривала кривобокий и осевший медовый пирог, только что вынутый из духовки, когда услышала, что кто-то окликает ее.

— Привет, семейство Мэсси! — снова раздался крик, и пораженная Кэролайн поняла, что голос принадлежит женщине.

Она поспешно пригладила волосы, отряхнула с фартука муку и, открыв дверь, вышла на крыльцо, держась величественно, как королева. А выйдя, Кэролайн приоткрыла рот от изумления. Женщина, если только это и впрямь была женщина, не только красовалась в

мужской одежде — джинсах, кожаных чапсах^[15] и фланелевой рубашке, заправленной за широкий кожаный ремень, — она сидела на длинноногой гнедой лошади *верхом*, расставив ноги, причем так свободно держалась в седле, словно в нем и родилась.

— Так вы дома! А я уж начала думать, что разорялась понапрасну, — объявила женщина, перекидывая ногу через конскую спину и соскакивая на землю. — Эванджелина Фоссет. Очень приятно познакомиться, и, пожалуйста, называйте меня Энджи, меня все так зовут, — продолжала женщина, с улыбкой подходя к Кэролайн. Ее длинные рыжие волосы были собраны в конский хвост. На решительном лице, таком же обветренном, как у Корина, но при этом красивом, сияли ярко-синие глаза.

— Меня зовут Кэролайн. Кэролайн Мэсси.

— Кто же еще! — Синие глаза весело блеснули. — М-да, Хатч ведь мне говорил, что вы красавица, а этот человек никогда не лжет, Господь тому свидетель.

Кэролайн смущенно кивнула, не зная, что сказать.

— Я, между прочим, ваша соседка. У нас с Джейкобом, моим мужем, ферма в семи милях отсюда, вон там... — Энджи махнула рукой на юго-восток.

— О! Что ж... э... не хотите ли зайти? — пробормотала Кэролайн.

Она отрезала несколько кусочков с той стороны пирога, где он все же походил на пирог, разложила их на большой тарелке и подала с чаем и холодной водой. Энджи залпом осушила свою чашку:

— Ух! И завидую же я вашему колодцу! Иметь под рукой такую сладкую воду, что не отдает известью или железом, это просто чудо какое-то, я вам верно говорю, — воскликнула она. — Корин рассказывал вам, как они нашли здесь воду? Вот этот самый колодец?

— Нет...

— Ну как же, они раз сто принимались рыть скважины в разных местах — и ничего, одна известь, известь, а если вода, то зловонная. Хотели было брать воду в ручье, так ведь он стоит сухой больше полугодом, скоро сами увидите. И так им приходилось экономить воду, что никто из мужчин на этом ранчо не мылся по месяцу, а то и больше. Я вам верно говорю, не вру: несло от них так, что я чувствовала, когда они только к крыльцу моему подходили. Ну, а однажды явился к ним чудной такой старикан на полудохлом муле да и говорит Корину:

хочешь, я найду тебе воду, самую чистую да вкусную во всей округе? Всегда надо дать человеку показать себя, сказал Корин, хоть и непонятно было, как этот бродяга сумеет сделать то, что у них не выходило месяцами. — Энджи перевела дыхание и положила в рот кусочек пирога. Кэролайн смотрела на нее как зачарованная. — И вот бродяга берет тоненький такой прутик с раздвоенным концом. Прутик этот весь вытерт до блеска — видно, он работал с ним долгие годы. И пошел он по ранчо, туда-сюда, в каждый уголок заглянул, а прутик держит перед собой самыми кончиками пальцев. Солнце уж вниз пошло, а он все ходит взад-вперед, влево-вправо, пока не забрался на вершушку этого холмика — и тут хлоп! Как начал прутик у него в руках крутиться, да показывает прямо вниз, на землю, как стрела. «Здесь ваша чистая вода, сэр», — говорит старик. Начали рыть, и что вы думаете — воду нашли и колодец сделали. Что ж, верите вы мне, что так все и было? — завершила свой рассказ Энджи, энергично кивая и с улыбкой вглядываясь в лицо Кэролайн.

— Ну, я... — начала Кэролайн, голосок ее казался слабым по сравнению с уверенным голосом Энджи. — Если вы говорите, верю, разумеется.

Она неуверенно улыбалась. По лицу Энджи пробежала тень, но она тут же снова улыбнулась:

— Ну что, как вы тут обживаетесь? Привыкаете к жизни на ранчо?

— Да, пожалуй. Здесь все немного отличается... от Нью-Йорка.

— Еще бы! Еще как отличается! — Энджи хихикнула, звук получился низкий, грудной.

— Мне прежде не доводилось видеть женщин в мужском седле, — прибавила Кэролайн, чувствуя, что ее замечание неприлично, но слишком пораженная, чтобы промолчать.

— Да это единственный способ путешествовать в наших краях, уж поверьте! Вот погодите, только попробуете, и больше ни за что вам не захочется связываться с этими ужасными дамскими седлами. Когда я услышала, что Корин привез невесту из города, то подумала; вот бедняжка! Ведь она же знать не знает, во что ввязывается! Не то чтобы мне эти места не нравились, вовсе нет, это ведь мой дом. Однако, видит Бог, иногда матушка-природа бывает изрядной паскудой, извините меня за грубость, только ведь это правда.

Энджи снова уставилась на растерянную Кэролайн, и та ответила ей нервным смешком. Тонкая фарфоровая чашка, расписанная прелестными розочками и синими лентами, которая так понравилась ей в каталоге, в сильной руке Энджи казалась хрупкой детской игрушкой.

— Женщины порой страдают тут от одиночества. Ни с кем не видятся... ну, с другими женщинами. Неделями, а то и месяцами. Может надоест, если сидишь в доме целый день и не с кем словом перекинуться.

— Мне... мне некогда скучать, я постоянно занята, — нерешительно ответила Кэролайн, зачарованная прямою соседки.

— Да мы все заняты, это ясно, — пожала плечами Энджи. — Появятся детки — станет полегче. Ничто так не отвлекает от грустных мыслей, как полный дом малышей, знаю, что говорю!

Кэролайн, смутившись, покраснела. Она с нетерпением ждала будущего ребенка. Ей так хотелось баюкать и ласкать малыша, любоваться его нежной кожей, она мечтала о полной семье. О том, чтобы окончательно обосноваться здесь, пустить корни.

— Корин хочет пятерых, — застенчиво призналась она.

— Пятерых! Боже милостивый, да с такой оравой хлопот не оберешься, девочка вы моя. — На лице Энджи вновь засияла широкая улыбка. — Но вы же еще совсем молоденькая. Только не частите, мой вам совет. Делайте перерывы, тогда старшие смогут помогать вам с крошками. Ну, а когда понесете, обязательно дайте мне знать. Вам понадобятся и совет и помощь, а у меня в этом опыт большой. Просто помните, что я тут рядом, и пошлите за мной, если что-то будет нужно.

— Это так любезно с вашей стороны, — поблагодарила Кэролайн, втайне уверенная, что помощь ей не потребуется. В глубине души она знала наверняка: пусть еестряпня не становится лучше, а тело никак не привыкнет к тяжелой домашней работе, материнство все изменит, с ним она справится без труда.

Когда примерно через час Энджи простилась с хозяйкой, то направилась не в сторону своего дома, а к загонам скота, где трудились несколько человек. Обычно Кэролайн старалась не ходить туда, мужчины смущали ее, к тому же она ничего не понимала в их работе, как ни старался Корин просветить ее насчет происходящего на ранчо. То, что она видела, казалось ей жестоким. Животных валили на землю,

спиливали рога, окунали головы в зловонную, едкую жидкость для уничтожения паразитов, на коже выжигали тавро «РМ» — «Ранчо Мэсси». Ей было невыносимо зрелище коров, в ужасе закатывающих глаза, таких беспомощных, страдающих. Но сейчас, наблюдая, как Энджи спокойно подъехала к Хатчу, который наблюдал за клеймением новорожденных телят в ближайшем корале, Кэролайн внезапно почувствовала себя обделенной и одинокой. Торопливо скинув фартук, она подхватила шляпку и быстро зашагала в том же направлении.

Хатч подошел к изгороди, облокотился на нее и, болтая с Энджи, продолжал присматривать за клеймением. Не зная, как объявить о своем присутствии, Кэролайн хотела подойти к ним, как вдруг услышала свое имя. Она замерла, отступив в тень спального барака. От запаха горелой шерсти и кожи она закашлялась и поспешно прикрыла рот ладонью.

— Не очень-то она приветлива, правда? — проговорила Энджи, сложив на груди руки.

Хатч дернул плечом:

— Мне кажется, она старается изо всех сил. Нелегко ей приходится, нежная она барышня, с городским воспитанием. По-моему, ей раньше не приходилось пройти пешком и четверти мили, а Корин говорил, что и стряпать ее тоже никогда не учили.

— Жаль, что ранчо так далеко от города — там она могла бы давать уроки или что-нибудь в этом роде. Там ее хорошие манерыгодились бы, а тут они ни к чему. — Энджи покачала головой, как показалось Кэролайн, неодобрительно. — А что ребята о ней говорят?..

— Да трудно сказать. Она нечасто из дому выходит, верхом не ездит... и уж конечно, ни разу не принесла нам холодного лимонада в жаркий денек, — ухмыльнулся Хатч. — Жару она, по-моему, плоховато переносит.

— О чем только думал Корин, когда женился на этом тепличном цветочке? Она же совсем зеленая! А он бросил барышню совсем одну, без всякой помощи, — крутись как хочешь.

— Ну, он, по-моему, думал, что женится на красивой девушке, да еще и с головой на плечах.

— Хатчинсон, если мне когда-нибудь случится услышать от тебя дурное слово хоть о ком-то или о чем-то, я, наверное, с лошади

свалюсь. Голова на плечах — наверное, для города оно и хорошо, но здесь? Ты только подумай, она до сих пор ходит в корсете... или как там его... шнуруется так, что еле дышит! И это ты называешь здравым смыслом? — воскликнула Энджи.

Хатч ответил что-то, но Кэролайн не разобрала слов из-за мычания телят, а потом повернулся к Энджи. Испугавшись, что ее увидят, Кэролайн завернула за угол барака и бегом вернулась домой, вытирая злые слезы.

Вечером за ужином Кэролайн смотрела на мужа, пока он безропотно поглощал безвкусную еду. Весь день он вместе с ковбоями ловил двух отбившихся от стада быков, вернулся домой поздно и был голоден как волк. Он не стал мыться, только поплескал себе на лицо водой из корыта. При свете керосиновой лампы лицо Корина выглядело грубым, сам он казался старше, чем был. Всклокоченные волосы торчали во все стороны, в морщинки на лбу набился песок. За целый день под солнцем он словно пропитался им насквозь, и теперь ночью будет мерцать, отдавая свет, подумала Кэролайн. Солнце любило Корина, а ее нет. Оно жгло ее нежную кожу, покрывало нос и щеки ужасными, некрасивыми веснушками. Рассматривая мужа, Кэролайн ощутила прилив любви и восхищения, смешанных с непонятным ей самой отчаянием. Корин был ее супругом, и все же отчего-то ей было страшно, будто в любое мгновение она могла его потерять. Она и не догадывалась, что не справляется со своей ролью, пока не услышала сурового вердикта Энджи Фоссет, который та вынесла изнеженной молодой жене Корина. Кэролайн потихоньку вытерла слезинки, понимая, что не сможет объяснить ему, почему плачет.

— Сегодня заходила Эванджелина Фоссет, — сообщила она несколько натянутым тоном.

— Да что ты? Это просто отлично! Она хорошая соседка, всегда так приветлива. Тебе она понравилась?

Кэролайн отпила воды из стакана, чтобы не отвечать.

— Если бы нужно было доказать, что Запад дает женщинам свободу, которой у них никогда прежде не было, и что женщина может наилучшим способом воспользоваться этой свободой, лучшего примера, чем Энджи, не найти, — продолжал Корин.

— Она не прислала мне карточку, прежде чем явиться с визитом, и застала меня врасплох. Я не ожидала гостей, — бросила Кэролайн. Она ненавидела себя за ледяной тон, но ничего не могла поделать, очень уж обидно было слышать, как муж хвалит другую женщину.

— Ну, что ты... если уж ты проскакал семь миль верхом, чтобы предупредить хозяев, что собираешься к ним заглянуть, мне кажется, разумно просто взять да и зайти, сама посуды.

— Я слышала, как она разговаривала с Хатчем. Она назвала меня зеленой. Что это значит?

— Зеленой? — Корин улыбнулся было, но посерьезнел, видя напряженное лицо жены и подозрительный блеск в ее глазах. — Ну, что ты, родная, я уверен, что она не хотела сказать ничего дурного. Это означает просто, что ты еще не привыкла к Западу, только и всего. К этой жизни.

— Интересно, а как бы я могла привыкнуть к ней? Разве я виновата, что родилась не здесь? Разве это повод, чтобы обсуждать человека, перемывать ему кости? Я *стараюсь* приспособиться к этой жизни!

— Ну конечно, я знаю! Я знаю. — Корин взял обе руки Кэролайн в свои и пожал их. — И не нужно тревожиться из-за этого. Ты просто умница...

— Нет! Я не умею готовить! Я не справляюсь со всей этой работой, с хозяйством! В огороде ничего не растет... дом полон песка! — И она разрыдалась.

— Ты преувеличиваешь...

— Хатч знает, что я скверно готовлю, значит, ты ему жаловался! Я сама слышала, как он это сказал!

Корин не нашелся что ответить, на щеках его проступил румянец.

— Прости меня, родная. Не нужно было болтать об этом, и мне стыдно, что я так поступил. Но, любовь моя, если тебе трудно, только скажи, и я найду тебе помощницу! — с жаром уверял он, глядя ее залитое слезами лицо.

— Да, мне нужна помощь, — жалобно произнесла Кэролайн, и от этого признания ей сразу стало легче, будто гора упала с плеч.

Корин улыбнулся.

— Будет у тебя помощница, — пообещал он ласково, а потом шептал нежные слова, пока она сквозь слезы не улыбнулась ему в

ответ и не перестала плакать.

Так Мэгги-Сорока стала приходить к ним в дом и помогать по хозяйству. Хотя Кэролайн и не была уверена, что хочет, чтобы индианка целыми днями была рядом, Сорока явилась с всегдашней своей приветливой улыбкой и взяла на себя большую часть домашней работы, которую выполняла с завидной легкостью. Кэролайн с радостью уступила ей стряпню и наблюдала, как старые кости и сушеная фасоль превращаются в душистую наваристую похлебку. Тесто, которое Сорока, завернув во влажную ткань, оставляла на солнце на подоконнике, поднималось просто превосходно, а щепотки незнакомых трав из прерии придавали соусам аромат и остроту. Стирка теперь занимала вдвое меньше времени, чем прежде, и вещи выходили чище. Мэгги взяла на себя самую тяжелую работу — таскала воду и развешивала выстиранные вещи на веревке, так что у Кэролайн, впервые со дня приезда, появилось время сесть и почитать или заняться шитьем. Казалось бы, появление такой искусной помощницы не могло бы вызвать ничего, кроме радости, однако, к собственному удивлению, Кэролайн немного завидовала тому, что у индианки все спорится. Однако Сорока охотно хлопотала по дому, подсказывала что-то Кэролайн, деликатно и с удивительным тактом. Ни разу она не обмолвилась, что барышня должна бы знать такие вещи, ни разу не заставила ее почувствовать себя неумехой. Кэролайн просто не к чему было придраться, Сорока вызывала к себе только добрые чувства.

И все же постоянное присутствие Сороки в доме было утомительно. Индианка притягивала к себе внимание, за работой она постоянно что-то тихо напевала. Никогда прежде Кэролайн не приходилось слышать ничего подобного этим странным мелодиям, таким же чужим и жутковатым, как плач койотов в прерии. И еще, Сорока двигалась слишком тихо — так тихо и бесшумно, что Кэролайн не слышала. Как-то утром она сидела за пяльцами, вышивая гирлянду полевых цветов на уголке скатерти, и вдруг почувствовала, что за спиной стоят. Резко обернувшись, она увидела Сороку: та, заглядывая ей через плечо, одобрительно рассматривала работу.

— Очень красиво, миссис Мэсси, — улыбнулась она, кивая в знак одобрения. — Вы очень хорошо кладете стежки.

— О... благодарю тебя, Сорока, — выдохнула Кэролайн, испуганная внезапным появлением Мэгги.

Солнце блестело на длинной косе индианки. Волосы были черными как вороново крыло. Кэролайн залюбовалась их чернильным блеском, подумала, что волосы удивительно густые и должно быть жесткие. Со своими высокими скулами круглолицая Сорока немного напоминала китайнку (Кэролайн несколько раз видела их в Нью-Йорке), но кожа у нее была куда темнее и с красноватым оттенком. Кэролайн до сих пор невольно вздрагивала, когда их руки случайно соприкасались. Однако индианка нравилась ей, и она ловила себя на том, что любит тем, как ловко она все делает. В самую жару, когда у Кэролайн лил пот со лба и вся кожа под одеждой чесалась, Сорока, казалось, не ощущала никаких неудобств. Само солнце было бессильно перед ней, и это тоже заставляло Кэролайн завидовать.

Однажды жара была особенно удушливой, и Кэролайн поняла, что вот-вот сойдет с ума, если не найдет избавления. Войдя в спальню и заперев за собой дверь, она расстегнула блузку, расшнуровала корсет, швырнула их на пол. Какое-то время она посидела на кровати, наслаждаясь прикосновениями относительно свежего воздуха к мокрой липкой коже. Головокружение, изводившее ее с самого утра, начало отступать. Воздух был таким влажным и тяжелым, а небо таким ослепительно-ярким, что Кэролайн стало казаться, будто кровь в ее сосудах сгущается и закипает. Одеваясь, она отбросила корсет. Никто этого не заметил, да и *ничего* было замечать, говоря по правде. От жары и собственной стряпни аппетит у нее совсем пропал, да и работа не прошла даром. Там, под сбруей корсета, Кэролайн совсем исхудала.

В конце недели прошел дождь. Лило так, как будто небеса разгневались на землю и решили ее уничтожить. С неба, из враждебных черных туч, низвергались целые потоки, не отдельные капли, а мощные струи — они неслись вниз стремительно, как копья, и разбивали землю, превращали верхний ее слой в кашу, смывали его в Жабий Ручей. Хилый ручеек превратился в бурную порожистую реку. Лошади держались стойчески, только жались друг к другу, по гривам стекала вода. Коровы на выпасах ложились, прикрывали глаза. Корин был в Вудворде с Хатчем, перегонял семьсот голов скота. Вечером Кэролайн легла рано и что было сил молилась, чтобы Норт-Канейдиан не разлился, чтобы вода поскорее сошла и не помешала Корину вернуться домой. Она не стала закрывать ставни и лежала,

прислушиваясь, как барабанит дождь по крыше. Раскинув руки, она ждала, когда же из окна подует воздух попрохладнее, когда вода смоет, унесет жару.

В дверь робко постучали, появилась Сорока.

— Что-то случилось? — отрывисто спросила Кэролайн, садясь на постели.

— Ничего, миссис Мэсси. Я вам принесла кое-что. Чтобы вам полегчало, — ответила индианка.

Кэролайн вздохнула, откинула со лба мокрые волосы.

— Мне уже ничто не поможет, — шепнула она.

— Выходите, попробуйте, — настаивала Сорока. — Нехорошо слишком долго лежать. Так вы никогда не привыкнете к здешней жизни.

Она требовала и добилась своего: Кэролайн заставила себя подняться и следом за индианкой вышла на кухню.

— Арбуз. Первый в этом году! Попробуйте. — Сорока протянула Кэролайн широкий ломоть: кроваво-красный полумесяц, липнувший к пальцам.

— Благодарю, Сорока, но я не голодна...

— Попробуйте, — повторила Сорока уже тверже. Кэролайн взглянула на нее, встретилась взглядом с ее черными глазами и увидела в них только желание помочь. Она взяла арбуз, откусила кусочек. — Правда, хорошо?

— Хорошо, — признала Кэролайн, жадно вгрызаясь в ломоть.

Арбуз не был ни приторно-сладким, ни кислым. Вкус оказался нежным и приятным, каким-то земным, он успокаивал саднившее горло.

— И это выпейте, — Сорока протянула ей чашку с водой, — это дождевая вода. Прямо с неба.

— Да, сегодня в ней не было недостатка, — улыбнулась Кэролайн.

— Эта вода от земли, эта вода — от неба, — пояснила Мэгги, указывая на арбуз и на чашку. — Если есть и пить такие вещи, можно... можно обрести равновесие между землей и небом. Понимаете? Тогда у вас не будет чувства, что вас наказывают. Вы станете чувствовать себя частью этой земли и этого неба.

— Хорошо бы. Не чувствовать, что тебя наказывают, — чуть заметно улыбнулась Кэролайн.

— Ешь еще, пей еще, — подбодрила ее Сорока, тоже с улыбкой.

Они сидели вдвоем за кухонным столом под звуки дождя, хлеставшего за окнами. По подбородкам у обеих тек арбузный сок. Вскоре Кэролайн ощутила прохладу — блаженное чувство, зародившись где-то внутри, хлынуло наружу, освежая ее измученную, обожженную кожу.

Кобылу мышастой масти, невысокую, со стройными ногами, компактным телом, широкой грудью, напоминавшей бочонок, и тонкой шеей, звали Кларой. Она была уже немолода и принесла Корину с полдюжины жеребят. Все они выросли и стали превосходными верховыми лошадьми, за единственным исключением — один жеребенок оказался совершенно диким. Никто так и не смог с ним справиться, и он успел поломать кости многим славным объездчикам мустангов, пока наконец сердце его не разорвалось, отравленное собственной яростью.

— В тот день, когда это случилось, Клара понурилась и загоревала, хотя жеребчик-то к тому времени жил на другом конце Вудворда, — рассказывал Хатч, пока Кэролайн боязливо поглаживала кобылу по костлявой морде.

Утреннее солнце сияло, в воздухе стоял едкий запах конского пота и кожаной упряжи. Кэролайн поглядывала на объездчика из-под капора. Глаза Хатча, казавшиеся блестящими щелками, прятались между кустистыми бровями и гусиными лапками морщин. Отметины на его лице были резкими и глубокими, а ведь Хатч был немногим старше Корина.

— Вы полагаете, она почувствовала, что ее дитя умерло? Как печально, — вздохнула Кэролайн.

— Думается мне, она почувствовала. Инферно, так мы его прозвали, жеребенка того. Он был огненный, а если кто к нему подходил, то смотрел в глаза, да так, что мужчины вздрагивали.

— Какой ужас! Такое кроткое животное, как Клара, произвело на свет такого злобного отпрыска. Как это возможно?

— У многих душегубов матери были добродетельными и богобоязненными женщинами. Сдается мне, это касается и людей и лошадей, — развел руками Хатч. — Но Клара-то и мухи не обидит.

Можете сесть на нее верхом, кричать во весь голос и лупить ее стеклом, а она все равно не затаит на вас зла.

— Ну и что? Я все равно не собираюсь делать ничего подобного! — рассмеялась Кэролайн.

— Непременно нужно сделать — сесть верхом, я хотел сказать, — добродушно усмехнулся Хатч.

— О нет! Мне казалось, сегодня я только учусь седлать ее? — В голосе Кэролайн послышалась тревога.

— Все верно, и это займет пять минут, не больше. А какой, скажите, смысл седлать лошадь, если никто не собирается сесть в седло?

— Хатч, я... Не знаю, получится ли у меня... — заикаясь, пробормотала Кэролайн.

— Проверить можно только одним способом — попробовать это сделать. — Голос Хатча звучал почти нежно. Взяв Кэролайн под локоть, он чуть подтолкнул ее к лошади: — Давайте, миссис Мэсси. Нельзя быть женой хозяина ранчо и не уметь держаться в седле. А бояться тут нечего. Не сложнее, чем сидеть на стуле.

— Стулья не бегают! И не брыкаются! — возразила Кэролайн.

— Это верно, так ведь они и не доставят вас из пункта А в пункт Б вдвое быстрее, чем поезд, — хохотнул Хатч. Улыбка у него была хитроватая, но дружелюбная, и, когда он подал Кэролайн руку, она почувствовала, что просто никак не может не опереться на нее.

— Я все же не уверена, — промолвила она тоненьким от страха голосом.

— Через десять минут вы будете удивляться, из-за каких пустяков волновались, — уверил Хатч.

Подставив руку, он посадил ее в дамское седло. Бледная от страха Кэролайн сидела не шевелясь, и боялась, что лошадь вот-вот сбросит ее на песок. Хатч показал ей, как упираться правой ногой в луку седла, а левой — в стремя, чтобы добиться равновесия и чувствовать себя увереннее.

— Вот теперь хорошо. Удобно? — спросил он.

— Не совсем, — ответила Кэролайн, однако на лице у нее забрезжила слабая ответная улыбка.

— А теперь толкните-ка ее каблуком, ослабьте поводья и скомандуйте: «Пошла, Клара!»

— Пошла, Клара! Пожалуйста, — произнесла Кэролайн, стараясь, чтобы голос звучал как можно убедительнее, и тихонько взвизгнула, когда кобыла послушно двинулась вперед.

— Ну вот, вы и едете верхом! — воскликнул Хатч. — Только расслабьтесь, не бойтесь, она никуда не ускачет. Спокойно, миссис Мэсси! — окликнул он снова, шагая рядом и одной рукой держа поводья. — У вас все одет как по маслу! — подбодрил он Кэролайн.

Полчаса Хатч водил лошадь с сидящей на ней Кэролайн по пустому коралю. Клара ступала твердо, безропотно останавливалась и снова шла, беспрекословно поворачивала налево и направо без малейшего намека на недовольство. Кэролайн тоже выполняла то, что ей велели, пытаясь все запомнить. Она старалась, как учил Хатч, чувствовать движения лошади, как свои собственные, но не могла избавиться от мысли, что животное злится на нее и воспользуется первой возможностью, чтобы сбросить на землю. Спину и ноги у нее сводило от напряжения, а когда она сказала об этом Хатчу, он смерил ее дамское седло презрительным взглядом:

— Что ж, в первый раз так всегда бывает. Но, честно говоря, миссис Мэсси, вы бы куда удобнее и лучше себя чувствовали в нормальном седле, чем в этом...

— Верхом ездят мужчины. Леди пользуются такими седлами, — отрезала Кэролайн.

— Как скажете, — пожал плечами Хатч.

В этот миг Кэролайн увидела Корина, который скакал к ним со стороны выгона вместе с двумя объездчиками лошадей. Черная шерсть Потаскухи лоснилась на солнце, по ногам кобылы струился пот. Кэролайн выпрямилась в седле, села ровнее и застыла от напряжения. Ковбои, чьих имен она до сих пор не могла запомнить, приветствовали ее, приподняв шляпы. Их лошади пошли медленнее, и на какое-то мгновение Кэролайн испугалась, что ковбои вот-вот остановятся и станут наблюдать за ее уроком верховой езды. Она ответила на приветствие, махнув рукой, скулы стали пунцовыми. Эти люди скакали так же легко, как готовила и хлопотала по дому Сорока, они держались в седле совершенно естественно, будто их тела были специально созданы для этого. К ее огромному облегчению, ковбои

поскакали дальше к корыту с водой, а к изгороди короля подъехал лишь Корин:

— Вот так сюрприз! Что я вижу! Ты удивительно хороша в седле, моя ласточка! — Сияя, он снял шляпу и вытер пот с разгоряченного лба.

— Хотите продолжить? — спросил Хатч, и Кэролайн кивнула. — Что ж, тогда поехали. Вы знаете, что нужно делать.

Осторожно и неуверенно Кэролайн потянула поводья, и кобыла медленно пошла вдоль изгороди.

— Потрясающе, Кэролайн! Как я рад наконец-то видеть тебя в седле! — восторгался Корин.

— Мне никогда не оседлать ее самой — сбруя такая тяжелая! — Кэролайн улыбалась, все еще беспокойно.

— Ну да, правильно, так и должно быть. Но ты только кивни любому из моих парней, и тебе любой с радостью поможет. Поблизости всегда кто-нибудь есть, и каждый из них из кожи вылезет, чтобы помочь такой красавице.

— Не могли бы мы закончить на сегодня, Хатч? — спросила Кэролайн.

— Я думаю, для первого дня достаточно, — кивнул Хатч с улыбкой, поддергивая джинсы. — Еще пару раз потрудиться, как сегодня, и мы станем называть вас Энни Оукли.^[16]

Чувствуя себя уже не такой неумехой, как прежде, Кэролайн внимательно слушала Хатча, объяснявшего, как удобнее слезать с лошади. Вдруг нога как-то выскользнула из стремени, юбки обмотались вокруг ног, так что она неуклюже свалилась на песок, приземлившись на четвереньки. Из груди вырвался писк. За спиной Кэролайн тихонько фыркнула Клара, явно удивленная.

— Черт! Как ты, Кэролайн? — Корин поспешно соскочил на землю.

— Ну, это не совсем то, что нужно было сделать, — невозмутимо заметил Хатч, поддерживая ее под руку. — Погодите, отдышитесь сначала.

Но Кэролайн не собиралась расслаиваться в грязи, в опасной близости от Клариных копыт. Она поскорее поднялась на ноги, закашлялась. Глаза у нее слезились от попавших песчинок, колени дрожали, шею свело, а рука, на которую пришлась вся сила удара,

сильно болела. Кэролайн взглянула на Корина, ненавидя себя и чуть не плача от стыда.

— Ух, а вид у вас сейчас такой же свирепый, как у Инферно, — восхищенно сказал Хатч.

— Да, и глаза так же горят огнем, — ухмыльнулся Корин.

— Не смейте... надо мной *насмехаться!* — прошипела Кэролайн. Внутри у нее все и впрямь пылало от гнева и отчаяния.

Развернувшись на каблуках, она быстро пошла к дому на трясущихся после верховой езды ногах, вся дрожа от унижения. Это было совершенно непереносимо — так опозориться, выставить себя на посмешище.

— Да что же ты, Кэролайн! Вернись! Я не думал над тобой насмехаться! — слышала она голос Корина у себя за спиной, но постаралась расправить плечи и продолжала идти вперед, не оборачиваясь.

Осень нагрянула в прерию чередой яростных грозовых ливней, канонадой градин, сыплющихся с потемневших небес. Однажды вечером с ранчо приехал Хатч и, греясь у плиты, сообщил о потере трех голов скота. Животные были поражены молнией, ударившей прямо в середину стада и разбросавшей их, как конфетти. Кэролайн, слушая старшину ковбоев, побледнела, и Корин смерил его убийственным взглядом. Но бедняга, у которого клацали зубы, а сведенные холодом красные пальцы походили на когти, ничего не заметил. Хмурая осень продержалась недолго, вскоре настала настоящая зима. Корин приходил домой обедать на негнущихся от мороза ногах, на густых бровях застывали льдинки. Это, однако, не мешало ему бурно радоваться при виде жены и восклицать:

— Ох уж этот *чертов* ветер, чтоб его, прямо с ног сбивает!

Подобные выражения уже не шокировали Кэролайн. Все же она слегка хмурилась, больше по привычке, и куталась в платок, спасаясь от холодного воздуха, проникающего в дом вместе с ее мужем. Она и представить не могла, что будет тосковать по летнему зною и с нетерпением ждать солнца.

Провожали старый, 1902 год и встречали новый, 1903-й в гостях, на ферме Фоссетов, — на праздник были приглашены все соседи с окрестных ранчо вместе с семьями и работниками. Ночь была тихой и

сухой, воздух застыл неподвижным ледяным покрывалом. Пока ехали в коляске, у Кэролайн замерзли пальцы на ногах и руках, а уши и кончик носа онемели. Ночь была безлунная, фонарь на коляске тускло освещал прерию на жалкие несколько ярдов. Густая тьма вокруг казалась живым существом из плоти, она смотрела, наблюдала. Кэролайн поежилась и придвинулась ближе к Корину. Позади слышался топот копыт, там скакали объездчики ранчо с Мэсси, стараясь держаться ближе к коляске, будто им тоже чудилась погоня. Когда впереди показался дом Фоссетов и замаячили мерцающие огни, Кэролайн молча, одними губами произнесла короткую благодарственную молитву, и ей стало легче дышать.

Во дворе пылали костры, на громадных сковородах, дымясь и брызгая жиром, жарилось мясо, и в этом оазисе света и жизни посреди мертвой, темной равнины собирались люди и кони. Кто-то то и дело жал Корину руку, хлопал по плечу, и вскоре они с Кэролайн оказались среди дружелюбной толпы соседей. В амбаре играли музыканты — аккордеон, скрипка и барабан, внутри было тепло от жарких тел танцующих, пахло животными, дыханием и потом. Из старой рваной простыни ребятишки Энджи соорудили транспарант с надписью «*С Новым годом!*» и растянули над воротами, где он красовался, то обвисая, то раздуваясь на ветру, как парус. У Энджи было две девочки, восьми и двенадцати лет, и четырехлетний мальчик с такими же рыжими волосами, как у матери и самыми синими глазами, какие Кэролайн доводилось видеть. Даже танцуя, хохоча и болтая с гостями, Энджи краем глаза посматривала на этого чудесного веселого бутуза, а заметив восхищенный взгляд Кэролайн, подозвала его.

— Кайл, это наша добрая соседка Кэролайн Мэсси. Ну, что нужно сказать? — шепнула она мальчику, подхватывая его и сажая к себе на бедро.

— Офень приятно, миффуф Мэффи, — неразборчиво пробормотал Кайл, не переставая сосать палец.

— Ах, и мне очень приятно с вами познакомиться, Кайл Фоссет, — улыбнулась Кэролайн, взяв малыша за свободную руку и легонько пожав ее.

Энджи опустила Кайла на землю, и тот умчался прочь, неуклюже переваливаясь на коротких крепких ножках.

— О, Энджи! Он просто чудо, *прелестный* ребенок! — воскликнула Кэролайн.

Энджи просияла:

— Да уж, он у меня настоящий маленький ангел, хотя лучше пусть об этом не догадывается!

— И девочки тоже... вы можете ими гордиться... — У Кэролайн перехватило дыхание, и она не смогла продолжать.

— Ну-ну, что это вы надумали — перестаньте сейчас же! Сейчас праздник, надо веселиться, как следует встретить Новый год — ведь он непременно принесет много радости! Слышите меня? — со значением сказала Энджи. — У вас все еще случится. Только нужно набраться терпения и не унывать. Слышите?

Кэролайн кивнула. Хотелось бы ей такой уверенности, какая звучала в голосе Энджи.

— Миссис Мэсси, согласитесь ли вы потанцевать с таким неуклюжим ковбоем, как я? — спросил Хатч, появляясь рядом с ними.

— Конечно! — улыбнулась Кэролайн, поспешно вытирая глаза.

Музыканты без передышки играли одну мелодию за другой, и Хатч, покачивая, повел ее в танце, отдаленно напоминающем вальс. Вокруг Кэролайн закружились смеющиеся лица, радостные, хотя подчас не безукоризненно чистые, и она невольно вспомнила тот бал у Монтомери. С тех пор не прошло и года, а она за это время перенеслась в совершенно другой мир. Какой же длинный путь пройден, сказала она сама себе, а прошло совсем немного времени. Неудивительно, что ей еще трудно почувствовать себя здесь как дома.

— Все в порядке, миссис Мэсси? — серьезно осведомился Хатч.

— Да, разумеется! Почему вы спрашиваете? — ответила она, слишком весело, слишком звенящим голосом.

— Да просто так. — Хатч пожал плечами.

На нем была его лучшая рубашка, и Кэролайн заметила, что верхняя пуговица болтается на ниточке. «Нужно не забыть починить, когда будем на ранчо», — подумала она.

— Как насчет второго урока верховой езды? В первый раз у вас все получилось просто отменно, но вы так и не вернулись, чтобы закрепить успех.

— Нет, не знаю... Я не уверена, что одарена талантом наездницы. А кроме того, начались такие холода, что я бы превратилась в

ледышку, если бы пришла, — нашлась Кэролайн.

— Есть люди, которым что-то дается от рождения, это верно, а у других этого нет. Но мне приходилось видеть, как эти другие многого добивались, приложив труд и терпение. Но вам просто нужно захотеть снова сесть в седло, миссис Мэсси. Непременно нужно снова сесть в седло. — Хатч повторил это настойчиво, и Кэролайн показалось, что он говорит не только о верховой езде.

— Я... — начала она, но замолкла, не зная, что сказать. Опустив глаза, она заметила, какие пыльные у нее башмачки, и на глаза навернулись слезы.

— У вас все наладится, вот увидите, — сказал Хатч так тихо, что она едва расслышала.

— Хатчинсон, я разбиваю! Ты ведь танцуешь не с кем-нибудь, а с моей супругой и с самой красивой женщиной в этой компании, — возгласил Корин, взяв Кэролайн за руки и принимая ее в свои объятия.

Глаза у него светились, щеки горели от виски и танцев, и весь он так и лучился счастьем. Кэролайн стало весело, она рассмеялась и обеими руками обняла его за шею.

— С Новым годом, любимый, — прошептала она ему на ухо, легко скользнув губами по его шее, а он еще крепче сжал ее в объятиях.

В феврале снег еще валил всюду и ложился пластами, отчего мир казался ослепительно-ярким. Кэролайн подолгу смотрела из окна на равнину и старалась как можно больше времени проводить у горячей плиты. Она почти не снимала с рук митенки, подаренные ей индианками. Руки согревались, и можно было заниматься рукоделием и штопкой. Без них застывшие пальцы теряли чувствительность, и Кэролайн часто роняла иголку.

— Теперь вы им рады, — заметила Сорока, кивком указывая на толстые теплые митенки. — Когда Белое Облако их принесла, мне показалось, что вы подумали, что они никогда вам не пригодятся!

И Сорока дружелюбно улыбнулась.

— Я должна бы заплатить ей за них двойную цену, — согласилась Кэролайн, и Сорока слегка нахмурилась.

— Расскажите мне что-нибудь, пока я работаю? — спросила Сорока. Стоя на коленях возле корыта, она терла рабочую одежду

Корина о ребристую деревянную доску, отчищая грязь и пятна.

— Что рассказать?

— Неважно. О вашем народе, — пожала плечами Мэгги.

И Кэролайн, не совсем уверенная, кого можно назвать ее народом, рассказала ей про Адама и Еву в Эдемском саду, о коварном змее, вкусном ароматном яблоке и грехопадении. Дойдя до конца, она отложила шитье, описывая внезапный стыд, который охватил осознавших свою наготу людей, и то, как они бросились искать хоть листок, чтобы прикрыть себя. Сорока хихикнула и ее щеки стали еще круглее, а в прищуренных глазах промелькнули искорки.

— Это хорошая история, миссис Мэсси. Миссионер когда-то рассказывал ее моему отцу, и знаете, что мой отец на это сказал?

— Что же он сказал?

— Он сказал, что все белые женщины таковы! Индейская женщина взяла бы палку и убила змею, и все остались бы жить в саду! — Она рассмеялась.

Кэролайн, в первый момент обиженная критикой, невольно улыбнулась, а потом тоже засмеялась.

— Похоже, он был прав, — признала Кэролайн, и они еще смеялись, когда в комнату, отряхивая снег, вошел Корин.

Посмотрев на Кэролайн, примостившуюся у плиты, и на Сороку, стоящую на коленях у корыта, он нахмурился.

— Корин, что-то случилось? — встревожилась Кэролайн, но он лишь молча мотнул головой и подошел погреться к плите.

Вечером за ужином Корин заговорил:

— Когда я вошел сегодня, я... мне не понравилось то, что я увидел, Кэролайн.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она, сердце выпрыгивало у нее из груди.

— Ты просто сидела, уютно, в тепле, а Сорока так тяжело работала.

— Все было не так! Я тоже работала, штопала и чинила белье! Спроси у Сороки. Я только отложила шитье, чтобы рассказать ей историю про Адама и Еву... — Голос Кэролайн был еле слышен.

— Я понимаю, что ты привыкла к слугам, Кэролайн, но Мэгги не служанка. Я попросил ее помогать тебе по дому, это верно, но у нее

нет времени делать тут у нас *все*. На ней ведь еще и ее собственный дом, а скоро ей будет трудно работать так много. Тебе придется побольше ей помогать, любовь моя, — закончил он ласково. Отломив краюшку хлеба, он рассеянно крошил ее в пальцах.

— Это она помогает мне! Я хочу сказать, я тоже ей помогаю — мы делим работу! А почему ты сказал, что ей будет трудно работать? Почему?

— Родная моя, — Корин взглянул на нее исподлобья сквозь золотистые ресницы, — Мэгги беременна. У них с Джо будет ребенок. Первенец.

Он снова отвернулся, мрачный, и выражение его лица Кэролайн истолковала как осуждение себе. К глазам подступили слезы, ее душило странное чувство, в котором смешались ярость, тоска и вина. Эта невыносимая смесь жгла ее изнутри, в ушах шумело. Она выскочила из-за стола, бросилась в спальню и заперла за собой дверь.

В легкой коляске, с впряженным в нее резвым гнедым жеребцом, можно было добраться в Вудворд за один день, если выехать на заре и сделать остановку в полдень, чтобы передохнуть и напоить лошадь. Наемные работники и ковбои скакали рядом верхом, так же как Джо и Сорока. Кэролайн наблюдала за юной индианкой, скакавшей на поджаром мышастом пони, и поражалась тому, как могла не заметить округлившийся живот и некоторую скованность движений.

— Разумно ли, что Сорока в ее положении скачет верхом? — шепотом спросила Кэролайн у Корина, хотя едва ли кто-то смог бы услышать ее за стуком копыт, ветром и скрипом колес.

— Я то же самое говорил Джо, — улыбнулся Корин. — Он только посмеялся надо мной. Похоже, женщины понка покрепче, чем белые.

С неба упало несколько капелек дождя. Кэролайн ничего не ответила на последнее замечание Корина, но невольно почувствовала себя уязвленной. Хотел он того или нет, ей постоянно казалось, что он упрекает ее за слабость, за то, что она непригодна для жизни на Западе, никудышная женщина и жена.

В Вудворд они прибыли затемно и сняли номер в центральной гостинице. Джо, Сорока и ковбои разбрелись по городу — кто в салуны «Справедливость», «Середина пути», «Трилистник» и «Комод», кто в бордель, который содержала Долли Кизер в гостинице

«Капля росы», кто в гости к друзьям. У Кэролайн ныла спина от долгой дороги, она устала и все же потянула Корина прилечь рядом с ней и закрыла глаза, чувствуя, как он проникает в нее. Она молилась, чтобы это волшебство, это чудо, от которого зарождаются дети, произошло с ними в этот раз... *в этот раз.*

Кэролайн воспряла духом, когда появилась возможность съездить в город на весеннюю ярмарку и потанцевать. После новогоднего праздника у Фоссетов прошло несколько томительных месяцев, в течение которых Мэсси не наносили визитов и очень редко выезжали со своего ранчо. Вудворд, который когда-то показался ей захолустной дырой, по сравнению с Нью-Йорком, теперь представлялся ей центром жизни и культуры. Подумав об этом, Кэролайн даже загрустила. Занималась зря следующего дня, улицы заполнил народ — ковбои и поселенцы. Два людских потока двигались вдоль Мэйн-стрит — главной улицы городка, становясь плотнее перед магазином. В воздухе, тяжелом от запахов конского пота и навоза, сохнущего дерева и свежей краски, покрывающей стены, звучали оживленные голоса. Витрины были украшены цветными гирляндами, а зазывно распахнутые двери приглашали новых клиентов сделать покупки.

Толпа развлекалась, наблюдая, как ковбои соревнуются в верховой езде и бросании лассо. Перед зрителями разыгрывали охоту на быков, состязались в стрельбе. Сложнейшие трюки с лассо поразили Кэролайн, а травлю быка она сочла слишком жестоким зрелищем и отвернулась, когда молодой бычок, мотнув головой, ударил ковбоя с такой силой, что оба повалились наземь. Джо с легкостью опередил всех остальных участников состязания в метании ножа. Раз за разом он попадал в самый центр бумажной мишени и выиграл коробку отличных сигар и новенький финский нож. Ему хлопали очень умеренно, тогда как на белых участников соревнований обрушивался настоящий шквал оваций. Однако Джо только улыбался своей кривой полуулыбкой да любовался новым клинком. Они ели жаренное на вертеле мясо, свежие персики, мороженое и медовые пирожки, дамы пили холодный чай со льдом, а мужчины утоляли жажду пивом. Кэролайн, которой после Нью-Йорка была недоступна такая роскошь, как ледник, с восторгом смаковала божественный охлажденный напиток. Они встречали соседей, и Корин разговаривал со знакомыми фермерами о ценах на муку и скот. Потом они столкнулись с Энджи и

Джейкобом Фоссетами. Энджи красовалась в нарядном лиловом платье, лицо ее было чересчур ярко накрашено. Когда Корин сделал ей комплимент, она отмахнулась и воскликнула со смехом:

— Выгляжу как циркачка, я знаю, но не так уж часто нам, женщинам, выпадает случай нарядиться! А мне, чтобы хорошо выглядеть, нужно поработать — не все же такие красавицы, как твоя чудесная женушка, Корин Мэсси!

— Что ж, — отвечал ей Корин, галантно приподнимая шляпу, — по мне, ты выглядишь просто замечательно, Энджи Фоссет.

Мужчины заговорили о своем, а Энджи отвела Кэролайн в сторонку.

— Есть новости, золотко? — спросила она тихо.

В ответ Кэролайн, закусив нижнюю губу, только покачала головой.

— Что ж, я тут подумала и могу посоветовать тебе кое-что... — сказала Энджи.

Вечером оркестр играл вальсы и польки, а также кадрили. Чтобы танцевать было легче, песчаную Мэйн-стрит застелили огромными полотнищами холста, поскольку такое множество пар не вместил бы ни один зал городка. Кэролайн танцевала грациозно и изящно, даже несмотря на то, что поступь Корина после нескольких кружек пива была не совсем верна, а холст под ногами собирался в складки. Глядя на здания и людей, Кэролайн чувствовала себя куда лучше, чем в прошедшие месяцы. Они танцевали мексиканский вальс, расталкивая плечами танцующих рядом, и какое-то время улыбка на ее лице была не бравадой или притворством, а самой настоящей улыбкой.

Позже Кэролайн, болтая о том о сем в обществе вудвордских дам, увидела Корина, идущего через улицу. Он склонился к Сороке и положил руки ей на живот. Казалось, он баюкает его округлость, касаясь ее бережно, почти благоговейно, а Сороке, хотя и явно смущенной, это определенно доставляло удовольствие. Кэролайн затаила дыхание, кровь прилила к щекам. Понятно, что Корин навеселе, и все же так вести себя... это уж слишком. Вскоре, однако, щеки Кэролайн запылали уже по другой причине. Корин отвернулся, взгляд его затуманился. Он ждет, догадалась Кэролайн, ждет, когда в животе индианки зашевелится младенец. И наблюдая за ними, за этой почти интимной сценой, она вдруг увидела в прикосновениях своего

мужа к Сороке что-то неожиданное — слишком уж это было похоже на прикосновение собственника.

Глава 4

Холодно. Мы идем в лес в самую длинную ночь года. Все трое. Эдди долго уговаривал Бет пойти, так что под конец ей вроде бы даже стало интересно. Резкий, пронизывающий ветер пробирается под куртки, и мы почти бежим на негнущихся от холода ногах. В темноте под ясным небом блуждают лучи наших фонариков. Луна светит ярко, а из-за летящих облаков кажется, что она плывет по небу. Входя в лес, слышим тьяканье лисицы.

— Что это было? — ахает Эдди.

— Оборотень, — безразличным тоном отвечаю я.

— Ха-ха. Кстати, сейчас не полнолуние.

— А... ну ладно, значит, это лисица. Тебя не проведешь, Эддерино.

Настроение у меня приподнятое. Я чувствую себя раскрепощенной, как будто сдерживавшие меня путы перерезаны, — и теперь я могу парить, свободно летать. Такое бывает, когда я бодрствую в ясные ночи. Видно, есть что-то такое в дуящем во тьме ветре — в его стремительном движении, в его беззаботности. Он словно говорит: *Летим! Если захочешь, я могу подхватить тебя и унести.* Вот и нынешний вечер будто обещает что-то.

До нас уже доносятся музыка, выкрики, смех, мы видим на стволах деревьев отсветы огня. Бет останавливается, не решаясь идти дальше. Руки у нее сложены на груди. Свет от костра обрисовывает каждую черточку ее встревоженного лица. Не будь с нами Эдди, она, по-моему, так и осталась бы стоять здесь, под покровом деревьев, схоронилась бы в тени и только наблюдала. Я вытаскиваю из кармана плоскую фляжку и, не снимая перчаток, пытаюсь отвинтить пробку. Мы стоим кружком, наше дыхание облачками взлетает в небо.

— Глотни. Давай, давай. Согреешься, — говорю я сестре, и она в кои-то веки не упрямится, делает большой глоток.

— А мне можно? — спрашивает Эдди.

— Размечтался, — отвечает Бет, вытирая подбородок, и заходится кашлем. Ее голос звучит настолько живо, по-настоящему, как у прежней Бет, что я широко улыбаюсь и беру ее за руку.

— Идем, познакомлю тебя с Патриком. Он классный. — Я тоже отхлебываю из фляжки, обжигаю горло, а потом мы идем вперед.

Я немного нервничаю, когда мы входим в освещенный круг. Как и раньше, я не совсем уверена, что мы желанные гости. Но вот нас замечает Патрик, сразу бросается к нам, представляет, знакомит с множеством людей, и я изо всех сил пытаюсь удержать в голове имена. Сара и Кип — длинные волосы блестят в свете костра, полосатые вязаные шапочки; Дениза — миниатюрная женщина, лицо в глубоких морщинах и чернильно-черные волосы; Смурф — огромный, руки — как лопаты, добродушная улыбка; Пенни и Луиза — Пенни бритоголовая, с жестким взглядом, больше похожа на мужика в юбке. Люди в яркой одежде, с темными, светлыми, рыжими волосами. Они кажутся мне похожими на бабочек на зимней морозной земле. В кузове пикапа установлен музыкальный центр, а вдоль аллеи стоят автомобили. Есть и дети, они носятся, снуют в толпе. Эдди исчезает, а чуть позже я вижу его рядом с Гарри — они нанизывают на длинные прутья толстые пачки опавших листьев и бросают в огонь.

— Кто это с Эдди? — интересуется Бет с тревожной ноткой в голосе.

— Это Гарри. Я его уже видела, не волнуйся. Я бы сказала, он слегка отстает в развитии. Но Динни говорит, что с детьми он всегда ладит. По-моему, парень абсолютно безвредный, — рассказываю я. Я говорю громко, прямо ей в ухо. От жара костра у нас выступили капельки пота на лбу и на верхней губе.

— Да? — недоверчиво переспрашивает Бет.

Я вижу Хани, которая пересекает поляну, впереди движется ее невероятных размеров живот. Сегодня она не такая хмурая. Оживленная, с улыбкой на лице, она очаровательна. Я ощущаю легкий укол разочарования.

— Вон там Хани. Видишь, блондинка, — сообщаю я Бет, подавляя легкое чувство горечи.

Наблюдая за сменой эмоций на личике Хани, невольно отмечаю: у меня есть ученицы постарше, чем она. Девочка слишком юна, ей рано рожать. Меня охватывает злость, но, на кого или на что она направлена, я не в силах определить.

Откуда ни возьмись рядом с Бет возникает Динни, улыбается мне своей сдержанной улыбкой. Его длинные черные нечесаные волосы

распущены. Динни стоит вполоборота к костру, так что свет делит его пополам, отбрасывает на лицо четкие рельефные тени. От этого зрелища у меня перехватывает дыхание.

— Бет, Эрика, здорово, что вы пришли, — заговаривает он, снова улыбаясь, и я замечаю легкую нечеткость речи: Динни уже немного выпил. Его слова звучат искренне и тепло, впервые с тех пор, как мы снова встретились.

— Да, конечно, большое спасибо за приглашение, — отвечает Бет, осматриваясь и кому-то кивая, словно мы на светской вечеринке.

— Уж с погодой нам сегодня точно повезло. До сих пор была не погода, а мерзость, — говорю я.

Динни удивленно смотрит на меня:

— Не верю, что погода может быть мерзостью — погода, она погода и есть.

— Нет плохой погоды, есть неправильная одежда? — спрашиваю я.

— Точняк! Вы уже пробовали мой пунш? В нем, знаете, есть этакий... пунш. Не подносите его к открытому пламени, будьте осторожны. — На его лице горделивая улыбка.

— От пунша я, пожалуй, воздержусь, — объявляю я. — Пунш штука обманчивая, мне рассказывали, что один раз он уже сыграл со мной шутку. Хотя, может быть, и врут, потому сама я ни черта об этом не помню.

— Ну, а Бет? Может, мне тебя удастся соблазнить?

Бет кивает и дает себя увести. Вид у нее все еще немного растерянный — видно, что ей трудно освоиться. Рука Динни на ее локте, он направляет ее. На мгновение я остаюсь в одиночестве, и вдруг откуда ни возмись возникает хорошо знакомое чувство. Старое, такое привычное — Бет и Дин снова меня бросили. Заставляю себя стряхнуть обиду и отправляюсь на поиски знакомых лиц, чтобы навязать им свою компанию.

Я чувствую, что виски горячит мне кровь, и говорю себе, что надо быть аккуратнее с выпивкой. Сзади ко мне подкрадывается Эдди, дергает за рукав.

— Ты меня не видела! Не говори им, что видела меня! — с трудом переводя дыхание, шепчет он и подмигивает.

— Кому? О чем ты?

Однако он уже исчез, а спустя несколько секунд мимо меня проносится небольшая группка детей вместе с Гарри. Я делаю еще один большой глоток и протягиваю бутылку виски остроносой девицей с кольцами в носу. Та радостно хохочет, благодарит. Звезды кружатся в хороводе, земля качается и уходит из-под ног. Не припомню, когда я в последний раз напивалась. Много месяцев назад. Я уж и забыла, как это может быть здорово. Вижу Бет, она стоит рядом с Динни, среди других людей, и пусть даже она молчит, лицо у нее спокойное и почти расслабленное. Она с ними, не замыкается в себе, и я просто счастлива видеть ее такой. Иду танцевать со Смурфом, и мы кружимся с ним, пока меня не начинает подташнивать.

— Смотри не влюбись в нее, Смурф. Эти девушки Кэлкотт любят исчезать! — кричит ему Динни, когда мы проносимся мимо.

Я слишком медленно соображаю и не успеваю спросить, что он имеет в виду. Протискиваюсь как можно ближе к костру, лопаткой выкатываю из золы печеную картофелину, обжигаю язык. У нее привкус земли. Я здороваюсь с Хани, и, хотя отвечает она неприветливо, мне плевать. И я постоянно держу в поле зрения Динни. Временами я даже не отдаю себе в этом отчета. Где бы я ни была, я знаю, где он. Как будто костер освещает его немного ярче, чем всех остальных. Вокруг ходит ночь, темная и живая, потом я вижу, как по аллее к нам приближаются, качаясь, синие огоньки.

Полицейским пришлось оставить машины и идти к нам пешком. Две машины, четверо полицейских. Подойдя к настороженно наблюдающим за ними людям, они начинают искать наркотики, требуют, чтобы все вывернули карманы. Музыка делают тише, все переговариваются вполголоса. В повисшей тишине только ревет и потрескивает костер.

— Динсдейлы здесь есть? — осведомляется молодой офицер. В глазах его замечаю боевитый блеск. Он маленького роста, коренастый, очень опрятный.

— Много! — откликается Патрик.

— Могу ли я увидеть удостоверения личности, подтверждающие это, сэр? — спрашивает полисмен напряженным тоном.

Динни машет рукой Патрику, ныряет в фургон и предъявляет офицеру свои водительские права.

— Что ж, — продолжает тот, — даже в этом случае я вынужден потребовать, чтобы вы немедленно разошлись, так как это несанкционированное и незаконное собрание в общественном месте. У меня есть основания предполагать, что на этом вы не остановитесь и происходящее превратится в оргию. Уже поступило несколько жалоб...

— Это не незаконное собрание. У нас есть право находиться здесь, и вам это хорошо известно. К тому же, как и у всех граждан нашей страны, у нас есть право приглашать друзей на вечеринку, — таким же ледяным тоном парирует Динни.

— На вас жалуются, что вы шумите, мистер Динсдейл...

— Кто жалуется? Сейчас только десять часов!

— Четыре человека из поселка, еще из усадьбы...

— Из усадьбы? Вот это новость! Правда? — переспрашивает Динни, оглядываясь на меня через плечо. Я выхожу, становлюсь рядом с ним. — Это ты жаловалась, Эрика?

— Не я. И я уверена, что Эдди и Бет тоже не жаловались.

— А вы кто такая, мэм? — с сомнением обращается ко мне офицер.

— Я Эрика Кэлкотт, владелица усадьбы Стортон Мэнор. А это моя сестра Бет, и, поскольку мы единственные, кто *живет* в Стортон Мэнор, думаю, могу смело сказать: мы нисколько не возражаем против сегодняшней вечеринки и приглашенных на нее людей. А кто *вы* такой? — Виски придает мне смелости, но я еще и злюсь.

— Сержант Хокстет, миссис... леди... Кэлкотт, и я...

Я его смутила. Краем глаза замечаю, как загораются радостью глаза Динни.

— Я *мисс* Кэлкотт. А вы не родственник ли Питеру Хокстету, прежнему бобби?^[17] — перебиваю я.

— Он мой дядя, но, позвольте, я не понимаю, какое это имеет отношение к...

— Да, поняла. Я помню вашего дядюшку. Манеры у него были получше.

— Жалобы, тем не менее, поступили, и я уполномочен потребовать, чтобы эти люди разошлись. Но мне не хотелось бы с вами ссориться...

— Хартфорды на Ридж Фарм каждый год устраивают бал, приглашенных там вдвое больше, и играет живая музыка, целый оркестр с мощным усилителем. Если я позвоню и пожалуюсь *на них*, вы тоже ворветесь и начнете разгонять гостей? Будете искать наркотики?

— Я не думаю...

— К тому же эта территория отнюдь не общественное место. Это моя земля. А следовательно, и вечеринка это *моя*. Моя *частная* вечеринка, на которую вас, ребята, боюсь, не приглашали.

— Мисс Кэлкотт, вы же понимаете...

— Мы *сейчас* уменьшим громкость музыки, а в двенадцать выключим ее совсем, тем более что так и планировали. Детям спать пора, — вступает в разговор Динни. — Но если вы хотите отправить нас отсюда, не прибегая к задержаниям, надо было как следует подготовиться к разговору и представить причины более убедительные, чем фальшивые жалобы из усадьбы, *офицер*.

Хокстет вскидывает голову, плечи у него окаменели от напряжения.

— Наш долг как полицейских рассматривать поступающие жалобы...

— Ну, рассмотрели? А теперь отвалите! — бросается в бой Хани, вызывая колыхая животом перед носом у полицейского.

Динни, осаживая, кладет ладонь ей на руку. Хокстет часто мигает, заметив красоту Хани, ее юность, необъятный живот. Лицо его вспыхивает, по скулам начинают ходить желваки. Он кивает своим полицейским, и они ретируются.

— Музыку выключить. И чтобы к двенадцати все было закончено. Вернемся — проверим, — чеканит он, поднимая палец.

Хани в ответ тоже тычет в него пальцем, но Хокстет уже отвернулся.

— Гнида, — бормочет Патрик, — землю носом роет, щенок.

Когда полицейские машины отъезжают, Динни поворачивается ко мне, подняв брови.

— Стало быть, это *твоя* вечеринка? — лукаво вопрошает он.

— Ой, *брось*. Ведь сработало же, — отбиваюсь я.

— Сработало, это точно. Вот уж никогда не ожидал увидеть тебя в роли бунтарки, — ехидничает он.

— Значит, ты меня мало знаешь. Меня, кстати, даже один раз арестовали... это возвысит меня в твоих глазах?

— Зависит от того, за что именно тебя задержали.

— Я... бросила яйцо в нашего депутата, — неохотно признаюсь я. — Это, конечно, не революция, но...

— Да, — соглашается Динни, сверкая белозубой улыбкой, — но для начала уже что-то.

— Это было круто, — выкрикивает запыхавшийся Эд, подбегая ко мне.

Я обнимаю его за плечи и крепко прижимаю к себе, не давая сбежать.

Бет готовит что-то на обед, по дому разносится аромат чеснока. Окна запотели от пара, снаружи дождь, и дом стоит отрезанный от мира, как остров. Эдди опять бежит по лесу вдвоем с Гарри. Вместе с волнами запаха по дому льются звуки Пятой симфонии Сибелиуса. Любимая музыка Бет. Мне кажется добрым знаком, что сестра начала разбирать коллекцию музыкальных записей Мередит и не только готовит еду, но может и сама немного поесть. Мне интересно, чем сейчас занимаются Динни и Хани. В такой дождище, в такую унылую погоду. Нет ни комнат, где можно бродить, ни шкафов с книгами, ни телевизора. Для меня их образ жизни — область предположений и чистой фантастики. Будь я на их месте, отправилась бы, наверное, в деревенский паб. На мгновение меня даже посещает мысль пойти и поискать их там, но желудок протестующе сжимается, напоминая, что меня мучает похмелье. Так что вместо паба я поднимаюсь на чердак.

Я и правда помню дядю сержанта Хокстета. Время от времени мы встречали его в поселке, когда ходили в магазин за сладостями или мороженым. Он был очень улыбчивым. И в дом он тоже приходил, и не один раз. То его вызывала Мередит, то Динсдейлы. У них было право останавливаться на этой земле, Динни сказал правду. Со времен моего прадедушки, еще до его женитьбы на Кэролайн, у них имелся какой-то юридический документ — то ли доверенность, то ли что-то еще. Прадедушка и рядовой Динсдейл вместе служили в армии, кажется, в Африке. Что там у них произошло, никто уже не помнит, но, когда они вернулись в Англию, Динсдейл попросил разрешения приезжать и останавливаться тут, и сэр Генри Кэлкотт ему это право предоставил. И

не только своему однополчанину, но и всем членам его семьи, бессрочно. Это нельзя отменить. У Динсдейлов есть копия этого документа, а другая хранится у нашего семейного юриста. Мередит это жутко бесило.

Мы не раз видели сержанта Хокстета, который смущенно топтался в холле, ожидая, когда наконец явится Мередит с ее взором Медузы Горгоны. Один раз, чтобы выкурить со стоянки Динсдейлов, она заставила одного из фермеров наехать прямо на их трейлер громадной машиной для упаковки сена в тюки. В другой раз, узнав, что в лагере живут не только Динсдейлы, она потребовала выгнать *прилипал*. Еще раз, когда из кладовой стала пропадать еда, а из дома — мелкие предметы, Мередит была убеждена, что это Динсдейлы, пока не открылось, что экономке не хватало средств, чтобы содержать престарелую мать. А еще, когда одна из собак Динсдейлов забежала в сад и Мередит распорядилась *отпугнуть* ее из дробовика двенадцатого калибра. Жители поселка тогда подумали, что на них напали бандиты. *Они занесут инфекцию и заразят моих животных*, — таким лаконичным объяснением отделалась тогда Мередит.

Иногда мы заглядывали сюда, на этот чердак, копались в хламе. Всегда казалось, что вот-вот наткнешься на что-то захватывающее, но вскоре надоедало распаковывать ящики, двигать сломанные лампы, рыться в пыльных обрезках коврового покрытия. Бак для горячей воды шипит и клокочет, словно спящий дракон. В такой пасмурный день здесь совсем темно — сколько видит глаз, повсюду густые тени. Слуховые окошки совсем маленькие, расположены далеко одно от другого, стекла в них мутные от грязи. Тишина стоит такая, что я улавливаю едва слышное дыхание дома и мелодичное журчание дождя, с которым он просачивается сквозь засорившийся водосток. Сама того не осознавая, я передвигаюсь на цыпочках.

Кожа на старом чемодане так пересохла, что когда я провожу по ней пальцами, она кажется похожей на наждак. На руках остаются частички — как песчинки. Я напрягаю зрение, пытаюсь рассмотреть, что там внутри. Подтягиваю чемодан к ближайшему окну. На покрытом пылью полу остается его призрак, и я невольно задаюсь вопросом: когда его в последний раз сдвигали с места? Внутри стопки бумаг, коробки, какой-то ветхий несессер, несколько таинственных

предметов, завернутых в пожелтевшие газеты, кожаный бювар для писем. Совсем не густо, если это все личные вещи Кэролайн. Не так уж много для человека, прожившего больше ста лет. А с другой стороны, наверное, такие старые дома не располагают к самовыражению. В них уже все есть. Люди приходят, живут, уходят, а обстановка и предметы не меняются.

Я с жадностью перебираю бумаги. Приглашения на различные торжества; инструкция, как вести себя при воздушной тревоге; телеграмма от королевы по случаю столетней годовщины Кэролайн; рецепты на лекарства, написанные, как водится, нечитаемым докторским почерком, я не могу разобрать ни слова. Один за другим разворачиваю газетные свертки. Золотистая пудреница для компакт-пудры и такой же футляр для губной помады; изящный черепаховый веер, такой хрупкий, что я боюсь к нему прикасаться; серебряный туалетный прибор с перламутром и атласными кистями, зеркальце треснуло ровно посередине; необычное костяное кольцо, отполированное и гладкое, как шелк, с подвешенным к нему серебряным колокольчиком, который неожиданно звякает, заставив меня на миг оцепенеть. Мне интересно, почему именно эти предметы выбрала и уложила сюда Кэролайн, что связано с ними, почему Мередит не тронула их, не продала, как многие другие дорогие вещицы. Довольно скоро я обнаруживаю причину. Все они помечены, на них гравировка, ее инициалы: «КК» с росчерками и завитушками выгравировано на металле. Я кручу в пальцах костяное кольцо, ищу такую же метку. Надпись я обнаруживаю на ободке потускневшего от времени колокольчика. Мелкие буквы почти стерлись, мне приходится долго вглядываться. *Прекрасному сыну*, гласит надпись.

Я снова заворачиваю вещицы в газету, укладываю в чемодан. Не понимаю пока, как с ними поступить. Теоретически они принадлежат теперь Бет и мне, но на самом деле, конечно, это не так. Не принадлежали эти вещи и Мередит, потому-то она и хранила их здесь, на чердаке. Несессер — у него широкий откидной верх — пуст. Когда-то внутри был розовый шелк, но теперь от подкладки остались лишь выцветшие клочки. Откладываю его и берусь за бювар, раздутый настолько, что завязки едва сходятся. Внутри письма, многие до сих пор в конвертах. Белые конвертики, намного меньше привычных современных. Я бегло просматриваю их, замечаю, что почти все

надписаны одной рукой: черные чернила, убористый косой почерк. Пожалуй, чуть слишком наклонный, чтобы его можно было назвать изящным. Я бережно открываю один концерт и сразу гляжу в конец письма. Большинство писем от Мередит, на них штамп графства Суррей.

Сердце странно екает, когда я возвращаюсь к началу письма и начинаю читать.

28 апреля 1931 года

Милая мамочка!

Я надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии и что ревматизм сейчас мучает тебя меньше! Тебе будет приятно узнать, что я хорошо обустроиваюсь на новом месте и постепенно привыкаю к собственному дому, несмотря на то что мне конечно же отчаянно недостает тебя и Стортона. Чарльз проявляет значительную гибкость и не отличается требовательностью — он настаивает лишь на том, чтобы, завтрак непременно подавали в семь, а ужин в девять! В этом ему нетрудно угодить, а остальным я вольна распоряжаться по своему усмотрению. Дом намного меньше Стортона, но тебя, уверена, удивило бы, как много распоряжений и по каким разнообразным поводам мне приходится отдавать здешней прислуге, чтобы привести все в порядок! Боюсь, они тут слишком привыкли к хозяину-джентльмену, который почти не уделяет внимания тому, как часто меняют постельное белье, обновляют букеты и проветривают комнаты для гостей.

Мне до сих пор кажется довольно непривычным по целым дням оставаться в доме одной, пока Чарльз на службе. Днем здесь стоит беспримерная, удивительная тишина. Бывает, я поворачиваю голову, чтобы поделиться с тобой какой-то мыслью, и обнаруживаю, что комната пуста! Думаю, мне необходимо воспользоваться

этим и как следует насладиться покоем и тишиной, пока их не спугнет топот пары маленьких ножек. Меня буквально разрывают пополам два чувства: восторг и радость в предвкушении рождения твоего первого внука — и ужас при мысли о том же самом событии! Я ежедневно напоминаю себе, что женщины благополучно производят на свет детей на протяжении многих-многих лет, а я уверена, что нет ничего такого, с чем я бы не справилась, если это может сделать другая женщина. Было ли тебе страшно, когда ты ожидала первенца? Я надеюсь, ты приедешь, навестишь нас, мама, — как бы мне хотелось посоветоваться с тобой. Конечно, как я уже говорила, дом здесь меньше, чем привычно тебе, однако он все же довольно удобен. Я велела привести в порядок самую большую спальню для гостей, обновила портьеры и постельное белье — старые совсем износились, и теперь комната полностью подготовлена к твоему приезду. В саду все желто от одуванчиков, которые, как я знаю, тебе нравятся, а сельские окрестности очень живописны и превосходно подойдут для неторопливых прогулок. Напиши мне, дай знать, приедешь ли и когда тебе было бы удобно это сделать. В ожидании нашего счастливого события я взяла с Чарльза клятву не садиться за руль автомобиля, но я в любое время могу отправить нашего работника Хепуорта за тобой на вокзал — ехать совсем близко и вовсе не утомительно. Приезжай же!

С дочерней любовью,

Мередит.

В 1931 году Мередит было всего двадцать лет. Двадцатилетняя девочка, недавно вышедшая замуж, беременная ребенком, которого, по всей видимости, она потеряла, потому что наша с Бет мама родилась несколько позже. Я перечитываю письмо еще раз, пытаюсь

представить себе Кэролайн в роли любимой матери, по которой Мередит явно сильно тосковала. Мне становится грустно, и приходится перечитать письмо, чтобы понять причину. Это очень *одинокое* письмо. Я слышу, как Бет снизу зовет меня обедать. Кладу письмо обратно в бювар и, прежде чем спуститься вниз, провожу по нему рукой.

Дождь льет без остановки до вечера вторника, а мне не терпится выйти на улицу. Я завидую Эдди, который убегает и возвращается затемно, с волосами в мокрых завитках и грязный с ног до головы. В каком возрасте мы начинаем обращать внимание на холод, сырость и грязь? Видимо, тогда же, когда перестаем бегать и начинаем степенно ходить. В детской на месте шкафа для белья зияет опустевшая стена. Остались пыль, паутина и невыцветшая краска. Через всю комнату подхожу к стопкам постельного белья, которые я вытащила из шкафа, и снова начинаю их перебирать, откладывая в сторону простыни, пододеяльники с тесемками, крохотные наволочки и роскошную крестильную сорочку. Обнаруживаю под ними стопку детских нагрудников из муслина и маленькое стеганое одеяльце на гагачьем пуху. Не представляю, может ли все это хоть как-то пригодиться Хани и ее младенцу, когда он появится. Будет ли у нее хотя бы детская кроватка? Но это хорошее белье, прочное, приятно гладкое на ощупь, высшего качества. Возможно, ей понравится такая идея — заворачивать свое дитя в шикарные пеленки, пусть даже вместо детской у него будет автофургон. На глаза мне вновь попадают те наволочки с вышитыми на них желтыми цветами. Я решаю заглянуть в справочник и определить, что это за цветы — может, это прольет свет на причину моего необъяснимого к ним интереса.

— Куда направляешься со всем этим барахлом? — интересуется Бет, когда я стаскиваю вниз узел с бельем.

— Хочу отнести Хани. Это все детские вещи — мне кажется, они ей пригодятся.

Бет хмурится.

— Что тебя смущает? — спрашиваю я.

— Эрика, зачем ты стараешься?

— Что?

— Сама знаешь. Мне кажется, что тебе не следует лезть из кожи вон, стараясь снова с ним подружиться, вот и все.

— Почему? И вообще, не так уж я лезу из кожи. Они, как-никак, наши соседи. По-моему, тебе и самой было приятно общаться с Динни тогда, на вечеринке.

— Ну, раз уж вы уговорили меня туда пойти, ты и Эдди, было бы неприлично с ним не разговаривать. Но я... мне кажется, у нас теперь слишком мало общего. Я вообще не уверена, что мы так уж хорошо знали его даже тогда, хотя нам и казалось, что знаем. И я вообще не понимаю, к чему это все, почему мы должны притворяться, будто с тех пор ничего не изменилось и все осталось, как прежде.

— Ты о чем? Разумеется, мы знали его! И почему сейчас все не может быть, как раньше? Я не понимаю тебя, Бет!

В ответ она, облизнув губы, отворачивается.

— Если между вами произошло что-то такое, о чем я не знаю...

— Между нами не происходило ничего такого, о чем бы ты не знала!

— Ну, как раз в этом я не совсем уверена, — отвечаю я. — А то, что ты больше не хочешь с ним дружить, не означает, что и я не должна.

Пробормотав это, я подтаскиваю тюк к двери и надеваю куртку.

— Эрика, стой! — Бет торопится ко мне через весь холл.

Я поворачиваюсь, вглядываюсь в ее лицо, пытаюсь понять, что у нее на уме. Измученные синие глаза, взгляд тревожный и недоверчивый.

— Мы *не можем* возвращаться к прошлому, как ни в чем не бывало. Слишком многое произошло. Слишком давно это было. Гораздо лучше просто... жить дальше. Оставить прошлое в покое.

Бет не смотрит мне в глаза, отводит взгляд. Я вспоминаю руку Динни: он так нежно взял ее за локоть — как собственник.

— Мне кажется, — упрямо повторяю я, — что ты не только сама решила больше с ним не общаться, но еще требуешь, чтобы я поступала, как ты. Может, тебе он больше не нужен, но не решай, нужен ли он мне.

— *Нужен?..* Что ты имеешь в виду? — резко переспрашивает сестра. Я чувствую, что покраснела, и ничего не отвечаю. Бет глубоко, прерывисто вздыхает. — Мне и так довольно трудно здесь быть,

Эрика, а тут еще ты ведешь так, будто тебе все еще восемь лет. Неужели нельзя просто держаться от него подальше? Вообще-то, предполагалось, что мы будем здесь *вместе*. А теперь, если Эдди целыми днями пропадает с Гарри, а тебе интереснее бегать за Динни, я... Я не обязана здесь оставаться, знаешь ли. Могу забрать Эдди и вернуться на Рождество в Эшер...

— Отличная идея, Бет, просто отличная. Проявление непредсказуемого поведения именно то, чего ждет не дождется от тебя Максвелл... — Не успев договорить, я уже жалею о вырвавшихся словах. Бет отшатывается от меня. — Прости меня, — поспешно добавляю я.

— Как ты можешь говорить мне такие вещи? — шепчет Бет; ее синие глаза блестят и заволакиваются слезами. Она отворачивается и идет прочь.

Выйдя из дома, я делаю глубокий вдох, вслушиваюсь в приглушенные крики грачей, негромкий стук капель, падающих с мокрой листвы. Живые звуки, живые запахи в разгар зимы. Раньше я никогда не обращала на них внимания. Бросаю узел с бельем, внезапно меня охватывает неуверенность. Я сажусь на ржавую металлическую скамью у края лужайки, чувствую леденящий холод, он проникает даже сквозь джинсы. Может, лучше отнести им все это в другой раз. Из восточной части сада, от ручья до меня доносятся голоса. Я отправляюсь туда через калитку сбоку от лужайки, дальше вниз по склону, поросшему низкорослыми кустами. После дождя почва стала вязкой. Когда я иду, она хлюпает и липнет к ногам.

Эдди и Гарри я нахожу у ручья, вода чуть не переливается через верх их резиновых сапог. От недавних дождей ручей набух, течение ускорилося, но самый быстрый поток несется посередине, потому что Эдди и Гарри соорудили плотину из камней и веток. Она начинается от обоих берегов и не доходит до середины ручья. Брюки у Гарри промокли до самых бедер, а я знаю, какой ледяной может быть сейчас вода.

— Рик! Погляди только! Мы только что почти соединили края, но потом часть обрушилась! — возбужденно кричит Эдди, когда я подхожу. — Но пока плотина еще держалась, вода поднялась так высоко! Вот тогда-то мы и промокли...

— Да я уж вижу. Мальчики, вы, наверное, совсем заоченели! — Я улыбаюсь Гарри, а он отвечает улыбкой и показывает на камешек у моих ног. С готовностью нагибаюсь, передаю ему камень, оскальзываясь на берегу. Он добавляет камень к насыпи.

— Спасибо, — рассеянно произносит Эдди, сам того не замечая, он говорит за своего друга. — Когда привыкнешь, уже не так холодно.

— Честно?

— Ну, не совсем, на самом деле, пятки у меня черт-те как замерзли, — смеется Эдди.

— Следи за выражениями. — Я машинально делаю замечание.

— Хорошая плотина получилась, должна признать, — продолжаю я, стоя в грязи и уперев руки в бока. — Что будет, если сумеете довести работу до конца? Здесь образуется огромное озеро.

— Так и задумано!

— Понятно. Господи, Эдди, ты же по уши в грязи!

Рукава его свитера измазаны по локоть — видно, Эдди то и дело их засучивал грязными руками. Штанины вельветовых джинсов в таком же состоянии — о них он вытирал ладони. Грязная полоса пересекает лоб, а волосы слиплись.

— Как ты ухитрился так вымазаться? Посмотри, Гарри почему-то чистый!

— Он выше, а значит, дальше от земли, чем я, — протестует Эдди.

— Тоже верно, — признаю я.

Ухватившись для устойчивости за куртку Гарри, Эдди делает несколько шагов ко мне, то и дело оступаясь на каменистом дне ручья.

— Обедать еще не пора? Умираю, есть хочу! — объявляет он, теряет равновесие и, пытаясь устоять на ногах, наклоняется впереди, опускает руки в ледяную воду.

— Да, скоро уже. Беги домой отмываться — работа не волк, в лес не убежит. Давай! — Я протягиваю мальчишке руку.

Схватившись за нее, Эдди пробует одним прыжком выбраться на берег и всем весом ложится на мою руку.

— Не тяни так, Эдди, я упаду! — Но уже слишком поздно. Мои ноги скользят, я теряю опору и с громким всплеском резко шлепаюсь наземь.

— Извини! — ахает Эдди.

Гарри у него за спиной расплывается в улыбке, как-то странно хрюкает, и я понимаю, что он смеется.

— Очень смешно, по-твоему? — Я поднимаюсь на ноги, чувствуя, что ледяная жижа проникла даже в трусы. Подтягиваю брюки, оставляя на них грязные разводы.

Эдди, снова покачнувшись, шагает ко мне, подняв при этом такую волну, что вода переливается через верх моих башмаков.

— *Эдди!*

— Извини, пожалуйста! — повторяет он, но на сей раз не может сдержать улыбки, да и Гарри смеется громче.

— Ах вы, негодники! Мне же холодно! Вот тебе! — Самым грязным пальцем я провожу Эдди по носу. — Получай добавку!

— Ух ты, спасибо, Рик! А это... это тебе от меня! Подарочек к Рождеству! — Эдди зачерпывает грязи и швыряет в меня. Неряшливая клякса расплывается посередине моего светло-серого свитера, на самом видном месте.

Эдди застывает, словно испугался, что зашел слишком далеко. Я соскребаю с груди часть тины, взвешиваю на ладони.

— Ну, все... ты... покойник! — С боевым кличем я делаю резкий выпад в его сторону.

Эдди, взвизгивая от хохота, несется прочь по берегу и скрывается в кустарнике.

Догнать его не так-то просто, и я вынуждена выбросить грязь и пообещать перемирие, чтобы Эдди подпустил меня поближе. Я обнимаю его за плечи, больше для того, чтобы согреть собственные пульсирующие от холода пальцы. Гарри двигается следом за ним, но вдруг останавливается, привлеченный перебранкой двух дроздов на боярышнике.

— Он идет? — спрашиваю я.

Эдди пожимает плечами:

— Он вечно застревает около птичек и всякого такого... Пока, Гарри! — кричит он и машет ему рукой.

Мы в таком виде, что лучше бы отправиться прямиком к стиральной машине, но подвал заперт, и нам ничего не остается, как войти через парадную дверь. Сапоги мы оставляем за порогом — довольно бессмысленно, потому что и носки на нас насквозь мокрые, с них капает грязь. Бет прислоняется головой к косяку кухонной двери.

— *Где же*, скажите на милость, вы так вывозились? — ахает она. — А с одеждой что стало! Что вы делали?

Эдди немного не по себе, он косится на меня в поисках поддержки.

— Может, вообразили, что нам опять по восемь лет? — предполагаю я с выражением полной невинности на лице.

Бет сурово сверлит меня глазами, но не выдерживает. Губы ее кривятся в подобии улыбки.

— Ну что, парочка грязнуль, не хотите переодеться перед обедом? — обращается она к нам.

После еды я звоню маме, узнать, как дела, и уточнить, когда они планируют у нас появиться.

— Как вы там? Как Бет? — спрашивает мама небрежным тоном, который мне очень хорошо знаком. Таким тоном, которым она всегда говорит о том, что ее волнует всерьез.

Я делаю паузу, пытаюсь понять, далеко ли сестра.

— Она держится нормально. Настроение немного неровное, а так ничего.

— Она что-нибудь говорит? Что-то о доме?..

— Да нет, а что ты имеешь в виду?

— Нет-нет, ничего конкретного. Я так соскучилась, не терпится вас обеих увидеть, и Эдди, конечно. Он там не скучает?

— Шутишь? Он блаженствует! Мы и не видим его совсем — он целыми днями пропадает на улице. Мамуль, можно тебя кое о чем попросить?

— Ну конечно!

— Ты не могла бы поискать открытку с нашим семейным деревом? Помнишь, ту, что прислала Мэри? И захватить ее сюда?

— Хорошо, конечно, привезу, если найду. А зачем она тебе понадобилась?

— Я хочу проверить кое-что. Ты слышала когда-нибудь, что у Кэрлайн был ребенок до замужества? До того, как она вышла за лорда Кэлкотта?

— Нет, ничего про это не знаю. И сомневаюсь, что это правда, она ведь вышла за него очень молодой. А с чего это тебя вдруг заинтересовало?

— Просто нашла одну фотографию, я тебе покажу, когда приедешь.

— А... ну хорошо. Хотя, знаешь, лучше по всем вопросам семейной истории обращаться к Мэри. Она тогда так подробно во всем этом копалась...

— Это правда. Ну ладно, пойду-ка я займусь разборкой. Скоро увидимся.

Я не могу звонить тете Мэри — матери Генри. Не могу говорить с ней по телефону. Это невыносимо, у меня возникает странное чувство, будто воздух в легких превратился в камень. На похоронах Мередит, к своему стыду, я от нее пряталась. Я в буквальном смысле спряталась от нее за огромным букетом лилий.

Перед сном я раскладываю на коленях содержимое бьюара Кэролайн и прочитываю еще несколько писем от Мередит. Самые ранние написаны из колледжа, где она училась. В них говорится о суровой классной даме и уроках хороших манер, о порядках в дортуаре, о поездках в город за покупками. Потом начинаются одинокие письма из Суррея. Перебирая их, я обнаруживаю в боковом кармашке конверт, надписанный совсем другим почерком. Бумага внутри шуршит, как сухие листья, я вынимаю ее и разворачиваю как можно осторожнее. Всего одна страничка, на которой лишь несколько строк. Буквы куда крупнее, чем у Мередит, выведены с решительным нажимом, который, как мне кажется, говорит о властности писавшего. Письмо датировано пятнадцатым марта 1905 года.

Кэролайн!

Нынче утром я получила твое письмо, и оно стало для меня полной неожиданностью. Недавнее твое замужество и деликатное положение можно лишь приветствовать. Никто не мог бы радоваться более, чем радуюсь я, когда вижу тебя наконец устроенной и сочетавшейся браком с таким достойнейшим человеком, как лорд Кэлкотт, способным дать тебе решительно все необходимое для счастливой жизни. Ты достигла высокого положения, и ставить его под удар без всякой необходимости было бы с твоей стороны

проявлением крайнего безрассудства и недальновидности. Не знаю и не хочу знать, какого рода признание ты считаешь необходимым сделать, но осмеливаюсь настоятельно рекомендовать тебе приложить все усилия, чтобы все подробности прежней жизни и твоего пребывания в Америке там и остались. Вновь возвращаться теперь к этой теме было бы опрометчиво и бессмысленно. Радуйся дарованной тебе возможности начать жизнь с чистого листа, будь благодарна за благополучное избавление от последствий скоропалительного решения, и не станем более об этом вспоминать. Если же ты каким-то образом все же решишь навлечь на себя или на нашу семью позор или бесчестье, у меня не останется иного выхода, как порвать с тобой все связи, хотя подобный исход весьма опечалил бы меня.

Твоя тетья,

Б.

Слова «там и остались» подчеркнуты с такой силой, что бумага почти порвана. Напор и гнев видны в этой линии. Закончив читать страстное послание, долго сижу в тишине — и, кажется, вижу тайны дома, лежащие по углам комнат, огромные, как сугробы, глубокие, как тени.

В канун Рождества приезжают наши родители, и знакомый автомобиль на подъездной дорожке кажется маленьким чудом. Подтверждением существования внешнего мира, напоминанием того, что дом и мы с Бет — часть этого мира. Я не хотела пускаться с утра Эдди в лес и поговорила об этом с Бет, но он поднялся раньше нас и был таков. Только пустая тарелка в раковине на кухне, горсть кукурузных хлопьев да полстакана черносмородинового сока на столе.

— Боюсь, мы потеряли вашего внука, — ляпаю я, целуя папу и доставая из багажника пакеты.

Похоже, формулировка не самая удачная. Мама замирает.

— Что с Эдди? — лепечет она.

— У него появился друг, Гарри. Он здесь живет в лагере, точно так же, как когда-то... ладно. В общем, они все время пропадают в нашем лесу. Мы его почти не видим, — поясняет Бет. По ее голосу понятно: ситуация ее напрягает. Самую малость.

— Лагерь? Не хочешь ли ты сказать...

— Динни здесь. И его двоюродный брат Патрик, и кое-кто еще, — как о чем-то обыденном сообщаю я. Против моей воли рот расплывается в улыбке.

— Динни? Ты нас *разыгрываешь*? — поражена мама.

— Ну, будет тебе. — В разговор вступает папа.

— Хмм... ну что ж, надеюсь, теперь вы, по крайней мере, понимаете, каково было нам в свое время, — обращается мама к Бет, целует ее в щеку и скрывается в доме.

Мы с Бет переглядываемся. Нам это и в голову не приходило.

Бет похожа на маму. Всегда была похожа, но с возрастом это сходство делается все более явным. Обе они унаследовали от Мередит ее гибкую талию, тонкие черты лица, длинные артистичные пальцы. Мередит коротко стриглась и делала прическу, но у мамы волосы всегда лежали естественно, а у Бет они длинные и распущенные. В них обеих чувствуется порода, а я этого напрочь лишена — грации, изящества, хочу я сказать. Я пошла больше в папу — меньше ростом, шире в кости, неуклюжая. Мы с отцом оба косолапим. Оба вечно цепляемся рукавами за дверные ручки, опрокидываем бокалы с вином, получаем синяки, бьемся об углы журнальных столиков, ножки стульев, кухонные столы. Я нежно люблю эту свою черту за то, что унаследовала ее от папы.

Мы пьем кофе и любимся елкой. Ее привезли вчера, и теперь она возвышается в лестничном проеме. Всех купленных нами игрушек и украшений оказалось недостаточно. Они потерялись на этих широких раскидистых ветвях. Но гирлянда огоньков красиво мерцает, а смолистый елочный дух проникает в каждый уголок дома, не давая забыть о празднике.

— Немного помпезно, ты не находишь, дорогая? — замечает папа.

Бет, к которой он обращался, пренебрежительно поднимает бровь.

— Дом надо было украсить. Для Эдди, — отвечает она.

— Ах, ну да, конечно, это верно, — соглашается папа. На нем красный джемпер, седые волосы торчат вихрами, точь-в-точь как у внука, щеки порозовели от горячего кофе. Он выглядит веселым и добродушным, и именно таков он на самом деле.

В дверь стучат, я открываю и обнаруживаю на пороге Эдди и Гарри, запыхавшихся и промокших, как обычно.

— Привет, Рик! Я забежал поздороваться с бабушкой и дедушкой. И еще я сказал Гарри, что он может прийти к нам и посмотреть на елку. Это же ничего, да?

— Конечно, только снимите свои сапожищи прямо здесь.

Эдди затискан, рассмотрен со всех сторон, осыпан вопросами и поцелуями. Папа протягивает Гарри руку, но Гарри только рассматривает его с озадаченным видом. Вместо рукопожатия он подходит к елке, присаживается на корточки и пристально вглядывается, словно пытается увидеть монументальное дерево во всем его величии. Папа смотрит на меня с веселым недоумением, и я одними губами отвечаю на его немой вопрос: *Потом расскажу*. Мы не отпускаем Эдди на улицу, так как обеда ждать совсем недолго, а Гарри отправляем домой с коробкой мятного печенья — произведение Бет. Он запихивает их в карман, неуклюжей походкой пересекая лужайку.

— Курьезный тип, — дипломатично высказывается мама.

— Он — просто чума! Знает все самые интересные места в здешнем лесу — где растут грибы, а где есть барсучьи гнезда, — защищает Эдди своего друга.

— У барсуков не гнезда, а норы, Эдди. И надеюсь, ты не станешь пробовать грибы — это очень опасно, — предостерегает мама.

Я вижу, что Эдди оскорблен в лучших чувствах.

— Гарри знает, какие можно есть, а какие нет, — сердито бурчит он.

— Я уверена, что знает. Все в порядке, мам, — говорю я, чтобы ее успокоить. — Пожилые люди не знают, что «чума» — это похвала, — шепчу я на ухо Эдди.

Он выразительно закатывает глаза и отправляется наверх переодеваться.

— Хорошо, что у Эдди есть друг, с которым можно гулять. В школе у него слишком малоподвижный образ жизни, — твердо говорит Бет.

Мама поднимает руку, как бы защищаясь:

— Я не собиралась его критиковать! Бог свидетель, вы обе тоже постоянно пропадали в лесу, когда приезжал Динни.

— Но ты вроде не возражала? — беспокойно спрашивает Бет. Она вся на нервах, когда говорят об отношениях родителей с детьми.

Мама с папой обмениваются взглядами, и отец одаривает маму влюбленной улыбкой.

— Да нет, мне кажется, не возражала, — отвечает мама. — Конечно, нас бы порадовало, если бы вам хотелось проводить чуть больше времени с нами...

В тишине, повисшей после ее слов, мы с Бет ошеломленно и виновато смотрим друг на друга, а мама хохочет:

— Все нормально, девочки! У меня тогда просто начинался синдром опустевшего гнезда, вот и все.

— Не знаю, что я стану делать, когда Эдди будет жить в университете целыми семестрами. Мне и сейчас-то скверно, когда он приезжает только на выходные, — шепчет Бет, сцепив пальцы.

— До этого еще далеко, — напоминаю я сестре. — Ему же только одиннадцать лет.

— Да, но с тех пор, как он был грудным младенцем, прошло всего пять секунд, — вздыхает Бет.

— Дети быстро растут, — понимающе кивает отец. — И это должно тебя радовать, Бет! Вот проживешь шесть лет бок о бок с подростком и, подозреваю, будешь только счастлива, когда он наконец уедет учиться!

— И только подумай, сколько всяких радостей вас еще ждет до этого: скандалы из-за того, что он поздно вернулся, уроки вождения, подружка и первая ночь не дома. А потом найдешь у него под подушкой порнографический журнальчик, а однажды утром заглянешь в его затуманенные глаза — и начнешь гадать, какие наркотики он принимал накануне...

— Эрика, прекрати! Что ты, в самом деле! — неодобрительно восклицает мама, когда глаза у Бет округляются от ужаса.

— Ну, прости, — улыбаюсь я.

— Мне кажется, Рик, ты слишком долго работаешь в школе, — хихикает папа.

Бет хмурит брови.

— Синдром самодовольной тетушки — вот твоя проблема. Тебе легко смотреть со стороны, как я барахтаюсь в своих проблемах, критиковать и смеяться в кулачок, пока я ошибаюсь, мучаюсь и выдираю волосы на голове, — с осуждением произносит она.

— Брось, Бет. Я просто шучу. Ты прекрасная мать, и никогда не допускала просчетов, — отвечаю я и без паузы, не давая всем вспомнить, какую ужасную ошибку совершила Бет не так уж давно, и продолжаю: — Хватит тут сидеть, пойдемте пробовать мятное печенье. Мне кажется, Бет как кондитер просто превзошла себя.

Ближе к вечеру я показываю маме фотографии, которые нашла. Она узнает людей, которые мне незнакомы: дальние родственники, многие уже умерли, растворились в прошлом. Остались лишь лица на бумаге и следы их крови в наших венах. Показываю и фотографию Кэролайн, сделанную в Нью-Йорке, с младенцем на согнутой левой руке. Мама, нахмурясь, изучает снимок.

— Да, это Кэролайн, несомненно... ее светлые глаза! Какая же она была красавица, правда?

— Да, но что она делала в Нью-Йорке? А этот малыш откуда, если она вышла за лорда Кэлкотта только в тысяча девятьсот пятом году? Как ты думаешь, она родила еще до замужества?

— Как это, что делала в Нью-Йорке? Она была *родом* из Нью-Йорка!

— Кэролайн? Она была американкой? Никто мне об этом никогда не говорил!

— Да неужели можно было этого не заметить? Этот ее акцент...

— Мамуля, мне было пять лет! Разве я могла заметить, что у нее акцент? Да и древняя она тогда была, вообще уже почти не разговаривала.

— Да, возможно, ты права, — кивает мама.

— Хорошо, положим, это объясняет, почему в тысяча девятьсот четвертом году она оказалась в Нью-Йорке. Но что это за ребенок? — настаиваю я.

Мама делает глубокий вдох, надувает щеки.

— Даже не представляю, — задумчиво тянет она. — От Генри она не могла иметь ребенка, пока они не поженились. И дело даже не в том, что был бы ужасный скандал. Они встретились только в конце

тысяча девятьсот четвертого года, когда Кэролайн приехала в Лондон. Поженились они в тысяча девятьсот пятом, вскоре после знакомства.

— Так может быть, она была замужем до этого? И привезла с собой ребенка?

— Нет, мне кажется, не привозила. Лучше, конечно, тебе поговорить о этом с Мэри. Насколько я знаю, когда Кэролайн, богатая наследница, приехала из Нью-Йорка, ей был двадцать один или двадцать два года. Почти сразу выскочила за аристократа, вот и вся история.

Я киваю, ощущая странное разочарование.

— Что, если это ребенок ее друзей? Возможно, она была его крестной. Кто знает? — продолжает мама.

— Может быть, — соглашаюсь я.

Взяв у нее фотографию, подношу ее к самым глазам. Я пытаюсь рассмотреть, нет ли обручального кольца на левой руке Кэролайн, на безымянном пальце, но кисть ее скрыта за складками светлого детского платяца.

— Ты не возражаешь, если я оставлю ее у себя? На время?

— Конечно бери, детка.

— Я тут... я читала кое-какие ее письма. — Письма Кэролайн — отчего-то мне неловко в этом признаться. Так же неловко бывает читать чей-то дневник, даже после смерти человека. — Ты привезла фамильное древо? Там было письмо от какой-то тетушки Б.

— Вот оно. Но, боюсь, со стороны Кэролайн сведений очень мало. По-моему, Мэри больше интересовала линия Кэлкоттов, а все записи, касающиеся семьи Кэролайн, остались, конечно, в Америке.

О Кэролайн в родословной нет вообще ничего, кроме имен родителей. Ни дядюшек, ни тетушек — совсем маленькая веточка, торчащая в сторону, перед тем как Кэролайн присоединилась к основному древу в тысяча девятьсот пятом году. Кэролайн Фитцпатрик, так ее звали.

Я еще какое-то время изучаю надпись с ее именем, хотя и сама не могу понять, к чему мне все это.

— В том письме ее тетя — тетушка Б. — говорит, что все, случившееся в Америке, должно там и остаться. И что она не должна сделать ничего такого, чтобы могло разрушить ее брак с лордом Кэлкоттом. Ты ничего об этом не знаешь?

Мама качает головой:

— Нет. Представления не имею.

— Что, если у нее был ребенок до того, как она приехала сюда и вышла замуж?

— Ну, для начала, с ребенком ей не удалось бы выйти замуж! Тогда приличные и хорошо воспитанные девушки не рожали вне брака. О таком даже помыслить было невозможно.

— Но... что, если она была за кем-то замужем до лорда Кэлкотта? Я кое-что нашла на чердаке, в чемодане, где Мередит хранила вещи Кэролайн. На этой штучке написано: «Прекрасному сыну», — сообщаю я.

Мама смотрит удивленно, потом предполагает:

— Может, это о Клиффорде. Что это за «кое-что»?

— Я не знаю — какой-то колокольчик. Я потом схожу наверх и покажу тебе.

Мы переходим в гостиную. Мама по очереди берет в руки каждую фотографию с камина, подолгу рассматривает, выражение ее лица то и дело меняется. Она проводит пальцем по стеклу свадебного снимка Чарльза и Мередит. Ласкает украдкой.

— Скучаешь по ней? — спрашиваю я. В любом другом случае такой вопрос об умершей матери показался бы идиотским, но Мередит была не такой, как все.

— Конечно. Правда, мне ее недостает. Ощущение пустоты неизбежно возникает, если человек умел заполнять собой пространство так, как моя матушка, — улыбается мама. Она ставит фотографию на место, полый мягкого кардигана стерев со стекла следы пальцев.

— Почему она была такой? Я хочу сказать, такой... *озлобленной?*

— Кэролайн обходилась с ней жестоко, — пожимает плечами мама. — Она ее не била, даже не была груба... возможно, она даже сама этого не замечала, но... как оценить ущерб, наносимый ребенку, который чувствует, что нелюбим?

— Даже представить себе не могу. Не представляю, как это мать может не любить свое дитя. Но ты говорила о жестокости — в чем она выражалась?

— В тысяче всевозможных мелочей, — вздыхает мама, потом задумывается на минуту. — Например, Кэролайн никогда ничего ей не

дарила. Ни разу. Ни на дни рождения, ни на Рождество, даже когда Мередит была маленькой. Ни на свадьбу, ни когда родилась я. Совсем ничего. Ты можешь себе представить, как это может отразиться на человеке?

— Но если ей никогда не делали подарков, может, она и не знала, что они бывают, и не ждала?

— Каждый ребенок знает о подарках в день рождения, Эрика. Достаточно прочитать любую детскую книжку, чтобы про это узнать. К тому же прислуга дарила ей всякие мелочи, когда она была маленькой. Мама рассказывала, как она дорожила этими вещицами, как много они для нее значили. Помню, она говорила о кролике. Экономка как-то подарила ей крольчонка.

— Это очень грустно, — соглашаюсь я. — Кэролайн не любила делать подарки?

— Я думаю, она просто забывала о праздниках. Честно говоря, я не уверена, что она вообще помнила, в какой день Мередит появилась на свет. Как будто это не она ее родила.

— Но... если Кэролайн была настоящим исчадием ада, почему же Мередит ее так любила? Почему вернулась сюда с тобой и Клиффордом после смерти вашего отца?

— Знаешь, что ни говори, а Кэролайн была ей матерью, которую Мередит любила и всегда пыталась... доказать, что достойна ее, — печально говорит мама.

Она открывает крышку рояля, нажимает клавишу. Чистый звук плывет, наполняя комнату.

— Нам всегда запрещали играть на нем. Пока не достигнем определенного уровня мастерства. А для нас в детской стояло облезлое пианино, на котором мы учились. Клиффорд так никогда и не добился особых успехов. А у меня получилось. Я была удостоена этой чести как раз перед тем, как уехала учиться в университет.

— Там, в вещах Кэролайн, много писем от Мередит. Они такие грустные, мне показалось, что она была ужасно одинока, даже после замужества.

— Да, — вздыхает мама. — Отца я не помню, и не знаю, как все было при его жизни. Мама очень любила его, мне кажется. Возможно, чересчур сильно. Как-то раз Кэролайн мне сказала, что утраченная любовь оставляет дыру, которую никогда и ничем нельзя заполнить. Я

это очень хорошо запомнила, ведь бабушка так редко со мной разговаривала. И с Клиффордом тоже, она вообще почти не замечала нас, детей. Я искала маму в саду и подпрыгнула на месте, когда Кэролайн заговорила, потому что не слышала, как она подкралась сзади.

— Она тогда еще ходила?

— Разумеется! Не всегда же она была древней развалиной.

— Но почему, за что Кэролайн не любила Мередит? Я не понимаю.

— Я тоже, детка. Твоя прабабка была очень странной женщиной. Очень сдержанной, сухой. Я, бывало, подойду к ней, сяду рядом и заговорю, а потом понимаю, что она меня вообще не слушает. Она просто смотрела сквозь тебя, этими своими серебристыми глазами. Ничего удивительного, что Мередит так рано вышла замуж — представляю ее восторг от того, что наконец хоть кто-то ее выслушает!

— А меня поражает, что ты совершенно нормальна. Ты просто потрясающая мать.

— Спасибо, Эрика. За это нужно благодарить твоего отца. Он мой рыцарь в сверкающих доспехах! Если бы я вернулась сюда после защиты диплома и прожила бы здесь достаточно долго, чтобы успеть возненавидеть их обоих... кто знает?

— Может быть, не каждый человек создан быть родителем. Не могу представить себе, например, Мередит в роли ласковой и заботливой...

— Она как раз была хорошей матерью... по большей части. Строгой, конечно. Но она не была такой... ядовитой, когда мы были маленькими. Это появилось позже, когда мы прожили здесь несколько лет. Когда Кэролайн одряхлела, за ней потребовался уход. Подозреваю, что мою мать это подкосило. О нас она заботилась, но, боюсь, так и не оправилась после смерти нашего отца. Ее грызло разочарование, сознание, что жизнь заканчивается там же, где началась, что она и Кэролайн прикованы к старому дому. Но мы-то ускользнули, правда? Мы с Клиффордом справились? — Мама смотрит на меня, а я замечаю внезапную тоску на ее лице.

Я подхожу к ней и крепко обнимаю:

— Вы справились просто превосходно.

— Я пришел за своей порцией поцелуев! — с улыбкой объявляет папа, появляясь в дверях с веткой омелы.

После обеда мы складываем под елку подарки. Эдди в темно-синем махровом халате с монограммой элегантен — настоящий маленький джентльмен. Полосатая пижама, красные фетровые тапки. Он присматривается к надписям на подарочных упаковках и размещает свертки по одному ему понятной системе. Мы пьем бренди, слушаем рождественские песенки. За окном хлещет проливной дождь, волнами обдаёт дом. Звук такой, словно кто-то швыряет горсти гравия в оконные стекла. Я поеживаюсь.

К полуночи дождь стихает, облака расходятся, и в ночном небе появляется яркая луна. Она освещает лианы, вьющиеся на обоях в моей комнате, небольшой платяной шкаф и арочное окно, выходящее на восток, на дорогу. На голом дереве за окном колония грачей, гнезда похожи на кляксы среди тонких веток. Я никак не могу уснуть. Каждый раз, когда я начинаю задремывать, в мозгу происходит взрыв: лица, имена, воспоминания сбивают меня с толку. Впрочем, иногда так на меня действует бренди. Приходится по одной отделять мысли, вытягивать их из спутанного клубка, чтобы освободить от них голову. Пусть плывут прочь. Только воспоминания о Динни я не отпускаю, оставляю себе. Новенькие, недавние складываю к прежним солнечным воспоминаниям детства. Теперь я знаю, каким он бывает при зимнем освещении, в дождь. Знаю, как он выглядит при свете костра. Знаю, как действует на него алкоголь. Мне известно, чем он зарабатывает на жизнь и как живет. Я знаю теперь, что ею широкая открытая улыбка изменилась, превратилась в быстрый белозубый проблеск, на миг освещающий смуглое лицо. Я знаю, что он презирает нас, Бет и меня. А вскоре, возможно, я докопаюсь и до причины.

Рождественское утро проходит в уютной праздничной суете: приготовление завтрака, шампанское и повсюду рваная разноцветная бумага от подарков. Папа помогает Эдди распаковать новую игровую приставку, потом они пытаются испытать ее, подключив к телевизору в кабинете. Мы, женщины, тем временем возимся на кухне. Индейка с трудом помещается в духовку. Приходится запихнуть ей ноги внутрь, на них черные отметины там, где они касались стенок плиты.

— Ничего страшного. Все равно все предпочитают грудку, — утешает мама Бет, которая нервно разгоняет рукой струйки дыма, поднимающиеся от духовки.

Пройдет не один час, пока индейка пропечется, так что Бет, сославшись на легкую головную боль, отправляется к себе полежать. Уходя, она обжигает нас сердитым взглядом. Понимает, что мы будем говорить о ней. Я не знаю, правда ли сестра спит в такие моменты или просто лежит, рассматривая трещины на потолке, наблюдая за пауками, плетущими по углам свои сети. Надеюсь, что все-таки она спит.

Мы с мамой садимся на кухонные скамейки и беремся за руки. Разговор затих, ни одна из нас не решается заговорить о Бет. Я нарушаю молчание:

— Кроме фотографий я нашла в одном из ящичков Мередит целую кипу газетных вырезок... Про Генри, — добавляю я, хотя это лишнее.

Мама вздыхает и отнимает свои руки.

— Бедный Генри, — произносит она и, проводя пальцами по лбу, зачесывает назад несуществующий волосок.

— Да, я знаю. Я много думаю о нем. О том, что произошло...

— Что ты хочешь сказать? О чем ты? — резко обрывает меня мама.

Я смотрю на нее, подняв глаза:

— Только о том, что он пропал. О его исчезновении.

— А...

— Что, по-твоему, с ним случилось?

— Не знаю! Откуда мне знать. Одно время я думала, что... что, может быть, вы, девочки, знаете больше, чем решаетесь рассказать.

— Ты думала, что мы имеем к этому какое-то отношение?

— Господи, да нет, конечно же нет! Я думала, что вы, возможно, кого-то выгораживаете.

— Ты о Динни, — неожиданно догадываюсь я.

— Ну, хорошо, если хочешь, да, о Динни. Он был вспыльчив, ваш юный герой. Но, Эрика, Генри исчез! Его похитили, я в этом уверена. Кто-то увел его или унес, и на этом все кончилось. Если бы с ним что-то случилось здесь, в поместье, что бы это ни было, полиция нашла бы какие-то улики. Его похитили, вот и все, — заканчивает она уже спокойнее. — Это было ужасно, просто ужасно, но винить некого,

кроме похитителя. В мире бывают преступники, опасные люди, и Генри не повезло, он встретился с одним из них.

— Да, наверное.

Все это кажется мне неубедительным. Это не похоже на правду. Эдди у пруда, бросает камень, потом я чувствую холод и боль в коленях.

— Давай не будем говорить об этом сегодня, хорошо?

— Ну, хорошо.

— Как дела у Бет?

— Не блестяще. Хотя сейчас получше. Пару дней назад мы ходили на вечеринку в лагерь, и она немного поболтала с Динни. Мне показалось, она как-то взбодрилась. А сейчас, когда вы с папой тоже здесь...

— Вы ходили на *вечеринку к Динни*? — недоверчиво переспрашивает мама.

— Да. А что такого?

— Не знаю... — Она мнетя. — Просто как-то странно после стольких лет... возобновить общение, снова водить с ним компанию...

— Мы не *водим с ним компанию*. Но мы теперь соседи. Надолго, между прочим. Он... у него все нормально. Он мало изменился, и я тоже, так что... — На миг я впадаю в панику, боюсь, что покраснею.

— Он был так влюблен в Бет, ты же помнишь. В прошлом, когда им было по двенадцать, — говорит мама и улыбается своим воспоминаниям. — Говорят, первая любовь не забывается.

Я залпом допиваю шампанское, тянусь за бутылкой. Щекам все еще жарко, нос щиплет, я вот-вот расплачусь.

— Что-то заболтались мы с тобой. А картошка ведь сама собой не почистится, — говорю я шутливым тоном, протягивая маме один из двух ножей.

— Бет долго будет отдыхать?

— Может, еще часок. Как раз столько, чтобы увильнуть от чистки картошки, это уж точно.

Я щурю глаза, вглядываюсь в сгущающуюся темноту. Еще нет и пяти часов, но я нетвердо стою на ногах. Они у меня разъезжаются, цепляются за невидимые ветки и корни. Я отправилась на поиски Эдди. Подхожу к лагерю, но там все тихо. Останавливаюсь, соображая,

кто в каком фургоне живет. К тому же все они стоят так близко один к другому, словно объединились против всего мира, что я не решаюсь подойти ближе, постучать и спросить о Гарри. Захожу было в лес, но там уже совсем стемнело. Надо было прихватить фонарь. Ночь опускается быстро, свет гаснет, как будто устал.

— Эдди! — зову я, но голос звучит тихо.

Я представляю себе бригады поисковиков, которые прочесывали этот лес двадцать три года назад. Прошло уже пять дней, но они продолжали работать. Лица у всех были сосредоточенные, собаки рвались с поводков, рации пощелкивали и свистели.

Генри! — их крики были громче и далеко разносились, но звучали неестественно, будто все уже понимали, что выкликают его имя впустую, что крик достигает только их же собственных ушей. Погода в те выходные была скверная, конец августа, как-никак. Ураган «Чарли», зацепивший хвостом Англию, обрушил на страну дожди и ветер.

— Эд! — снова кричу я изо всех сил. Когда я перестаю топтать своими ножищами, воцаряется просто изумительная тишина.

Выхожу из леса позади Росного пруда. На горизонте неясно высится курган. Я огибаю поле по краю, вдоль изгороди, снова поворачиваю к дому. Постепенно глаза привыкают к темноте, и я различаю стоящие у воды фигуры. Две большие, одна маленькая. Я хватаю воздух ртом, по спине ползет ледяной холод. Только сейчас понимаю, как мне было страшно. Гарри, Эдди, Динни. Каждый из них мог бы стать героем рассказа о приключениях мальчишек. И вот они, все вместе, у Росного пруда. Бросают камушки в темную воду в праздник Рождества.

— Кто здесь? — окликает Эдди, когда они замечают меня. Голос тонкий, совсем детский.

— Это я, балда, — отвечаю я, подтрунивая не столько над Эдди, сколько над своим страхом.

— Ой, привет, Рик.

Гарри странно ухает — это, кажется, первый настоящий звук, который я от него слышу. Он подбегает ко мне в несколько больших нескладных прыжков. Затаив дыхание, я слежу за ним, боюсь, что он поскользнется, но Гарри не падает. Он вручает мне камешек, плоский, почти треугольной формы. Я представляю, как он улыбается.

— Он хочет, чтобы ты тоже попробовала бросить, — объясняет Динни.

Я осторожно подхожу к ним. Потом несколько раз переворачиваю в ладони камень. Он теплый и гладкий.

— Я пришла за Эдди. Ему давно пора домой — уже совсем стемнело, — бурчу я, обращаясь к Динни. Я раздражена и все еще сержусь. Вода — просто густая тьма почти у нас под ногами.

— Просто дай глазам привыкнуть, вот и все, — подбадривает меня Динни.

Они втроем продолжают швырять камни в плоскую черную воду, считают белые всплески в сумерках.

— Хватит, нам все равно пора. Мои родители приехали...

— Да? Передай им от меня привет.

— Обязательно передам. — Я встаю рядом с Динни, так близко, что наши рукава соприкасаются. Возможно, я слишком напирала, но мне плевать. Мне просто нужно что-то, чтобы ухватиться, уцепиться и устоять на ногах. Я слышу дыхание Динни, слышу даже, как на него отзывается эхо со стороны пруда.

— Ты что, не бросишь даже один камень? — Динни кажется странным мое упрямство, в голосе звучит удивление.

— Я и воду-то почти не вижу.

— Ну и что? Ты знаешь, она там. — Он искоса глядит на меня. Вижу только силуэт, и мне хочется дотронуться до его лица, чтобы проверить, улыбается ли он.

— Ну, ладно. Поехали. — Я сползаю к краю, нахожу опору под ногами. Согнувшись, я замахиваюсь и, пустив вперед камень, какое-то время двигаюсь за ним вперед, к поверхности, к обсидиановой воде. *Раз, два, три...* Я считаю всплески, но сбиваюсь, голова кружится, ноги скользят к воде, и, пошатнувшись, я судорожно хватаю воздух ртом. Ну и место! Я отправила бедный, ни в чем не повинный камень в такую темень!

— Три! Фигня! У Гарри только что получилось семь! — кричит мне Эдди.

Я ощущаю руки Динни, он уверенно поддерживает меня под локти, поднимает и ставит на ноги. Меня охватывает запоздалая паника.

— Ночь сегодня не для купания, — шепчет Динни.

Я мотаю головой, радуясь, что он не видит сейчас моего лица и моих слез.

— Все, Эдди, хорошего понемножку, мы уходим, — окликаю я Эдди. Мой голос срывается.

— Но мы же только...

— Эдди, без разговоров!

Мальчик с тяжким вздохом отдает Гарри остаток своих камней. Они весело погромыхивают, переходя из рук в руки. Я отхожу от берега, направляюсь в сторону дома.

— Эрика! — зовет Динни.

Я поворачиваюсь, и он замолкает, колеблется.

— С Рождеством! — говорит он наконец. Готова поклясться, он собирался сказать совсем не это, но мне не хватает храбрости спросить об этом сейчас.

— С Рождеством, Динни! — отвечаю я ему.

Потеря

1903–1904

Лето зрело, шло к середине, и вместе с ним созревало тело Сороки, увеличиваясь, казалось, с каждым днем, по мере того как в нем рос ребенок. Индианка двигалась с какой-то причудливой грацией, как всегда деловитая, но без прежней стремительности. Она аккуратно проносила перед собой живот, не задевая мебель, протискивалась в узкую дверь землянки, где они жили с Джо. Кэролайн наблюдала за ней, присматривалась и без конца задавала себе вопросы, мучилась подозрениями, по двадцать раз на дню переходя от отчаяния к надежде. Все объяснялось просто: она ревновала. Всякий раз, как Кэролайн натыкалась глазами на пухнувшее, как на дрожжах, тело молодой индианки, ей становилось дурно, ноги слабели, изнутри поднималось что-то горькое и темное. Если что-то и могло выгнать ее из дома, заставить выбежать на улицу под летнее солнце, то это была ревность.

Деревянный дом не так хорошо защищал от жары, как толстые нью-йоркские стены из кирпича. Конечно, думала Кэролайн, в Нью-Йорке тоже случалась жара, но такого пекла, как здесь, там не бывало, а ей к тому же никогда не приходилось чем-то активно заниматься в подобных условиях. Однако самообладание Мэгги и трогательная забота о ней Хатча действовали Кэролайн на нервы. И потому в один прекрасный день, когда с утра небо слегка заволкло и потому было чуть прохладнее обычного, Кэролайн решила выбраться на прогулку. Положив в корзинку спелую дыню, несколько бисквитов и бутылку воды с тоником, завязав ленты летнего капора под подбородком, она отправилась на ближайшую соседскую ферму. Ферма принадлежала ирландской семье по фамилии Мур и находилась в шести милях к северо-западу. Кэролайн даже примерно не знала, большое ли это расстояние, но слышала однажды, как Корин говорил, что человеку не составляет никакого труда пройти за час четыре мили. Если выйти пораньше, думала Кэролайн, она сможет поспеть как раз к кофе, а может быть, к обеду, и у нее еще останется достаточно времени, чтобы вернуться и приготовить ужин. Она сказала Сороке, куда уходит, и

упрямо вздернула подбородок, когда индианка удивленно и недоверчиво уставилась на нее, медленно помаргивая, как сова.

Кэролайн шла почти час. Вначале она любовалась цветущей мятой и дикой вербеной, собирала букет в подарок Мурам. Вскоре, однако, корзинка показалась ей такой тяжелой, что стала оттягивать руку, а на сгибе локтя появилась вмятина. Несмотря на облачность, было жарко; кожа стала липкой от пота, голова под капором отчаянно чесалась. Юбка измялась, подол, весь в песке и колючках чертополоха, больно бил по ногам. В песчаной почве вязли ноги, идти оказалось куда труднее, чем предполагала Кэролайн. Она отважно боролась и продолжала путь в надежде, что скоро покажется ферма. Но никаких построек впереди не было видно. Тяжело дыша, Кэролайн вглядывалась в даль перед собой и видела только бескрайнюю равнину, расстилавшуюся, насколько хватало глаз. Поставив на землю корзинку, она медленно повернулась кругом, всматриваясь в горизонт. Подул горячий ветер, заколыхались высокие травы, похожие издали на зеленовато-золотистый океан. Ветер нес с собой запах сухой земли и пыли, а в ушах стоял низкий гул.

— Здесь ничего нет, — прошептала Кэролайн.

В ней поднималось странное чувство — то ли панический страх, то ли гнев.

— Здесь же *ничего нет!* — выкрикнула она громко, изо всех сил.

В горле пересохло и саднило. Ветер унес ее слова, ничего не ответив. Обессиленная Кэролайн села на землю, потом легла. Бесконечное небо над ней, бесконечная прерия вокруг. *Если я не поднимусь, думала она, если останусь здесь, меня никто не найдет, кроме канюков и диких псов.* Мысль была ужасной, но она не могла от нее отделаться.

Повернув наконец назад после бесплодных попыток добраться до Муров, Кэролайн чуть не пропустила ранчо. Она отклонилась к северу на целую милю или даже больше, но, по счастью, заметила справа от себя струйку дыма, поднимающуюся над крышей полевой кухни, где Рокко, молчаливый негр из Луизианы, готовил ужин для работников ранчо. На дрожащих от усталости ногах Кэролайн заковыляла туда. Во рту пересохло, лицо горело после целого дня под солнцем и обжигающим ветром. Сзади осталась прерия, безграничная,

наблюдающая за ней. За пределами ранчо травянистая равнина расстилалась во все стороны, покрывала все видимое пространство.

Корали, загоны, поля, засеянные пшеницей и сорго, — вообще все то, что так старательно воздвигал на этой земле ее муж, оказалось ничтожной точкой на карте. Ранчо было островком, крохотным атоллом в бескрайнем пестром море. Когда Кэролайн добралась до дому, еле дыша от изнеможения и рассыпая увядшие цветы, она заперла дверь и залилась слезами.

Хотя Кэролайн безумно устала, в ту ночь сон к ней не шел. К вечеру небо очистилось, взошла ослепительная полная луна. Но не лунный свет мешал спать, а пришедшее к ней новое понимание, осознание того, насколько же, оказывается, безгранично велика страна, в которой она теперь жила. Она чувствовала себя песчинкой, крошечной и незаметной. Ей хотелось вырасти, обрести объем, занимать больше места в мире. Хотелось стать значительной. В спальне было трудно дышать, неподвижный воздух казался густым от жары. Рядом с ней тихо похрапывал Корин, уткнувшись лицом в подушку и раскинув руки. Луна высвечивала очертания мускулов на его плечах и тонкую линию на шее там, где загар переходил в бледность спины. Кэролайн поднялась и, взяв одеяло, вышла из дома.

Она расстелила одеяло на земле, прямо среди зреющих круглых арбузов, и легла навзничь. Что-то прощуршало в листве у самого ее лица, и Кэролайн вздрогнула. Больше никаких звуков не было слышно, хотя она настороженно прислушивалась, готовая уловить любой шум со стороны сарая, где ночевали ковбои, любое движение. Убедившись, что рядом никого нет, она задрала ночную сорочку так, что та прикрывала только грудь, оставив нижнюю часть тела обнаженной под ночным небом. По обе стороны от ее впалого живота выступали тазовые кости, отбрасывая в серебристом свете черную тень. Сердце Кэролайн бешено стучало, она не закрывала глаза. В небе были рассыпаны звезды. Она начала пересчитывать их, сбивалась, начинала снова, потом еще раз... она не помнила, давно ли лежит здесь, где вообще находится. Потом сзади хлопнула дверь, раздались неровные шаги, и вдруг Корин схватил ее под мышки и рывком усадил себе на колени.

— Что такое? В чем дело? — задохнулась Кэролайн.

Лицо Корина, серо-черное в свете луны, было искажено страхом, глаза широко раскрыты. Убедившись, что Кэролайн жива и здорова, Корин выпустил ее и, тяжело вздохнув, спрятал лицо в ладонях.

— Что ты здесь делала? — пробормотал он. — С тобой что-то случилось?

— У меня все... прекрасно. Просто... в спальне было очень душно... — Кэролайн судорожно одергивала ночную рубашку.

— Но и здесь такая же жара! Что ты выдумала? И почему разделась? — спрашивал он.

С удивлением Кэролайн заметила, что Корина бьет дрожь. Прикусив губу, она отвернулась.

— Я принимала лунную ванну, — ответила она.

— Что?

— Лунную ванну... Энджи говорила, что это может мне помочь, — тихо объяснила Кэролайн. Она и сама насмешливо улыбнулась про себя, услышав от соседки о такой суеверии, но сейчас готова была испробовать любое средство.

— Помочь? В чем? Родная, любовь моя, ты говоришь загадками!

— Помочь женщине забеременеть. Для этого нужно лежать под небом, чтобы свет луны освещал тело, — стыдливо опустив глаза, рассказала Кэролайн.

— И ты ей поверила?

— Нет, не вполне. Не совсем. Но ведь... *почему* я до сих пор не беременна, Корин? Ведь прошло больше года! — Она заплакала. — Я не понимаю.

— Я и сам не понимаю, — вздохнул Корин. — Но я уверен, что такие вещи происходят, когда для них приходит время, когда люди готовы, вот и все. Год — это совсем не так уж много! Ты молода, и... для тебя все это было сильным потрясением... переезд из Нью-Йорка сюда, ко мне. У нас все еще *будет*, любовь моя, не волнуйся, прошу тебя. — Корин ласково ущипнул ее за подбородок. — А сейчас идем в дом.

— Корин... почему ты сейчас так перепугался? — спросила Кэролайн, с трудом поднимаясь на ноги.

— Что? Когда?

— Ну только что, когда нашел меня. У тебя был такой встревоженный вид! Почему? Ты решил, что со мной что-то

случилось? Что именно?

— Жила тут одна женщина, на другой стороне Вудворда, пару лет назад... Неважно. Просто подумал, что с тобой могло что-то приключиться. Но все в порядке, и волноваться не о чем, — увещевал ее Корин.

— Скажи мне правду, пожалуйста, — настаивала Кэролайн, заметив его растерянность, — что случилось с той женщиной?

— Ну, в общем, она плохо переносила жару, страдала от нее, как ты. А еще она скучала по своей родине, Франции. И стала ночевать во дворе, где прохладнее, но однажды ночью... однажды ночью она... — Он перебирал пальцами ночной воздух, пытаясь рассказать ей обо всем и не произнося ни слова.

— Что она?

— Перерезала себе горло, — быстро, опустив глаза, произнес он. — Дома ее ждали трое детей... и все такое прочее.

Кэролайн конвульсивно глотнула, у нее перехватило горло при мысли о таком кошмаре.

— И ты подумал, что я... могу сделать с собой такое? — пролепетала она.

— Нет! Нет, родная, нет. Я просто беспокоился о тебе, вот и все.

Он за руку, как ребенка, отвел ее назад в спальню и сказал, что посидит с ней, пока она не уснет, но вскоре снова раздался его тихий храп, а Кэролайн так и лежала, глядя в потолок.

Она задавала себе вопросы. Непонятно было, куда Корин уходит на целый день. Прежде ей не приходило в голову задуматься об этом. Вечером за ужином он всегда давал ей отчет о прошедшем дне, но как знать, говорил ли он правду? Откуда ей было знать, много ли времени уходит на то, чтобы гоняться за отбившимися от стада животными, ловить скотокрадов, холостить бычков, случать жеребца Апача с племенной кобылой, чинить изгороди, пахать землю, сеять или жать пшеницу, косить сено... да мало ли что еще? И конечно же Корин без труда мог отправить Джо с каким-то заданием, если бы тот оказался на пути, а Сорока частенько уходила к себе за час-полтора до того, как Корин вечером возвращался домой. Иногда, а такое бывало очень часто, Кэролайн и знать не знала, где ее муж и где индианка. А то, как он тогда касался Сороки, как он положил руки ей на живот во время праздника в Вудворде... Вот о чем думала Кэролайн, когда лежала

ночами, глядя в потолок, и когда сидела по вечерам в звенящей тишине, дожидаясь возвращения Корина. Стоило Кэролайн увидеть мужа, ее страхи улетучивались. Но когда его не было рядом, подозрения разрастались буйно, словно сорняки. Когда Сорока оказывалась у нее на глазах, Кэролайн успокаивала некрасивость индианки, то, насколько та нехороша собой. Ее утешало, даже радовало, что волосы у Мэгги грубы, фигура приземиста, а плоское лицо с нездешними чертами невыразительно. Она примечала такие вещи и вспоминала, с каким восхищением Корин всегда говорит о ее собственной красоте.

Но как-то жарким августовским днем, когда поднявшееся высоко в зенит солнце отчаянно палило, сжигая траву, даже это утешение было отнято у Кэролайн. Сорока стояла у кухонного окна, повернувшись боком так, чтобы удобно было упереться бедром в скамейку, и чистила морковь коротким острым ножом. Как обычно, она напевала. Невозмутимое лицо, быстрые ловкие руки. Кэролайн наблюдала за ней из комнаты сквозь открытую дверь, немного опустив книгу, которую якобы читала. Под звуки тихого пения индианки она начала помаргивать и чуть не задремала. Сорока отложила морковь и, глядя куда-то в пространство перед собой, положила руку на торчащий живот. На губах у нее блуждала легкая улыбка. Потом она снова запела и взялась за работу. Ребенок шевельнулся, догадалась Кэролайн. Он живет, двигается у нее внутри. Нервно сглотнув, Кэролайн тоже положила руку себе на живот, не просто плоский, а впалый, вогнутый. Ни аппетитной складочки, ни симпатичной полноты. Каким сухим, жестким и мертвым показалось ей ее тело по сравнению с телом Сороки — не полный колос, а шелуха, мякина, остающаяся от обмолоченного зерна. Кэролайн снова посмотрела на индианку, и горло у нее перехватило, да так, что она в самом деле едва не задохнулась. В потоке солнечных лучей, струившихся сквозь окно, густые черные волосы Сороки мягко сияли. Кэролайн вдруг как будто в первый раз увидела широкое и плавное закругление ее верхней губы, высокие угловатые скулы, чуть раскосые глаза, теплое свечение кожи. Сорока была сейчас настоящей красавицей.

Наутро, перед рассветом, когда Корин заворочался и начал просыпаться, Кэролайн на цыпочках вышла на кухню. Она налила в чашку холодного чая, отрезала два толстых ломтя хлеба от вчерашней

ковриги и намазала их медом. Когда муж сел в кровати, моргая спросонья в графитно-сером предрассветном полумраке, Кэролайн подошла к нему с подносом.

— Завтрак в постель. Мне раньше всегда подавали завтрак в постель по субботам, — объяснила она, улыбаясь.

— Ох, спасибо. Я чувствую себя очень важной персоной! — Корин погладил ее по лицу и сделал большой глоток чая.

Кэролайн взбила у него за спиной подушки, чтобы он мог опереться о них.

— Посиди минутку, любимый. Еще рано, тебе можно не торопиться, — умоляющим тоном проговорила она.

— Рад бы, да ведь дело само не делается, — с сожалением вздохнул муж.

— Ну хоть пять минут, — не отступала Кэролайн. — Поешь хлеба, я намазала его медом, который собрал Джо.

— Этот парень волшебным образом управляется с пчелами, — кивнул Корин. — Никогда я не видал ничего подобного. Просто подходит к гнезду, берет его в руки, и хоть бы разок его пчела ужалила.

— Может, и впрямь — индейская магия?

— Не то магия, не то шкура у него толще, чем у всех остальных, — пошутил Корин.

Кэролайн вспомнила суровый, непримиримый взгляд индейца, его непрощающие глаза, кожу, красную, как древесная кора. Она слегка поежилась при мысли, как это Сорока не боится делить с ним ложе.

— Корин?

— Что?

— Знаешь, уже ведь больше года прошло с тех пор, как мы поженились, а... словом, мы так больше и не выбрались искупаться туда, где были в свадебном путешествии.

— Я знаю. Я все понимаю, Кэролайн. Но так трудно выкроить время. — Корин откинул голову, прислонившись к стене. Лицо его все еще было сонным.

— Может быть, съездим? Я просто... мне так хочется провести хоть денек с тобой. Целый день — ведь у нас их так мало! Ты все время занят работой...

— Даже не знаю, Кэролайн. В это время каждый день год кормит. Столько всего нужно успеть сделать! У нас сейчас стадо — таких

бестолковых коров на моей памяти никогда на ранчо не было: то и дело ломают загородки и выбираются наружу, а потом застрянут где-нибудь посреди ручья или запутаются в проволоке... или еще что-нибудь... Знаешь, может, через недельку получится. Или через две, как тебе такой план?

— Ты обещал мне, что мы будем туда ездить, — сказала она, совсем тихо.

— И поедем. Обязательно, — настойчиво повторил Корин.

Через некоторое время он встал, натянул одежду, ласково провел рукой по волосам Кэролайн и поцеловал ее в лоб, прежде чем пойти на кухню и приготовить себе кофе. Сидя на кровати, Кэролайн слушала, как гремят кофейные зерна, булькает чайник на плите, и странная слабость и безразличие охватили ее. Ей показалось, что она не сможет подняться, просто не хватит на это сил, и она так и просидит до вечера. Каждая косточка будто налилась свинцом. Но она вдохнула поглубже, встала и начала медленно одеваться.

Дождливым вечером в конце сентября возле их дома появился Джо со шляпой в руках, глазами, полуприкрытыми от проливного дождя, на лице его было обычное выражение непостижимого покоя. Кэролайн приветливо улыбнулась гостю, но все же невольно отодвинулась и сразу заметила, что взгляд Джо стал чуть жестче.

— У Мэгги подошло время. Она просит, чтобы вы пришли, — сказал Джо.

— Куда идти? Зачем? — не поняла Кэролайн.

— К ней. Чтобы помочь ребенку, — произнес Джо со своим гортанным выговором.

Он говорил бесстрастно, его лицо было непроницаемо, но что-то подсказало Кэролайн, что индеец не вполне одобряет эту просьбу жены. Она помедлила, сердце учащенно забилось. Придется войти в землянку. Как ни привыкла Кэролайн к присутствию Сороки в доме, но приземистое, наполовину врытое в землю жилище индейцев она до сих пор воспринимала как звериную нору.

— Понятно, — сказала она вполголоса, — понятно.

— Этим она выражает свое почтение, — торжественно сообщил Джо. — Такие дела — только для членов семьи.

После затянувшейся паузы Кэролайн, сопровождаемая пристальным взглядом Джо, вошла в дом, поспешно надела шляпу, схватила фартук, чувствуя, как поднимается в ней паника, будто пузырьки в закипающей воде. Она не умеет принимать роды, не знает, что делать и как помочь. Она совсем не уверена, что вообще хочет помогать.

Когда она вышла, Джо в первый и единственный раз продемонстрировал некоторые признаки нетерпения — ни до, ни после Кэролайн не видела подобного ни у кого из индейцев. Он перебирал поля шляпы и оглядывался на свой дом, где сейчас рожала жена. При виде этого Кэролайн мгновенно стало стыдно, и она поспешила выйти. Она шла, опустив глаза, стараясь не смотреть на окружающее их чудовищное, враждебное пространство. Со дня ее несостоявшегося путешествия на ферму Муров она испытывала смятение при мысли о необозримых просторах округа Вудворд, казавшихся ей теперь зловещими и безграничными. Безбрежная ширь невыносимо давила на нее, заполняя собой все мысли. Ей хотелось убежать, поскорее скрыться в доме, чтобы не распасться на атомы, слившись с этим грандиозным небесным сводом. Они шли по лужам, и подол у Кэролайн почти сразу промок насквозь, пропитавшись красноватой от почвы водой.

В землянку вели три ступеньки, сойдя по которым она попала в мягкую теплую мглу. Огонек керосиновой лампы героически сражался с обступавшей его темнотой. В помещении стоял сильный запах печного дыма, шкур животных и неизвестных Кэролайн трав. Кровь застучала у девушки в висках, когда все присутствующие посмотрели на нее — сама Сорока, Белое Облако и Энни, сестра Джо. Сам Джо остался снаружи, растворившись в дожде. Лицо Мэгги блестело от пота, испуганные глаза были широко открыты. Остальные женщины смотрели настороженно — не то чтобы неприветливо, но сдержанно.

— Джо... позвал меня. Он сказал, что ты... что ты... просила меня прийти? — запнувшись, выдавила Кэролайн.

Сорока кивнула и улыбнулась было, но тут тело ее содрогнулось, и она крепко стиснула зубы, от чего лицо ее стало свирепым.

— Скажите, что делать? Я ведь не знаю, что нужно, — испугалась Кэролайн.

Белое Облако, быстро сказав что-то на языке понка, протянула Кэролайн деревянный ковшик, наполненный дождевой водой, и чистое полотенце. Старуха сама окунула ткань в воду, затем приложила ладонь ко лбу и указала на Сороку. Понимающе кивнув, Кэролайн опустилась на колени рядом с роженицей и прохладной водой отерла ей лицо. Сейчас она опасалась только, как бы Сорока, оказавшись так близко, не выведала каким-то образом тайны ее измученного сердца.

В полутьме Белое Облако завела тихую монотонную песню, которая успокаивала и умиротворяла. Кэролайн она убаюкала настолько, что она уже не представляла, сколько времени она провела здесь — прошло ли несколько часов или минут... или дней. Слова были неразборчивы и, по-видимому, просты. Кэролайн казалось, что песня напоминает протяжные завывания теплого ветра прерии, заунывные и одинокие. Каждый раз, как начинались схватки, Сорока выгибалась от боли, закатывала глаза и скрипела зубами. Она казалась дикой и свирепой, как кошка, но ни разу не вскрикнула. Схватки повторялись все чаще, снаружи сгущались темнота. Белое Облако все пела, помешивая резко пахнущее питье, которое она по чайной ложечке давала пить Сороке. Потом Сорока издала низкий горловой звук, похожий на сдавленный рык, и ребенок, появившись на свет, сразу оказался на руках у стоявшей наготове Энни. Белое Облако оборвала песню пронзительным радостным кличем, сморщенное лицо расплылось в широкой улыбке, она засмеялась. Кэролайн тоже улыбнулась от облегчения, но, когда Энни поднесла извивающегося скулящего младенца его матери, сердце у нее защемило так, будто в него воткнулась острая заноза, да там и застряла. К глазам подступили слезы, и, чтобы скрыть их, она поскорее отвернулась. Там, в темном углу землянки, она увидела шпоры с кожаными ремнями. Кэролайн смотрела на них, и заноза проникала в сердце все глубже.

Прошло два месяца, малыш рос крепким и просто прелестным. Ему дали имя, означавшее на языке понка «старший сын, первенец», однако все, включая родителей, звали его Уильямом. Привязанный к спине Сороки, он разъезжал по ранчо, взирая на мир с выражением легкого изумления в круглых глазах. Там он и спал, мягким комочком, пуская слюни на подбородок, и не мешал Сороке, вернувшейся к выполнению своих обязанностей по дому. Она быстро оправилась

после родов, и ребенок, казалось, совсем не обременял ее. Стужа, как и летний зной, никак не отражалась на настроении индианки. Она являлась в дом, замотанная в толстое, украшенное яркими узорами одеяло, с покрасневшими на морозе смуглыми щеками и блестящими, как агатовые бусины, глазами.

Хотя держать на руках Уильяма было мучительно больно, Кэролайн часто просила дать его ей. Она как будто прикасалась к ранке или ощупывала кровоподтек. Она качала ребенка на сгибе руки, баюкала. Мальчик был тихим, спокойным, не плакал при виде незнакомого лица. Иногда его взгляд казался вполне осмысленным, и тогда сердце Кэролайн таяло, а засевшая в нем заноза саднила меньше. Ребенок озадаченно хмурился, слыша ее голос, уморительно кривил рот и жмурился, когда его одолевал сон, или удивленно округлял глаза, рассматривая ее веер из павлиньих перьев. Зато с каждым разом становилось все больнее и мучительнее отдавать его счастливой матери. Только одно доставляло Кэролайн еще более невыносимые страдания: смотреть, как ее муж, вернувшись домой, самозабвенно возится с малышом. Загорелые руки Корина казались неправдоподобно громадными рядом с крохотным телом ребенка, он щекотал его, гримасничал и дурашливо ухмылялся, если в результате ему удавалось рассмешить Уильяма. Каждый раз, добившись своего, он победно смотрел на жену, приглашая ее разделить с ним восторг, но Кэролайн было слишком трудно радоваться, хоть она и чувствовала, что нужно улыбнуться. Смотреть, как Корин любит это дитя, дитя, рожденное не ею, было почти непосильно.

Уильяма не крестили, и Кэролайн удивлялась этому, хотя и понимала причину. Она заикнулась как-то об опасности, грозящей душе некрещеного ребенка, но Сорока лишь рассмеялась в ответ на ее робкие слова о том, что неплохо было бы мальчику все-таки пройти обряд, хуже ему от этого не будет.

— О нем заботятся наши предки, миссис Мэсси. Вам не о чем волноваться. — И она сверкнула белыми зубами.

Кэролайн стало неловко, и она поспешила закончить разговор. Вместо этого она предложила устроить торжественный обед в честь Уильяма, на что Сорока согласилась. Кэролайн разослала приглашения соседям, но Энджи Фоссет оказалась единственной, кто откликнулся на предложение поздравить индейского младенца с появлением на

свет. Она приехала на своей рослой лошади с седельными вьюками, набитыми пеленками, ползунками и прочими детскими вещичками.

— Сама-то я решила остановиться на трех детях, так что все это мне теперь без надобности, — объявила она Сороке.

Кэролайн за неделю до торжества послала Хатча в Вудворд за подарками, которые она заказала для Уильяма от себя и Корина. Каждый следующий дар Сорока принимала со все нарастающим смущением, и атмосфера заметно накалилась.

— Миссис Мэсси... это слишком много, — повторяла Сорока в смятении.

Энни и Белое Облако обменивались взглядами, значение которых Кэролайн не могла расшифровать.

— Боже, какие прелестные вещички! — восклицала Энджи.

— Конечно, — улыбнулась Кэролайн, преодолевая неловкость, — такому прелестному малышу и вещи подобают под стать.

Но на миг ей показалось, что ее вот-вот выведут на чистую воду, что все слышат, о чем она сейчас думает: что все эти дары она хотела бы принести своему ребенку, а не сыну Сороки. Склонившись над спящим в коляске Уильямом, она, желая скрыть замешательство, погладила одним пальцем его сморщенное личико. Но от этого стало только хуже. Щеки у нее пошли красными пятнами, дыхание перехватило.

— Кто хочет пирога? — спросила Кэролайн сдавленным голосом, вставая, и вышла на кухню.

Вторая зима в прерии оказалась для Кэролайн еще более тяжелой, чем первая. Сидя дома в четырех стенах, она чувствовала себя узницей, заключенной в тюрьму с Сорокой и Уильямом, которые неотступно, день за днем, напоминали ей о ее собственной несостоятельности. Кэролайн наблюдала за Мэгги, вернувшейся к обычной жизни, видела ее всегдашнюю веселость и то, с какой легкостью она справляется решительно с любой работой. Но из всего этого Кэролайн сделала лишь один вывод: самой ей никогда не привыкнуть к жизни здесь, прерия никогда не станет для нее родной, как для молодой индианки. Она никогда не сможет чувствовать здесь себя так же непринужденно, не приживется, не расцветет и не пустит корни, а будет сохнуть да мотаться бесцельно, словно перекасти-поле.

Ей становилось все труднее поддерживать разговор с Сорокой, петь ей, рассказывать истории, как бывало раньше. Слова застревали в горле, и Кэролайн боялась, что даже искреннее восхищение Мэгги и Уильямом однажды выйдет из ее уст окрашенным этой неизбывной тоской и может прозвучать фальшиво.

Хатч, заходя в дом выпить кофе, деликатно пытался вызвать ее на разговор, уговаривал снова заняться верховой ездой, делать хоть что-то, лишь бы не сидеть все время взаперти. Кэролайн в ответ бодро уверяла, что прекрасно себя чувствует, да и вообще все в порядке, так что старшине ковбоев ничего не оставалось, как удалиться, бросив на нее напоследок заботливый взгляд. Когда тоска становилась непереносимой, Кэролайн, собрав все свое мужество, выходила из дому. Ветер обжигал кожу, с неба вместо дождя изливался ледяной ужас, а потом она часами не могла согреться, как бы близко ни садилась к раскаленной плите. Однажды утром она разбила ледяную корку в резервуаре с водой и, когда холодные капли обожгли ей руки, вспомнила теплое озеро, где они плавали в свадебном путешествии. Кэролайн долго стояла, вглядываясь в темную глубину резервуара, прикованная к месту охватившим ее отчаянием.

По ночам Кэролайн и Корин часто лежали без сна и прислушивались к завывающему за окном ветру, слишком громкому, чтобы не обращать на него внимания. В одну из таких ночей муж, прижавшись к ней под одеялом, лениво чертил пальцем какие-то знаки у нее на руке, что одновременно и успокаивало, и возбуждало Кэролайн. Как дорог был ей запах его кожи, такой земной, крепкий, даже немного звериный после целого дня работы в тяжелой одежде. Кэролайн обняла Корина, ухватилась за него, как утопающий хватается за край плота, и плотно закрыла глаза. Ей казалось, что дом вот-вот оторвется от земли, подхваченный очередным бешеным порывом, и ветер унесет их неизвестно куда. Этот дом — просто иллюзия, думала она, хрупкая скорлупка между ними и бушующей стихией, он может исчезнуть, разрушиться в мгновение ока. Но пока с ней Корин, говорила она себе, пока он здесь, с ней, она наверняка, все сумеет выдержать. Казалось, муж почувствовал ее страх, потому что заговорил с ней ласково, успокаивая. Таким тоном — она сама слышала — он разговаривал с пугливыми лошадьми. Голос Корина звучал умиротворяюще и очень тихо, так что Кэролайн приходилось

напрягать слух, чтобы расслышать слова за завываниями урагана. Слова звучали спокойно и ритмично, как волны, как капель, то ли наяву, то ли во сне.

— Думаю, нам бы нужно позаботиться о Белом Облаке и Энни, хоть я и понимаю, что индейцы привыкли к такой жизни, рождены для нее, что они сильнее нас. И все же не хотелось бы мне, чтобы в такую ночь, как сегодня, между мной и ветром не было ничего, кроме шкур. Хатч мне как-то рассказывал про большой падеж зимой восемьдесят седьмого, это было еще до того, как я переселился на запад. Тогда мы с тобой еще оба жили в Нью-Йорке, хоть и не были знакомы. Каждый раз, когда мне казалось, что зима уж очень сурова, каждый раз, когда я заикался о холоде, Хатч мотал головой и говорил, что это ни в какое сравнение не идет с большим, падежом. Целые стада тогда замерзали прямо там, где стояли. Загонщики скота погибали на выгонах, и их не могли найти до самой весны, пока не стаял снег и не открыл их — уже высохших. Они сидели прямо, подтянув колени к груди, в такой позе их и заставала смерть — они пытались согреться. Скотина вся отошчала и ослабела, потому что лето перед этим выдалось засушливое, травы уродилось мало, им нечего было есть. Вот они и гибли прямо в гуртах. А телята погибали, еще не родившись, коровы теряли их, потому что и один рот трудно было прокормить, что уж говорить о двух. А сам Хатч лишился трех пальцев — двух на правой ноге и одного на левой. Он был в седле, когда попал в метель. Такая круговерть началась, что он едва различал уши своей лошади. Он гонял стадо с места на место, заставлял скот двигаться, чтобы не простудиться и не замерзнуть насмерть. А когда в конце дня спешил, то не чувствовал ног, не говоря уж о пальцах. Он рассказывал, что смог снять сапоги только на третий день, а ступни к тому времени распухли и почернели. Он как это увидел, так кровь и застыла в жилах. И это все правда — я сам видел, пальцев у него на ногах и впрямь не хватает. Вьюги были такие, которых ему не доводилось видеть ни раньше, ни потом. На всем протяжении от Мексики до Канады. И я вспоминаю — а может, и ты помнишь? — однажды зимой совсем пропала говядина. Ты-то тогда совсем малышкой была, а я вот помню, вообще не было говядины во всем Нью-Йорке. Наша повариха с ног сбивалась, стараясь раздобыть мяса, но ничего не могла поделать. И откуда бы ему взяться, если бедные животные лежали тут, замерзая под снегом? Так что эта буря,

этот ветер — все, как говорит Хатч, сущая ерунда, моя радость. Сейчас прерия ласкова с нами, Кэролайн. И мы в тепле, разве не так? И в безопасности. А как же иначе, если мы с тобой есть друг у друга?

Так он говорил и говорил в ту бурную ночь, пока градины свинцовой дробью стучали о крышу. Кэролайн балансировала на краю сна, вслушиваясь в его слова и ощущая в своих ногах мертвенный холод, стоивший Хатчу пальцев, у нее ныло сердце от боли за погибших ковбоев, подтягивавших колени к груди где-то там, среди ветров «ласковой» прерии.

Весна 1904 года, казалось, одарила детьми всех и вся. Кобылы обзавелись голенастыми жеребятками, и те бегали за ними по пятам. Куры расхаживали по двору в сопровождении пушистых цыплят. Даже собачка, принадлежавшая чернокожему повару Руку, маленький жесткошерстный терьер, после нечаянной встречи с вудвордским бродячим псом неопределенного происхождения разродилась целым выводком тупоносых щенков. Погода снова поворачивала на тепло, дни становились длиннее. Вода больше не замерзала, не было града и пронзительных северных ветров. Озимые пшеница и сорго дали бледно-зеленые всходы, и на расхрабрившихся вишневых деревцах Кэролайн наконец появились редкие цветочки. Но сама Кэролайн, как ни старалась, не могла стряхнуть с себя ни бремени несбывшихся надежд, ни страха перед открытыми пространствами, так любившимися ее мужу.

Ясным воскресным вечером они сидели на веранде, после того как приглашенный странствующий проповедник провел службу для всех обитателей ранчо. Кэролайн смотрела на умиротворенное лицо мужа, слегка покачивавшегося на своем стуле, и ей казалось, что их разделяют сотни миль.

— Что ты читаешь? — наконец обратился Корин к жене, заставив ее испуганно вздрогнуть, так как ей казалось, что он дремлет, прикрыв лицо свежим номером «Вудвордского вестника». С улыбкой она приподняла книгу, чтобы видна была обложка. — Как, опять «Виргинца»? И не надоело тебе его перечитывать?

— Немного. Но это одна из моих любимых книг, так что до тех пор, пока ты не отвезешь меня в город за новыми книгами... — Кэролайн развела руками.

— Хорошо, хорошо. Отправимся в город на следующей неделе, согласна? Сразу, как только Пролеска ожеребится. Да ты ведь и сама всегда можешь съездить, если не хочешь меня ждать, а? Никто там тебя не обидит...

— Этого ты не можешь знать наверняка! Я лучше дождусь тебя, — перебила Кэролайн. Ей претила сама мысль о том, чтобы в одиночку ходить по Вудворду.

— Ну, тогда решено, — повторил Корин, снова закрываясь газетой. — А почитай-ка мне немного вслух. Хочу понять, что ж в этой книге такого особенного.

Кэролайн посмотрела на страницу, которую читала. Ничего особенного в ней нет, подумала она. Ничего, кроме героини. Молли Вуд, утонченная и цивилизованная женщина с Востока, избрала для себя такую же жизнь, обрела счастье в глуши, была способна замечать красоту там, где Кэролайн ее не видела, и понимала своего мужчину так, как Кэролайн не удавалось. Она листала страницы, как будто где-то в книге таился секрет, как будто книга могла научить ее быть счастливой, полюбить Запад, радоваться здешней жизни, стать ее частью. Но в отрывке, который она читала сейчас, речь шла о том, как Молли Вуд собирается уехать, мрачный эпизод, предшествовавший счастливому для героини концу. Потому Кэролайн заколебалась, читать ли его вслух, но потом села прямо, с ровной спиной, как ее учили, а книгу подняла высоко перед собой, чтобы голос не звучал сдавленно.

— *Молли пожинала сейчас плоды нанесенного ей Виргинцем, визита. Он объявил, что скоро дождется своего часа и тогда явится за ней. Услышав о его решении, она решила бежать. То было бегство от собственного сердца. Она была не настолько уверена в себе, чтобы вновь оказаться лицом к лицу со своим могучим, неукротимым возлюбленным...*

— Ну надо же, какая драма, — сонно пробормотал Корин, когда Кэролайн закончила.

Она закрыла книгу и провела пальцами по обложке, обтрепанной и помятой от постоянного чтения.

— Корин? — неуверенно окликнула Кэролайн много позже, когда солнце уже катилось к западу. — Ты спишь?

— Ммм... — последовал вялый ответ.

— Скоро я вступлю в права наследства, Корин. Я знаю, что уже упоминала об этом, но... я никогда не говорила тебе о его размерах. Это очень много денег. Мы могли бы уехать куда-нибудь, в любое место, куда только захочешь... и тебе больше не нужно было бы так много работать...

— Куда-нибудь уехать? А зачем нам куда-то уезжать? — спросил Корин.

Кэролайн прикусила губу.

— Просто здесь... мы изолированы, так далеко от города! Мы могли бы... могли бы купить дом, хотя бы в Вудворде. Я бы проводила там какое-то время... Или давай переедем поближе, перенесем все ранчо ближе к городу! Я может быть, вступила бы в женский клуб...

— О чем ты говоришь, Кэролайн? Это невозможно, я не могу перенести ранчо ближе к городу! Скоту необходимы пастбища, а все участки ближе к городу давно уже выкуплены.

— Но тебе больше не потребуется разводить скот, как ты не понимаешь? Мы богаты, у нас есть деньги — много денег! — выкрикнула она.

Корин выпрямился и сложил газету. Потом поднял взгляд на жену, и та вздрогнула, увидев страдальческое выражение его лица.

— Если бы в жизни меня интересовали только деньги, я остался бы в Нью-Йорке. Родная! Эта жизнь — все, о чем я мечтал с тех самых пор, как отец мальчишкой взял меня в Чикаго, и там, на Колумбийской выставке, я увидел представление Буффало Билла Коди «Дикий Запад и лихие наездники всего мира»... Вот тогда я решил попроситься сюда с отцом: он искал свежих поставщиков. Я смотрел на этих наездников, гаучо и ковбоев, и понял — *вот оно!* Вот чем я хочу заниматься всю свою жизнь! Работа на ранчо для меня не просто работа... это моя жизнь, и здесь наш дом, и я даже думать не хочу о переезде или о том, чтобы жить где-то еще. А ты этого хочешь? Хочешь уехать отсюда и жить в другом месте? Может быть, где-то далеко от меня? — Когда он задавал этот вопрос, голос его неожиданно дрогнул, и Кэролайн, вскинув голову, потрясенно поняла, что видит слезы в уголках его глаз.

— Нет, что ты! Конечно нет! *Никогда* я не разлучусь с тобой, Корин, я просто...

— Что такое?

— Ничего. Просто подумала... может, я была бы... немного счастливее, будь у нас соседи и хоть какое-то общество. Более утонченное общество, чем здесь. И будь у меня в жизни больше впечатлений и радости, может быть, у нас появился бы ребенок.

Корин долго смотрел вдаль, в сторону загонов и, казалось, серьезно обдумывал услышанное. Решив, что разговор окончен, Кэролайн молча опустила в кресло и прикрыла глаза, огорченная до глубины души и измученная этой попыткой рассказать о своих страхах.

— Мы можем начать строительство. Можно потратить часть денег, чтобы отстроить дом вдвое больше этого, если захочешь. И найдем прислугу. Экономку, чтобы взяла на себя обязанности Сороки: Уильям растет, ей придется за ним присматривать... Можно установить электрический генератор. И водопровод! Самую настоящую ванную комнату для тебя, чтобы вода текла прямо из крана... Что ты на это скажешь? Так будет лучше? — спросил Корин с надеждой. Голос у него был несчастный, совершенно убитый.

— Да, возможно. Ванная — это было бы замечательно. Давайждемся, пока придут деньги.

— И очень скоро я отвезу тебя в город! Мы можем остаться там на ночь, а то даже и на пару ночей, хочешь? Накупим тебе столько книг и журналов, сколько сможем увезти, а мне, кстати, нужно заглянуть к Джо Стоуну за новыми шпорами. Ну и дурень же я, ухитрился сломать новые шпоры, а свою любимую пару так до сих пор и не найду. И куда только я их засунул?

— Они у Джо и Сороки. В землянке, — тусклым голосом произнесла Кэролайн.

— Что? Откуда ты знаешь?

— Я видела их там, когда помогала принимать роды.

Ненавидя себя за это, Кэролайн все-таки жадно вглядывалась в лицо мужа. Она искала признаки испуга или замешательства, ожидала увидеть предательский румянец. Вместо этого Корин хлопнул себя ладонью по лбу:

— Господи, конечно же! Я ведь одолжил их Джо много месяцев назад! В тот день, когда мы гонялись за теми мерзавцами, что воровали скот, у него шпора слетела, вот я и отдал ему свои, потому что Потаскуха в тот день была спокойная, как ангел, а его мерин прямо

взбесился. Под конец я так умотался, что и думать забыл о шпорах — добраться бы до кровати да спать! Почему же ты сразу не сказала мне, что видела их, любимая?

— Дело в том, что я... — Кэролайн сбилась и умолкла, — просто забыла, вот и все. Родился ребенок, и я отвлеклась, разумеется...

Корин вскочил на ноги:

— Ах ты, умница моя, как же хорошо, что ты вспомнила! Пойду и заберу их прямо сейчас, пока мы оба снова о них не забыли. — Он улыбнулся ей и быстро зашагал прочь от дома.

Кэролайн смотрела ему вслед, а потом спрятала лицо в ладони — сколько же раз, начиная с рождения Уильяма, представляла она себе эти злополучные шпоры, увиденные в доме Сороки, сколько раз воображала, как страстный любовник поспешно и нетерпеливо сбрасывает их, чтобы скорее избавиться от досадной помехи и оказаться в укромном, прелюбодейном гнезде из расшитых одеял.

После предложения переехать в город и в преддверии второй годовщины их свадьбы Кэролайн все чаще замечала, что муж внимательно ее разглядывает — возможно, он искал признаки болезни или меланхолии. В таком случае он наверняка заметил, что она становилась все тише, заметно нервничала, вот только поделаться с этим ничего не мог. На все его расспросы Кэролайн улыбалась и уверяла, что с ней все хорошо. Она не сказала ему, что каждый раз, открывая входную дверь, чувствует, будто идет над пропастью и вот-вот упадет, покатится, исчезнет в зияющей пустоте прерии, где нет никаких сооружений, созданных рукой человека, ничего, за что можно было бы ухватиться. Кэролайн не рассказывала, что от одного взгляда вдаль ее сердце замирает, а потом стучит, бьется в груди так громко, что Сорока, должно быть, это слышит. Не говорила она и о том, как кружилась у нее голова под здешним небом, слишком необъятным, слишком огромным для нее. Единственное, что утешало ее, — возможность качать и баюкать Уильяма. Кэролайн любовалась мальчиком, дивилась его силе и настойчивости, с которой он тянулся к предметам, хватал ее пальцы и тащил их в рот. Прикосновения его тельца, казалось, заполняли темную дыру, зияющую где-то у нее внутри, и тогда Сорока, улыбаясь, радовалась выражению нежности на

ее лице. Но каждый раз Кэролайн приходилось отдавать ребенка матери, и тогда черная пустота возвращалась.

Растения в саду поникли: их задушили буйно разросшиеся сорняки. Неубранные овощи лопались и гнили под солнцем. Сорока согласилась взять на себя заботу о саде и огороде, но и она теперь посматривала на Кэролайн, слегка хмурясь и будто оценивая. Она настояла, чтобы Кэролайн наблюдала за уборкой овощей и подготовкой грядок к новым посадкам.

— Вы же должны сказать мне, что сажать, миссис Мэсси. Вы должны показать мне, где сажать, — уговаривала молодая женщина, хотя обе они прекрасно понимали, что Сорока не в пример лучше разбирается в подобных вопросах.

Кэролайн сомневалась, возражала, но на черноволосую индианку не действовали никакие ее доводы. Пока Мэгги копала и мотыжила землю, Кэролайн стояла возле дома в тени, держась обеими руками за грубые доски стен, будто находила в них единственную опору. Однажды Мэгги, ахнув, отскочила назад, когда вспугнула затаившуюся в сухой листве гремучую змею. Но затем она прикончила ее ударом мотыги и отбросила в сторону.

— Подумать только, что было бы, если бы белая леди поступила так же в саду Эдена! — со смехом крикнула она Кэролайн, которой чуть не стало дурно при виде этой расправы.

— Эдем, — шепотом поправила она. — Это был Эдемский сад.

Не сказав больше ни слова, Кэролайн быстро вошла в дом, не отрывая пальцев от стены.

Как-то вечером Кэролайн увидела, что Корин окликнул Сороку. Та, с привязанным на спине Уильямом, направлялась к землянке, где ей предстояло приготовить еще один ужин и заняться собственным хозяйством. Стоя у окна и не дыша, Кэролайн смотрела, как Корин подбежал к Мэгги и остановил ее, положив руку ей на плечо. Кэролайн изо всех сил пыталась услышать, о чем спрашивает индианку муж, ибо даже издали она прекрасно различала на его лице вопросительное выражение. Сорока отвечала с присущей ей сдержанностью. Ни жестов, ни выразительной мимики, по крайней мере такой, которую сумела бы прочитать Кэролайн. Когда Корин, отпустив индианку, повернул к дому, Кэролайн отпрянула от окна и начала раскладывать

по тарелкам еду, приготовленную для них Сорокой: густую похлебку из обжаренной кукурузы, толстые ломти ростбифа и теплый хлеб.

Что бы ни сказала Корину Сорока, услышанное его явно огорчило — это было очевидно. Кэролайн была обижена на индианку, но, подавая ужин, улыбалась. Ей хотелось успокоить мужа, сделать так, чтобы он не тревожился из-за нее, потому что не знала, что ей ответить, если он вдруг спросит, счастлива ли она. Когда они сели за стол, Корин сказал другое:

— Я все-таки считаю, родная, что тебе необходимо научиться ездить верхом и выезжать со мной, чтобы лучше познакомиться с землей, на которой мы живем. Ничто так не тешит мне душу, как быстрая езда по прерии, ветер в лицо, резвый скакун... — Но он оборвал себя на полуслове, потому что Кэролайн решительно затрясла головой:

— Я не могу, просто не могу, Корин! Пожалуйста, не проси меня — я пыталась! Лошади пугают меня. И они это знают — Хатч сказал, что животные понимают, что чувствуют люди, и не слушаются тех, кто их боится...

— Но Джо и Мэгги ведь тоже тебя пугали, пока ты с ними не познакомилась. И что же, разве ты по-прежнему их опасаясь?

— Нет... — нехотя признала Кэролайн. К Сороке она привыкла, это правда. Зато при виде Джо (он изредка заходил в дом поговорить с Корином или занести привезенный из Вудворда провиант) у нее до сих пор тревожно сжималось все внутри и ныло под ложечкой. Лицо его казалось ей свирепым, что бы ни доказывал Корин. Это было лицо жестокого дикаря.

— Ну вот, и с лошадьми будет точно так же. Та кобылка, на которой ты ездила, Клара. Это же ангел, а не лошадка, кроткая, как ягненок! А женское боковое седло, которое я тебе купил, валяется в углу, собирает паутину... Зима позади, погода становится лучше... Если бы только ты могла поехать со мной и полюбоваться этой божественной красотой, этой девственной природой.

— Я не могу, не могу! Прошу тебя, не надо на меня давить! Я хочу оставаться здесь, мне так лучше!

— Лучше? Полно, так ли? — спросил Корин.

Кэролайн помешивала ложкой суп в своей тарелке и ничего не отвечала.

— Мэгги тоже говорит, — продолжал он.

— Что? Что она тебе наговорила обо мне?

— Что ты не хочешь выходить из дому. Что все время сидишь дома, все время молчишь, а ей приходится брать на себя все больше работы. Кэролайн... я...

— Что? — снова переспросила она, страшась того, что сейчас будет сказано.

— Я только хочу, чтобы ты была счастлива, — с несчастным видом произнес Корин.

Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, и она ничего не видела в них, кроме правды, любви и нежности. Она ненавидела себя за подозрения, за мысли о том, что он ее предал, пренебрег ее бесплодным телом, чтобы зачать дитя с другой.

— Я... — начала было Кэролайн, но не могла придумать, что бы сказать. — Я тоже хочу быть счастливой, — шепнула она наконец.

— Так скажи мне, умоляю. Скажи, как мне сделать тебя счастливой! — воскликнул Корин.

Кэролайн промолчала. Да и что она могла сказать ему? Он сделал все, что только может сделать мужчина, чтобы подарить ей ребенка, а она не сумела, ничего не сумела. Он полюбил ее, взял в жены, предложил ей новую жизнь, и невозможно было просить его от этой жизни отказаться.

— Мы снова отправимся на озеро, будем купаться. Снова устроим медовый месяц! В ближайшее же воскресенье. Плевать на ранчо, плевать на дела — только я и ты, любовь моя. И на этот раз у нас получится ребенок, я это знаю наверняка, я просто уверен. Что ты сказала?

Кэролайн покачала головой, внутри у нее все дрожало. Слишком поздно, поняла она внезапно. Слишком поздно устраивать второе свадебное путешествие. Никогда больше она не поедет к тому озеру, по крайней мере не сейчас. Слишком все открыто вокруг, слишком страшно, здесь все пугает, вселяет ужас. Но что же остается? Что она сама может предложить взамен?

— Просто... просто пообещай, что никогда меня не бросишь, — наконец сказала она.

Корин обхватил ее обеими руками, крепко прижал к себе в тихом бессильном отчаянии.

— *Я никогда* тебя не оставлю, — прошептал он.

В первую жаркую июньскую ночь Кэролайн проснулась в темноте, прохладные струйки пота стекали у нее между грудей, собирались во впадинке на животе, от пота склеились волосы на лбу. Ей почудилось, что она одна, и не дома, а где-то в пустошах, как если бы прилегла отдохнуть тогда, по пути к ферме Муров, а проснулась только теперь. Ни дома, ни ранчо, ни людей, ни Корина. Она лежала тихо, неподвижно и слушала, как стучит в ушах кровь, слушала свое дыхание, и оно постепенно успокаивалось, затихало. По рукам побежали мурашки. Она оглянулась туда, где в просачивающемся сквозь ставни предрассветном свете виднелся надежный, успокаивающий силуэт Корина. Унылый вой койотов, как всегда, отдавался эхом в ночи, беспрепятственно разносясь на бесконечные, безграничные мили. Кэролайн прикрыла глаза, стараясь отвлечься, не обращать внимания на этот звук. Песня койотов проникала прямо ей в душу, пробуждала от страшного сна, от кошмара. Она вновь и вновь говорила ей о безжизненных просторах, окружающих дом, о пустынной, безжалостной земле.

И в этот миг Кэролайн вдруг с беспощадной ясностью осознала то, что было известно ей давно, но что она до сих пор отказывалась признавать: она живет здесь. Это ее муж, вот это и есть ее жизнь, и они такие как есть. Ничто не изменится, отсюда нельзя сбежать, Корин честно сказал ей об этом. И детей не будет. Вот уж два года, как они с Коринном вместе, а многочисленные попытки зачать ребенка ни к чему не привели. Она будет наблюдать, как Джо и Сорока растят свое потомство, думала Кэролайн, а свои дети у нее никогда не появятся. Это будет невыносимо. Если Мэгги снова понесет, то уже не сумеет целый день быть с ней в доме. Итак, навсегда одна в пустом доме, ведь Корин постоянно занят: он то продает или покупает скот, то отвозит новому владельцу чистокровную кобылу, то обсуждает цены на пшеницу в Вудворде. Пустой дом на этой пустой *земле*, навсегда, до конца жизни. *Я сойду с ума*, поняла Кэролайн. Она осознала это совершенно ясно и четко, как будто увидела подпись крупными буквами. *Я сойду с ума*. Громко вскрикнув, она резко села в кровати и заткнула уши, чтобы не слышать гулкой, наполненной звуками тишины.

— Что такое? Что стряслось? Ты заболела? — промычал Корин, с трудом стряхивая с себя сон. — Что с тобой, милая? Кошмар приснился? Скажи мне, прошу! — умолял он, хватая жену за руки, чтобы остановить удары, которыми она осыпала себя и его.

— Не могу... не могу... — всхлипывала она, задыхаясь и тряся головой.

— Да что? Скажи мне!

— Не могу больше... спать под вой этих *чертовых* койотов, которые не умолкают всю ночь! Угомонятся они *когда-нибудь*? Всю ночь! Каждую ночь! Я из-за них сойду *с ума*, говорю тебе, будь они *прокляты!* — выкрикивала Кэролайн, глаза ее были полны ужаса и отчаяния.

Корин обдумал услышанное, а потом улыбнулся.

— А знаешь, я впервые слышу, чтобы ты сквернословила, — заметил он, выпуская руки жены и отводя спутанные волосы с ее лица. — И должен сказать, получается у тебя просто блестяще, — продолжал он, ухмыляясь.

Кэролайн перестала плакать. Она смотрела на его улыбку в темноте, и странный покой снизошел на нее — страшная, безумная усталость взяла свое, и сон, подкравшись, как тать, одолел ее в считанные мгновения.

Наутро Корин ненадолго исчез куда-то еще до завтрака и вскоре вернулся, с таинственной улыбкой и веселыми искрами в глазах. У самой Кэролайн глаза отекли и чесались. В молчании она принялась готовить мужу завтрак, но пережгла кофейные зерна на сковороде, так что кофе получился горьким и мутным. Кэролайн разогрела вчерашнюю фасолевую похлебку и подала к ней плоские пресные хлебцы, но Корин проглотил все это с большим аппетитом. Не успел он закончить, с улицы раздался оклик. Открыв дверь, Кэролайн увидела Хатча и Джо на своих мышастых лошадях, с ружьями, закрепленными на седлах, и револьверами на бедрах. Джо держал под уздцы Потаскуху. Вороная кобыла тоже была оседлана.

— Разве вы сегодня куда-то едете? Я думала, вы собирались чинить изгороди, — проговорила Кэролайн тихим, севшим после ночной истерики голосом.

— Да вот, — ответил Корин, который, почти не морщась, разом допил кофе и уже выходил из дома, — возникло одно неожиданное

дело, вот и решил съездить кое-куда.

— Куда это вы направляетесь?

— Мы собираемся... — Корин вскочил в седло, — поохотиться на койотов. — Он усмехнулся: — Ты ведь права, Кэролайн, слишком много их расплодилось вокруг ранчо. Мы стали недосчитываться кур, а тебе эти твари мешают спокойно спать. Да и денек сегодня просто отличный, чтобы немного размяться!

С этим восклицанием он натянул поводья. Потаскуха встала на дыбы и радостно всхрапнула.

— О, Корин! — Кэролайн была тронута тем, как муж старается помочь ей.

Мужчины приветствовали ее, приподняв шляпы, а затем с гиканьем и топотом унеслись прочь, оставив после себя лишь следы на песке.

К обеду небо затянуло, с северо-запада наплзли плотные тяжелые тучи. Кэролайн и Сорока сидели за столом на кухне и лутили горох, а Уильям мирно спал у ног матери. Время от времени он переворачивался и пыхтел во сне, и тогда Сорока, глядя на него, улыбалась, а у Кэролайн заходило сердце. Сколько еще времени пройдет, думала она, прежде чем этот холод станет невыносимым и ее сердце откажется биться — и она лишится его, как Хатч лишился трех пальцев на ногах? Мэгги, видимо, почувствовала ее состояние. После долгого молчания молодая индианка заговорила:

— Белое Облако — очень мудрая женщина...

В тишине дома хруст лопающихся зеленых стручков и стук падающих в ведро горошин казались оглушительно громкими. Кэролайн ждала, что Сорока скажет дальше, не вполне понимая, как ей реагировать.

— Она умеет делать лекарства, — продолжила наконец Сорока.

Кэролайн подняла взгляд, и Сорока в ответ посмотрела на нее спокойными черными глазами.

— Вот как? — ответила Кэролайн, изо всех сил стараясь проявить любезность и изобразить интерес.

— В прежние дни, когда она жила со своими людьми, далеко к северу отсюда, многие понка ходили к ней за советом. Многие женщины ходили к ней, — значительно произнесла Сорока, подчеркнув это слово.

Кэролайн покраснела и поднялась, чтобы зажечь лампу, вечер был хмурым. Желтый свет засиял на черных косах и смуглой коже. Кэролайн почувствовала себя каким-то призраком, словно Сорока была реальной, а она сама не вполне. Не совсем из плоти и крови, не совсем настоящая. Даже лампа освещала ее по-другому.

— Ты думаешь... Белое Облако могла бы и мне помочь? — выговорила она с трудом, почти прошептала.

Сорока так ласково и сочувственно взглянула на нее, что Кэролайн, опустив голову, уставилась перед собой, на горошины, которые расплывались перед глазами.

— Я могу ее спросить. Хотите, чтобы я спросила? — улыбнулась Сорока.

Кэролайн не могла говорить, только кивнула.

Спустя какое-то время Кэролайн подошла к окну и увидела, что на землю падают первые капли дождя. Не яростная буря и не страшная гроза, а просто струи воды, отвесно падающие с неба. И ни дуновения ветерка. Кэролайн слушала, как капли стучат по крыше, как вода с журчанием льется по водосточным желобам, а оттуда в резервуар. Она не сразу поняла, отчего ей так тревожно. Дождь подбирался медленно, а пришел он с северо-запада, с той стороны, куда утром поскакали мужчины. Они не могли не видеть, как собирается дождь, как ползут из-за горизонта серые тучи. Дождь должен был накрыть их гораздо раньше, чем добрался до ранчо, а их до сих пор нет. Не стали бы они охотиться под таким ливнем, а сейчас уже и вовсе поздно. Сорока поставила на плиту жаркое из кролика и ушла к себе вот уже час назад. Стол накрыт, жаркое давно готово. Кэролайн потерла щеткой потемневшие от гороха пальцы, почистила ногти. Она стояла у окна, и с каждой каплей дождевой воды ее тревога росла.

Когда ей показалось, что она видит на горизонте всадников, дело уже было к ночи, и в сумерках почти не удавалось их различить. Только две шляпы, это она рассмотрела. Только два всадника, а третьего нет. Сердце заколотилось в груди — не быстро, но очень сильно. Ровные, медленные, мощные удары, они причиняли ей боль. Только две шляпы, а когда подъехали ближе, стало видно, что и лошади только две. А потом они совсем приблизились, и она разглядела двух лошадей мышастой масти и ни одной вороной.

Глава 5

Ведь я возрос
В огромном
городе, среди
мрачных стен,
Где радуют
лишь небо да
созвездья.

*Сэмюэль Тэйлор
Кольридж,
«Полуночный
мороз»^[18]*

На второй день Рождества я просыпаюсь от голосов на кухне, хлопотанья чайника на плите, журчания льющейся из крана воды и урчания водопроводной трубы, проложенной прямо в стене возле моей кровати. Эти звуки так живо напоминают мне детство, что на мгновение я замираю и лежу с головокружительным ощущением, что время повернуло вспять. Похоже, я проснулась последней, как оно всегда и бывало. Не успев проголодаться, все еще отяжелевшая после вчерашней сытной еды, я, набросив халат, поднимаюсь на чердак, достаю из чемодана Кэролайн костяное кольцо и несу его вниз. На лестнице я вдыхаю густой аромат кофе и жареного бекона, и в животе у меня бурчит от голода.

Семья, все четверо, уже за столом, который накрыт как полагается — тарелки и приборы, кружки для кофе и огромный кофейник, блюдо с беконом и яичницей, аккуратная горка тостов. Как мне все-таки нравятся эти родительские причуды! Самой бы мне в жизни не пришло в голову накрывать стол для завтрака и складывать тосты горкой вместо того, чтобы шмякнуть один себе на тарелку. Вот они, четыре человека, которыми я дорожу больше всего на свете, сидят за столом. Я на секунду прислоняюсь к дверному косяку и загадываю желание — хочу, чтобы так было всегда. Теплый пар в воздухе, посудомоечная машина, вздрагивая, совершает свой шумный цикл.

— А... Ты все-таки решила почтить нас своим присутствием, — сияет папа, наливая мне кофе.

— Не придирайся, папуль, еще только девять часов. — Зевнув, я не торопясь подхожу к столу, присаживаюсь на скамейку.

— А я уже выходил на улицу, чтобы натаскать хвороста, — хвалится Эдди, густо намазывая тост шоколадной пастой.

— Хвастунишка, — укоряю я.

— Эд, ты собираешься есть свой тост с нутеллой? — многозначительно спрашивает Бет.

Эдди подмигивает ей, откусывая большущий кусок, на щеках у него появляется шоколадная улыбка.

— Как спали? — спрашиваю я родителей.

Они заняли ту же спальню, что и всегда. Здесь такое множество комнат, выбирай, какую хочешь, а мы все, как послушные дети, расположились в своих, привычных.

— Прекрасно, Эрика, спасибо.

— Мам, смотри, вот эта штучка, о которой я тебе говорила, я нашла ее среди вещей Кэролайн... — я протягиваю ей кольцо, — рукоятка, по-моему, из кости или чего-то вроде того.

Мама вертит вещицу в руках, недоверчиво глядя на меня:

— Это не колокольчик, дурочка, это детское зубное кольцо. Да какое изящное. Это слоновая кость, не простая... а серебряный колокольчик служит погремушкой. Двойная функция.

— Зубное кольцо? Seriously?

— Очень старомодное, конечно, но это именно оно.

— Я недавно видел что-то подобное в «Турне антикваров», ^[19] — добавляет отец.

— Серебро и слоновая кость — ребенок, наверное, был богатенький, — замечает Эдди, прежде чем снова набить рот.

— Может, это Клиффорда? Ты не помнишь? — спрашиваю я.

Мама хмурится, напрягая память:

— Нет, должна признаться, оно мне незнакомо. Но я могла и забыть. Или... — Потянувшись назад, она достает с буфета семейное древо. — Смотрите, какой большой промежуток между тем, как Кэролайн вышла замуж, и рождением Мередит. Целых семь лет! Это довольно необычно. А вот моя тетька Эванджелина... она умерла, не прожив и года, бедняжка.

Мама указывает на имя, предшествующее Мередит на древе, на даты в скобках под ним, вызывающие сочувствие и жалость.

— Двое детей за семь лет — не так уж много. Возможно, у нее был еще и сын, еще до Мередит, который тоже умер, тогда кольцо могло принадлежать этому мальчику.

— Возможно. Но разве тогда он не был бы указан на фамильном древе, хотя и умер?

— Ну, необязательно. Например, если он родился мертвым или был недоношенным и не выжил... — Мама задумывается. — Я, кстати, знаю, что и Мередит потеряла ребенка до того, как родилась я. У родственников подобные вещи могут повторяться.

— А не можем мы поговорить за завтраком о чем-то другом? — тихо спрашивает Бет.

Мы с мамой с виноватым видом захлопываем рты. У Бет тоже был выкидыш на раннем сроке, Эдди появился позже. То был просто зародыш, комочек жизни, но когда внезапно его не стало, чувство было такое, словно погас маленький яркий огонек.

— Ну, так чем мы сегодня займемся? — спрашивает папа, подкладывая себе на тарелку омлет. — Мне хочется немного размять ноги, порастрастись после вчерашних излишеств.

— Чтобы освободить место для излишеств сегодняшних, да, Дэвид? — невинно спрашивает мама, заглядывая в его тарелку.

— Совершенно верно! — бодро соглашается отец.

День сегодня не такой пасмурный, но по небу деловито проносятся серые тучи, да и ветер холодный, пронизывающий. Мы решаем идти через деревню на запад, мимо каменной церквушки, угнездившейся на зеленом склоне и окруженной каменными надгробиями многих поколений покойников Бэрроу Стортон. В дальнем углу кладбища есть участок Кэлкоттов, и, не сговариваясь, мы двигаемся туда. На участке примерно два на два метра расположены мраморные таблички. Холодное ложе, где покоятся члены нашей семьи. Здесь и Генри, и лорд Кэлкотт, и Кэролайн, рядом с маленькой дочерью, умершей до рождения Мередит. Ее звали Эванджелиной. Теперь к ним присоединилась и Мередит. Совсем недавно, так что в небольшом медном кувшине еще сохранились цветы с похорон, а буквы ее имени, высеченного на камне, еще не стерлись. Невольно я ловлю себя на мысли, что она, быть может, хотела быть похороненной

отдельно или лежать рядом с мужем, Чарльзом, а не делить вечность с Кэролайн, но теперь слишком поздно. Меня пробирает дрожь, и я мысленно обещаю себе, что постараюсь ни за что не оказаться с ними в этой тесной могиле.

— Мне кажется, что, если у Кэролайн был сын, его похоронили бы здесь же, разве нет? — обращаюсь я к своим, нарушая молчание.

Бет шумно вздыхает и отходит туда, где Эдди обследует крытый двускатной крышей проход для вноса гробов. ^[20]

— Думаю, да. Наверное. Но кто его знает? Если он был совсем уж малюткой, его могли похоронить в какой-нибудь могиле для младенцев, — отвечает мне мама.

— Это что же за могила такая?

— Просто могила, но поменьше и с фигуркой ангела или херувимчика, — говорит она.

Отец бросает на меня косой взгляд.

— Осмелюсь заметить, у тебя вдруг проявился необычный интерес ко всему этому, — говорит он.

— Нет, я просто... ну, ты же меня знаешь. Не могу сидеть спокойно, если сталкиваюсь с нерешенной загадкой. — Я пожимаю плечами.

— Если ты так любишь тайны, боюсь, тебе нужно было родиться в другой семье.

— Эй, Эдди! — зову я. — Поищи-ка тут в окрестностях маленькие надгробия с ангелочками и с фамилией Кэлкотт!

Эдди салютует мне и рысцой пускается по проходам. Бет, сложив руки, поворачивается и смотрит на меня.

— Пожалуйста, прекрати ты эту погоню за мертвыми младенцами! — слышу я, хотя ветер уносит ее голос.

— Дай мне пять минут! — кричу в ответ.

— Может, и правда пойдем, Эрика? — беспокоится спрашивает мама.

— Пять минут, — повторяю я.

Я пробегаю глазами ряды камней с другой стороны от той, куда побежал Эдди, но все они кажутся мне одинакового размера.

— Иногда для младенческих могил отводится особое место. — Мамин взгляд устремляется в самый дальний угол кладбища. — Проверь-ка там, видишь? Под той березой.

Я торопливо шагаю туда, где ветер шумит как морской прибой и тербит обнаженные ветки березы. Всего здесь около пятнадцати или двадцати могил. На самых старых и впрямь видны маленькие херувимы с пухлыми ручками и лицами, источенными лишайником. Есть и два-три надгробия поновее, на них изображены плюшевые мишки, эти игрушки какие-то приземленные и кажутся здесь не вполне уместными. Но это, думаю, то самое место. Новорожденные, похороненные за пределами кладбища. Жизни, которые закончились, не начавшись, потери, разрывающие сердце родителей. Все эти сердца тоже погребены здесь, рядом с крохотными телами, которые их разбили. Грустное это место, и я, торопливо просмотрев имена и даты, иду, поживаясь, прочь от этого островка скорби.

Кладбища, могилы никогда не казались мне зловещими и не действовали угнетающе. Мне нравится читать слова любви на надгробиях, узнавать из них о людях, когда-то живших, бывших для кого-то родными. Кто знает, какие тайные чувства скрывают эти плиты с высеченными посланиями от родственников, детей, братьев и сестер, супругов, переживших свою половину, — а может, они и вправду испытывали к умершим только искреннюю любовь? Как бы то ни было, всегда есть надежда, что любая жизнь оставляет след и что-то значит для оставшихся, что незримый след чувств и воспоминаний тянется, постепенно растворяясь в веках.

— Ну что? — спрашиваю я у Эдди.

— Ничего. Нашел одного ангела, но под ним лежит леди семидесяти трех лет, и зовут ее Айрис Бейтман.

— Ну, можем мы теперь идти? — нетерпеливо интересуется Бет. — Если тебе так уж важно узнать, был ли у нее сын, обратись в архив и полистай записи регистрации рождений и смертей. Сейчас это можно сделать через Интернет.

— А что, если она была замужем *раньше*, в Америке? — примиряюще говорит мама и берет меня за руку. — Может, ребенок с фотографии там и умер... еще до того, как она сюда переехала.

К северу от поселка раскинулась сеть дорог для сельскохозяйственных грузовиков и пешеходных дорожек, петляющих в тускло-бурых зимних полях. Мы выбираем круговой маршрут и движемся в быстром темпе. Когда тропа сужается, разбиваемся на пары. Эдди притормаживает и идет рядом со мной.

Сегодня вечером ему уезжать. Я смотрю на его остроносую мордочку, взъерошенные волосы — и чувствую прилив нежности. На секунду меня охватывает такое неопишное чувство горечи, что я задумываюсь: каково же сейчас Бет? Эдди, будто прочитав мои мысли, заговаривает:

— С мамой все будет нормально? — Тон подчеркнуто нейтральный, безразличный, а ведь он еще совсем ребенок, когда только успел этому научиться?

— Конечно, — отвечаю я со всей уверенностью, на какую способна.

— Просто... когда папа приезжал меня забирать в прошлый раз, перед Рождеством, у нее был... такой несчастный вид. И она снова похудела. И иногда, как сегодня, она так раздражается на тебя, прямо бросается...

— Сестры часто цапаются друг с другом, Эдди. В этом нет ничего особенного! — Мой смех звучит фальшиво, и Эдди смотрит на меня укоризненно. Я перестаю ерничать: — Прости. Понимаешь, твоей маме... немного трудно снова оказаться здесь, в этом доме. Она рассказала тебе о завещании прабабушки? Что мы можем сохранить этот дом, только если поселимся в нем?

Эдди кивает.

— Вот, поэтому мы сюда и приехали. Осмотреться и решить, хотим ли мы здесь жить постоянно.

— Почему она его так ненавидит, этот дом? Из-за вашего кузена, которого похитили? Мама до сих пор так сильно по нему скучает, да?

— Возможно... Возможно, это как-то связано и с Генри. И вообще, это место — наше прошлое, и иногда я тоже странно себя чувствую, как-то это дико — приехать и жить в своем прошлом. Честно говоря, я думаю, мы вряд ли останемся здесь жить, но я в любом случае хочу уговорить твою маму побыть здесь подольше, пусть даже ей это не очень нравится.

— А зачем?

— Как бы тебе объяснить... — Я подыскиваю слова. — Ну, помнишь, один раз у тебя палец распух, как сосиска, и так болел, что ты не давал нам посмотреть, в чем дело, но лучше не становилось, так что мы все-таки его осмотрели и вытащили металлическую занозу?

— Как же, помню, конечно. Он выглядел так, как будто сейчас взорвется. — На лице Эдди появляется брезгливая гримаса.

— Когда мы вынули занозу, тебе стало легче, так?

Эдди кивает.

— Так и здесь, понимаешь... мне кажется, что у твоей мамы что-то вроде занозы. Не железной и не в пальце, конечно, а глубоко внутри, и поэтому ей пока не становится лучше. Я хочу эту занозу вытащить. Я собираюсь... выяснить, что она собой представляет, а потом помочь маме от нее избавиться...

Надеюсь, мой голос звучит достаточно спокойно и уверенно. На самом деле, я чувствую себя довольно гнусно. Если бы я верила в Бога, сейчас надавала бы кучу опрометчивых обещаний взамен на просьбу. *Сделай так, чтобы Бет было хорошо. Сделай ее счастливой.*

— А как? И почему тебе для этого нужно держать ее здесь?

— Потому что... мне кажется, что здесь она получила эту занозу.

Какое-то время Эдди молча переваривает эту информацию, озабоченно хмурясь так, что на лбу появляются морщины. Мне они страшно не нравятся.

— Надеюсь, у тебя получится, ты сумеешь раскопать, в чем тут дело, — наконец говорит он. — Ты разберешься, правда? И ей станет лучше?

— Обещаю, Эд, — отвечаю я.

И теперь я должна добиться своего. Я *не могу* допустить, чтобы мы с Бет уехали отсюда, не добившись хоть какой-то ясности. Данное мной обещание нешуточно, я чувствую на себе его тяжесть, будто кандалы.

Родители уезжают вскоре после обеда, а к пяти часам появляется и Максвелл, чтобы отвезти Эдди. Максвелл не в духе, на щеках красные пятна — результат неумеренности в еде и обильных возлияний. Похоже, он хочет что-то сказать, но не решается. Пока я переносу в багажник пакеты и сумки с подарками, Бет смотрит с таким мрачным видом, как будто я участвую в похищении ее сына.

— До свидания, Эддерино, — говорю я.

— Пока, *тетушка* Рик, — парирует Эдди, забираясь на заднее сиденье.

Он безропотно собрался и держится спокойно. Да и что ему нервничать, ведь все идет нормально — из одного места, где ему рады,

он отправляется в другое такое же. Он позволяет перемещать себя и делает вид, что не замечает страданий Бет. В этом есть, пожалуй, легкий, чуть заметный намек на жестокость, как если бы он хотел сказать родителям: вы сами это устроили, вот теперь сами и выкручивайтесь.

— Ты сказал Гарри, что уезжаешь сегодня? — спрашиваю я, заглядывая в окно машины.

— Да, но ты лучше еще раз ему скажи, если увидишь. Я не очень понял, внимательно ли он слушал.

— Идет. Позвони маме вечером, ладно? — Это я произношу, понизив голос.

— Ясное дело, позвоню, — бурчит он, внимательно изучая свои ладони.

Тускло светятся красным задние фары автомобиля, выезжающего на дорогу. Снова закапал дождь. Мы с Бет стоим и машем как ненормальные, пока машина не скрывается из виду. Тогда наши руки падают, почти синхронно. Ни одной из нас не хочется возвращаться в дом сейчас, когда все позади: Рождество, подготовка дома, угощения и развлечения для Эдди и родителей. Что же теперь? Ни жесткого графика, ни сроков. Ничто не подгоняет нас, не ведет, мы предоставлены самим себе. Искоса посмотрев на Бет, вижу, как капельки воды бисером собираются на распущенных ее волосах, обрамляют лицо. Я не могу заговорить с ней, не могу даже спросить, что она хочет на обед, обременить себя и ее даже такой простенькой мыслью о будущем. Кухня ломится от остатков праздничной трапезы, все надо доедать.

— Эдди просто замечательный, Бет. И ты молодец, это же твое произведение, — заговариваю я, чувствуя, что надо нарушить молчание. Однако во взгляде Бет скорбная ледяная стена.

— Я не уверена, сколько он взял от меня, — произносит она наконец.

— Все самое лучшее, — уверяю я, беру сестру за руку и стискиваю ее.

Она встряхивает головой. Мы разворачиваемся и идем в дом, совсем одни.

Когда она вот такая молчаливая, когда она вот такая бледная и застывшая, как изваяние, я вспоминаю, как она лежала в больнице. Не

я ее тогда обнаружила Я только слушала описания Эдди и рисовала эту картину в своем воображении. Она лежала на боку в своей спальне, согнувшись пополам, будто как сидела на кровати, так и соскользнула на пол. Ее лица он не видел, рассказывал Эдди. Его полностью закрывали рассыпавшиеся волосы. Он сказал, что не знает, долго ли простоял в дверях, не решаясь подойти к ней, потому что боялся убрать волосы и увидеть, что они скрывают — его мать или труп матери. Конечно, ему совсем не обязательно было вообще к ней прикасаться. Он мог просто позвонить в «Скорую помощь». Но он был еще совсем ребенком, маленьким мальчиком. Он хотел все уладить сам. Хотел дотронуться до нее — и обнаружить, что она просто крепко уснула, ничего больше. Какое же мужество он должен быть в себе найти, чтобы сделать вот это — подойти и убрать с лица волосы. Я так горжусь им, что даже больно.

Бет приняла большую дозу снотворного, а потом пыталась перерезать вены на запястьях коротким фруктовым ножичком, который я не раз видела у нее прежде, когда, например, она резала банан в мюсли для Эдди. Но, видимо, замешкалась. Она замешкалась, может, потому, что первый разрез — достаточно глубокий, чтобы испугать, но не настолько, чтобы причинить необратимый вред, — оказался куда более болезненным, чем она ожидала. А пока она колебалась и снова собиралась с духом, снотворное попало в кровь, начало действовать, и Бет потеряла сознание. Она неправильно разрешила запястье. Горизонтально, поперек вен и сухожилий, а не вдоль — сегодня любой самоубийца знает, что это более эффективно. Врачи назвали это криком о помощи, а не серьезной попыткой убить себя, но я была уверена, что они ошибаются. Я примчалась в больницу, ждала, пока ей промывали желудок. Напротив меня в коридоре было окно с незадернутыми жалюзи. Мое отражение смотрело на меня. В зеленоватом свете я сама себе показалась мертвой. Гладкие тонкие волосы, вытянутое лицо. Я бросила монеты в автомат, и тот выдал стакан великолепного какао для Эдди. Потом пришел Максвелл и забрал сына.

Когда Бет пришла в сознание, я вошла в палату. Пока я не увидела сестру, то даже не подозревала, что злюсь на нее. *Страшно* злюсь. Больше, чем когда-либо.

— Как же ты могла? А об Эдди ты подумала? — Таковы были мои первые слова. Вылетит — не поймаешь.

Медсестра с волосами песочного цвета смотрела на меня волком:

— Элизабет нуждается в отдыхе.

Это было сказано непререкаемым тоном, словно она лучше знала мою сестру, чем я. На подбородке у Бет красовался синяк, вокруг глаз и на щеках — лиловые впадины. *А я не нуждаюсь?* — хотелось ответить мне. Так оскорбило меня то, что сестра хотела меня бросить. То же самое я чувствовала в детстве, когда она убежала с Динни, только сейчас это было намного сильнее. Бет не ответила. Она заплакала, и мое сердце дрогнуло, а гнев мгновенно улизнул в образовавшуюся трещину. Я приподняла ее длинные свалявшиеся волосы и начала потихоньку распутывать колтуны.

Я давным-давно не разговаривала с тетей Мэри, а сама ей практически вообще не звонила. Это все еще трудно, но сейчас я завелась, и меня несет — лиха беда начало. Раз уж я взялась за это, должна разобраться, раскрыть давние тайны. Если не остановлюсь, рано или поздно доберусь до тех, кого ищу. Я чувствую себя не в своей тарелке и ерзаю в кресле, дожидаясь, пока в трубке зазвучит голос Мэри. Она всегда была тихой, как мышка, такой смиренной и невзрачной, что временами мы ее просто не замечали. Розовенькая, с очень светлыми волосами и глазами. Скромная блузочка всегда аккуратно заправлена в юбку. Удивительно было слышать ее крик, а она кричала в голос, орала и завывала, когда пропал Генри. Потом это прекратилось, и она стала еще тише прежнего, как будто израсходовала весь имеющийся у нее запас громких звуков. Голосок у нее тоненький и кажется мягким и непрочным, как намокшая бумажная салфетка.

— У телефона Мэри Кэлкотт... — Сказано это так неуверенно, будто тетушка сама в этом сомневается.

— Здравствуй, тетя Мэри, это Эрика.

— Эрика? О, здравствуй, дорогая. С Рождеством! Хотя, пожалуй, с этим я немного опоздала С Новым годом! — Ее слова звучат несколько скованно. Наверное, Мэри должна меня ненавидеть за то, что я жива и здорова, а Генри нет. За то, что я своим существованием не даю ей забыть.

— Тебя тоже. Как вы, надеюсь, все хорошо? Ты не приехала с Клиффордом за всякой всячиной, которую он захотел забрать.

— Нет, нет. Надеюсь, ты понимаешь, что для меня Стортон Мэнор — это... не самое привлекательное место. Не то место, о котором мне приятно думать и куда хотелось бы возвращаться, — деликатно произносит Мэри.

Но я понимаю ее. Говорить об утрате единственного сына в таких обтекаемых выражениях, как будто это было просто неприятное происшествие, о котором лучше поскорее забыть. Знаю, так о ней думать чудовищно несправедливо. Знаю, ей уже никогда не стать прежней цельной личностью.

— Конечно. — Я отчаянно пытаюсь найти тему для разговора — и не могу. — В общем-то, я вот почему звоню. Хочу расспросить немного о твоей работе над нашим фамильным древом, помнишь, в прошлом году... Если, конечно, тебя это не напрягает.

— О, правда?

— Понимаешь, я обнаружила фото Кэролайн, датированное тысяча девятьсот четвертым годом, сделано оно в Нью-Йорке...

— Ну да, это похоже на правду. Она, насколько я знаю, приехала в Лондон в конце тысяча девятьсот четвертого. Конечно, точную дату мы вряд ли узнаем.

— Да. Все дело в том, что на той фотографии на руках она держит ребенка, на вид ему полгода или чуть больше. Вот я и хотела спросить: вдруг ты знаешь, случайно, что бы это мог быть за младенец?

— Ребенок? Хм... Не могу представить. Быть такого не может.

— Кэролайн была раньше замужем... там, в Штатах? Просто то, как она держит малыша... это очень похоже на семейный портрет. У Кэролайн такой счастливый и гордый вид... Мне, знаешь, кажется, что это ее ребенок.

— Нет, нет, Эрика. Это просто невозможно. Погоди-ка, я загляну в папку. Минутку. — Я слышу шаги, скрип дверцы шкафа. — Нет. Вот здесь у меня копия ее свидетельства о браке с сэром Генри Кэлкоттом. Тут ясно сказано, в графе «семейное положение», что она была девицей. Представляешь, тут сказано «старая дева». Старая дева в двадцать один год! Не совсем уместная характеристика, верно?

— Может она... была разведена или еще что-то? — настаиваю я.

— Бог мой, да нет же. В то время и в таком возрасте подобные вещи почти не случались и, уж во всяком случае, огласке не предавались. И разумеется, о них не упоминали при заключении следующего брака. Ребенок наверняка принадлежал кому-то другому, я просто уверена.

— Да... Что ж, спасибо тебе большое.

— Что ты, не за что. Кэролайн всегда замыкалась, если ее спрашивали о жизни в Америке. Мы знали только, что она рано осиротела, близких родственников у нее не было и, вступив в права наследства, она приехала в Англию, чтобы начать все сначала. Замуж за Генри Кэлкотта она вышла почти сразу после знакомства с ним, возможно, потому — по крайней мере, мне так всегда казалось, — что была страшно одинока, бедная девочка.

— Да, похоже на то. Спасибо, что посмотрела для меня документы, и извини за беспокойство.

— Я рада была тебе помочь, Эрика. Я вот думаю — удобно ли попросить тебя прислать мне эту фотографию? Я бы добавила ее к семейному архиву, который собрала. В нем так мало ранних фотографий Кэролайн, да и вообще ее поколения.

— Видишь ли, собственно, мама уже попросила меня отдать ей все фотографии, какие найду. Но я уверена, она с радостью передаст тебе копии с них.

— Конечно. Хорошо, значит спрошу Лору, когда увидимся.

Повисает пауза. У меня язык не поворачивается попрощаться сразу, признав тем самым, что звонила исключительно по делу и не хочу с ней разговаривать. Нам так много нужно сказать друг другу, что говорить невозможно.

— Ну... как провели Рождество? — нахожу я тему. Слышу, как она вздыхает, будто собираясь с духом.

— Прекрасно, спасибо. — Мэри снова умолкает. — Знаешь, а я до сих пор каждый год покупаю подарок Генри. Клиффорд, разумеется, считает меня сумасшедшей, но ведь он никогда не мог понять, каково это — матери потерять свое дитя. Я не могу просто отодвинуть в сторону то, что произошло, и жить дальше как ни в чем не бывало, а у него это получилось.

— Что ты ему купила? — вырывается у меня прежде, чем успеваю остановиться.

— Книгу про BBC Великобритании. Новые футбольные бутсы, кое-какие DVD-диски... — Голос ее крепнет, чувствуется, что ей доставляло радость выбирать эти подарки. Подарки, которые она никогда не вручит.

Я не знаю, что сказать. Нелепо, конечно, но мне любопытно узнать, какого размера бутсы она приобрела — детские или на взрослого мужчину.

— А ты когда-нибудь вспоминаешь своего кузена, Эрика? Вспоминаешь хоть иногда Генри? — спрашивает Мэри торопливо, глотая слова.

— Конечно. Часто вспоминаю. Особенно сейчас, когда мы снова... вернулись сюда.

— Хорошо. Хорошо. Я рада, — произносит Мэри, и я недоумеваю, что она имеет в виду. Мне кажется, она чувствует, как воняет, смердит наше с Бет чувство вины.

— Так и нет никаких известий? О нем... о Генри? — задаю я идиотский вопрос спустя двадцать три года после его исчезновения. Но какой еще вывод можно сделать, узнав, что Мэри до сих пор покупает ему подарки? Только один: она ожидает, что в один прекрасный день ее сын вернется.

— Нет, — безжизненно отвечает она. Одно слово. Она не пытается добавить что-то еще.

— К нам на Рождество приезжал Эдди, — сообщаю я.

— Кто?

— Эдвард, сын Бет!

— А... да, конечно.

— Ему сейчас одиннадцать лет, столько, сколько... Ну, в общем, он неплохо провел здесь время, шастал по лесу, был совершенно счастлив.

— Знаешь, Клиффорд хотел второго. После того, как мы остались без Генри. Возраст еще позволял.

— О... — только и могу сказать я.

— Но я объяснила ему, что не могу. Как он себе это представлял — что мы можем просто заменить его, как потерянные часы? — Мэри издает странный сдавленный звук, который, как мне кажется, должен изображать смех.

— Нет. Конечно нет, — реагирую я.

Новая длинная пауза, новый протяжный вздох Мэри.

— Я знаю, вы никогда не ладили. Вы, девочки, и Генри. Знаю, он вам не нравился. — Ее тон вдруг меняется, становится натянутым, обиженным.

— Мы его любили! — лгу я. — Просто... просто Динни нам тоже нравился. И, как это бывает, приходилось выбирать между ними...

— А вам никогда не приходило в голову, что Генри... иногда дурно себя вел, потому что вы всегда избегали его, не принимали в свои игры и убегали с Динни? — спрашивает она.

— Нет. Мне... никогда не казалось, что он хочет с нами играть. Он никогда не давал понять, что хочет этого, — бурчу я.

— А я думаю, что ему этого хотелось. Я думаю, это ранило его чувства — то, что вы всегда убегали, не подождав его, — решительно возражает Мэри.

Я пробую представить себе нашего кузена в новом свете — пытаюсь взглянуть на его отношение к нам, к Динни, с этой новой стороны. Но у меня ничего не выходит. Все было не так, *он* был не таким. Меня захлестывает волна возмущения, но я, разумеется, сдерживаюсь, не произношу ни слова, и в телефонной трубке повисает тяжелое молчание.

— Извини, Эрика, мне на самом деле пора, — говорит Мэри на одном дыхании. — Было... приятно поговорить с тобой. До свидания.

Мэри вешает трубку раньше, чем я успеваю ответить. Это не выглядит грубостью или резкостью. Скорее это рассеянность, как будто ее внимание переключилось на что-то другое. За годы с тех пор, как не стало Генри, у нее появлялось много увлечений и проектов. Ковроткачество и акварель, гороскопы, собирание оттисков с мемориальных досок и англо-саксонская поэзия. Увлечение семейной генеалогией тянется дольше прочих, этим она действительно занялась всерьез. Я невольно задумываюсь — не потому ли, что это дает возможность снова и снова произносить его имя, ведь надо учесть, что Клиффорд запрещает ей разговаривать о сыне. *Генри Кэлкотт, Генри Кэлкотт, Генри Кэлкотт...* Узнать все, что можно, о его предках, о каждой его составляющей, каждой частичке, словно это позволит создать его заново.

Он мертв. Это для меня очевидно. Его не украли, не унесли. Это не он был на заднем сиденье машины на автомобильной стоянке в

Дивайзесе. Это не его тащил на плече таинственный бродяга на трассе А361. Я знаю это точно, потому что ощущаю. Ощущаю память о его смерти. Чувствую, что она как-то связана с Росным прудом, даже несмотря на то, чего я сама не видела. Это чувство сродни тому, как я «слышала» очертания Динни в темноте накануне Рождества. Мы были там, Генри тоже был там — и Генри умер. У меня есть... очертания этого. Нужно только заполнить этот контур красками. Но я застряла и буксую на месте. Не могу никуда двинуться, пока не заполню эту пустоту в своей голове, пока не вытащу занозу из Бет. Любая новая гипотеза уведет в другую сторону из-за недостающих фактов. А я больше не хочу недомолвок. Мне нужно докопаться до правды. И если нужно начать с 1904 года, чтобы добраться до нее, значит, так тому и быть.

Из кухонного окна я вижу Гарри, он маячит среди деревьев в дальнем конце сада. Дождь еще идет, даже сильнее прежнего. Гарри глубоко засунул руки в карманы рваненькой куртки, сутулый, промокший, какой-то жалкий. Не задумываясь, достаю остатки праздничной еды из холодильника и кладовой, отрезаю сочные куски от холодной индейки с обгорелыми голенастыми ногами. Мажу майонез на куски белого хлеба, укладываю между ними индейку и запикиваю все в бумажный пакет. Завернув все это в фольгу, я выхожу под дождь, накинув куртку на голову. Гарри не улыбается мне. Он неловко переминается с ноги на ногу, явно тяготясь и не зная, как быть. Дождь стекает с его дредов. Я чувствую запах его невымытого тела. Нерезкий, животный запах... странно, но он не кажется неприятным.

— Привет, Гарри. Вот, я принесла тебе кое-что перекусить. Это сэндвичи с индейкой, — говорю я и протягиваю пакет.

Он берет его. Не знаю отчего, но мне все время кажется, что он вот-вот заговорит, хотя и понимаю, что этого не может быть. Наверное, потому, что это так свойственно человеку, так привычно. Общаться с помощью шума.

— Эдди уехал, к своему папе, Гарри. Ты понимаешь, что я говорю? Его здесь нет, — объясняю я как можно мягче и терпеливее. — Знай я, когда Эдди снова приедет, сказала бы. Но я не знаю. Не знаю, появится ли он здесь вообще. Я ничего не знаю. — Его папа приехал сегодня и забрал с собой, домой, — втолковываю я.

Гарри бросает взгляд на сэндвичи. Дождь стучит по фольге с тихим металлическим звуком.

— Ну ладно, поешь хотя бы. — Я вкладываю пакет ему в руку. — Подкрепись.

Бет застаёт меня в кабинете. Я сижу с ногами в кожаном кресле. Забравшись на письменный стол, я достала с верхней полки атлас травянистых растений. Вместе с ним на меня обрушился душ издохлых мух, пахнуло минувшими жизнями. Сейчас большая, тяжелая книга лежит у меня на коленях, открытая на странице с изображением желтых «болотных флагов». Вот как называются эти крупные ирисы, мясистые, с зазубренными краями. Лепестки, обвисшие на длинных стеблях, и впрямь похожи на поникшие в безветренный день знамена. Я сразу узнаю их: болотные флаги.

— Дождь кончился. Не хочешь прогуляться немного? — спрашивает Бет. Он заплела косы, надела свежие джинсы и малиновый джемпер.

— С удовольствием. — Я не могу прийти в себя от изумления. — Конечно, пойдём.

— Что ты читала?

— Да так, смотрела атлас диких растений. Тут лежали три старые наволочки, в бельевом шкафу. На них вышиты желтые цветы, и я просто хотела вспомнить их название.

— И как же они называются?

— Болотные флаги. Это о чем-нибудь тебе говорит?

— Нет. О чем? Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного, может, ошибаюсь. Пойду надену резиновые сапоги.

Мы не уходим далеко, потому что на горизонте небо угольно-черное. Только спускаемся к поселку, а оттуда снова поднимаемся на курган. В окне паба я вижу девушку, принимавшую участие в вечеринке накануне Рождества. Я уверена, что не ошиблась. Она сидит у огня и как раз в этот момент берет полную кружку пива из рук мужчины, сидящего ко мне спиной. Из дверей доносятся зазывные ароматы дыма и пива, шум голосов, но мы идем мимо. Сегодня на улицах много местных жителей. Расходуют калории после пудингов и тортов. С нами здороваются, но я уверена, что никто нас не узнает.

Несколько лиц кажутся мне знакомыми, что-то отзывается в памяти, но сейчас я даже не пытаюсь понять, что именно. Мимо проезжает статная женщина верхом на лошади, в хвост которой вплетены серебряные нити мишуры.

Поднимаясь по рыжевато-бурой траве к кургану, спугиваем пару дюжин черных блестящих грачей, которые с важным видом расхаживали вокруг. Ветром их сносит в сторону, издали птицы похожи на рваные пробоины в небе. Бет берет меня под руку и чуть вприпрыжку шагает рядом.

— У тебя сегодня хорошее настроение? — осторожно замечаю я.

— Да. Я приняла решение.

— Правда? А что за решение?

Мы добрались до кургана. Бет, отпустив мою руку, в три прыжка взбирается на насыпь и, повернувшись, смотрит вдаль поверх моей головы.

— Я уезжаю. Не остаюсь, — сообщает она, театральным жестом раскинув руки. Это выглядит как-то по-детски. Бет глубоко вдыхает воздух и с шумом выпускает его.

— Что ты хочешь сказать? Куда уезжаешь?

— Домой, разумеется. Сегодня, но попозже. Я уже собрала вещи! — беспечно смеется Бет в радостном возбуждении. — Я поеду по *той* дороге. — И она, склонив голову набок, показывает на шеренгу высоких тополей, выстроившихся вдоль идущей через поселок дороги.

— Ты не можешь так со мной поступить! — Мысль о том, чтобы остаться в доме одной, наполняет меня неопишуемым ужасом. Легче, наверное, нырнуть на дно пруда и позволить, чтобы тебя засосал ил. Меня охватывает паника, в желудке спазм.

— А вот и могу. Зачем мне оставаться? Что мы вообще здесь делаем? Я даже не могу вспомнить, почему мы приехали. А ты?

— Приехали, чтобы... приехали, чтобы привести дела в порядок. Чтобы... решить, что нам делать дальше. — Я с трудом подбираю слова.

— Брось, Эрика. Ни одна из нас не хочет здесь жить. — Произнося это, Бет роняет руки вниз и вдруг искоса взглядывает на меня: — Ты этого не хочешь, ведь так? Ведь ты не захочешь жить здесь?

— Я пока не знаю!

— Но... ты не можешь этого захотеть. Это дом *Мереди*. Все в нем напоминает о *Мереди*. И кроме того, есть еще кое-что.

— Генри? — спрашиваю я. Она кивает, один раз. Коротко и резко. — Это *наш* дом, Бет. Теперь он твой и мой.

— Господи боже, ты хочешь остаться. Тебе правда этого хочется? — В ее голосе недоверие.

— Не знаю я! Не знаю. Может, не навсегда. На время, возможно. Я не знаю. Но умоляю, не уезжай, Бет! Не сейчас. Я еще не могу уехать и не могу оставаться здесь одна. Пожалуйста. Останься еще хоть ненадолго.

Бет, стоя на вершине кургана, сникает, будто из нее вышел воздух. Я сразила ее наповал. Некоторое время мы стоим молча. Я замечаю, что Бет бьет дрожь. Отсюда она кажется невероятно одинокой.

Наконец она спускается ко мне, глаза опущены.

— Прости, — заговариваю я.

— Ты сказала, что должна что-то доделать. О чем это? — Голос Бет звучит тихо, безжизненно.

— Я должна... выяснить, что здесь произошло. Мне необходимо вспомнить... — Это полуправда. Не могу же я рассказать Бет о ее занозе. Нельзя, чтобы она узнала, чем я сейчас занимаюсь. Она начнет изводить себя, а меня к себе не подпустит, совсем как Эдди с его распухшим пальцем.

— О чем вспомнить?

Я с недоумением гляжу на нее. Она не может не понимать, о чем я.

— О *Генри*, Бет. Я должна вспомнить, что случилось с Генри.

Теперь она пристально всматривается в меня, в глазах отражается хмурое небо. Бет изучает мое лицо, а я жду.

— Ты помнишь, что произошло. Не ври. Ты была уже довольно большой.

— Я не помню. Правда, — уверяю я. — Расскажи мне, пожалуйста.

Бет отворачивается, смотрит вниз, на крыши и трубы домов и дальше на восток, словно пытается туда перенестись.

— Нет. Я ничего тебе не скажу, — говорит она. — И никому не скажу. *Никогда*.

— Прошу, Бет! Мне необходимо знать!

— Нет! И если ты... если любишь меня, перестань спрашивать.

— А Динни знает?

— Да уж, *конечно*, Динни знает. Почему бы тебе его не расспросить? — Бет обжигает меня взглядом, в котором сквозит ледяное презрение. На мгновение, потом исчезает. — Но тебе и самой все известно. А если уж действительно не можешь вспомнить... значит, наверное, так лучше.

Сестра идет по гребню насыпи в сторону дома.

У Росного пруда Бет останавливается. Насколько мне известно, до сих пор она к нему не подходила. Она тормозит так внезапно, что я чуть не врезаюсь ей в спину. От ветра по воде бежит рябь, и поверхность кажется тусклой и некрасивой. Я ожидаю, что застану сестру плачущей, но глаза у нее сухие, взгляд жесткий. Скорбные морщины на лице стали глубже прежнего. Бет пристально смотрит вниз, в воду.

— Я так перепугалась, когда ты первый раз здесь плавала, — шепчет она так тихо, что я едва разбираю слова. — Думала, ты не сможешь выбраться из воды. Как тот ежик в пруду у нас дома, помнишь... тогда? Он все плавал, плавал по кругу, пока не выбился из сил, а потом взял да и утонул. Да еще нам в школе постоянно показывали такие видеосюжеты, чтобы мы не купались в речках и на карьерах. Еще я думала, что если вода не хлорирована, то в ней обязательно какая-то жуткая зараза — как будто злобная тайная сила, которая только и ждет, чтобы подкараулить и напасть исподтишка на маленьких детей.

— Я помню, ты тогда орала и завывала, как гарпия.

— Я за тебя переживала, — замечает Бет, еле заметно дернув плечом. — А теперь ты только и знаешь, что переживать за меня. Но только не сегодня. Ну *почему* я должна остаться? Ты же не можешь не видеть, что... мне вредно быть здесь!

— Нет, я... мне казалось, тебе это, наоборот, поможет. — Я заставляю себя произнести эти слова.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ее голос звучит мрачно.

У меня учащается пульс.

— То, что сказала. Ты не должна бежать от этого, Бет! Пожалуйста! Если бы только ты заговорила, рассказала мне...

— Нет! Я уже говорила, и не один раз. Ни тебе и никому другому!

— Но мне-то почему? Я твоя *сестра*, Бет, что бы ты мне ни сказала, я не стану любить тебя меньше... что бы я ни узнала, — говорю я твердо.

— Так вот, значит, о чем ты думаешь? Что я пытаюсь скрыть что-то недостойное, какую-то свою мерзость? — шепчет она.

— Нет же, Бет, так я *совсем* не думаю! Ты меня просто не слышишь! Но ты действительно что-то скрываешь — этого ты не сможешь отрицать. У меня нет от тебя секретов!

— У всех есть свои секреты, Эрика, — обрывает Бет.

Она права, и я отворачиваюсь:

— Все, чего я хочу, — сделать так, чтобы это место больше нас не мучило...

— Отлично! И я хочу того же самого! Так давай сделаем это — уедем отсюда.

— Это *разные* вещи, Бет! Посмотри на себя — с тех пор, как мы здесь оказались, у меня такое чувство, будто по соседству живет призрак! Ты... несчастна и хочешь, видно, остаться в таком состоянии навсегда! — Я почти кричу.

— О чем ты *говоришь*? — выкрикивает в ответ Бет, в ярости размахивая руками. — Это же *ты* настаиваешь, чтобы я оставалась тут, ты хочешь сделать меня несчастной! Я и приехала сюда только потому, что ты меня уговорила!

— Я добьюсь своего, я устраню то, что на тебя давит, Бет, что бы это ни было. И я точно знаю, это находится здесь. Оно здесь, в этом доме, — не уходи от меня! — Я хватаю сестру за руку, останавливаю.

Побледневшая Бет тяжело дышит и не смотрит мне в глаза.

— Если ты меня непустишь, я тебе не прощу. Не знаю, что я сделаю, — произносит она дрожащим голосом.

Пораженная, я выпускаю ее руку, хотя она явно говорила о другом. Мне страшно подумать о том, что она может сделать. Решимость моя тает на глазах, но я держусь из последних сил.

— Прощу тебя, Бет. Остайся здесь, со мной, пожалуйста. Ну, хоть до Нового года. Давай просто... попробуем разгадать, что бы это ни было.

— Разгадать? — горьким эхом откликается она. — Это не ребус, Эрика.

— Понимаю. Но мы не можем больше жить, как жили раньше. Нам дан *шанс*, Бет, у нас есть шанс все исправить и расхлебать наконец эту кашу.

— Бывают такие вещи, которые исправить невозможно, Эрика. Чем скорее ты это поймешь, тем лучше, — шепчет она. В глазах ярко блестят слезы, но вот она поднимает на меня взгляд, и я вижу в нем негодование. — Ничего уже не изменить!

Выкрикнув последние слова, Бет уносится прочь. Я немного задерживаюсь прежде чем пойти за ней, и только сейчас замечаю, что вся дрожу.

Оставшуюся часть дня мы играем в прятки. Дом всегда идеально подходил для этого. Косой дождь зарядил надолго, вода льется из труб, на лужах пузыри. Я привожу Гарри и наливаю ему кружку сладкого чая. Он сидит у кухонного стола и пьет с ложечки, как маленький. Вода с него натекла на пол, пахнет мокрой шерстью. Но я не могу отыскать Бет, чтобы предложить и ей чаю. Я не могу найти ее и спросить, что она будет на обед, не хочет ли выйти на прогулку и взять диск с фильмом — в автосервисе по дороге в Дивайзес есть пункт проката. Я воспринимаю это как свою обязанность — я должна помочь ей заполнить время, которое заставляю проводить здесь. А она растворилась в доме, прячется, как кошка, и напрасно я хожу из комнаты в комнату.

Генри однажды заставил ее просидеть взаперти несколько часов. Оставил ее одну, в ловушке. И снова втянул в это меня. Я, видимо, была совсем маленькой — Кэролайн еще была жива. В тот же день, но раньше, она выехала из своей комнаты на террасу. Кресло-каталка у нее было старомодное, плетеное, громоздкое, никакого серебристого металла, никакого пластика. Оно скрипело на ходу, поблескивали тонкие спицы, но Генри утверждал, что это скрипит сама Кэролайн, потому что слишком стара и высохла, как мумия. Я знала, что это чушь, и все же каждый раз, стоило мне услышать этот звук, невольно представляла себе, как трескается бумажная пересохшая кожа. Мне казалось, что ее волосы рассыплются в пыль, если их потрогать, что древний язык во рту скукожился и стал твердым как деревяшка. Нас никогда не заставляли целовать ее, если сами не захотим. Мама за этим следила, слава богу.

К тому времени Кэролайн уже совсем одряхла, но погода в тот день была прекрасная, и все были в доме — Клиффорд с Мэри, мои родители. Ее вывезли на каталке к столу, подали обед на подносе, который вдвигался в специальные пазы в кресле. Экономка подала суп в белой фаянсовой супнице в форме кочана цветной капусты, а на столе уже стояли картофель, салат и ветчина. Мне сделали замечание за то, что я макала пальцы в растопленное масло на дне блюда с картошкой. Мередит помогала Кэролайн, иногда просто кормила ее с ложечки, как ребенка. При этом Мередит сосредоточенно хмурилась, плотно сжав губы. Волосы у Кэролайн были совсем реденькие. Сквозь них просвечивала кожа, которая *действительно* напоминала бумагу. Она не участвовала в беседе за столом, а я сидела, уткнувшись в тарелку. Лишь однажды Кэролайн вступила в разговор, и, хотя голос оказался громче, чем я предполагала, слова выбирались на волю с трудом и скрипом.

— Этот человек, Динсдейл, еще жив? — Задав вопрос, старуха уронила вилку, как будто держать ее и одновременно говорить было для нее слишком трудно. Вилка громко брякнула, ударившись о плитки пола.

— Нет, мама, — ответила Мередит, а я вспыхнула, так как знала, что на самом деле в двухстах метрах от места, где мы сидели, живет множество Динсдейлов. Но я бы ни за что не заговорила за столом.

Кэролайн дрожащим высоким голосом издала тихий звук, который мог означать все что угодно. Например, удовлетворение.

— Однако его сын живехонек, — добавила Мередит.

— Неужели ты не можешь *избавиться* от него, девочка? — спросила Кэролайн, и то, что Мередит назвали *девочкой*, поразило меня так же сильно, как возмутил сам вопрос.

Генри, хихикнув, лягнул меня под столом.

— Ты ведь тоже не смогла, — возразила Мередит.

— Бродяги, — пробормотала Кэролайн. — Они должны были переехать. Должны были уехать отсюда.

— Они уезжают. А потом возвращаются, — буркнула Мередит, — и, как ни печально, я ничего не могу с этим поделать.

Кэролайн после этих слов затихла. Пауза была неестественной, она словно собиралась сказать что-то еще. Все за столом ждали, но старуха больше не промолвила ни слова. Мередит резким жестом

расстелила у себя на коленях салфетку и стала накладывать себе салат. При этом она продолжала хмуриться, сердито сдвинув брови. Когда я посмотрела на Кэролайн, она пристально глядела вдаль поверх лужайки, на дальние ели, как будто различала что-то сквозь них. Голова на тонкой шее тряслась, руки время от времени непроизвольно подергивались, но бледные глаза по-прежнему были устремлены в одну точку.

После обеда детей отправили спать: меня — как самую младшую, Генри — в наказание за то, что грубил за столом. Бет, таким образом, оставалась в одиночестве, ей не с кем было играть. Игру предложил Генри. Он спрятался первым, и мы долго искали, пока не нашли его на чердаке, скорчившимся за тем самым кожаным чемоданом, который я недавно обнаружила. Мы подняли пыль, и пылинки блестели и кружились медленным вихрем в лучах света. Я нашла бабочку павлиний глаз, попавшую в паутину и высохшую, как Кэролайн. Я кричала, что хочу прятаться, но Бет нашла Генри первой, значит, была ее очередь. Мы с Генри стояли на коленях у подножия лестницы и, закрыв глаза, считали.

Вряд ли в том возрасте я умела считать до ста. Я рассчитывала на Генри, и он считал, как обычно: *раз, два, три, пропуск, пропуск, девяносто девять, сто*. Прошло довольно много времени, я слушала, как экономка на кухне гремит посудой, а потом приоткрыла один глаз. Генри рядом не было. Я посмотрела вверх и увидела, как он спускается по лестнице. Он гаденько мне улыбнулся, и я потупилась. Я вообще инстинктивно отводила глаза всякий раз, как видела это выражение на лице Генри. Особенно если мы с ним оставались одни. Так было спокойнее. Сердце у меня в груди застучало быстрее.

— Еще не пора искать Бет? — наконец спросила я шепотом.

— Нет. Еще не пора. Я тебе скажу, когда можно будет, — ответил он. — А сейчас пошли, идем со мной.

Он говорил с фальшивой приветливостью, таким же ласковым голосом он подманивал лабрадоров, решив сыграть с ними какую-то свою шутку. Генри протянул мне руку, и я неохотно взяла ее. Мы пошли в кабинет, он включил телевизор.

— А сейчас пора? — снова спросила я. Что-то было не так.

Я метнулась к двери, но Генри, вытянув ногу, преградил мне путь:

— Еще рано! Я же тебе говорил — сиди, пока я не скажу, что можно.

Я ждала. Мне было не по себе. Телепередача меня не интересовала. Я поглядывала на Генри, на дверь, опять на него. Что такое время, когда тебе пять лет? Я терялась в догадках, но не представляла, сколько еще нужно дожидаться. Должно быть, прошло около часа, а мне показалось, что целая вечность. Когда дверь со скрипом отворилась, я подлетела к ней. Вошел мой папа, он искал Бет. При виде моего встревоженного лица он повторил вопрос. Генри пожал плечами. Мы с папой обошли весь дом, звали, кричали. Мы ее слышали из коридора верхнего этажа — она скреблась и тихонько плакала. Под следующим лестничным пролетом, ведущим на чердак, стоял буфет. В замочной скважине торчал железный ключ. Папа повернул его, поднял щеколду, и Бет вывалилась наружу, с измазанным грязью и слезами бледным лицом.

— Что здесь случилось? — Папа поднял ее на руки.

Бет душили рыдания, она с трудом могла дышать, а глаза смотрели в одну точку так, что мне стало страшно. Она как будто отгородилась от меня, от всего мира. Ужас заставил ее спрятаться внутри собственной головы. Буфет был тесный, весь в паутине, а выключатель остался снаружи. Генри выключил свет и повернул ключ в замке, пока я стояла с закрытыми глазами и думала, что он считает. Оставил ее одну в темноте с пауками, в такой тесноте, что она не могла повернуться. Я знала, что случилось, и рассказала папе, а он потребовал объяснений от Генри. Бет стояла у папы за спиной, необычно тихая. На коленках у нее виднелись светлые разводы от пыли, ладони были в ссадинах и царапинах. Волосы растрепались, а одна прядь вылезла из-под ленты и неряшливо торчала.

— Я здесь совершенно ни при чем. Я все время был внизу. Нам надоело ее искать, — пожимал плечами Генри, качая от волнения ногами, однако ему удавалось сохранять спокойное и невинное выражение лица.

Бет уже не плакала. Она смотрела на Генри с такой нескрываемой ненавистью, что меня это поразило.

Время послеобеденное, я наверху, сижу на подоконнике в своей комнате. От моего дыхания стекло запотело, и ничего не видно, но я

читаю, так что это неважно. Еще письма Кэролайн от Мередит. Удивительно, что Мередит все их сохранила — держала отдельно от вещей Кэролайн, словно свидетельство их странных взаимоотношений. Письма — собственность адресата, это я понимаю, но ведь Мередит могла бы уничтожить их после смерти матери, и я бы это поняла. Впрочем, возможно, она хотела сохранить их как память о том, ради чего они и были написаны, о том, что она пыталась жить по-новому, пусть даже потерпела неудачу.

Дорогая мама!

Благодарю тебя за открытку, которую ты прислала. О себе могу сказать только, что чувствую себя хорошо, насколько это возможно. Все время отнимают заботы о Коре, которая недавно начала ходить, и теперь мне постоянно приходится всюду бегать за ней, чтобы уберечь и не дать попасть в беду. Няня у меня превосходная, эта местная девушка по имени Дорин успокаивающе действует на ребенка, и на меня тоже, надо признать. Ничто, кажется, не может вывести ее из равновесия, а в наши тревожные дни это качество поистине заслуживает всяческих похвал. Я много думала над твоим предложением вернуться жить к тебе в Стортон Мэнор, но пока все же предпочла бы остаться в своем доме. Мне помогают соседи, которые уже доказали свое расположение тем, что поддержали меня в трудный час. У многих местных женщин сыновья и мужья сейчас воюют, и каждый раз, когда кому-то приходит страшное известие, остальные спешат на помощь и следят, чтобы в доме было что есть, дети были одеты и ухожены, и помогают жене или матери справиться с горем. Осмелюсь заметить, что хотя ты не одобряешь подобного смешения сословий, однако я была в высшей мере тронута подобным визитом, нанесенным и мне, когда стало известно о гибели Чарльза.

В прошлую пятницу я ездила в Кондон, чтобы забрать его вещи из клуба и с работы. Ты просто не поверишь, какую разруху и запустение я увидела в городе. От этого у меня внутри все застыло.

Итак, я останусь здесь, тем более что, хотя мне бесконечно больно доверять это бумаге, я еще не простила тебя, мама. За то, что ты не приехала на похороны Чарльза. Твое неприятие его в качестве зятя никогда не было так уж велико, а неприязнь к поездкам настолько сильна, чтобы заставить тебя воздержаться от приезда и таким образом нанести ему оскорбление. Это пренебрежение не осталось незамеченным среди наших знакомых. А как же я? Неужели ты не догадывалась, что я нуждалась в тебе, что в такой день мне необходимы были твои поддержка и помощь? Что у новоиспеченной вдовы может не хватить сил и стойкости? Пока я ограничусь сказанным. Мне необходимо привыкнуть к жизни без моего мужа и научиться заботиться о себе самой, маленькой Лоре и моем еще не родившемся ребенке. Не думаю, что на сегодняшний день ты или кто бы то ни было может требовать от меня большего.

Мерedit.

Не успеваю я дочитать, как раздается звонок в дверь. Слезая с подоконника, я морщусь от боли в затекших ногах. Я спускаюсь вниз, замираю, услышав, что Бет открывает дверь, после чего раздается голос Динни. Первое мое побуждение — скорее вниз, выбежать навстречу, увидеть его, разрядить обстановку. Да только ноги меня не слушаются. Я застываю на месте, держась за перила, и слушаю.

— Как дела, Бет? — интересуется Динни, и вопрос звучит более весомо, чем должен был бы в нормальной ситуации. Многозначительнее.

— У меня все прекрасно, спасибо, — отвечает Бет; что-то странное слышится мне в ее тоне, но я не могу понять что.

— Только... Эрика сказала, что ты...

— Что про меня сказала Эрика? — резко спрашивает она.

— Что ты была не рада возвращению. Что хотела уехать.

Я не слышу, что говорит на это Бет. Если вообще говорит что-то.

— Можно мне войти? — Судя по голосу, Динни нервничает.

— Нет. Я... Мне кажется, не стоит. Я... сейчас занята, — врет Бет, и я так явственно чувствую, как она напряжена, что у меня даже начинают ныть плечи.

— А... понятно. Ладно, вообще-то, я заскочил поблагодарить Эрику за детские вещи, которые она принесла Хани. Хани даже улыбнулась, когда я их принес, — просто удивительно.

Я улыбаюсь, слыша это, но не уверена, поймет ли Бет, какая это, видимо, редкость — улыбка Хани.

— О... хорошо... я ей передам. Или, если хочешь, позову ее... — чопорно произносит Бет.

— Нет, нет. Не нужно, — торопится Динни, и улыбка снова сползает с моего лица.

Снова молчание. Из открытой двери тянет сквозняком, холодный воздух добирается и до меня.

— Слушай, Бет... Мне нужно поговорить с тобой... о том, что случилось тогда. Есть кое-что, чего ты, по-моему, не поняла...

— Нет! — встревоженно перебивает Бет, повышая голос. — Я не желаю об этом говорить. Все в прошлом.

— Разве? А ты уверена? — мягко возражает он, и я, затаив дыхание, ожидаю ответа Бет.

— Да! О чем ты? Конечно, все в прошлом.

— Я хочу сказать, есть вещи, которые трудно выбросить. О которых трудно забыть. Мне, например, трудно...

— Значит, нужно как следует постараться, — ледяным тоном прерывает Бет. — Старайся лучше.

До меня доносится звук шагов по плиткам. Представляю, как Бет разворачивается, пытаюсь сбежать.

— Но все не так просто, понимаешь, Бет? — снова обращается к ней Динни, сейчас его голос обретает уверенность. — Раньше мы могли... мы, бывало, говорили обо всем, ты и я.

— Это было слишком давно.

— Знаешь, не надо пытаться, чтобы *все* было по-твоему, Бет. Не можешь же ты делать вид, будто ничего не произошло, просто умыть руки и откреститься от всего — от меня...

— *Я не желаю об этом говорить.* — Она чеканит каждое слово ледяным тоном.

— А ты уверена, что у тебя есть выбор? Есть кое-что, о чем тебе обязательно надо узнать. — Динни отвечает не менее твердо.

— Не надо, — молит Бет совсем другим голосом, упавшим, полным страха. — Прошу тебя, не нужно.

Долгая, тягостная пауза. Я не решаюсь перевести дыхание.

— Приятно было повидаться с тобой, Бет, — наконец нарушает молчание Динни, и снова это не кажется обычной, брошенной вскользь, вежливой репликой. — Я уж думал, этого никогда не случится. Ну все, до свидания.

— Нам не нужно было сюда приезжать. Я бы ни за что и не поехала, если бы не...

— И скоро уедешь, да?

— Да. Скоро. После Нового года.

— Так и будешь жить без оглядки назад? — Я так и чувствую горечь этих его слов.

— Да. — Голос Бет уже не так тверд.

От холодного воздуха меня пробирает дрожь, я умираю от желания узнать то, что знают они, вспомнить это.

— Ну, тогда я пошел. — Кажется, Динни признал поражение. — Поблагодари от меня Эрику. Надеюсь... надеюсь, мы еще увидимся, Бет, прежде чем ты исчезнешь.

Я не слышу, что отвечает Бет, только хлопок двери и неожиданный громкий вздох, как если бы тысячи невысказанных слов разом вырвались из ее груди, отозвавшись гулким эхом под высоким потолком холла.

Я еще какое-то время медлю на лестнице, прислушиваюсь к шагам Бет, входящей в кабинет. Слышу, как скрипит кресло, когда она резко садится в него, и больше ничего. Проще было бы, думаю я, выжать признание из этих каменных стен, чем из моей сестры. Расстроенная, я возвращаюсь на чердак, забыв о прежнем пиетете перед стариной, рывком поднимаю крышку красного чемодана и снова перебираю пожитки Кэролайн. Здесь наверняка должно найтись еще

что-то, что я пропустила. Какая-то подсказка, которая расскажет, кем был тот младенец на фотографии и что с ним стало. Которая объяснит мне причину лютой ненависти Кэролайн к Динсдейлам, настолько сильной, что из-за нее в душе не осталось места даже для любви к собственной дочери. Но вот я выгребла из него все, а ничего не прояснилось. Я прекращаю поиски и, присев на корточки, замечаю, как дрожат руки. Нагнувшись, я собираюсь положить на место один из бумажных свертков, как вдруг взгляд падает на что-то, чего я до сих пор не заметила. Бумага, которой оклеено дно чемодана, надорвана и в одном месте отошла. А под оторванной бумагой что-то спрятано, так что виден только уголок. Это конверт. Я вынимаю его, вижу, что он надписан не рукой Мередит. Сердце колотится, пока я читаю письмо.

Вскочив на ноги, я несусь в кабинет. Огонь в камине пожирает внушительное полено, распространяя жар.

— Бет! Я нашла кое-что! В вещах Кэролайн, — объявляю я.

У Бет напряженный вид. Она еще не простила меня за то, что я наговорила у пруда.

— Что там? — спрашивает она без выражения.

— Это письмо к Кэролайн, я нашла его за бумагой, которой обклеен ее чемодан, и оно очень древнее, написано еще до ее приезда в Англию. Ты только послушай!

Конверт очень маленький, бумага внутри совсем ветхая, чернила совсем выцвели и стали бледно-бурыми. Страницы в пятнах, надорваны и потертые — видимо, за долгие годы письмо не раз читали и перечитывали. Я разворачиваю их как можно аккуратнее — бумага того и гляди порвется на сгибах. Местами я едва различаю написанное, но этого вполне, вполне достаточно, чтобы подтвердить мою гипотезу.

— 22 апреля 1902 года, — читаю я. — *Душечка моя Кэролайн! Я получил твое письмо и страшно огорчился, узнав, что ты не получала моего — что ты, кажется, до сих пор не получила от меня ни одного письма! Уверяю тебя, я писал и пишу тебе почти каждый вечер. Я тут весь в хлопотах, еще многое предстоит подготовить в ожидании твоего приезда, потому что к вечеру я просто валюсь с ног, но клянусь, однако, что заботы не мешают мне постоянно думать о тебе. Нам сильно мешает весенняя непогода — позавчера прошел град величиной с мой кулак, таким можно убить человека! Этому дикому*

краю, любимая, отчаянно нужна нежная и ласковая женская ручка, которая бы его укротила! И я уверен, никаким бурям меня не испугать, когда ты будешь здесь, рядом с мной.

Прошу, не огорчайся из-за отъезда твоей тетушки — здесь ты обрешь дом и самую любящую семью! Я понимаю, тебя беспокоит, что расстанетесь вы с ней не по-хорошему, но наверняка... — Не могу разобрать, что тут дальше. Почти целый абзац неразборчиво, — объясняю я Бет. — Я заметил это, еще когда... Мне больно, что... Наберись терпения, уже совсем немного осталось ждать, любимая моя, ты и не заметишь, как мы будем вместе. Я уже наметил место рядом с домом, где разобью для тебя сад. Я ведь помню, ты, говорила, как бы тебе хотелось иметь сад. Так вот, у тебя он будет, твой собственный, ты сможешь посадить в нем все, что захочешь. Почва тут не очень плодородная, песчаная, но на ней много чего растет и цветет. И ты расцветешь здесь, родная моя, я это знаю. Сердце каждый день напоминает мне о тебе, я горюю, что тебя нет, и благодарю Господа, что скоро мы будем вместе... — Далее снова большой кусок, который мне совсем не удалось разобрать: тут пятно, похоже, он промок от чего-то...

Я обрываю себя, просматривая страницы до конца.

— И вот окончание: Жду не дождусь, когда я снова увижу тебя, и мое сердце наполняется радостью оттого, что скоро уже ты отправишься в путь. Не горюй, родная, осталось совсем немного, скоро мы будем вместе до конца наших дней. Всегда твой, К.

— Ну, что ты на это скажешь?

— Так она была замужем! — восклицает Бет.

— Похоже на то, хотя тут ничего не сказано про брак, но никакие другие объяснения мне в голову не приходят. Я не представляю, как иначе кто-то написал бы такое письмо — о том, что они начинают совместную жизнь, что у нее будет новая семья и все прочее.

— Куда она ездила? Что там на марке?

Я внимательно рассматриваю конверт:

— Ничего не разглядеть. Надписи, штампы — все стерлось.

— Как жалко. Может, она собиралась к нему, чтобы выйти замуж, но что-то случилось и помешало ей туда отправиться.

— А как же тогда ребенок?

— Да, правда. Значит, она потеряла и мужа, и ребенка еще до того, как приехала сюда. Сколько же лет ей тогда было?

— Двадцать один, по-моему. Она как раз вступила в права наследства.

— Как странно, и ничего об этом в ее брачном свидетельстве, ничего не было известно до сих пор! Поразительно, как все это могло быть забыто? — размышляет Бет.

Я пожимаю плечами:

— Кто знает? Если она с ним развелась, то хотела, возможно, сохранить это в тайне? Мэри сказала, что Кэролайн вообще не любила вспоминать свою молодость. Может, ей было что скрывать? А вспомни то письмо от тети Б., которое я тебе показывала, там упоминаются некие события в Америке и говорится, что их нужно в Америке и оставить. Она же явно опасалась какого-то скандала. Если бы ее муж умер, в брачном свидетельстве с лордом Генри было бы обозначено, что она вдова. Наверное, она от него сбежала. А если у нее к тому же умер ребенок, первенец, это может объяснить, почему она всегда была такой холодной, непроницаемой...

Бет неожиданно отворачивается.

Она не упомянула о том, что заходил Динни. Не передала его благодарность, и мне никак не выяснить, умышленно она так поступила или просто забыла, не признавшись при этом, что я подслушала их разговор. Но мне узнать не терпится. Просто невозможно удержаться, так хочется послушать, что ответит мне Бет.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

— Эрика, почему ты с таким интересом во всем этом копаешься? Зачем тебе все это знать? — Сестра смотрит на меня искоса, из тени своих длинных ресниц. Ее окружает оранжевый ореол от огня, горящего в камине.

— А тебе это не кажется интересным? Я хочу понять, почему... почему наша семья так ненавидит Динсдейлов. Ненавидела Динсдейлов, — поправляюсь я. — Хочу узнать, как Мередит стала такой жестокой и злобной, что ее так искорежило. Мне кажется, все это передалось ей от Кэролайн. И я просто хочу понять... *почему...*

— И думаешь, что ты только что нашла ответ?

— За что они ненавидели Динсдейлов? Нет. Я до сих пор понять этого не могу. Не может же это быть примитивным классовым

предрассудком — нет, здесь явно кроется что-то большее. *Крылось* что-то большее. Что-то очень *личное*. Кроме того, судя по письмам Мередит, она не придавала большого значения классовым барьерам — во всяком случае, во время войны. Но, по крайней мере, я, похоже, знаю, из-за чего Кэрлайн была такой... застывшей. Почему, как сказала мама, она никогда не любила Мередит.

— Потому что лишилась ребенка?

— Лишилась всей жизни, как мне кажется. Ты помнишь как в тот раз, на том летнем балу, когда Кэрлайн обозналась и решила, что узнала официантку?

— Ну и что?

— Интересно — за кого она ее приняла? И почему так испугалась?

Бет снова погружается в молчание и не отвечает, я не выношу, когда она вот так вдруг отгораживается.

— И к тому же эти проклятые болотные флаги не выходят у меня из головы! Я уверена, что должна вспомнить что-то, с ними связанное...

Бет меня уже не слушает.

— Лишиться ребенка... даже представить себе не могу, что это такое. Ребенок, у которого была возможность вырасти, стать человеком. И твоя любовь к нему год от года становилась бы все сильнее... просто не могу представить.

— Как и я.

— Нет, тебе нечего даже говорить об этом, Эрика, ты же не знаешь, что это за чувство, не представляешь, как сильна эта любовь, — говорит она с чувством, со страстью.

— Мало ли чего я не знаю, — огрызаюсь я обиженно.

Слышно, как в камине потрескивают дрова, все тише, потому что огонь угасает.

— Мы никогда не тосковали по Генри, — шепчет Бет, погружаясь в глубокую тень кресла, так что я не могу различить ее лица. — Мы видели, как его ищут, и наблюдали, как его исчезновение практически разделило семью. В общем... мы видели последствия... случившегося. Но мы никогда не *тосковали* по нему. Мы всегда были где-то с краю... на обочине этой беды. А ведь кому-то было больно...

— Трудно было бы нам по нему тосковать, Бет. Он был таким гадом, пакостником.

— Да, Генри был пакостником, и все же он был всего-навсего ребенком. Просто мальчишкой, Эрика. Совсем маленьким! Я не знаю... не знаю, как Мэри все это пережила, как она выжила, — продолжает Бет, и я чувствую, как у нее сжалось горло.

Я думаю, что Мэри и не выжила, во всяком случае — не полностью. На один жуткий миг я представляю себе Бет такой же, как Мэри. Бет, на двадцать лет старше, чем сейчас, такую же омертвевшую, опустошенную, какой стала Мэри. И все так и будет, если сейчас мне не удастся как-то ее исцелить. А что, если это ошибка, если я сделала неверный ход, притащив ее сюда, и только все испортила? Я молчу, потому что боюсь и не знаю, что сказать. Письмо к Кэролайн у меня в руках, невесомое, как перышко, нереально легкое. Слова давно ушедшего человека едва видны на бумаге, его голос тихим шепотом пробивается сквозь десятилетия и вновь стихает, угасая в прошлом. Я касаюсь пальцами буквы К, которой он подписался, мысленно обращаюсь к нему сквозь время, словно он может каким-то образом услышать меня и утешить.

Уже совсем поздно, Бет давным-давно ушла спать. Всего два дня прошло с Рождества, с тех пор как я последний раз виделась с Динни, а у меня внутри все равно твердеет сгусток тихого отчаяния. Если Бет не расскажет мне, что тогда произошло, значит, это придется сделать Динни. Ему придется. Это означает, что я должна буду задать ему вопрос. А я знаю, *знаю*, он не хочет, чтобы его спрашивали. За окном кромешная тьма, но я так и не задернула занавески. Мне это нравится — ночь передо мной как на ладони. По телевизору идет какой-то дурацкий фильм, но звук выключен, а я смотрю в камин, на умирающее пламя, и думаю, думаю... Никто кроме меня не слышит дикого завывания ветра, но меня утешает мысль о том, что сестра там, наверху. В этом доме так невыносимо одиноко. Без нее я бы не выдержала. Время от времени сверху на тлеющие угли падает капля дождя и, приземлившись, шипит. К каминной решетке приклеился обрывок оберточной бумаги от подарка, точнее, его серый призрак. В трубе крутится ветер, и обгоревший клочок полощется, как флажок на ветру. Я не могу оторвать от него глаз.

Как бы все сложилось, если бы Генри не пропал тогда? Может, Мередит не стала бы такой мегерой. А мама, возможно, не рассорилась бы с ней окончательно, доведенная ею до предела и утратившая способность терпеть и прощать. Клиффорд и Мэри продолжали бы приезжать и не были бы исключены из числа наследников. Я знаю, Клиффорда страшно обидело, что дом завещан не ему. Король без замка. Он-то приезжал сюда, но этого оказалось недостаточно. Категорический отказ Мэри даже близко подходить к этим местам безумно раздражал Мередит. *Твоя жена носит фамилию Кэлкотт — или она ею гнушается, Клиффорд? Что за малодушие!* Генри превратился бы в «достопочтенного Генри Кэлкотта» и дождался бы смерти Клиффорда, после которой стал бы *лордом*. Мы с Бет еще не раз вместе приезжали бы сюда на лето. Возможно, мы так и выросли бы в компании Динни. Бет и Динни, вместе, неловкие, неуверенные, страстные подростки. Я зажмуриваюсь, отгоняю от себя эту мысль.

За моим плечом раздается стук, и я испуганно ахаю при виде лица, прижавшегося снаружи к черному стеклу. Это Динни. Я тупо гляжу на него, словно он материализовался прямо из моих мыслей. Мокрые волосы прилипли ко лбу, воротник куртки поднят, на улице там холодно. Я раскрываю окно, и ветер чуть не вырывает створку у меня из рук.

— Извини... извини, что я в такой поздний час, Эрика. Увидел, что у вас свет горит. Мне нужна помощь.

На губах у него капли дождя, и я как будто чувствую их вкус. Он запыхался, часто дышит, чем-то взбудоражен.

— В чем дело? Что-то случилось?

— У Хани начались схватки, и... что-то пошло не так. Что-то не так, Эрика, а у нас все машины позастревали в грязи из-за этого чертова дождя... Нам надо в больницу, Эрика. Можешь нас отвезти? Пожалуйста! Это быстрее, чем дожидаться, пока «скорая» найдет нашу стоянку...

— О чем речь, отвезу, конечно! Но если я спущусь на машине к вам вниз, то тоже застряну...

— Нет, нет, только до верха проселочной дороги, сможешь? А я ее туда донесу.

— Ладно, ладно. А ты уверен, что сможешь ее донести?

— Идем скорее, прошу тебя, у нас нет времени!

Динни снова исчезает в темноте. Я хватаю ключи от машины, куртку, медлю буквально секунду, думаю, что надо бы предупредить Бет. Но она, должно быть, давно спит, а у нас нет времени на долгие объяснения. Я сую в карман мобильник и со всех ног бегу к машине. Дождь хлещет по ветровому стеклу — это не струи, а целый поток. Пока я добежала от дома до машины, плечи вымокли насквозь. Я тяжело дышу, совсем задыхаюсь. Трясущимися руками тычу ключом в зажигание и не попадаю. Нужно взять себя в руки. Стараюсь успокоиться. Подъездная аллея вся в лужах, и я, подняв море брызг, выезжаю на шоссе с включенными на полную мощность дворниками.

Когда я добираюсь до проселочной дороги, их не видно. Включаю дальний свет, лучи шарят по ряду деревьев, уносятся вдаль, к лагерю. Поскальзываясь, я спускаюсь вниз по тропинке. Земля вязкая, под ногами путается трава и втаптывается в грязь. Я слышу в темноте, как в кронах шумит ветер. Деревья бушуют, будто невидимый океан. Остановившись там, где кончается свет фар, и вглядываюсь во мрак. Дождевая вода заливается мне сверху в башмаки. Наконец они появляются, идут очень медленно, и я, устремившись навстречу, вижу, как Динни оступается и падает на одно колено, но балансирует, стараясь удержать равновесие, с беременной девушкой на руках. Хани мертвой хваткой вцепилась ему в плечи, страх свел ее пальцы.

— Ты можешь идти? — поравнявшись с ними, спрашиваю я у Хани. Она кивает, на лице гримаса. — Динни, опускай ее. Ставь ее на ноги!

Он ковыляет к обочине, ставит Хани на землю и поддерживает под руку. Секунду она стоит прямо, потом сгибается пополам и кричит.

— *Черт!* — воет она.

Я беру Хани за другую руку, и ее ногти впиваются мне в кожу. Лицо облеплено мокрыми волосами.

— Все неправильно... все как-то не так, — стонет она.

— У нее отошли воды, бесцветные, — сообщает мне Динни.

— Я не знаю, что это значит! — кричу я.

— Это значит неприятности. Ребенку грозит опасность, — объясняет он. — Это значит, нам надо пошевелиться!

Но Хани все еще стоит, согнувшись пополам, теперь она плачет навзрыд. От боли или от страха, я не могу определить.

— Все будет хорошо, — убеждаю я ее. — Послушай меня, все правда будет хорошо. Ты уверена, что сможешь идти? Машина здесь рядом.

Зажмурившись, Хани кивает. Она дышит так, как будто у нее не легкие, а кузнечные мехи. У меня стучит сердце, но я сейчас я собрана и спокойна. У меня есть цель.

Мы добираемся до машины и кое-как устраиваем Хани на заднем сиденье. Мне при этом приходится встать на колени в грязь. Хани вымокла до костей, бледная, ее трясет.

— Я поведу. Ты помоги Хани, — распоряжается Динни, направляясь к водительскому месту.

— Нет! Ей нужен ты, Динни! И это моя машина. А на мокрой дороге руль немного заедает. Безопаснее будет, если я сяду за руль, — кричу я.

— Дьявол, да садитесь же за руль уж хоть кто-нибудь! — вопит Хани.

Протиснувшись мимо Динни, я усаживаюсь на водительское сиденье, а он карабкается на заднее. Едва не заехав в кювет, я выруливаю, и начинается слалом по проселочной дороге, а потом мы выезжаем на трассу.

Мы едем в Дивайзес, я веду на максимальной скорости, на которую решаюсь, щурясь и вглядываясь в обступающий нас туннель дождя. Но, увидев в зеркало Хани, лежащую на заднем сиденье, сбрасываю скорость. Даже не знаю, как лучше. В перерывах между схватками она плачет тихонько, как будто про себя. У Динни очумелый вид.

— Уже недалеко, Хани! У тебя все будет отлично, даже и не бойся! Они примут твоего ребеночка раньше, чем ты успеешь сосчитать до трех, — ору я, поглядывая на нее в зеркало. Очень надеюсь, что я не лгу.

— Уже недалеко? — всхлипывает она, ее умоляющие глаза ловят мой взгляд в отражении.

— Пять минут, честно. Сейчас о тебе позаботятся, и о малыше тоже. Все будет прекрасно. Правда же, Динни?

Он подпрыгивает, как ужаленный. Косточки на его кулаке, обхватившем руку Хани, побелели.

— Точно. Да, точно. Все будет хорошо, малышка. Только держись.

— Вы уже придумали, как назовете? — спрашиваю я. Мне хочется ее отвлечь. От страхов, от холодной мокрой ночи, от боли, из-за которой ее лицо блестит от пота.

— Ну... я думаю... хм... думаю... если мальчик — Каллум. — Она пыхтит и замолкает, лицо искажается от нового приступа боли.

— А если девочка? — не отстаю я.

— Девочка... если девочка... Хайди, — выдавливает она, стараясь сесть прямо. — Я тужусь!

— Нет, погоди! Погоди! Мы уже почти приехали! — Я что есть силы жму на газ, а прямо перед нами поднимается оранжевое зарево городских огней.

Я торможу перед дверями больницы, Динни выскакивает из машины прежде, чем я успеваю остановиться. Назад он возвращается с помощью и с креслом-каталкой.

— Ну вот, Хани. — Я оборачиваюсь назад, беру ее за руку. — Теперь все будет в полном порядке.

Она сжимает мне руку, а по лицу градом катятся слезы, и нет на нем ни следа былой враждебности, презрения, подбородок не вздернут. Сейчас она еще больше похожа на ребенка. В наступившей на миг тишине дождь стучит по крыше машины, потом открывается задняя дверца, и Хани осторожно извлекают, а она кричит на них, осыпает проклятиями, и мы все вместе устремляемся в здание, щурясь от яркого света. Я тоже бегу за всеми, по трем шумным коридорам, через множество дверей, пока окончательно не перестану ориентироваться. У последней двустворчатой двери кто-то останавливает меня и Динни. Мне на предплечье ложится рука, мягко, но решительно.

— Извините, но дальше разрешается идти только отцу ребенка. Вы можете подождать внизу, там рядом с вестибюлем есть комната ожидания, — объясняет мужчина, показывая за мою спину, туда, откуда мы пришли.

— Вы — партнер Хани? — спрашивает он у Динни.

— Да, то есть нет. Я ее брат. У нее нет партнера, — сбивчиво отвечает он.

— Ясно. Тогда пойдете.

Они исчезают в дверях, створки которых еще долго раскачиваются, поскрипывают и стучаются друг о друга, раз, два, три.

Вместе с ними замедляется мое дыхание, потом они застывают на месте. Динни — ее брат.

Часы на стене в точности такие же, как в школе, в моем классе. Круглые, из белой с легкой желтизной пластмассы, тонкая красная секундная стрелка, подрагивая, нарезает круги. Когда я опускаюсь на зеленый пластиковый стул, они показывают без десяти час. Я слежу за стрелкой, поражаясь, как это мне ни разу не пришло в голову, что у Динни может быть сестра. Тогда, в детстве, ее еще не было, и я не подумала, что она могла появиться. Они совсем не похожи. Я роюсь в памяти, перебираю события, пытаюсь вспомнить, касались ли они друг друга, или смотрели друг на друга, или разговаривали, как супруги или близкие люди. Нет, такого не было, конечно. Во мне поднимается волнение при мысли, что Динни не принадлежит ей и это не его ребенок. Я ощущаю робкую надежду.

Половина четвертого, а я до сих пор одна в комнате для ожидания. Время от времени по коридору кто-то проходит, шаркая ногами по кафельному полу. У меня затекли ноги от долгого сидения. Я проваливаюсь в дремоту. Мне снится лагерь Динни, стоянка в солнечный день, это начало лета, от ветра с цветущих деревьев дождем осыпаются лепестки, солнце отражается от металлических решеток автофургонов и бьет в глаза. Дедушка Флаг дремлет в кресле — ветер колышет концы его угольно-черных волос, а сам он совершенно неподвижен. Его разморило, и он обмяк, но вдруг открывает глаза и смеется чему-то, что ему сказали. Громкий гулкий хохот из недр груди. Неизменная потрепанная шляпа, низко надвинутая на лицо, а из тени поблескивают темные глаза. Высокие скулы обтянуты кожей, все лицо в глубоких морщинах. От постоянного пребывания на свежем воздухе загар у него шоколадного цвета. Летом руки у Динни становятся точно такими же.

В то лето, когда все случилось, дедушку Флага то и дело дергали полицейские. Он смотрел на них своим спокойным, пронизательным взглядом. Полисмены заставляли всех отгонять свои фургоны, они снова и снова отъезжали со стоянки, ревя моторами, в клубах дизельного дыма. Один трейлер, принадлежавший человеку по имени Берни, никак не хотел заводиться, требовался буксир. Микки и еще один мужчина уперлись плечами и сдвинули его с места, выполнили то, что от них требовали, хотя трейлер Берни был достаточно высоким,

чтобы с легкостью увидеть все, что находилось на земле под ним. Я спросила маму, что они ищут. *Свежую землю*, ответила она коротко, а я не поняла.

Услышав, что мимо дверей кто-то прошел, я поднимаюсь. Это Динни, идет не торопясь. Я выбегаю в коридор:

— Динни, что случилось? Все в порядке?

— Эрика? Ты почему все еще здесь? — Он озадачен, просто ошеломлен, но и явно доволен, что я здесь.

— Ну, я... я ждала результатов. И потом, я подумала, что тебе тоже нужно будет возвращаться домой.

— А я был уверен, что ты давно уехала, зачем же было столько времени дожидаться? Я бы мог и на автобусе доехать...

— В половине четвертого?

— Ну, тогда на такси, — упирается он.

— Динни, может, скажешь мне, как там Хани? И ребенок?

— Отлично, все отлично. — Он улыбается. — Ребенок оказался перевернут не так, но им удалось его развернуть. Это девочка, и с ней все в порядке.

Голос у Динни сел, видно, что он донельзя устал.

— Здорово! Поздравляю вас, дядюшка Динни!

— Спасибо! — Он чуть смущенно ухмыляется.

— Так, долго их здесь продержат?

— Пару дней. Хани потеряла много крови, а ребенок малость желтушный... Сейчас они обе спят.

— Ты совсем измучен. Хочешь, поедem домой? — предлагаю я.

Динни трет глаза большим и указательным пальцами.

Дождь и не думает стихать. Теперь я веду машину медленнее. В сельской местности крошечная мгла и пустота. Мне кажется, что мы с Динни пробиваемся сквозь черный туннель, единственные люди во Вселенной. У меня от усталости кружится голова, но сна ни в одном глазу: слишком велико утомление. Необходимо взять себя в руки и сосредоточиться на дороге. Я слегка приоткрываю свое окно, холодный воздух врывается в салон вместе со струями воды. Машину наполняет шум дождя, нарушая окутавшую нас пелену молчания.

— Ты никогда не говорил, что Хани твоя сестра. Мне это даже в голову не приходило, — начинаю я, не вполне беззаботно.

— А кто же она по-твоему?

— Ну... Я думала, она твоя... Не знаю...

— Ты решила, что она моя девушка? — изумленно спрашивает Динни, а потом громко хохочет. — Эрика, ты за кого меня принимаешь? Ей же пятнадцать лет!

— А я-то откуда знала? — огрызаюсь я. — Что я должна была думать? Когда я последний раз с тобой виделась, у тебя сестры не было...

— Конечно не было. Хани родилась намного позже, после того как вы уехали. Подарочек напоследок, как ее звала мама. — Он чуть заметно улыбается. — Теперь она уже не так в этом уверена.

— Что ты хочешь сказать?

— Да ведь ты же ее видела, общалась. Характер у Хани не из легких.

— А что случилось? Почему она решила жить с тобой?

— Это из-за ребенка. Когда Хани забеременела, мама потребовала, чтобы она от него избавилась. Думала, это разобьет ей жизнь, совсем девчонка — и с ребенком. Хани отказалась. Тогда мама сказала — прекрасно, отдай его на усыновление, а она и на это не согласилась. Слово за слово, они основательно поцапались, да и Кейт сказал свое веское слово. В общем, Хани ушла, а они ей вслед крикнули, чтобы не возвращалась. — Динни вздыхает. — Просто сердятся они друг на друга, вот и все.

— Кейт — это новый муж твоей мамы?

— Официально они не женаты, но фактически так оно и есть. Хороший мужик. Только нетерпим немного.

— Не представляю себе твою маму рядом с кем-то нетерпимым.

— Да, вот и Хани тоже не представляет.

— Но Хани, по-видимому, привыкла к более... комфортной жизни, нет?

— До семи лет она ездила с нами, а потом умер отец. Мне кажется, у нее это в крови. Она никогда не могла вписаться в обычную жизнь.

— Но... теперь, с ребенком... она же не сможет остаться с тобой навсегда?

— Конечно не сможет. — Ответ звучит резковато, и я скашиваю на Динни глаза. Он явно озабочен, в машине снова воцаряется молчание.

— А что случилось с отцом ребенка? — осторожно задаю я непростой вопрос.

— Что с ним случилось? Да ничего пока. Но случится, если я до него доберусь, — зловеще сулит Динни.

— Ясно. Он повел себя не как рыцарь без страха и упрека?

— Он — двадцатилетний идиот из города. Втолковывал Хани, что с одного раза нельзя забеременеть.

— Старая песня, — подмигиваю я. — И ему уже двадцать? Знал ведь наверняка, что врет...

— Я уже сказал, пусть только попадется мне... Хани не хочет говорить, как его фамилия и где он живет, — мрачно добавляет Динни.

Я хитро кошусь на него, улыбаюсь.

— С чего бы это, — шепчу я. — Знаешь, а ведь неплохо, наверное, растить ребенка вот так, жить, как вы живете. Разъезжать повсюду, где захочешь. Ни тебе ипотеки, ни работы от звонка до звонка, никакой мороки с яслями и детскими садами... Красота, свежий воздух и никаких соседей... — фантазирую я.

— Все это прекрасно для таких, как я, но для пятнадцатилетней девочки, незамужней и с ребенком на руках? Она ведь даже школу еще не закончила, — вздыхает он. — Нет. Придется ей возвращаться домой.

Я торможу перед домом. В окне кабинета так и горит свет, как я его оставила, освещая голые ветки ближайших к дому деревьев.

— Спасибо, Эрика, что отвезла нас. Ты здорово находишь общий язык с Хани, ты так ее успокаивала... вообще, ты молодчина, — благодарит Динни, держась за ручку дверцы.

— Может, зайдешь? Хоть согреешься. У нас есть бренди, и можно принять душ, если хочешь. Ты же весь в грязи, — предлагаю я.

Он смотрит на меня, как раньше, иронично, склонив голову набок.

— Ты предлагаешь мне *душ*? — улыбается он.

— Что захочешь. Чистая футболка, думаю, тоже найдется. — От смущения я путаюсь в словах.

— Не думаю, что это удачная мысль, Эрика.

— Господи, Динни, да что же это такое! Это ведь просто дом. И ты здесь желанный гость в любое время. И совершенно не нужны эти церемонии, я просто предлагаю тебе воспользоваться удобствами.

— Не уверен, что уж настолько желанный. Я ведь заглядывал на днях, разговаривал, с Бет. Она меня внутрь не пустила, — тихо говорит он.

— Знаю, — произношу я раньше, чем успеваю остановиться.

Динни смотрит на меня непонимающе.

— Я все слышала. Я была наверху, на лестнице, — оправдываюсь я.

Динни делает мне большие глаза:

— Узнаю старушку Эрику.

— Так ты войдешь? — улыбаюсь я.

Динни долго молча смотрит на меня, и я начинаю чувствовать себя неуютно. Потом он оглядывается и смотрит в окно, на неприветливую бурную ночь.

— Ладно. Спасибо, — кивает он.

Я провожу Динни в кабинет. Огонь погас, но здесь еще очень тепло. Подойдя к окну, я задергиваю шторы.

— Господи, какая же тут темень! В Лондоне шторы нужны, чтобы отгородиться от света, а здесь — от темноты, — замечаю я.

Ветер швыряет в стекло сухой лист и не дает ему упасть.

— Ты по-прежнему утверждаешь, что плохой погоды не бывает? — лукаво интересуюсь я.

— Да, но признаю, что на мне сегодня *определенно* была неподходящая одежда, — уступает Динни.

— Садись. Я схожу за бренди, — говорю я.

Крадучись войдя в гостиную, стараюсь не шуметь, беру графин и два хрустальных стакана. Тихо прикрываю за собой дверь.

— Бет спит, — сообщаю я, наполняя стаканы.

— Дом остался совершенно таким, каким я его помню, — замечает Динни, сделав небольшой глоток и слегка поморщившись.

— Мередит никогда не была сторонницей перемен, — пожимаю я плечами.

— Кэлкотты — настоящая старая гвардия. С чего бы ей что-то менять?

— *Были* старой гвардией. Ты вряд ли можешь сказать это о Бет или обо мне. Я просто обедневшая школьная учительница, да и Бет, разведенная мать-одиночка, тоже трудится в поте лица.

На это Динни улыбается загадочно, чуть озорно:

— Ох, и бесили же вы, должно быть, этим старуху.

— Спасибо. Нам нравится так думать, — улыбаюсь я в ответ.

— Хочешь еще? — спрашиваю я, когда его стакан опустел.

Динни мотает головой, потом вытягивается в кресле, заложив руки за голову, и выгибает спину дугой, как кот. Я чувствую жар внутри, кровь молотом бухает в ушах.

— А вот на душ я, пожалуй, соглашусь. Признаюсь, такой возможности мне давно не подворачивалось.

— Конечно, — небрежно киваю я. — Тебе туда.

Это самая дальняя комната от Бет — спальня Мередит, и душ там самый лучший. Стеклянные стены кабинки стали матовыми от известкового налета, зато лейка огромная и обдает настоящим каскадом горячей воды. Я достаю новый кусок мыла, чистое полотенце, включаю прикроватную лампочку, потому что верхний свет горит слишком ярко. Бет, проснувшись, может увидеть полоску света под дверью и отправится выяснять, что здесь происходит. Динни стоит посреди комнаты, поворачивается, рассматривает огромную кровать, тяжелые гардины, элегантную антикварную мебель. Неровные половицы покрыты вытертым ковром серо-зеленого цвета. Мне до боли знаком этот запах пыли, нафталиновых шариков и псины.

— Это ее комната, так ведь? Спальня леди Кэлкотт? — уточняет Динни. В тусклом свете его глаза кажутся черными и непроницаемыми.

— Здесь самый лучший душ, — равнодушно поясняю я.

— Как-то это не совсем правильно — быть здесь.

— Я уверена, что она должна тебе по крайней мере душ, — сдержанно говорю я.

Динни ничего не отвечает и начинает расстегивать рубашку, а я спешно покидаю комнату.

Неслышно пробираясь по коридору, я слышу, как включается душ, в стенах журчат и булькают трубы. Я прикрываю глаза в надежде, что звуки не разбудят Бет. Но не успеваю я об этом подумать, как она появляется, смотрит на меня из проема своей двери в дальнем конце коридора. Волосы ее свисают по обе стороны лица, белеют тонкие босые ноги.

— Эрика? Это ты? — Голос звенит от испуга.

— Да, успокойся, все в порядке, — тихо отвечаю я. Не хочу, чтобы Динни услышал, что она встала.

— Что ты делаешь тут наверху? Который час? — Сестра зевает.

— Еще совсем рано. Ложись в постель, дорогая.

Бет трет руками лицо. Глаза широко раскрыты, она только что проснулась и не понимает, что происходит.

— Эрика, а кто в душе?

— Динни. — Я смотрю вниз, виновато вожу по полу ногой в грубом носке.

— Что? Что здесь происходит?

— Ничего особенного. У Хани ночью начались роды, мне пришлось отвезти их в больницу в Дивайзесе, мы промокли и перепачкались в грязи, вот и... когда мы вернулись, я предложила ему принять у нас душ, — выпаливаю я на одном дыхании.

— Ты ездила в *Дивайзес*? А мне почему не сказала?

— Да ты же спала! А мне нужно было торопиться — Хани было очень плохо, и все случилось очень быстро, вот и все. — Я переминаюсь с ноги на ногу, стараясь не встречаться с Бет глазами. Вдруг я хихикаю: — Представь, как бы злилась сейчас Мередит — *Динсдейл* в ее ванной! — шепчу я, но Бет не улыбается в ответ.

— Динни моется в душе, а ты ждешь в коридоре, как... как я не знаю кто, — упрекает она.

— Я не жду в коридоре! Я просто хотела найти ему чистую футболку...

— Эрика, что ты затеяла? — серьезно спрашивает Бет.

— Ничего! Ничего я не затеяла, — оправдываюсь я. Это чистая правда, но кажется, будто я лгу. — Ты что, хочешь сказать, что я не должна была его звать?

— Может быть, и не должна, — бросает она.

— Почему это?

— Потому что... он... мы совсем его не знаем, Эрика! Нельзя же среди ночи приглашать в дом посторонних людей!

— Не посторонних людей, а Динни, — твердо отрезаю я.

Я выдерживаю ее прямой взгляд и вижу, что этот аргумент подействовал. Бет нечем подкрепить свое нежелание видеть его, она не может ничего объяснить, не посвятив меня в подробности. Она больше

ничего не говорит, медленно скрывается в своей комнате и захлопывает дверь.

Я спешу к себе, хватаю одну из маек большого размера, которые использую вместо пижамы, и бросаю ее под дверь бывшей комнаты Мередит. Из-под нее просачивается пар, доносится запах горячей воды. Торопливо спустившись по лестнице, возвращаюсь в кабинет и залпом приканчиваю свой бренди.

Я прихожу в себя, когда слышу, как по лестнице бегом спускается Динни. Коридор первого этажа погружен в полумрак. Увидев меня, Динни резко останавливается:

— Эрика! Не пугай меня. — Его голос звучит устало. Запустив руку в волосы, он расчесывает их пятерней. С кончиков волос капает вода, моя футболка с изображением «Роллинг Стоунз» намокает на его плечах.

— Да, тем хуже для сухой майки, — замечаю я.

— По-любому она *суше* той, что была. — Динни улыбается. — Я, конечно, снова намокну, как только выйду наружу, но все равно спасибо. Душ просто превосходный, не могу не признать.

Я почему-то не могу ему ответить, я даже не в состоянии нормально дышать. Кажется, я забыла, как это делается, забыла, что за вдохом следует выдох, потеряла представление об этом простом процессе. Динни, спустившись, стоит у подножия лестницы рядом со мной, и мне кажется, что я оказалась к нему слишком близко. Но он не трогается с места, и я тоже не двигаюсь. Он касается своих волос и мечтательно смотрит на меня. Знакомый взгляд из прошлого — я тогда сказала ему, что в пещере в холмах видела троллей. Внезапно и другие воспоминания оживают и захлестывают меня — вот он учит меня нырять и наблюдает за бесчисленными неудачными попытками, вот показывает, как сосать нектар из белых цветков глухой крапивы, срывает один и протягивает мне. Постепенно выражение его лица меняется, становится серьезным. Мне бы, кажется, испариться, исчезнуть сейчас под этим испытующим взглядом, но я не могу ни шевельнуться, ни сдвинуться с места. Я слежу за каплей, которая стекает по его руке, задерживаясь на редких пупырышках гусиной кожи. Вижу, как моя собственная рука поднимается вверх, а я в этом словно бы и не участвую.

Я касаюсь того места, где остановилась капля, провожу пальцами вверх до локтя, вытираю ее холодный след. Очертания мышц, облегающих кости. Тепло его крови под кожей. Пальцы ощущают шероховатость, но я не убираю ладони с его предплечья. У меня кончилось горячее, не могу тронуться с места. Динни тоже застывает на миг, будто своим прикосновением я превратила нас обоих в камень. Мне кажется, что просторный холл, под потолком которого носится обычно гулкое эхо, сжимается вокруг нас. Потом Динни отстраняется, чуть-чуть, но этого довольно.

— Мне надо идти, — тихо говорит он. — Спасибо за... всю твою помощь сегодня ночью. Seriously, спасибо тебе.

В его голосе сквозит удивление.

— Без проблем. Обращайся. — Я прихожу в себя, моргаю.

— Увидимся. — Он неловко улыбается на прощание и растворяется в бледном свете раннего утра.

Горе 1904

Кэролайн даже не заметила, как вылетела навстречу, она промокла и дрожала, но не отдавала себе отчета в том, что делает. Вода попадала ей в глаза, текла по волосам и по спине хлопчатобумажного платья. Когда две лошади рысью вбежали во двор, она бросилась к ним с крыльца прямо по лужам. Отвратительное зловоние мокрых лошадей ударило ей в ноздри. Кэролайн узнала Хатча и Джо, низко надвинувших шляпы на глаза, а когда набрала полные легкие, чтобы спросить, увидела третьего всадника, который безжизненно болтался поперек седла Хатча. Шляпы на нем не было, и струи дождя стекали с золотистых волос, потемневших и слипшихся.

— Корин? — шепотом окликнула она, слегка трогая его за плечо. Его лица она не видела, ей не удавалось перехватить его взгляд.

— Где его шляпа? Он же простудится! — закричала она на Хатча и не узнала своего голоса, таким пронзительным, визгливым он вдруг стал.

— Миссис Мэсси, прошу, отойдите в сторонку. Нам нужно снять его и внести в дом. Скорее! — сурово произнес Хатч, пытаюсь обогнуть ее на лошади.

— Где Потаскуха? Что с Корином? Что с ним случилось? Да говорите же! — повторяла Кэролайн в исступлении. Ухватившись за поводья, она что есть мочи натянула их, не давая лошади с ее бесценным грузом пройти мимо.

Хатч что-то отрывисто произнес, и Джо, соскочив со своего мерина, взял Кэролайн за руку и высвободил поводья. Джо что-то выкрикивал своим низким звучным голосом. Кэролайн не обращала на крики внимания. Подъехали еще люди, забрали лошадей, понесли Корина. Кэролайн кое-как ковыляла за ними до дома. У нижней ступеньки она упала и не могла подняться. Она разучилась ходить, не понимала, что нужно сгибать ноги, поднимать и ставить их на землю. Сильные руки подняли ее, и, хотя ее несли туда, где она и стремилась оказаться, она бешено отбивалась, противясь происшедшему, как будто этим могла все изменить.

Корина уложили на кровать. Льяным полотенцем Кэролайн тщательно вытерла ему волосы, стащила мокрую рубаху, стянула с ног раскисшие сапоги, с которых на пол текла вода. Она принесла чистые одеяла и как следует укутала Корина. У него были ледяные руки, и она держала их в своих, трогала знакомые мозоли, растирала, безуспешно пытаясь вернуть им тепло. Она принесла миску с кроличьим рагу, дымящимся и ароматным, села возле кровати.

— Может быть, ты поешь немного? Это поможет тебе согреться, — шепнула она ему.

— Он гнал во весь опор за крупным койотом, самцом. Оставался только этот, последний из тех, за которыми мы гонялись, потому что увидели, что дождь близко. Потаскуха — она всегда была самой резвой. И проворная, а это не одно и то же. Умница она была, эта кобылка. Быстро соображала. Никогда я не видел, чтобы всадник и лошадь так понимали друг друга, как Корин и его кобылка... — Хатч говорил тихо, монотонно, уставившись на Корина, а руки его все время двигались, он сжимал их, ломал, выкручивал и снова сжимал. Кэролайн с трудом разбираала его слова. — Но тут вдруг ни с того ни с сего она как взбесилась. Взвилась в воздух, копыта выше головы. Видно, ступила на что-то, сдаётся мне, там были зыбучие пески, а она вовремя не заметила, иначе обогнула бы их, это уж как пить дать. Корин упал, ударился, и... и тут Потаскуха рухнула на него сверху. Все случилось так быстро! Как будто Бог сошел с небес и одним пальцем опрокинул эту лошадь наземь. Она сломала обе передние ноги. Джо пристрелил ее. Он ее пристрелил, и нам пришлось оставить ее этим клятым койотам. Такая храбрая лошадь!

Он умолк, по щекам покатались слезы.

Кэролайн зажмурилась.

— Что ж, — заговорила она наконец медленно, как пьяная. — Придется вам съездить и привезти ее сюда. Корину не нужна другая лошадь, только эта.

Хатч озадаченно смотрел на нее, не понимая.

— Где же доктор? — спросила Кэролайн, поворачиваясь к кровати.

Темная вода, растекаясь вокруг Корина, запятнала нежный шелк одеяла. Кляксы алого цвета расцветали под грудью и руками, будто нездоровый румянец. Правое плечо его торчало под неестественным

углом, а голова клонилась налево, все время только в левую сторону. Кэролайн просунула руки под одеяло, чтобы проверить, согревается ли Корин, но его тело оставалось холодным, твердым, каким-то неправильным. Она легла головой к его голове, отказываясь слушать тихий, обезумевший от страха голос из закоулков сознания, уже понимавшего, что Корин мертв.

Корина похоронили на его земле, на вершине зеленого холма примерно в ста пятидесяти футах от дома и неподалеку от источника сладкой чистой воды. Из Вудворда приехал пастор и пытался убедить Кэролайн, что погребение лучше провести в городе и похоронить покойника на церковном кладбище, но, поскольку Кэролайн молчала и не отвечала ему, последнее слово осталось за Хатчем, и он настоял, чтобы последним пристанищем Корина стала прерия. За Кэролайн в тот день присматривали Энджи Фоссет и Сорока. Они одели ее во взятое напрокат черное платье, которое было ей велико и болталось вокруг тонкой талии. Они подыскали для нее и шляпу с вуалью и двумя свисающими сзади черными страусовыми перьями.

— Ты сообщила своей родне, Кэролайн? — спросила Энджи, проводя щеткой по спутанным волосам Кэролайн. — Миленькая, скажи, ты маме написала?

Но Кэролайн не отвечала. У нее не осталось сил жить, дышать, говорить. Энджи окинула ее тревожным взглядом и отвела индианку в сторону. Они о чем-то шептались, но Кэролайн не стала прислушиваться. Они отвели ее на холм, и она стояла у могилы, пока пастор говорил проповедь перед ковбоями, соседями и жителями Вудворда. Над ними нависало мрачное, тусклое небо. Теплый ветер перебирал лежащий на гробе венок из белых роз и уронил на собравшихся несколько капель дождя.

Когда были прочитаны все молитвы и служба закончилась, Хатч сделал несколько шагов и встал в изголовье гроба. Присутствующие ждали, почтительно опустив глаза, а поскольку Хатч так и не начал говорить, подождали еще, время от времени поглядывая на него. Даже Кэролайн подняла от земли заплаканные глаза. Наконец, набрав полную грудь воздуха, Хатч заговорил низким голосом, спокойно и твердо:

— Священник сейчас сказал хорошую речь, и я знаю, что он хотел ею нас утешить. И для кого-то это, может, и станет утешением — знать, что Корин Мэсси ушел от нас в Царствие Небесное. Осмелюсь заметить, что и сам я, пожалуй, со временем смогу найти утешение в этой мысли. Надеюсь, ему там понравится. Надеюсь, там много хороших лошадей и просторные зеленые поля, по которым он может на них скакать. Я надеюсь, что небо там цвета утренней зари над прерией. Но сегодня... — Хатч замолчал, голос его дрогнул. — Сегодня я думаю, что Бог меня простит, если я попеняю Ему, что Он так рано забрал от нас Корина. Только сегодня я скажу, что нас, по моему, здорово обидели, отняв у нас такого друга. Потому что мы будем очень горевать по нему. Я буду очень горевать. Больше, чем могу выразить словами. Он был лучшим из нас, и таким честным и добрым человеком, каких и встретить-то нельзя.

Хатч трудно сглотнул, на щеки упали две слезинки. Он небрежно смахнул их тыльной стороной ладони, потом прочистил горло и запел:

Где роса на траве и сидит мотылек,
Где в прерии дикая роза цветет,
Где ветер гуляет и воет койот,
Друзья на холмах схоронили его.

Песня его звучала заунывно и скорбно, словно сам ветер прерии, и продувала Кэролайн насквозь. Она почувствовала себя бесплотной и легкой, как воздух, невесомой, как облака в небе. Ее взгляд не отрывался от гроба из светлого дерева. Ничто в этом гробе не говорило о Корине, не напоминало ей о нем. Его как будто стерли с лица земли, думала Кэролайн, и это казалось ей невероятным. У нее не осталось ни его фотографий, ни портретов. Его запах уже выдыхался из подушек, из одежды. Хатч, Джо, Джейкоб Фоссет и еще трое мужчин встали по обе стороны гроба, обветренными руками взялись за канаты и потянули. Снова заговорил пастор, но Кэролайн повернулась и побежала прочь с холма, а складки чужого платья, хлопая, летели за ней, будто темное эхо ее подвенечного наряда. Ей нестерпимо было видеть, как натянулись канаты и напряглись руки под тяжестью

лежащего в гробу. Невыносимо было думать о том, что он там, в гробу; зияющая чернота поджидающей его открытой могилы отталкивала.

— Не оставляй ее одну ни на миг. Ни на единый миг, Мэгги. Довольно она настрадалась от одиночества при живом Корине, помоги ей Господи... — нашептывала Энджи Сороке, собираясь домой после похорон.

Кэролайн стояла рядом, но Энджи была уверена, что ей не до них. Наконец Энджи подошла к ней, положила надежные руки ей на плечи.

— В четверг я приеду, Кэролайн, — пообещала она печально, но когда она уже открывала дверь, Кэролайн наконец вновь обрела дар речи.

— Не уезжай! — прохрипела она. Она не могла остаться одна, не могла этого выдержать. Пустота в доме ужасала ее теперь не меньше, чем просторы снаружи. — Умоляю, не уходи, Энджи...

Энджи повернулась к ней с изменившимся лицом.

— О, Кэролайн! — вздохнула она, обнимая соседку. — У меня сердце разрывается от жалости к тебе, правда.

Услышав это, Кэролайн расплакалась, прижавшись сотрясающимся от рыданий телом к Энджи.

— Я... я этого не вынесу... *я не выдержу!* — рыдала она так, что, казалось, от чудовищной боли ее тело вот-вот разорвется.

Сорока спрятала лицо в ладонях и покачивала головой от горя.

В какой-то момент Энджи пришлось-таки уехать — у нее была своя семья, которая в ней нуждалась. Сорока старалась быть рядом почти все время. Она спала на сложенном одеяле в гостиной, и Уильям был рядом с ней. Ночью его плач будил Кэролайн, и она страшно пугалась незнакомых пронзительных звуков. Спросонья ей казалось, что в дом проникли койоты, что где-то кричит от боли вернувшийся к ней Корин. А когда она просыпалась окончательно, на нее снова наваливалась все та же непроходящая апатия. Однажды ночью она выглянула в щелку и увидела, как при свете свечи смуглая женщина кормит младенца, напевая ему так тихо, что Кэролайн могла бы принять этот звук за дуновение ветра или за шум крови в ушах. Темнота за спиной казалась ей враждебной, словно там прятался упырь, и она боялась обернуться и увидеть его. Темнота пустой спальни, такой же пустой, как все остальное. Тоска по Корину, когда она легла в эту темную постель, полоснула по сердцу, как нож, и

медленно проворачивалась в ране. Поэтому сейчас она долго стояла у двери и глядела в щель, привлеченная светом, как мотылек, пока Сорока не перестала петь и едва заметно не переменяла позу — ровно настолько, чтобы показать: она чувствует, что на нее смотрят.

Сражаться с летним зноем теперь не имело для Кэролайн никакого смысла. Она выполняла все, что ей велели, и даже ела, пока рядом сидела Сорока и уговаривала. По вечерам Сорока, тихо болтая о всякой ерунде, раздевала Кэролайн и расчесывала ей волосы, как это когда-то делала Сара Кэролайн прикрывала глаза и вспоминала те времена, беспросветную печаль после смерти родителей и то, как ей казалось, что никогда уже не будет так скверно и так одиноко. Но то, что происходило с ней сейчас, было хуже, намного, намного хуже.

— Помнишь, как мой отец водил нас с тобой в цирк? — шептала она с улыбкой, точнее, с призраком улыбки.

— Кто такая Сара? — резко спросила Сорока. — Я Сорока, я ваш друг, миссис Мэсси.

Открыв глаза, Кэролайн поймала взгляд индианки в зеркале.

— Да, конечно, — беззвучно согласилась Кэролайн, не желая признаться в том, что на мгновение перестала понимать, кто она и где находится.

Хлопоча по хозяйству, Сорока стала сажать Уильяма на колени к Кэролайн. Отчасти она приняла такое решение потому, что Кэролайн часами молчала или сидела с неподвижным, застывшим лицом, не отвечая на вопросы. Мальчик, которому исполнилось уже десять месяцев, вскоре начинал ерзать и копошиться, так что ей приходилось удерживать его на руках, успокаивать, обращать на него внимание.

— Спойте ему, миссис Мэсси. Расскажите ему историю про сад Эдена, — настаивала Сорока, и, хотя Кэролайн не могла найти в своем сердце ни сказок, ни песен, для ребенка у нее находилось подобие улыбки, а руки ее оживали настолько, чтобы пощекотать его, удержать и посадить поудобнее. Она не возражала, когда он дергал ее за волосы. Уильям с любопытством рассматривал ее своими бархатными темными глазками, пускал слюни и улыбался, а иногда Кэролайн хватала его и прижимала к себе, зажмурившись, словно черпала силу из крохотного тельца. В эти мгновения Сорока оказывалась рядом, готовая выхватить ребенка, если объятия окажутся слишком крепкими и напугают его.

Летом Кэролайн часы напролет сидела на веранде, подталкивая ногой любимое кресло-качалку Корина, и слушала с закрытыми глазами, как оно поскрипывает, раскачиваясь туда-сюда, туда-сюда. Она старалась не задумываться. Не размышлять о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы она не стала винить тогда койотов в своих ночных страхах. Не думать о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы тогда ей не привиделся кошмар, если бы она не боялась прерии, если бы смогла приспособиться, оказалась бы более выносливой, крепкой, храброй. Если бы на ее месте оказалась любая другая, а не она, которая послала мужа на смерть, заставив гоняться за луговыми волками. Она плакала, не замечая этого, и часто ходила с лицом, соленым от слез. У нее не было ребенка от Корина, которого она могла бы растить, лелеять и рассказывать с тихой грустью о том, каким сильным и славным был его отец. Ничего не осталось ей от него, никакого следа, никакого утешения. Она сидела, уставив невидящий взгляд на бескрайний горизонт, и испытывала перед ним страх. Она сидела весь день, и ей было страшно. Таков был единственный способ, которым она могла покарать себя, хотя и чувствовала, что заслуживает куда худшего и что любых мучений недостаточно, чтобы ее наказать.

Спустя несколько недель в дом явился Хатч, почтительно постучав в дверь. Не будь Кэролайн до такой степени погружена в себя со времени гибели Корина, она обратила бы внимание на то, как изводит себя этот человек, и, конечно, заметила бы, что он избегает ее, взвалив на одного себя вину за происшедшее с Коринем. Хатч исхудал, потому что кусок не лез ему в горло. Несчастный случай слишком глубоко ранил и его. Морщины на лице обозначились еще резче, а ведь ему не было и тридцати пяти. Вина тяготила его, а горе состарило прежде времени, наложив на него тяжелый отпечаток, как и на Кэролайн, но она бессильна была предложить утешение. Даже Хатчу. Она приготовила для него кофе и отметила, походя и без удовлетворения, что напиток получился у нее крепким и душистым, не водянистым, не горьким и не подгорелым. Кэролайн представила себе, как его пробует Корин, вообразила его улыбку, обычно появлявшуюся на его лице, когда он собирался похвалить ее, обняв за талию и целуя в щеку. *Годная моя, это лучший кофе, какой я только пил в жизни!* Даже маленькие ее победы радовали его чрезвычайно. От таких мыслей у Кэролайн подкашивались ноги.

— Миссис Мэсси, вы же знаете, я стараюсь вас не беспокоить, но есть вещи, требующие вашего внимания, — заговорил Хатч, принимая из ее рук кружку.

Кэролайн жестом пригласила его сесть, но Хатч, хоть и бросил взгляд на предложенный стул, остался стоять.

— Какие вещи? — поинтересовалась она.

— Ну, словом, после... ухода мистера Мэсси владелицей ранчо стали вы. Я понимаю, такое известие может вас напугать, но уверяю, бояться вам совершенно нечего. Я не хочу, чтобы вы тревожились из-за этого. Я останусь здесь помогать вам, возьму управление на себя. Я ведь неплохо знаю положение дел и провел здесь достаточно времени, чтобы называть это место своим домом. Ваш супруг мне доверял, мы вместе строили планы, и, надеюсь, вы мне тоже доверяете. Но есть кое-что, что я никак не могу сделать без вас, например выплатить жалованье работникам и ковбоям.

— Жалованье? Но... где взять деньги? — нахмурилась Кэролайн.

— Здесь их, может, и нет. Корин каждые два месяца привозил жалованье из банка в Вудворде, и я полагаю, вы смогли бы проделать то же самое.

— Вы... хотите, чтобы я поехала в Вудворд? Увольте, я не могу, — отказалась Кэролайн так решительно, словно он предлагал ей отправиться на Луну.

— Я вас отвезу. Можно провести там всего одну ночь, если вам будет угодно. А может, вам захочется навестить кое-кого из дам, пока мы будем там. Мне думается... — Хатч помолчал, вертя в ладонях кружку. — Мне думается, надо бы вам съездить в Вудворд, мэм. Мне кажется, вам неплохо было бы повидать людей. Развеемся немного. А если не заплатить парням, они разбегутся кто куда. Они хорошие ребята и верные, но работают без жалованья уже два месяца, а это непорядок. А без них мне одному на ранчо не управиться.

Он отхлебнул густой и ароматный кофе, и удивление на его лице не осталось незамеченным. Кэролайн представила, как они едут в Вудворд, и ее охватила страшная слабость. Покачнувшись, она едва удержалась на ногах и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

— Хорошо, раз без этого не обойтись. Корин... Корину хотелось бы, чтобы на ранчо поддерживали порядок.

— Это верно, миссис Мэсси, — согласился Хатч. Он снова помолчал и скорбно опустил голову. — Ваш муж был хорошим человеком, это уж точно. Лучшим из всех, кого я знал. А это место было его радостью и гордостью, так что, думаю, ради него надо нам продолжить его дело, чтобы ранчо становилось больше и лучше прежнего.

Хатч посмотрел на Кэролайн, ожидая отклика, но она смотрела в окно и едва ли слышала его слова.

— Чертовский хороший кофе, извините за грубость, миссис Мэсси, — сказал Хатч.

Кэролайн взглянула на него и кивнула, соглашаясь.

Она забыла зонтик и почувствовала, что солнце жжет кожу, как только они отъехали от дома. Щурясь на ослепительном свете, она подумала о морщинах, которые теперь неизбежно появятся, и вдруг поняла, что ей это безразлично. Дул ветер, жаркий и сухой, и на дороге в Вудворд пыль стояла столбом. Острые песчинки попадали Кэролайн в немигающие глаза, и к тому времени, как они добрались до Мэйн-стрит, щеки у нее были все в слезах. Она небрежно смахнула их и пальцами стала тереть глаза, ощущая под веками странно отвердевшие глазные яблоки.

— А ну-ка перестаньте. Не нужно так, — тихо велел ей Хатч.

Он намочил свой платок водой из фляжки и умыл ее, смыл песок, одновременно удерживая ее руки, не давая дотрагиваться до глаз.

— Ну вот, — спокойно сказал он, — так-то лучше. Мне думается, ваши бедные глаза и без того достаточно наплакались за последнее время.

Хатч немного ослабил хватку, но не сразу выпустил ее руки из своей, а сначала большим пальцем заботливо смахнул последние песчинки с ее щеки.

— Это и есть тот банк? — хрипло спросила Кэролайн. Коляска остановилась напротив банка Герлаха, большого здания с красивой вывеской.

— Да, тот самый. Хотите, я пойду с вами?

— Нет, — она помотала головой, — я справлюсь. Спасибо вам.

В здании было тихо и прохладно, и башмачки Кэролайн, когда она вошла, звонко застучали по деревянному полу. Подойдя к чистенькому

молодому клерку, она отметила, что он слегка поморщился при виде ее чумазого лица и беспорядка в платье и прическе. У стены мерно тикали напольные часы — Кэролайн не слышала этого звука с самого Нью-Йорка. Она глядела на сверкающие часы, почти точь-в-точь такие же, как те, которые стояли в вестибюле у Батильды, и они казались ей вестником из другого мира.

— Чем могу быть полезен, мэм? — спросил клерк.

— Я бы хотела снять деньги со счета, — ответила Кэролайн, осознав в то же мгновение, что понятия не имеет, как это делается, ей ведь никогда прежде не доводилось выполнять подобных операций.

— У вас имеется счет в банке Герлаха, мэм? — спросил клерк таким тоном, будто считал это маловероятным.

Кэролайн оглядела аккуратную полоску его усов, безупречный костюм, воротничок. *Чересчур высокомерен*, подумала она, *для банковского служащего*. Взяв себя в руки, она подняла на него уверенный взгляд:

— Полагаю, что мой муж в течение многих лет пользовался услугами вашего банка. Я миссис Корин Мэсси.

Тут же за спиной у юнца вырос человек постарше и ласково ей заулыбался:

— Миссис Мэсси, прошу вас, проходите, садитесь. Меня зовут Томас Берринджер. Я вас ждал. Все бумаги в полном порядке, и, разумеется, у вас есть доступ к счету вашего покойного супруга. Могу ли я предложить вам стакан воды? — Мистер Берринджер проводил ее, усадил в кресло и взмахом руки велел юнцу принести воды.

Когда возник вопрос о том, какую сумму снимать, Кэролайн поняла, что представления об этом не имеет. Она не знала, какое жалованье получает ковбой или работник на ранчо, сколько всего следует им заплатить, не знала даже, сколько человек ждут платы. Она сняла половину имеющейся суммы. Мистер Берринджер, судя по его виду, был удивлен, но заполнил все необходимые бланки и протянул ей на подпись. Увидев дату, которую он проставил на документе, Кэролайн удивилась.

— Сегодня мой день рождения, — отрешенно сказала она. — Мне исполнился двадцать один год.

— Вот как! — Мистер Берринджер улыбнулся несколько натянуто. — Желаю вам долгих лет жизни, миссис Мэсси.

Сверток с банкнотами оказался большим и тяжелым. Кэролайн нерешительно взвесила его на руке, соображая, куда бы положить. Заметив ее колебания, мистер Берринджер снова кивнул клерку, и тотчас был принесен полотняный мешок, чтобы скрыть деньги от нескромных глаз. Выйдя, Кэролайн постояла на тротуаре, глядя на людей, коней, повозки. Когда-то ей так нравилось быть окруженной людьми, среди них она чувствовала себя как дома. Отныне она нигде не будет чувствовать себя как дома, молодая женщина вдруг отчетливо поняла это. Сейчас можно было бы походить по городским лавкам, закупить книг, вкусной еды или одежды, но ей ничего, совсем ничего не хотелось. Заметив поблизости галантерею, она купила для Уильяма мягкое белое одеяльце, вязанное крючком, и плетеную соломенную колыбель с ручками.

— В такой ему будет прохладнее в такую жару, чем в кожаной, где он спит сейчас, — объяснила она Хатчу.

— Как же это славно, Кэролайн. Я уверен, что Мэгги очень порадуется, — кивнул Хатч, убирая подарки под сиденье их экипажа.

Много позже, когда она уже не могла ему ответить, Кэролайн поняла, что Хатч впервые за все время назвал ее по имени.

Они остались в городе только на одну ночь, переночевали в той же гостинице, где останавливались, когда приезжали на праздник. Кэролайн попросила дать ей ту же комнату, но она оказалась занята. Ей хотелось навестить место, где бывал Корин, как паломнику, посещающему святые места. Как будто комната могла помнить Корина, как будто можно было ощутить его дух, витающий там. Она долго сидела у окна и глядела, как садится солнце, щедро окрашивая городок в багрянец и золото. Кэролайн смотрела на прохожих, слышала обрывки разговоров, смех, пыталась вспомнить, каково это — быть одной из них. Когда совсем стемнело, она увидела выходящего из гостиницы Хатча, с гладко причесанными волосами и в чистой сорочке. Он зашагал прочь по Мэйн-стрит, и Кэролайн смотрела ему вслед, пока он не затерялся в толпе.

Работникам выплатили жалованье, и пачка банкнот уменьшилась почти на треть. Кэролайн сложила остатки в полотняный банковский мешок и спрятала его в свой несессер. Рука наткнулась на что-то мягкое, и она вытащила сверток. Это оказались завернутые в синий бархат изумруды ее матери и другие драгоценности. Она любовалась

мерцающими камнями, вспоминая, как надевала их в последний раз, в день знакомства с Корином. Неужели она надеялась, что будет носить их здесь? В скромной спальне драгоценности выглядели неуместно. Словно тепличные цветы на пшеничном поле. Кэролайн приложила их к себе и посмотрелась в зеркало. Как же она изменилась! Огрубела, кожа потемнела от загара, на носу россыпь веснушек, а волосы тусклые и неухоженные. Похожа на служанку, примеряющую украшения хозяйки, — было совершенно ясно, что она никогда больше не сможет их носить. В прерии для них нет места. Кэролайн снова завернула их в бархат и убрала в несессер. Сунула в саквояж чистое белье и несколько блузок, ночную сорочку с длинными рукавами, слишком теплую для лета, гребни для волос и пудру. Затем захлопнула крышку и туго затянула ремни, спрашивая сама себя, что это за странные сборы, как будто ей куда-то ехать.

В конце августа на ранчо воцарилась тишина. Хатч, Джо и почти остальные мужчины отправились на пастбища со стадом почти в тысячу голов, чтобы животные нагуляли жир перед тем, как их погрузят в вагоны и отправят на север, в мясные лавки восточных штатов. Тех же работников, кто остался на ранчо, косила неизвестная болезнь. Она стремительно передавалась от одного к другому, больные падали без сил, страдая от изнурительной лихорадки и судорог. Однажды утром, сидя на веранде, ни о чем не думая и ощущая пустоту внутри, Кэролайн увидела Энни, сестру Джо, подъезжавшую к ранчо на мышастом пони, принадлежавшем Сороке. Женщина направлялась на восток, то и дело прищипывая лошадку. Когда индианка проезжала мимо, Кэролайн увидела тревогу на ее лице, изборожденном морщинами. Она смотрела ей вслед, пока та не скрылась из виду, а потом поняла, что со вчерашнего дня не видела Сороку. Она поднялась и медленно двинулась через двор.

В землянке было жарко, в спертom воздухе стоял запах прогоркшего жира Сорока без движения лежала на одеялах, а Уильям хныкал и поскуливал в соломенной колыбельке, купленной Кэролайн. От ребенка исходил явственный запах аммиака и экскрементов, но его перебивал отвратительный, какой-то металлический смрад, которого Кэролайн инстинктивно испугалась. С бьющимся сердцем она опустилась на колени возле Сороки и легонько потрясла ее за плечо.

Лицо индианки пылало, пересохшие губы запеклись. Она с трудом приоткрыла воспаленные, лихорадочно блестящие глаза, и Кэролайн невольно подалась назад.

— Сорока, ты заболела? Куда поехала Энни? — торопливо заговорила она.

— Я болею. Белое Облако тоже. Ее снадобья не помогли, — шепнула Сорока.

Заметив у кровати деревянный ковш, Кэролайн схватила его. В нем еще оставалось какое-то зелье с резким кисловатым запахом.

Кэролайн поднесла его к губам Сороки, но девушка с трудом отвернула голову:

— Не хочу больше это пить. Не надо больше.

— У тебя лихорадка, тебе нужно пить, — сказала Кэролайн. — Я принесу воды. Тебе нужно подняться, Сорока. Уильям грязный, и...

— Я не могу встать, нет сил. Не могу его переодеть, — ответила Сорока с такой болью в голосе, что Кэролайн вздрогнула. — Ты это сделай. Пожалуйста.

— Но я же не умею! — испугалась Кэролайн. — Мэгги, почему ты не послала за мной, не сообщила, что заболела?

Сорока посмотрела на нее, и в этом взгляде она прочла ответ. Индианки считали, что она ни на что не способна и нечего ждать от нее помощи. Слезы выступили у нее на глазах.

— Я все сделаю, переодену и вымою его. И принесу тебе воды, — пообещала Кэролайн, вытирая Сороке лицо.

От больной и ребенка исходило тошнотворное зловоние, и она поспешила наружу, превозмогая нахлынувшую дурноту. Оказавшись на свежем воздухе, она схватила ведро и заторопилась к резервуару.

— Где Белое Облако? И куда поехала Энни? — спросила она от двери.

— Белое Облако тоже болеет. Она там, в типи, лежит. Энни поехала на восток, на земли нашего народа, к реке Арканзас... она привезет оттуда лекарство...

— *Река Арканзас?* Да ведь до нее двести миль с лишним! Путь займет у нее долгие дни! — сквозь слезы воскликнула Кэролайн.

Сорока, осунувшаяся от болезни и отчаяния, смотрела на нее.

— Пожалуйста, вымой Уильяма, — повторила она.

Кэролайн принесла ведро воды и ковш. Ей потребовались все силы, чтобы приподнять голову и плечи Сороки и держать ее, чтобы индианка могла напиться. Но Мэгги сделала лишь несколько мелких глоточков и сказала, что ей трудно глотать.

— Пожалуйста, попей еще, — уговаривала Кэролайн, но Сорока не отвечала, вновь откинувшись на свое смрадное ложе с закрытыми глазами.

Осмотревшись в землянке, Кэролайн отыскала чистые пеленки, подгузники и полотенце. Она вынула Уильяма из колыбели, вышла с ним во двор. Испражнения, которые она обнаружила, развернув ребенка, заставили ее отвернуться и зажать рот, и она поскорее бросила грязные пеленки в гаснущий костер. Вода оказалась слишком холодной, и Уильям заплакал, когда она опустила его в ведро, пытаясь как-то отмыть засохшую пакость с его попки. Но постепенно крики становились тише, ребенок охрип и, кажется, устал от плача. К концу купания он даже задремал, и Кэролайн старательно, как могла, завернула его в чистый подгузник. Сев прямо на землю, она уложила малыша к себе на колени и в забытьи гладила его руки, но тут вдруг ей показалось, что он очень горячий, а щеки слишком разругались. Для проверки она прижала руку к своему лбу, разница была очевидна. Кэролайн поспешно вскочила, схватила ребенка и вернулась в землянку.

— Сорока... Уильям очень горячий. Мне кажется, у него тоже жар. — Она поднесла ребенка к Сороке, чтобы та посмотрела. Глаза индианки были полны слез.

— Я не знаю, как ему помочь. Он тоже заболит... Прошу, возьми его в дом! Корми его, мой его. Прошу тебя! — слабым голосом выговорила она.

— Я его вымыла, видишь? С ним все будет хорошо... и с тобой тоже, ты выздоровеешь, Сорока! — воскликнула Кэролайн.

— Белое Облако... — неразборчиво прошелестела Сорока.

Кэролайн уложила Уильяма в соломенную колыбель и отправилась в типи. У входа она помедлила, не решаясь двинуться дальше. Ей вспомнился твердый взгляд Белого Облака, ее гортанный голос, напевающий непонятную песню.

— Белое Облако! Можно мне войти? — робко позвала она, но ответа не последовало.

Учащенно дыша, Кэролайн приподняла полог и вошла. Белое Облако лежала ничком на полу, как груда тряпья. Пряди мокрых от пота седых волос прилипли к голове. Сейчас, когда ее огненные глаза были закрыты, стало понятно, что это просто старуха, маленькая и слабая, и Кэролайн устыдилась своего страха.

— Белое Облако? — шепотом окликнула она, опускаясь перед ней на колени, и потрясла ее за плечо, как до этого Сороку. Но старая индианка не откликнулась. Она не просыпалась, дышала часто и поверхностно, а от ее кожи на Кэролайн пахнуло жаром.

Девушка растерялась, не зная, что предпринять. Она вышла из типи и долго стояла на дворе с трясущимися руками — неожиданно она оказалась одна в окружении людей, которые нуждались в помощи.

По настоянию Сороки Кэролайн забрала Уильяма с собой. Вскоре он уснул, засунув кулачок в рот. Уложив его в самом прохладном уголке дома, она начала осматривать шкафы и полки на кухне в поисках какой-нибудь еды, подходящей для Сороки. Собравшись с духом, она дошла до барачков и на трех койках обнаружила больных. Изумленные ее появлением, беспомощные ковбои что-то сбивчиво шептали, уверяя, что им уже полегчало, однако сил на то, чтобы подняться, у них уже не было. Кэролайн притащила воды, напоила всех и оставила по кружке воды у постели каждого. Она надеялась найти кого-нибудь, кто смог бы доскакать до города и привезти доктора, но никто из оставшихся не был на это способен. От панического страха у Кэролайн сжималось горло. Она вернулась в дом и попробовала сварить суп из сухой фасоли и остова курицы, мясо которой Сорока жарила два дня назад. Потом принесла из подпола тыкву и приготовила для Уильяма пюре.

Ночью Уильям разбудил ее отчаянным плачем, и она поднялась, взяла его на руки, качала, целовала, говорила что-то ласковое, утешала. Когда он затих и уснул, Кэролайн снова положила его, а сама села у края кровати и тихо заплакала от жалости к себе, ведь ей всегда так хотелось ребенка, который бы спал в колыбели рядом с их кроватью, ребенка, которого она утешала бы и любила. Но не ей принадлежит это дитя, и Корин не лежит с нею рядом, и этот ничтожно малый кусочек мечты, намек на то, как все могло бы сложиться, был невероятно горек и одновременно так сладостен.

К утру у Кэролайн не осталось сомнений, что Уильям тоже подхватил лихорадку. Мальчик весь горел, слишком много спал, а просыпаясь, был вялым и капризным. Кэролайн сначала обошла бараки с супом, который сварила накануне, потом навестила в землянке Сороку и помедлила у входа в типи. Она понимала, что должна войти и постараться растормошить Белое Облако, напоить ее водой. Но ее обуял страх, новый жуткий страх, порожденный скорее инстинктом, нежели сознанием. От этого страха у нее шевелились волоски на шее, но все же она заставила себя приподнять полог и войти. Белое Облако не шевельнулась. Она вообще не шевелилась. Совсем. Даже грудь не поднималась и не опадала при дыхании. Кэролайн выронила полог и попятилась назад. Она дрожала всем телом, внутри у нее все сжалось от ужаса. Задыхаясь, она вошла в землянку.

Сорока еще сильнее ослабела, разбудить ее оказалось труднее. Белки ее глаз казались серыми, а кожа стала еще горячее. Влажной тряпицей Кэролайн обтерла ей лицо, смочила потрескавшиеся губы.

— Как Уильям? Заболел? — прошептала Сорока.

— Он... — Кэролайн помедлила, не решаясь сказать правду, но потом добавила твердо: — У него жар. Он что-то тихий сегодня.

Тусклые глаза Сороки испуганно блеснули.

— А Белое Облако? — спросила она.

Кэролайн отвернулась, перебирая ковш, ведро, полотенце.

— Она спит, — коротко ответила она. Потом подняла голову.

Сорока не отрываясь смотрела на нее, и она не смогла выдержать взгляд индианки.

— Я не знаю, что нам делать. Не знаю, как помочь себе и Белому Облаку, — безнадежно прошептала Сорока. — Вся надежда на то, что Энни скоро вернется и привезет лекарство...

— Это будет совсем не скоро! — в отчаянии крикнула Кэролайн. — Кому-то нужно ехать! Нельзя же ждать Энни!

Она поднялась, заходила по землянке.

— Я поеду, — заявила она наконец. — У меня хватит сил. Я поеду и... возьму с собой Уильяма. Доктор сразу же осмотрит его, а потом приедет со мной сюда и вылечит тебя и остальных. Это лучший выход.

— Ты увезешь с собой Уильяма?..

— Так будет лучше. Тебе не по силам сейчас присмотреть за ним, Сорока! А я могу. Я впрягу лошадь в коляску, я справлюсь. И доктор осмотрит Уильяма уже сегодня. Сегодня, Сорока! Он сможет дать ему лекарства уже *вечером!* Пожалуйста. Это *действительно* лучший выход.

Теперь, когда решение было принято, Кэролайн не терпелось поскорее начать действовать. Она вспомнила о Белом Облаке, ее странной неподвижности.

— А иначе может быть поздно, — прибавила она.

Глаза Сороки расширились от страха, и она моргнула, смахивая слезинку.

— Пожалуйста, заботься о нем как следует. Возвращайся скорее, — заклинала она.

— Я буду о нем заботиться! И сразу пришлю к тебе доктора. Все наладится, Сорока, все правда наладится, — уверяла Кэролайн дрожащим голосом. Взяв Сороку за руку, она крепко ее пожала.

Кэролайн погрузила свой саквояж, колыбельку и мешок с вещами Уильяма и всю дорогу погоняла лошадь, стараясь ехать как можно быстрее. Она смело направляла коляску между зарослями кустарника, вспоминая, как делали Корин и Хатч. Норт-Канейдиан обмелел, и вода едва касалась ступиц колес, когда они пересекали реку, подняв со дна сладковато пахнувший ил. Сделав остановку, чтобы отдохнуть самой и дать передышку лошади, Кэролайн взяла Уильяма на руки. Жар не проходил, и, просыпаясь, ребенок сразу начинал плакать, но сейчас он спал, и его спокойное личико вдруг так напомнило Кэролайн лицо Корина, когда тот засыпал в своем кресле, что от неожиданности она задохнулась. Вновь допустив, пусть на миг, что это может быть сын Корина, она пыталась и не могла вздохнуть, словно в легких не осталось воздуха. Она села на песок с Уильямом на коленях и стала рассматривать его, изучать подробно, от линии роста волос до пальчиков на ногах. Длинные пальцы, широко расставленные, совсем как у Корина. Волосы темные, но кожа светлее, чем у Сороки и Джо. Глаза хоть и карие, но вокруг зрачка заметен зеленоватый ободок, отчего они кажутся более светлыми. В очертании крошечных бровей, в изгибе губ над упрямым подбородком Кэролайн обнаруживала все новые черточки своего мужа. Прижав ребенка к груди, она разразилась рыданиями. Она оплакивала и предательство Корина, и свою

безвозвратную потерю, и то чистое, томительное чувство, которое зарождалось в ее груди, когда она прижимала к себе это дитя.

Доктор, только взглянув на безумное лицо Кэролайн и на ребенка в ее руках, тут же пригласил ее в кабинет. Забрав у нее Уильяма, он подробно осмотрел мальчика, попутно задавая Кэролайн вопросы о симптомах болезни у взрослых и о том, давно ли эпидемия свирепствует. Выслушал сердце и легкие ребенка, почувствовал жар, исходящий от его нежной кожи.

— Уверен, что с вашим малышом все будет в порядке. У него повышена температура, но не слишком, а сердце у него крепкое и здоровое. Постарайтесь не волноваться. Вы остаетесь на ночь в городе? Хорошо. Охлаждайте его. Главное сейчас — как можно быстрее сбить температуру. Делайте холодные компрессы да почаще меняйте. Каждые четыре часа давайте ему по три капли вот этого лекарства на язык, затем чайную ложечку воды. Это жаропонижающее. А если мальчик захочет есть или пить, очень хорошо. Думаю, он быстро поправится. Успокойтесь, у вас такой испуганный вид! Вы привезли его как раз вовремя. А сейчас я не мешкая выезжаю на ранчо, потому что, если болезнь запущена, последствия могут быть самыми тяжелыми. Вы придете завтра, чтобы я снова мог осмотреть ребенка?

Кэролайн кивнула.

— Вот и славно. А теперь — отдыхать, вам обоим это необходимо. А вашему малышу — еще и прохладные компрессы. Есть ли там, на ранчо, другие дети или люди преклонных лет? — спросил врач, когда он покидала кабинет.

— Других детей нет. Белое Облако очень стара, хотя я не могу сказать наверняка, сколько ей лет, — пролепетала Кэролайн прерывисто. — Только мне кажется... я думаю, что она уже мертва.

Доктор внимательно и недоверчиво посмотрел на нее:

— Я выезжаю немедленно, ночью, надеюсь поспеть туда к восходу. Вот адрес другого врача. Если Уильяму станет хуже, вызывайте его.

Он протянул Кэролайн визитную карточку, энергично кивнул и вышел из кабинета.

Кэролайн не сомкнула глаз. С гостиничной кухни она принесла таз холодной воды и аккуратно положила смоченный платок на лоб Уильяму, как велел доктор. Она не могла оторвать от него глаз,

вглядывалась в лицо, изучала каждую черточку, каждый волосок на голове. Временами ребенок просыпался и тоже смотрел на нее, хватал ее за палец с неожиданной силой, и это вселяло в нее надежду. К утру у нее шла кругом голова от усталости, но жар у Уильяма спал. Он поел рисового пудинга, приготовленного хозяйкой, и спокойно уставился на женщин, будто оценивая их, так что они невольно заулыбались. Кэролайн завернула мальчика в вязаное одеяльце, уложила в колыбель и, сунув ему пустышку, посмотрела на него. Он мог бы быть ее сыном — доктор сразу так и подумал. Он вполне мог быть сыном уважаемой белой женщины, решительно ничто не указывало на то, что этот младенец — индеец из племени понка. И в самом деле, это мог бы быть ее ребенок, думала она. Он и должен принадлежать ей.

Кэролайн медлила, ей не хотелось возвращаться на ранчо. Следовало бы тронуться в путь уже давно, на рассвете, но от одной мысли об обратной дороге ее охватывала такая усталость, что она отводила глаза от черной коляски, стоявшей на улице рядом с гостиницей, и от загона, в котором провела ночь ее лошадь, невозмутимо жуя сено и почесываясь потной головой об изгородь. Доктор поможет больным, а когда Кэролайн вернется, Уильяма придется отдать. Она думала о Белом Облаке, неподвижно лежащей в типи. Думала о Сороке, больной и беспомощной. И о предстоящей бессмысленной жизни, которая будет тянуться год за годом без Корина. Глядя на Уильяма, она улыбалась, чувствуя, как внутри растет, распускается нечто. Нечто, дающее новое направление ее мыслям и внушающее надежду на то, что еще не все потеряно. Она не вернется. Там ее ждет будущее, черное и жуткое, как могила, которую Хатч выкопал в прерии для Корина. *Она не может вернуться назад.*

На другом конце города клубы пара поднимались над железнодорожными путями. Кэролайн шла туда, держа саквояж в одной руке и переносную колыбельку — в другой. Под их весом она пошатывалась, однако шла целеустремленно, ни о чем не думая, потому что ее мысли были слишком мрачны. Платформу окутывал пар и запах горячего металла, которым когда-то встретил ее Вудворд. Но исполинский черный локомотив смотрел в другую сторону. Он смотрел на север, в сторону Додж-сити, Канзаса и дальше, туда, откуда она приехала, прочь от прерии, разорвавшей ей сердце.

— Смотри, Уильям, смотри, это поезд! — воскликнула она, приподнимая ребенка, который впервые видел эту громаду.

Уильям подозрительно таращился на него, махал рукой, пытаясь поймать клубившийся вокруг пар. В этот момент свисток дежурного напугал их обоих, поезд, грозно рявкнув, выпустил широкую, мощную струю пара, а его колеса пришли в движение. Какой-то опаздывающий пассажир вскочил на платформу, дернул дверь вагона и вскочил в него, как раз когда поезд начал медленно двигаться вдоль платформы.

— Скорее, мэм! Давайте-ка руку, не то опоздаете! — улыбался мужчина, подавая ей руку.

Кэролайн поколебалась. Потом решительно ухватила протянутую руку.

Глава 6

Смех Мередит был редчайшим событием. Даже на летнем балу или на званых ужинах, которые она иногда устраивала — детей туда не пускали, но мы украдкой выбирались из кроватей и подслушивали, — я его почти никогда не слышала. Она лишь улыбалась, да порой, если что-то ее радовало, издавала короткий горловой звук. Я же, как и большинство маленьких девочек, смеялась и хохотала так же естественно, как дышала. Помню, я задумывалась над этим, пыталась найти какое-то объяснение, почему взрослые смеются меньше, и представляла, что смех — это что-то вроде разноцветных лент, туго скрученных у нас внутри, и что, когда все ленты раскручиваются, заканчивается и запас смеха.

Но однажды я его все же услышала, смех Мередит, и была поражена до глубины души. Не звучанием — громким и писклявым, скрипучим, как ржавая дверная петля, — а тем, что его вызвало.

Был пасмурный день, незадолго до исчезновения Генри, дул слабый ветерок. Мы сидели в фургоне у Микки и Мо, слушали радио, играли в карты с Динни. Его не пустили гулять из-за слегка повышенной температуры, и он был страшно этим недоволен. Я пробовала было выманить его на улицу, предлагала поиграть в шалаше на дереве, но Динни оказался послушнее, чем мы с Бет, он поступил так, как велела Мо. В лагере стояла тишина, почти все взрослые были на работах. Снаружи, на натянутой между автомобилями веревке, сохли выстиранные простыни. Они качались на ветру, то появляясь в окне, то исчезая. Я краешком глаза видела их, отмечала это ритмичное движение, пока, ерзая на виниловом сиденье, безмолвно призывала Бет сбросить то четверку, то валета. Потому-то я первой заметила, что вид из окна изменился. Какую-то странность в цвете и внешнем виде простыней, в том, как потемнело над ними небо.

Простыни горели. Я, открыв рот, уставилась в окно, зачарованная неожиданным зрелищем. Языки пламени, светло-желтые с голубым отсветом, рвали ткань на лоскуты, прочерчивали угольно-черные полосы, дым клубился облаками. От пылающих полотнищ оставались черные рваные лохмотья, похожие на паутину. Снаружи раздался крик, и Динни, вскочив, выглянул в окно через мое плечо.

— Смотри! — выдохнула я запоздало.

— Эрика! Что же ты молчишь? — выговорила мне Бет уже на бегу, потому что мы бросились во двор следом за Динни.

Там две женщины — они оставались дома по той же причине, что и Динни, — стаскивали простыни с веревки, лихорадочно затаптывали огонь. Веревка в пластиковой оплетке расплавилась и развалилась на куски, которые падали не на землю, а на тлеющие остатки простыней — может, это было и к лучшему. На боку автофургона расплылось уродливое коричневое пятно — доказательство того, как близко подобрался огонь к жилью.

— Как, *дьявол его побери*, это получилось? — задыхаясь, прохрипела одна из женщин, когда были погашены последние языки огня. Уперев руки в бока, она осматривала тлеющие ошметки.

— Не окажись нас... А ведь Мо повесила их перед самым уходом, они еще даже не успели просохнуть как следует! — воскликнула другая, не сводя грозного взгляда с детей.

— Мы были внутри, в карты играли! Клянусь! — горячо уверял Динни, и мы с Бет энергично кивали головами, подтверждая его слова.

Дым разъедал нос, и я чихнула. Первая женщина нагнулась, двумя пальцами подхватила с земли кусок ткани и понюхала.

— Керосин, — мрачно сообщила она.

Мы с Бет попрощались и, едва скрывшись из глаз, бросились бежать со всех ног. Обогнув конюшню, мы заглянули в сарай и обнаружили Генри под навесом для дров. В руках он держал наполненную жидкостью плоскую пластмассовую флягу с красной пробкой-распылителем. Я вспомнила о языках пламени, о том, как странно они распространялись, как будто разбегались от какой-то линии. Генри поставил флягу на верхнюю полку, с улыбкой повернулся к нам и развел руками.

— Чего вам? — невинно спросил он.

— Ты же мог устроить пожар в автофургонах. Могли погибнуть люди, — тихо заговорила Бет, глядя на него с так серьезно, что мне стало еще неуютнее, еще страшнее.

— Не понимаю, о чем это ты, — высокомерно процедил Генри. От него так и несло керосином, едкий запах будто прилип к нему, он был на его руках.

— Это *ты* натворил! — воскликнула я.

— Не докажешь. — Он пожал плечами и снова улыбнулся.

— Я говорю, ты мог убить людей, — повторила Бет, и Генри перестал улыбаться.

— Вам запрещено ходить в лагерь. Вы никому не расскажете, — насмешливо заявил он.

Бет круто развернулась и быстро направилась к дому. Я поспешила за ней, как и Генри, и мы понеслись наперегонки и ворвались в холл, задыхаясь, выкрикая Мередит.

Мы сочли проступок слишком тяжелым, чтобы можно было о нем промолчать. Мы думали, что, даже несмотря на то что Генри ее любимчик, она накажет его за такое. Одно дело накормить собак горчицей, но здесь совсем другое. Бет права — в огне могли погибнуть люди. Это было слишком, даже для Генри.

— Генри поджег белье, которое сушилось у Динсдейлов! — Бет заговорила первой, еще толком не отдышавшись.

Мередит подняла голову от письма, которое писала, сидя за изящным письменным столиком в гостиной.

— Что за переполох? — спросила она.

— Мы были в лагере... Да, я понимаю, что нельзя было туда ходить, но мы просто играли в карты, а Генри поджег простыни, которые там висели! Он облил их керосином... из сарая! Фургон чуть не загорелся, и мог быть пожар, и могли погибнуть люди! — выпалила Бет на одном дыхании, но четко и ясно.

Мередит сняла очки, медленно сложила.

— Это правда? — обратилась она к Генри.

— Нет! *Лично я* даже близко не подходил к этому мерзкому лагерю.

— Врешь! — крикнула я.

— Эрика! — Мередит строго посмотрела на меня, окрик прозвучал резко, как удар бича.

— Так как же начался пожар, если он действительно был?

— Конечно, пожар был! Зачем бы я сказала... — возмутилась Бет.

— Прекрасно, Элизабет, еще ты сказала, что не должна была даже близко подходить к этим лудильщикам, как я неоднократно требовала. Так откуда же мне знать, когда ты лжешь мне, а когда говоришь правду? — размеренно произнесла Мередит.

Бет плотно стиснула губы, глаза ее горели.

— Ну, Генри? Ты знаешь, как мог начаться пожар?

— Нет! Хотя... ну... — он кивнул в нашу сторону, — у них же прямо пятки горят, до того они рвутся в лагерь, к этим бродягам. Наверное, так и подожгли, — елеиным голоском закончил он, глядя в глаза бабушке, и заранее улыбался, почти ликующе, в ожидании ее реакции.

Мерedit с минуту пристально изучала внука, а потом рассмеялась. Этот непривычный, пронзительный звук заставил вздрогнуть всех нас, даже Генри. Два ярких пятнышка — румянец удовольствия — расцвели на ее щеках.

Хотя Кэролайн, очевидно, так никогда и не приехала с визитом к ней в Суррей, невзирая на ее вопиющее отсутствие на похоронах Чарльза, Мерedit все же вернулась и осталась жить с ней. Наверное, жизнь была слишком тяжелой без мужа и с двумя детьми. Или потребовался уход за самой Кэролайн, а Мерedit ее любила вопреки всему. В конце концов, ей ведь предстояло стать следующей леди Кэлкотт, так что она, возможно, сочла своим долгом вернуться в родовое гнездо. Мне, понятное дело, никогда этого не узнать, потому что после ее возвращения письма прекратились. Я вспоминаю, с какой заботой и тщанием ухаживала она за Кэролайн, когда та совсем уже одряхлела, кормила ее, одевала, читала ей. Неужели она делала все это, но так и не заслужила материнской любви, даже за все труды? Неужели она надеялась услышать некое (так и не прозвучавшее) признание на смертном одре — услышать, что мать всегда ее любила и что она, Мерedit, была ей хорошей дочерью? А может быть, она полагала, что Кэролайн недолго осталось и она умрет вскоре после приезда дочери, строила планы насчет дома, подумывала о повторном замужестве и о новых детях, которые вдохнули бы в него жизнь? Но Кэролайн зажила на этом свете. Она, как королева-мать, все жила и жила, а ее наследница старела в ожидании, когда придет ее черед взойти на престол. Я уверена, без чего-то подобного здесь не обошлось — крушения надежд, какого-то горького разочарования. Что-то ведь должно было изменить Мерedit, совлечь с жизненного пути, которым она шла. Было же что-то, что заставило ее рьяно ухаживать за Кэролайн и сделаться такой, что наша мать в свое время отказалась принести своей матери подобную жертву.

Обо всем этом я размышляю, пока одеваюсь в понедельник утром. Натянув теплые вельветовые брюки, сую в карман зубное кольцо. Колокольчик тихонько звенит, мелодично и весело. Я спускаюсь в кабинет, шарю в ящиках стола и, найдя ручку и блокнот, кладу их в сумку. Денек сегодня ясный, с кристально-чистым воздухом, от яркого солнечного света болят глаза. Вот бы ухватить, нащупать ту бодрость, которую я испытывала в тот день, когда небо над головой было таким же синим, а мы шагали в Эйвбери, и для полного счастья с нами был Эдди. Предоставляю Бет — она разговаривает по телефону с Максвеллом — и дальше торговаться из-за сроков возвращения сына. Сестра сидит у окна на кухне в потоке света, который выбеливает ей лицо, смягчая выражение.

Солнце стоит невысоко в небе, по-зимнему. Оно светит мне в глаза сквозь лобовое стекло, лучами-копьями отражается от мокрой дороги, поэтому вести машину приходится сквозь слепящую стену света. Наконец сворачиваю с шоссе к поселку и вижу знакомую фигуру, бредущую вдоль белой заиндевевшей обочины. Одет как всегда легко, руки в карманах — единственная уступка кусачему морозцу. У меня что-то радостно подскакивает внутри. Я подъезжаю, опускаю оконное стекло и окликаю его. Динни прикрывается ладонью, прячет глаза от солнца, так что видны только подбородок и знакомая прямая линия рта, придающая ему такой серьезный вид.

— Куда направляешься? — спрашиваю я. От мороза у меня перехватывает дыхание, а глаза слезятся.

— На автобусную остановку, — отвечает Динни.

— Понятно, я так и подумала. А дальше куда? Я еду в Дивайзес, хочешь, подвезу?

Динни идет к машине, отнимает руку от лица. На таком ярком свете видно, что глаза у него карие, а не черные, теплого каштанового цвета, а в волосах выцветшие прядки.

— Спасибо. Это было бы здорово, — кивает он.

— За покупками? — Я съезжаю с обочины, мотор на морозе работает с натугой.

— Хочу посмотреть кое-что для ребенка. И еды купить. А ты?

— А я еду в библиотеку, там у них должен быть Интернет, как ты думаешь?

— Даже не знаю, никогда не был в здешней библиотеке, если честно. — В голосе Динни едва заметное смущение.

— Стыд какой, — подтруниваю я.

— Мне хватает газетных статей, чтобы читать еще и выдуманные истории, — улыбается он. — Решила проверить электронную почту?

— В общем, да, но еще хочу уточнить кое-что касательно регистрации браков, рождений и смертей. Пытаюсь разобраться в тайнах семейства Кэлкотт.

— Это как?

— Я нашла фотографию своей прабабушки, Кэролайн. Ты помнишь ее?

— Не особо. Хотя, кажется, видел ее когда-то пару раз.

— Она была американкой. И приехала, чтобы выйти замуж за лорда Кэлкотта в конце тысяча девятьсот четвертого года, но я нашла ее фотографию, сделанную в том же году в Америке, и на ней она с ребенком.

Я роюсь в сумке, на ощупь нахожу снимок и передаю Динни.

— Никто, похоже, не знает, что случилось с этим ребенком — о ее первом замужестве не сохранилось никаких записей, — но я нашла еще и письмо, которое подтверждает, что такое могло быть.

— Ну и что, ребенок же мог умереть еще до того, как она сюда приехала. — Динни слегка пожимает плечами.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Но просто хочу проверить — а вдруг она упомянута в документах? Если он... если я смогу доказать, что Кэролайн потеряла ребенка, еще одного, потому что, как мы знаем, одна ее маленькая дочь умерла уже здесь, в Бэрроу Стортоне, это поможет объяснить, почему она была такой.

На это Динни ничего не отвечает. Он изучает фото, хмурится чему-то.

— Не исключено, — шепчет он спустя какое-то время.

— Понимаешь, я пытаюсь понять, с чего это у Кэлкоттов — старших Кэлкоттов — такой бзик насчет Динсдейлов. У Кэролайн и Мередит, я имею в виду. Хочу выяснить, почему они так враждебно вели себя по отношению к вашей семье.

Мне вдруг ужасно хочется, чтобы Динни поддержал меня в этом желании.

— Бзик? — тихо переспрашивает он. — Это, по-моему, слишком мягко сказано.

— Я знаю, — извиняющимся тоном говорю я и меняю тему: — Как там Хани?

Некоторое время мы болтаем о его сестре, пока не приезжаем в Дивайзес. Я пытаюсь найти, где поставить машину. Вокруг несметное множество людей и жуткое количество машин.

— Что здесь происходит? — восклицаю я.

— Безумие. Сезон скидок начался, — вздыхает Динни, — попытай счастья на Овечьей улице.

Наконец я ухитряюсь втиснуть автомобиль на свободное место и задеваю соседний при попытке открыть дверь. В небо поднимаются дымки выхлопных газов, а городок гудит как улей — голоса, целеустремленные шаги, цокот каблучков. Мне кажется, что здесь слишком шумно, и я понимаю, что безмолвие Стортон Мэнора так глубоко проникло в меня, а я и не заметила. Удар был нанесен исподтишка, и вот теперь я ощущаю отсутствие тишины, будто лишилась чего-то жизненно важного.

— Хочешь, обратно тоже поедем вместе? — предлагаю я.

— А ты долго здесь пробудешь?

— Точно не знаю. Часа полтора? Или чуть дольше?

— Идет, спасибо. Встретимся здесь же?

— А может, в кафе на Хай-стрит, том, что с синими маркизами? Тому, кто придет раньше, не так холодно будет ждать, — предлагаю я.

Динни кивает, приветственно взмахивает рукой и спешит прочь, пробираясь между стоящими машинами.

Библиотека как раз и расположена на Овечьей улице, так что идти мне недалеко. Вентилятор над входной дверью выплескивает на меня волну горячего воздуха, и я остаиваюсь прямо на пороге, стаскиваю куртку и шарф, наслаждаюсь теплом. Внутри почти пусто, только несколько человек слоняются между полок, да сурового вида женщина за стойкой выдачи — она чем-то занята и на меня не смотрит. Сев за компьютер, я просматриваю записи о смертях за 1903, 1904 и 1905 годы, чтобы расширить сеть поиска, а также все, что касается фамилий Кэлкотт и Фитцпатрик, в Лондоне и Уилтшире. Выбираю из всех результатов сведения о смертях детей в возрасте до двух лет.

Страница в моем блокноте, который я положила рядом с собой на стол, так и остается чистой. Через час я записываю: *Он не здесь.*

Я вглядываюсь в последний список имен до тех пор, пока перед глазами не начинают мигать и расплываться точки. Может быть, ребенок в самом деле умер в Америке. Неизвестно, что там еще произошло, что заставило Кэролайн расстаться с человеком, подписавшим свое письмо инициалом «К.». Возможно, именно из-за этих событий она вообще решила приехать в Англию, и, вне всякого сомнения, из-за них она могла сделаться такой отстраненной, бесчувственной. Так почему же мне недостаточно этих сведений? Что хранится в дальнем уголке моего мозга, что не дает мне покоя, молит не останавливаться, разобраться во всем до конца? Есть что-то еще, что-то другое — то, что я знала, но забыла. Интересно, сколько же всяких сведений крутится у меня в голове, ожидая пока я обращу на них внимание и вытащу на свет. Я вынимаю из кармана зубное кольцо, провожу пальцем по его гладкой, отполированной поверхности. На колокольчике по краю надпись и рисунок — торговая марка. Крохотный свиток, поддерживаемый львом, якорь, готическая буква «Г» и еще что-то, что мне никак не удастся различить. Я поворачиваю его к свету, подношу к самым глазам. Пламя? Дерево — тонкое деревце вроде клена? Молот? От этого символа лучами расходится свет. Это головка молота, расположенная вертикально, как будто мы смотрим на нее сбоку в момент удара.

Я возвращаюсь к компьютеру, ввожу в поисковик «Американские торговые марки, серебро, Г». Появляется множество ссылок на онлайн-энциклопедии и руководства для коллекционеров серебряных изделий. Горэм. Компания основана в штате Род-Айленд в 1831 году. Эта известная ювелирная фирма специализируется на серебряных изделиях, ими были изготовлены серебряные чайные сервизы для Белого дома, но в основном Горэм славится чайными ложечками, наперстками и подобными подарочными вещицами. Нахожу и молот в листе символов, которыми у Горэма отмечали разные годы, — 1902-й. Выходит, это мне удалось доказать — кем бы ни был младенец на снимке, кем бы ни был его отец и что бы с ними ни стало, изящное кольцо из серебра и слоновой кости принадлежало ему. Это он был *прекрасным сыном*, которому предназначался подарок. Не Клиффорд, не какой-либо другой мальчик, даже если он родился у Кэролайн в

Англии. Я бережно держу колокольчик, чувствую, как нагревается в руке металл, а внутри чуть колеблется язычок, будто крошечное трепещущее сердце.

Медленно продвигаюсь по направлению к Хай-стрит сквозь скопления деловито снующих людей. В витринах яркая реклама, сулящая невероятные скидки и потрясающе выгодные покупки. Наружу из дверей магазинов вырываются музыка и теплый воздух, вываливаются люди с тремя, четырьмя, пятью заполненными доверху бумажными пакетами. Меня пихают, толкают со всех сторон, а кафе, когда я все же до него добираюсь, оказывается полно под завязку. Во мне поднимается раздражение, но тут я замечаю Динни, он сидит за столиком у запотевшего окна. В воздухе изумительный крепкий аромат свежемолотого кофе. Я пробираюсь к окну по тесным проходам между столиками.

— Привет, извини, долго пришлось ждать? — Я бросаю куртку на стул напротив него.

— Нет, недолго. Мне повезло с этим столиком — пара старичков как раз поднималась, когда я вошел.

— Будешь еще кофе? Может, поедем чего-нибудь?

— Спасибо. Еще кофейку не помешало бы.

Сцепив пальцы, он кладет руки на влажную столешницу, и что-то в нем вдруг кажется таким непривычным, что я таращусь, не в силах понять что именно. Потом до меня доходит — те редкие случаи, когда я видела Динни вот так, в покое, в уютной обстановке, можно пересчитать по пальцам одной руки. Чтобы он расслабленно сидел за столом, не спешил снова туда, на волю, и занимался чем-то обыденным и прозаичным, например пил кофе в кафе.

— Что-то не так? — спрашивает он, заметив мой взгляд.

— Все нормально. — Я трясую головой. — Сейчас вернусь.

Я покупаю две большие кружки кофе со сливками и миндальный круассан для себя.

— Ты сегодня не позавтракала? — спрашивает Динни, когда я сажусь.

— Почему? Ела... — Я отрываю уголок и макаю в кофе. — Но сейчас Рождество.

Динни благосклонно улыбается, приподняв одну бровь. Свет солнца льется в окно, и вокруг его головы образуется ореол, такой

ослепительный, что смотреть больно.

— Нашла, что искала?

— И да и нет. Согласно записям, по эту сторону Атлантики тот ребенок не умирал, значит, наверное, как ты и предположил, это случилось по ту сторону.

— Или... — начинает Динни.

— Или что?

— Или ребенок вовсе не умирал.

— Тогда где же он?

— Не знаю, это же ты ведешь расследование. Просто указываю на еще одну причину, по которой может не быть записи о его смерти.

— Верно. Но в брачном свидетельстве Кэролайн обозначено, что она девица. Так не написали бы, будь у нее ребенок от другого мужчины, — рассуждаю я. Динни пожимает плечом. Я протягиваю ему зубное кольцо: — Я проверила маркировку на этой штучке. Это...

— Зубное кольцо для ребенка? — кивает Динни.

— Подумать только, все это знают, кроме меня. — Я закатываю глаза. — Короче говоря, это американская фирма, а изготовлено оно в девятьсот втором году.

— А разве ты и без того не знала, что ребенок был рожден в Америке? Что это доказывает?

— Ну, по крайней мере это, по-моему, доказывает, что Кэролайн была его матерью. Когда я показала фотографию маме, она предположила, что Кэролайн могла сняться со своим крестником или с ребенком ее друзей... что-то в этом роде. Но если она всю жизнь хранила это кольцо, значит, наверняка это был ее сын, тебе так не кажется?

— Думаю, да, — кивает Динни и возвращает мне костяное кольцо.

От горячего кофе у меня покраснелись щеки. Динни смотрит в окно, на людную улицу, он о чем-то глубоко задумался.

— Так как же, нравится вам быть хозяйками поместья? Начали привыкать к новой жизни? — неожиданно спрашивает он, все еще глядя в окно, отвернувшись от меня.

— Вряд ли. Мне кажется, мы вообще никогда не сможем считать этот дом своим. А насчет того, чтобы остаться здесь жить... не знаю. На уход за ним понадобится куча денег.

— А как же все несметные богатства Кэлкоттов, о которых судачат в поселке, вы же их унаследовали?

— Боюсь, это только слухи. Состояние семьи пришло в упадок после войны, и я говорю о *первой* войне. Мередит постоянно жаловалась, что мои родители ей не помогают, что ей не под силу поддерживать дом и имение. Поэтому она постепенно распродала почти все земли, лучшие картины, серебро... ну, и так далее. После ее смерти остались кое-какие деньги, но их едва хватит, чтобы заплатить налоги на наследство.

— А как насчет титула?

— А... он перешел к Клиффорду, отцу Генри. — Произнося это имя, я поднимаю взгляд и на миг встречаюсь глазами с Динни. — Мой прадедушка, тоже Генри, обращался в парламент и внес поправку в грамоту о пожаловании дворянства, потому что у него не было сыновей. Согласно этой поправке титул баронессы мог перейти к Мередит, но потом должен был вернуться к мужчине. Ее наследователю мужского пола или как там это называется.

— Так вот почему Мередит оставалась Кэлкотт даже после замужества? А почему твоя мама тоже Кэлкотт? И как вышло, что ты и Бет тоже носите фамилию Кэлкотт?

— Потому что Мередит буквально вынудила моих родителей так сделать. Бедный папа не мог ей противостоять. Она заявила, что фамилию рода Кэлкотт никак нельзя утратить. У Элланов, видимо, недостаточно веса в обществе.

— Странно тогда, что она завещала дом вам, девочки, если титул перешел к дяде, а ей так хотелось, чтобы продолжался род и все такое, — бурчит Динни, гоня остатки кофе по дну кружки.

— А Мередит и правда была со странностями. Она никак не могла повлиять на то, кому перейдет титул, но с домом-то вольна была поступить как вздумается. Может, ей показалось, что это лучший способ сохранить семью.

— Стало быть, после Клиффорда титул...

— ...исчезнет. Не будет больше баронов Кэлкоттов. Теоретически Клиффорд мог бы обратиться в суд и передать его Эдди, но Бет ни за что на свете этого не допустит.

— Нет?

— Она не хочет иметь с этим ничего общего. Как и с домом, кстати. А это, видимо, определит и мое решение — ведь мы должны были поселиться здесь вместе, если захотели бы его сохранить.

Динни долго молчит. Я почти физически ощущаю сгустившееся между нами облако — это сопротивление Бет.

— Что, в общем, неудивительно, — тихо говорит Динни.

— Что? — переспрашиваю я, наклоняясь вперед.

Но Динни молча откидывается на спинку стула.

— Так почему же вы здесь? Если знаете, что все равно не останетесь?

— Мне казалось, что нам нужно здесь побывать. Что это будет хорошо... хорошо для Бет. Для нас обеих. Вернуться, пожить тут какое-то время и... — я неопределенно взмахиваю рукой, подбирая слова, — пережить заново. Ну, ты понимаешь.

— Чем же это так хорошо для нее? Мне показалось, она даже думать не хочет обо всем этом, не говоря уж о том, чтобы заново переживать. Ваши детские годы здесь, я имею в виду.

— Динни, — я продолжаю не сразу, — когда ты заходил и разговаривал с ней... что ты имел в виду, когда сказал, что ей кое о чем необходимо узнать? Что ты хотел ей сказать?

— А ты подслушивала, что ли? — спрашивает он с непонятым выражением.

Я пытаюсь изобразить раскаяние.

— Что ты имел в виду, Динни? Это как-то связано с Генри? — настаиваю я с яростно бьющимся сердцем.

Динни глядит на меня исподлобья:

— Мне кажется, я ей должен... нет, не то. Это неверное слово. Я уверен, что ей нужно, обязательно нужно узнать кое-что о... о том времени, когда мы были детьми. Я не знаю, что она об этом думает, но... кое-что тогда произошло совсем не так, как это выглядело, — тихо произносит он.

— О чем ты? — Я резко подаюсь вперед, впиваясь в него глазами.

Динни колеблется, замолкает.

— Бет все время втолковывает мне, что время нельзя повернуть вспять и мы не можем возвратиться в прошлое.

Я быстро поднимаю на него глаза:

— Но я просто хочу, чтобы ты знал, Динни... ты можешь мне доверять.

— Доверять тебе? В чем, Эрика? — спрашивает он, и в голосе его слышится горечь.

— Да в чем угодно. Я на твоей стороне. Во всем, что происходит или происходило.

Я понимаю, что выражаюсь недостаточно ясно. Но просто не знаю, как объяснить ему лучше. Динни трет переносицу и на мгновение прикрывает глаза. Когда он снова их открывает, я испытываю потрясение, увидев в них слезы, которые еще не готовы пролиться.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — тихо говорит он.

— Как же так?

Снова молчание, он задумывается.

— Ты закончила все дела в городе? — спрашивает он, готовый к отъезду.

Проверив мобильник, я обнаруживаю три пропущенных звонка от моей соседки по квартире, Аннабел. Это имя всплывает будто из другой эпохи, из совершенно иного мира. Я ошарашенно соображаю, что могло случиться: у нее проблемы с платой за квартиру или радиатор в моей комнате снова протек и испачкал ковер? Но все эти вопросы кажутся мне неважными, слишком далекими. Вот тогда-то я и понимаю — то, что осталось там, больше не моя жизнь. Это была жизнь, которой я жила, но в какой-то момент, сама того не заметив, перестала. И у меня не так уж много времени на то, чтобы понять, чем это для меня обернется. Я поднимаюсь в свою комнату, чтобы дочитать письма и подумать. Слушаю тишину, которая кажется звенящей после городской суеты и шума. Из-за окна доносится приглушенная перепалка грачей. Ни музыкальных птичьих трелей, которые радовали бы слух, ни перезвона церковных колоколов, ни детского смеха. Только глубокая тишина, которая поначалу выводила меня из себя. Я позволяю ей снова проникнуть в себя. Удивительно, а ведь это и есть ощущение дома.

Во вторник я еду на машине в Вест Хатч, щурясь на неярком солнце. Это небольшая деревня. Я дважды объезжаю вокруг нее, пока

не обнаруживаю то, что ищу. Перед маленьким кирпичным домиком, явно построенным в шестидесятые, стоит, перегородив проезд, потрепанный дом на колесах. Когда-то он был новеньким, кремового цвета, с поперечной кофейной полосой с обеих сторон. Сейчас он весь позеленел от сырости, с колес сняты шины. И все же я мгновенно его узнаю. Ведь я не раз бывала внутри, сидела на мягких, набитых волосом пластиковых сиденьях и пила замечательный домашний лимонад. И сейчас у меня комок в горле. Это дом Микки и Мо. Я вспоминаю Мо, какой она была тогда — кругленькая и с плутоватой улыбкой, — вспоминаю, как она прислонялась к дверному косяку и, вытирая руки о голубой фартук, провожала глазами убегающего Динни и нас с Бет. И Микки, с его холеными усами, в комбинезоне, вечно перемазанном машинным маслом, с черной сажой, въевшейся в руки.

Подойдя к дверям, я обнаруживаю, что нервы у меня на взводе. Но я не боюсь, скорее взволнована. Звонок отзывается мелодичным электронным *динь... дон*. Никогда бы не подумала, что Мо станет откликаться на такой звонок, но она появляется в дверях. Она кажется мне меньше, постарела, конечно, и волосы слегка поредели, но я узнаю ее моментально. На лице появилось больше морщинок, а волосы стали неестественного каштанового цвета, зато глаза все те же, с хитрой усмешкой. Она смотрит на меня твердым, оценивающим взглядом, и я радуюсь, что мне не нужно ничего ей продавать.

— Да?

— Ээ... здравствуйте, а я хотела проведать Хани. И малышку. Я Эрика. Эрика Кэлкотт. — Я с радостью вижу, что Мо узнает имя и пристально всматривается в меня, пытаюсь различить знакомые черты.

— Эрика! Бог ты мой, да я в жизни бы тебя не узнала! Ты стала совсем другой!

— За двадцать три года с девочками такое случается, — улыбаюсь я.

— Ну, что же ты стоишь, заходи, мы как раз все тут, в гостиной. — Мо пропускает меня в дом, показывает рукой на левую дверь, а я вдруг робею. Интересно, кто эти *все тут*.

— Спасибо, — говорю я, входя в прихожую, сжимаю в ледяных руках цветы в пластиковой обертке.

— Входи, входи, — приговаривает Мо, и у меня не остается выбора. — Я уж слышала, как ты чуть было не познакомилась с

маленькой Хайди по пути в больницу!

— Чуть было! — вторю я... и оказываюсь единственной, кто стоит в комнате, полной сидящих людей.

Здесь жарко натоплено. Вид из окна слегка колыхнется из-за теплого воздуха от батареи, и лицо у меня, чувствую, уже густо покраснело. Я озираюсь, улыбаясь как идиотка. Динни, сидящий на краю дивана, бросает быстрый внимательный взгляд и улыбается, увидев меня.

Рядом с ним сидит Хани, около нее пустая коляска, на руках сверток. Рядом с ней еще одна девочка, мне она незнакома, с ярко-малиновыми волосами и серьгой в губе. Мо представляет ее как Линду, подружку Хани. Пожилой мужчина, subtilный, художавый, — Кейт, бойфренд Мо. Сесть в комнатухе некуда, так что я смущенно переминаюсь с ноги на ногу, а Хани пытается подняться.

— Ой, нет, не вставай! — говорю я, протягивая ей цветы и коробку шоколадных конфет, потом пристраиваю их на столе между пустых кружек из-под кофе и тарелкой со сдобным бисквитным печеньем.

— Я и не собиралась. Это я тебе ее даю, — объясняет Хани, взмахивая густо намазанными ресницами, и протягивает мне младенца.

— Ой, нет. Не надо. Мне кажется, ей у тебя удобно.

— Да не трусь. Подержи ее, — настаивает Хани, кривя губы в улыбке. — Как ты нас разыскала?

— Сначала отправилась вниз, в лагерь и наткнулась на Патрика. Он сказал, что вы дома. — И я бросаю взгляд на Динни, просто не могу удержаться.

Он пристально смотрит на меня, но я не могу понять, с каким выражением. Я бросаю сумку и принимаю Хайди из рук ее матери. Ярко-розовое личико, все еще помятое и сердитое, под копной темных волос, тоньше паутинки. Она не шевелится, пока я кое-как пристраиваюсь на подлокотнике дивана. Я нерешительно целую ее в лоб и чувствую молочный запах новорожденного. Мне вдруг становится любопытно, что бы я почувствовала, будь это мой ребенок. Хочется оказаться посвященной в эти секреты — откуда берется сила во взгляде Бет, когда она смотрит на сына? как ему удастся придавать

матери сил, исцелять ее одним своим присутствием? Эти создания имеют над нами такую власть. Я внезапно ощущаю в себе зародыш, намек на какое-то желание, какую-то потребность, о которой раньше даже не подозревала.

— Совсем *кроха*, — беззвучно говорю я, и Хани округляет глаза.

— Да уж, не говори. Такое пузо, столько суеты, и все из-за ничтожных пяти фунтов! — говорит она, но грубоватый тон не может скрыть, как она счастлива и горда.

Начало разговору положено, и атмосфера в комнате, кажется, слегка разрядилась.

— Она просто красавица, Хани. А ты молодец! Она много кричит?

— Нет, пока не очень. Довольно спокойная...

Хани тянется ко мне, не может долго оставаться даже на расстоянии вытянутой руки от ребенка. Наклонившись поближе, я замечаю темные тени у нее под глазами, кожу бледную настолько, что на висках просвечивают голубые вены. Вид у нее усталый, но она радостно возбуждена.

— Она еще покричит, даже не сомневайся, — ехидно замечает Мо, и Хани обжигает ее взглядом.

— Поставлю-ка еще чайку. — Кейт поднимается и собирает пустые кружки на поднос. — Вы не откажетесь выпить чашечку, Эрика?

— С удовольствием. Спасибо.

Я ощущаю на себе взгляд и оглядываюсь. Это Динни, он все еще смотрит на меня. Какие же темные у него глаза, сейчас опять кажутся черными как у тюленя. Я отвечаю на его немигающий взгляд, целых два удара сердца, потом он отводит глаза и резко встает. Мне вдруг становится неловко, приходит в голову, что ему, возможно, неприятно мое бесцеремонное вторжение.

— Мне нужно идти, — объявляет Динни.

— Что? Почему? — удивляется Хани.

— Да так... дело есть. — Он наклоняется, целует сестру в макушку, потом, поколебавшись, поворачивается ко мне: — Мы всей компанией собираемся в паб завтра вечером, может, вы с Бет присоединитесь?

— Ой, спасибо. Да... я предложу Бет.

— Принесите мне стаканчик, — ворчит Хани. — Новый год, а я буду сидеть дома и в девять залягу спать.

— Ничего, скоро привыкнешь, так что не волнуйся, — бодро произносит Мо, и у Хани вытягивается лицо.

— Я вернусь ближе к вечеру. Пока, мам, — улыбается ей Динни, на ходу касается щеки Мо и выходит из комнаты.

— Что ты с ним сделала, признавайся? — спрашивает меня Хани, она улыбается, но глаза не смеются.

— Ты о чем?

— Да он же подскочил, как кролик, когда ты вошла, — делится она наблюдением, но тут ее внимание опять привлекает Хайди, и я возвращаю ей ребенка.

Возвращается Кейт, несет поднос с горячим свежим чаем, разлитым по кружкам. На елке в углу мигают огоньки: сначала медленно, потом быстро и снова медленно. Мо расспрашивает меня о доме, Мередит и Бет, об Эдди.

— Натан рассказывал, что ваш Эдди играл с Гарри, когда был здесь, — говорит она.

— Да, они подружились. Эдди чудесный мальчик. Он со всеми ладит и никого не судит.

— Что ж, ведь и Бет всегда была такой хорошей девочкой. Так что ничего удивительного, — кивает Мо.

Она дует на чай, верхняя губа у нее вся в морщинках, как у бабушки Флага. Это открытие меня поражает — признак того, как много времени прошло с тех пор. Вот уже и к Мо подкралась старость.

— Да. Она... прекрасная мать, — подтверждаю я.

— Господи! Я чувствую себя развалиной, когда вижу, что ты стала совсем взрослой, Эрика. И Бет тоже... у нее уже собственный ребенок, подумать только! — вздыхает Мо.

— А у вас теперь есть внучка, — улыбаюсь я.

— Да. Честно сказать, это застало нас врасплох, но, как ни крути, теперь я бабушка. — И она лукаво глядит в сторону Хани.

— Ой, да *брось*, мам, сколько можно. Мы уже раз сто говорили на эту тему, — раздраженно бросает Хани.

Мо машет рукой в знак примирения, потом устало трет глаза.

— Господи, да что толку-то? — бормочет она, но затем улыбается.

Мы замолкаем, слышно, как Хайди лепечет во сне.

— Мо, я хотела кое о чем у вас спросить... можно? — заговариваю я.

— Валяй, почему нет? — спокойно говорит она, но смотрит настороженно, а пальцы рук вцепляются в колени, будто ищут опору.

— Не могли бы вы еще раз мне рассказать, почему дедушку Флага звали... Флагом? Я помню, кто-то мне про это говорил, когда мы были маленькими, но я не помню...

Мо явно расслабляется, разжимает руки:

— Ах, это! Ну что ж, это я знаю. У него было конечно же и настоящее имя, Питер. Но дело в том, во всяком случае, так мне рассказывали, что он был подкидышем. Представляешь? Дед и бабушка Микки в один прекрасный день нашли его прямо в лесу, на красивой поляне, где росли болотные флаги, знаешь, такие большие желтые цветы? Вот как-то так все это было. Его подкинула какая-то молоденькая девушка, может, служанка, которая явно оказалась в беде. — Хани при этих словах бросает вызывающий взгляд исподлобья. — Ну, а они его подобрали, вырастили как собственного сына и назвали Питером. Но куда чаще его приемная мама, бабушка Микки, называла его «своим малышом из флагов» или как-то так, вот кличка и приклеилась.

— Я вспомнила. На поляне с болотными флагами... — произношу я, и в самом деле вспоминаю эту историю. Ее мне, разумеется, рассказывали в детстве — всё, кроме этой детали. Трепеща от нетерпения, от того, что нашла на след, я чувствую, что что-то не сходится. — А вы знаете, когда это случилось? В каком году?

— Боже, нет конечно! Извини. В самом начале прошлого века, примерно тогда, но точнее сказать не могу. Бедный малютка! Можешь ты себе представить, чтобы ребенка бросили вот так? Не зная, найдет его кто-нибудь, или он так и будет лежать беспомощный и страдать, пока не умрет. Просто жуть какая-то. — Мо шумно отхлебывает чай. — Понять-то можно, ведь в те времена с ребенком никто бы в ее сторону не посмотрел. Ни на работу не взяли бы, ни замуж... — Она возмущенно качает головой. — Мерзкие уроды!

— А вы знаете, где они его нашли? В смысле, в какой части страны?

— Да здесь же, здесь, конечно. В Бэрроу Стортоне. Это был здешний ребеночек, откуда же еще ему взяться?

Я молча перевариваю эти сведения и уже открываю рот, чтобы рассказать им, о чем я думаю, но не могу. Внезапная догадка кажется мне слишком значительной, невероятной, головокружительной, и каким-то образом она перекликается с чем-то, что я услышала вчера в кафе от Динни.

— А почему ты спрашиваешь? — интересуется Мо.

— А... да просто интересно. Я, когда приехала сюда, взялась за изучение... истории Кэлкоттов... и все такое. Стала рыться в памяти, стараюсь восстановить те события, которые помню, и пытаюсь заполнить пробелы, — поясняю я.

Мо кивает.

— Так всегда и бывает. Мы не чешемся, пока люди, которые могут ответить на наши вопросы, не умрут, и только потом соображаем, что у нас было о чем их расспросить, — говорит она с некоторой грустью.

— Ох, сомневаюсь, что Мередит стала бы отвечать на мои вопросы, — саркастически улыбаюсь я. — Никогда не была ее любимицей.

— Знаешь, если вас интересует история вашего дома, вам бы нужно поговорить со старым Джорджем Хетэуэем из Корнер-Коттедж, — вступает в разговор Кейт, который сидит, упершись острыми локтями в костлявые коленки.

— О! А кто такой Джордж Хетэуэй?

— Симпатичный такой старикан. Почти всю жизнь держал гараж на шоссе по дороге в Дивайзес. Сейчас-то он, конечно, на покое. А вот мать его была служанкой в большом доме еще тогда, в те давние времена.

— А в какое примерно время? — загораюсь я.

— Ух! — Кейт машет красной узловатой кистью, будто швыряет что-то себе за спину. — Давным-давно. Тогда, знаете, работать начинали очень рано. По-моему, она нанялась в служанки, когда была совсем еще девчушкой. До Первой мировой, это уж точно.

Я делаю глубокий вдох, от волнения у меня зудят ладони.

— Знаете, как его найти, Корнер-Коттедж? — продолжает Кейт. — Если выходить из поселка, в сторону Пьюси, помните, так еще дорога резко сворачивает влево? И там маленький домик под крышей из тростника, за зелеными воротами.

— Да, да, знаю его. Спасибо вам, — благодарно улыбаюсь я.

Вскоре я откланиваюсь, тем более что Хани задремала на диване, а Мо, забрав у нее девочку, укладывает ее в коляску.

— Заходи к нам еще, обязательно! И Бет приводи, я буду рада повидаться с вами обеими, — приглашает Мо, и я киваю, уже выходя на улицу, где мороз больно кусает меня за нос.

Я направляюсь напрямиком в Корнер-Коттедж, стоящий в отдалении на окраине Бэрроу Стортон. Стены, когда-то белоснежные, посерели и покрылись грязными разводами. Штукатурка местами растрескалась, тростник совсем потемнел и просел. Ворота заперты, но я протискиваюсь внутрь и иду по сплошь заросшей сорняками дорожке. Изо всех сил стучу в дверь три раза, замерзший дверной молоток обжигает пальцы.

— Вы ко мне, красавица? — Невысокого роста бодрый старик улыбается мне, приоткрыв дверь на цепочке.

— Здравствуйте. Э-э... извините за беспокойство, вы Джордж Хетэуэй? — Я поспешно собираюсь с мыслями.

— Я, я, красавица. Чем могу быть полезен?

— Меня зовут Эрика Кэлкотт, и я хотела бы...

— *Кэлкотт*, вы сказали? Из поместья? — перебивает Джордж.

— Да, совершенно верно. Я просто...

— Секундочку! — Дверь захлопывается у меня перед носом, а через мгновение распаивается, уже без цепочки. — В жизни не подумал бы, что кто-то из *Кэлкоттов* навестит меня, войдет в эту дверь. Вот так штука! Входите, входите, не стойте на пороге!

— Спасибо. — Я захожу внутрь. Внутри чисто, прибрано, тепло. Приятный сюрприз, учитывая то, как выглядит домик снаружи.

— Проходите. Я только поставлю чайник, и вы расскажете, что же вас ко мне привело. — Джордж устремляется впереди меня по узкому коридору. — Вы пьете кофе?

Кухня тесная, захлавленная — банки из-под печенья, половники и кухонные лопатки, ржавеющее решето, луковая шелуха. Вещи красноречивее слов говорят об отсутствии в доме женщины. На столе лежит деталь от мотора, черная и промасленная. Набор гаечных ключей на холодильнике. Джордж двигается проворно и расторопно, и это заставляет забыть о его возрасте. Аккуратно причесанные белые вьющиеся волосы обрамляют узкое лицо, удивительные бледно-

зеленые глаза, такого же цвета, как огонь, когда горит собранный на берегу плавник — так окрашивает пламя морская соль.

— А я ведь только вчера вернулся, повезло вам, что застали меня дома. Ездил на Рождество к дочери в Йовил, навещал. Рад я был с ней повидаться, и с внуками, конечно, тоже, а все-таки как ни хорошо в гостях, а дома лучше. Верно я говорю, Джим? — Он обращается к маленькой, толстой жесткошерстной дворняжке, которая выбирается из своей корзинки, ковыляет к нам и обнюхивает мне ноги. От собаки исходит острый душок, но я, тем не менее, чешу ее за ухом. Под ногтями остается вонючая грязь. — Ну вот. Садитесь, красавица.

Старик протягивает мне кружку быстрорастворимого кофе, и я, присев на стул у столика с пластиковым покрытием, блаженно обхватываю ее замерзшими руками.

— Так вы, стало быть, переехали теперь в большой дом, так?

— О, нет, на самом деле не совсем. Мы приехали сюда на Рождество — я и сестра. Но вряд ли мы будем жить здесь постоянно, — пускаюсь я в объяснения.

У Джорджа разочарованно вытягивается лицо.

— Как обидно... Надеюсь, хоть продавать не собираетесь? Было бы жаль, чтобы такой дом ушел из семьи, которой принадлежал столько лет.

— Да, я понимаю. Понимаю. Но наша бабушка оставила довольно специфические распоряжения насчет дома, так что... ну, скажем так, нам было бы слишком трудно сохранить его, — говорю я.

— О, простите, вы не должны оправдываться. Я сую нос не в свое дело. В семейные дела лучше не лезть, там бог знает сколько своих тонкостей, даже в таких важных семействах.

— Видимо, в важных особенно, — улыбаюсь я.

— Матушка моя служила в вашей семье, вы знаете? — сообщает мне Джордж с нескрываемой гордостью в голосе.

— Да, знаю. Я поэтому к вам и пришла. Мне о вас рассказали Динсдейлы...

— Мо Динсдейл?

— Да, она.

— Милая леди. И смышленная, знаете ли. Обычно это мужская работа — чинить автомобили. У меня у самого был гараж, знаете ли, у дороги на Дивайзес. Но когда их большой фургон нуждался в ремонте,

Мо всегда сама присутствовала и смотрела за мной зорко, как ястреб! Это было лишнее, я и не собирался никогда водить ее за нос, ни к чему мне это, милая леди, — хихикает Джордж.

— Мне стало интересно, рассказывала ли вам ваша матушка о времени, которое она провела в усадьбе? — спрашиваю я, отпивая кофе и обжигая горло.

— Говорила ли она об этом? Да она никогда *не переставала* говорить об этом, красавица моя, с тех самых пор, как я еще мальчонкой был.

— Да что вы? А долго она там работала, не знаете? Вам известно, когда она туда пришла? — В нетерпении я наклоняюсь к Джорджу. Под столом Джим приваливается к моей ноге, тяжелая теплая тушка.

Джордж ухмыляется:

— Из-за того, сколько времени она там прослужила, и был весь сыр-бор! Ее ведь уволили, знаете ли. Спустя всего каких-то восемь или девять месяцев после того, как она приступила к работе. Такой вот позорный факт, в нашей семье его немного стыдились.

— О... — Я не могу скрыть разочарования, едва ли она могла много узнать за такое короткое время. — А за что уволили, вы не знаете? Что случилось?

— Леди Кэлкотт обвинила ее в воровстве. Мать отрицала это до конца своих дней, но ничего не попишешь. Тогда благородным не требовалось доказательств. Пришлось ей собирать вещички, и никаких рекомендаций не дали, ничего. Повезло еще, что здешний мясник — мой папаша — был в нее влюблен с того момента, как в первый раз ее увидел. Вскоре они поженились, так что не пришлось ей долго жить в нужде.

— Которая леди Кэлкотт это была? Вы знаете год, когда ваша матушка работала в доме?

— Леди Кэрлайн, вот она и была. Конец девятьсот четвертого и начало девятьсот пятого года, помню, мать не раз мне это говорила. — Джордж задумчиво потирает подбородок, погрузившись в воспоминания. — Наверняка так, — заключает он. — Она же вышла за моего старика осенью девятьсот пятого.

— Кэрлайн была моей прабабушкой. Хотите, я покажу вам ее фотографию? — улыбаюсь я. — Снимок при мне, в сумке. Нью-Йоркский портрет.

Джордж в радостном удивлении расширяет глаза:

— Ох ты, ох ты, поглядите-ка! Совершенно такая, какой я ее помню! Приятно, что серые клеточки пока еще работают, не все забыл окончательно!

— Вы знали ее? — Я поражена.

— Не *знал*, конечно, это громко сказано, такие, как она, не заходили на чашку чая к таким, как мы. Но мне случилось видеть ее время от времени. Она пару раз открывала церковный праздник, знаете, потом было большое веселье по поводу коронации — в пятьдесят втором. Тогда всем открыли доступ в сад при большом доме, флаги развесили и все прочее. Это, кажется, единственный раз, когда они что-то сделали для народа. Весь поселок собрался тогда поглазеть, ведь Кэлкотты, вы уж простите меня, мисс, всегда были прижимисты — не очень-то раскошеливались на угощение даже для благородных. Никого из нас больше туда не приглашали ни по какому случаю.

— Меня зовут Эрика, называйте меня так, пожалуйста, — говорю я. — А что еще ваша матушка рассказывала о своей службе у Кэролайн? Ну, например, почему ее вдруг обвинили в краже, если она утверждала, что не делала этого?

Джордж смотрит на меня немного сконфуженно:

— Там была какая-то странная история. Мать у меня всегда была очень прямой, честной, врать совсем не умела. Но почти никто не верил в то, что она рассказывала, так что мало-помалу она и перестала об этом говорить. Однако ж я помню, хоть и был тогда совсем маленьким, что она вроде бы увидела что-то, чего ей видеть не полагалось. Нашла вроде что-то, что не должно было...

— Что это было? — У меня перехватывает дыхание.

— Я расскажу, коли перебивать не будете, — выговаривает мне Джордж с улыбкой. — Она говорила, что будто из дому тогда пропал *ребенок*. Она и не знала, чей он был, этот ребенок, просто появился однажды неизвестно откуда. Вот как раз в это люди и отказывались верить. Детки не появляются просто так, верно? Должна же была какая-то девушка выносить его и родить. Но мамаша клялась, был-де ребенок в доме, а потом снова пропал, так же быстро, как появился. А примерно в то же время какого-то младенца нашли в лесу, и лудильщики — как раз из семьи Мо — носили его по деревне и спрашивали, чей он. Никто его не признал, так они и оставили

мальчишку себе и вырастили. Но моя мать не могла держать язык за зубами — она рассказывала каждому, кто только соглашался послушать, что это ребенок из большого дома, что она его там видела, а потом леди Кэлкотт взяла его и унесла. Ну, понятное дело, леди К. потребовала, чтобы она убиралась. Обвинила ее в краже какой-то побрякушки, да и дело с концом. Вылетела мать оттуда так быстро, что не успела пальтишко набросить. Что хотите, то и думайте. Кое-кто в деревне поговаривал, что мамаша просто выдумала всю историю с ребенком, чтобы оправдать свой грешок, понимаете? Навести тень на Кэлкоттов, которые ее выгнали взащей. Ну, не знаю, может, они и правы, конечно. Она была совсем молоденькой, когда туда нанялась, мать-то моя. Лет пятнадцать ей было, не больше. Может, слишком молода для такой важной работы... Только не могу я поверить, чтобы она просто выдумала что-то подобное. И что украла, тоже не верю. Она всю жизнь была честной, до самого конца, старушка моя.

Джордж замолкает, и я понимаю, что слушала его не дыша. Сердце бухает так, что даже больно, отдает даже в пальцы, так что они слегка дрожат. Я постукиваю ногтем по размытому изображению младенца на фотографии из Нью-Йорка:

— Вот тот ребенок. Это и есть мальчик, появившийся в усадьбе. Тот ребенок, которого Кэрлайн унесла потом в лес и оставила. Ваша матушка не лгала, — задыхаясь, говорю я ему.

Джордж смотрит на меня изумленно, а я чувствую облегчение — все сошлось, задача решена, хотя дело и очень давнее, скрытое в глубине прошедших лет.

Я рассказываю ему все, что знаю, то, что собрала по крупицам: о письмах, этом снимке, зубном кольце, отсутствующей в комплекте наволочке с желтыми болотными флагами. И о вековой неприязни к Динсдейлам. Я говорю и говорю, пока во рту не пересыхает так, что приходится хлебнуть остывшего кофе. Закончив рассказ, я чувствую, что дико устала, но счастлива. Как будто я нашла что-то очень ценное, что считала безвозвратно утерянным. Как будто удалось заполнить громадную зияющую дыру в моем прошлом — нашем прошлом. Моем, Бет, Динни. Он — мой троюродный брат. Нет двух враждующих фамилий, есть одна семья. После долгого молчания Джордж заговаривает:

— Я прямо оторопел. Доказательство... через столько-то лет! Моя мать, если только слышит вас оттуда, где уж там она находится, поверьте, красавица, она пустилась сейчас в пляс от радости! А вы прямо-таки уверены, что это все правда?

— Да, совершенно уверена. Может, для суда это не было бы достаточным доказательством, но я уверена на все сто процентов. Ребенок прибыл с Кэролайн из Америки, и каким-то образом ей удавалось его скрывать даже после того, как она вышла за лорда Кэлкотта. Но потом он каким-то образом оказался здесь, в поместье, и она вынуждена была от него избавиться. Эта часть истории самая загадочная и темная — где находился мальчик раньше и, раз уж она была замужем до того и имела ребенка, к чему его скрывать? Но здесь слишком уж много совпадений. Мальчик, который исчез, и тот, другой, которого нашли, без сомнения, один и тот же ребенок.

— Как жалко, что нас сейчас не слышат все те люди, что называли мою матушку лгуньей.

— А как звали вашу матушку? — спрашиваю я ни с того ни с сего.

— Кассандра. Эванс была ее девичья фамилия. Погодите, я покажу вам ее фотографию.

Джордж подходит к комоду, открывает ящик, роется в нем. Фотография, которую он мне протягивает, запечатлела Кассандру Эванс в день свадьбы. Сразу после того как она стала Кассандрой Хетэуэй. Миниатюрная, изящная девушка с решительным взглядом и широкой улыбкой. Гладкая кожа, темные волосы уложены крупными локонами, к ним приколоты цветочная гирлянда. На ней скромное простое платье с кружевной вставкой на лифе, тонкая полоска кружева на стоячем воротничке. Эта девушка видела дедушку Флага в младенчестве, когда он еще был *прекрасным сыном* Кэролайн. Ей могло быть известно, что же за секрет Кэролайн поведала своей тетушке Б. Я всматриваюсь в пятнышки ее темных глаз, словно могу разглядеть в них эту тайну.

Я покидаю Корнер-Коттедж, пообещав, что непременно еще зайду в гости.

— Новый дружественный союз между Кэлкоттами и Хетэуэями! — восклицает Джордж в совершенном восторге, провожая меня до ворот.

У меня не хватает мужества признаться, что я, скорее всего, не вернусь никогда ни в поселок, ни в усадьбу, ни в эти края. Эта мысль вызывает у меня, надо сказать, неожиданные чувства, особенно если учесть, что больше двадцати лет я счастливо прожила, обходясь без визитов сюда. Сейчас мне вдруг становится невыносимо тоскливо, я захлебываюсь в этой печали, проваливаюсь в нее, как в бездонный колодец, из которого не выбраться — именно этого так боялась Бет, когда я купалась в Росном пруду. А я ведь даже вещи еще не распаковала, там, в доме. Одежда так до сих пор и лежит в чемодане. Кое-как свалена в кучу, и в душе у меня такой же беспорядок. Я отклонилась от намеченной траектории, сошла с наезженного пути и теперь несусь без руля и ветрил, сама не зная куда.

На обратном пути в усадьбу я размышляю о крови. Обо всех еле заметных знаках, о свойствах и особенностях, которые передают нам наши предки. Моя манера паясничать, попав в затруднительное положение, мамины способности к рисованию, изящество Бет, прямые брови и черные глаза Динни. Целый вихрь из едва уловимых следов, составляющих нашу основу. Я думаю о наследственности, о крови, о нашем происхождении, моем и Бет, Динни и дедушки Флага. И Генри, конечно. Генри, последнего истинного отпрыска рода Кэлкоттов. Как-то раз он показал нам кровь Динни, наверху, у кургана. Мне кажется, это привело в замешательство даже самого Генри, пусть даже на мгновение. Он был потрясен, а потом обрадовался, конечно. Он ликовал. Это случилось в то лето, когда он пропал, но раньше, в самом начале каникул. Кажется даже, хотя и не могу сказать наверняка, это был самый первый день, когда мы все увиделись.

Разумеется, я и раньше видела, как дерутся мальчишки. В школе, в дальнем углу двора, где стена спортзала скрывала драчунов от бдительного ока дежурного. *Угол* — так это называлось. На уроках от парты к парте проходил шепоток — новая тайная встреча, очередная смертельная схватка. *Гэри и Нил, в углу, во время обеда!* Эти события всегда щекотали мне нервы, правда, драки всегда закачивались быстро. Противники дергали друг друга за куртки, один толкал другого, тот падал на землю. Иногда вцеплялись в волосы. Дело могло закончиться ссадинами, разбитыми коленками. Потом дежурный замечал толпу или один из дерущихся начинал реветь. Победитель имел право дать деру, а

проигравший должен был остаться и притворяться, что ничего не случилось.

Но с Динни и Генри все было иначе. Мы поднялись к кургану, чтобы запустить модели самолетов, которые все утро мастерили из плотной оберточной бумаги и палочек от леденцов. Нам нужно было место для разбега — хорошая стартовая позиция и восходящий поток воздуха, как выразился Динни. Мередит по своему обыкновению враждовала с деревенскими. Она запретила фермерам-арендаторам в поместье нанимать на работу сезонных рабочих и, таким образом, оставила фермеров без необходимой помощи, а Динсдейлов — без летней работы, на которую те рассчитывали. Именно этого она, конечно, и добивалась, хотя теперь я уже не так в этом уверена. Она ведь не могла не понимать, что в конце концов вынуждена будет уступить. Думаю, она просто хотела напомнить им, что она все еще здесь и ненавидит их. В дом все время кто-то приходил для переговоров, вспыхивали скандалы, а мы слышали большую часть происходящего. Как и Генри, разумеется. Карабкаясь за нами к кургану, он был вооружен этими знаниями.

— А ты что здесь делаешь? Разве ты не должен бежать просить милостыню? Вся ваша семейка скоро будет побираться или, еще лучше, воровать, — начал он с ходу, глумливо поглядывая на Динни. — А иначе вам не на что будет *купить* еды. Никаких шансов, если будете по-прежнему околачиваться в этих местах.

— Заткнись, Генри! Иди отсюда! — скомандовала Бет, но он только скривил губу.

— Сама заткнись! Нечего мне указывать, что делать! Я вот скажу бабушке, что ты водишься с погаными бродягами!

— И говори! Мне до этого нет дела! — выкрикнула Бет. Она выпрямилась, вытянулась и дрожала как натянутая тетива.

— А лучше бы *было* дело — будешь с ними водиться, сама скоро можешь стать грязной бродяжкой. Да от тебя уже воняет, как от них. И мозгов у тебя кот наплакал, так что с тебя станется... — Генри тяжело дышал после подъема на крутой склон, шея от злости пошла красными пятнами.

Динни буравил его глазами с такой ненавистью, что мне стало страшно. Охваченная тревогой и отчаянием, я подбросила в воздух свой самолетик.

— Смотрите! Смотрите, как далеко полетел! — закричала я, подпрыгивая. Но ни один из них не повернул головы.

— А с тобой что такое? Ты что, говорить еще не научился? Слишком тупой? — издевался Генри над Динни. Тот смотрел на него, стиснув зубы, но не произнес ни слова. Его молчание было вызовом, и Генри снова бросился в атаку: — А я, кстати, только что видел твою мать. Она рылась в помойке, искала что-нибудь вам на ужин.

Динни молча бросился на него. Так стремительно, что я не сразу поняла, заметила движение, только когда он столкнулся с Генри, — и они, сцепившись, покатались по склону вниз.

— Не надо! — крикнула Бет, но я не знаю, к кому из двоих она обращалась.

Сама я окаменела от ужаса. Это совсем не было похоже на школьные потасовки, на дергание за полы куртки. Мне казалось, что они хотят убить друг друга. Я видела оскаленные зубы, кулаки, страшное напряжение мышц.

Потом Генри нанес удачный удар. В буквальном смысле слепая удача, потому что Динни в этот момент вцепился ногтями ему в лицо, так что он зажмурился. Генри махал руками, нанося удары во все стороны, и ему повезло. Кулаком он со всей силы угодил Динни в нос. Динни сел, оглушенный, помотал головой, а в следующий миг из носа хлынула струя алой крови, кровь полилась вниз, закапала с подбородка. Я никогда не видела такой крови. Такой яркой, такой быстрой. Не темные пятна на топоре мясника, к которому мы с мамой ходили за покупками. Динни подставил ладонь под подбородок и собирал в нее кровь, как будто хотел ее так удержать. Ему, наверное, было очень больно.

В глазах у него стояли слезы, потом они потекли по щекам, смешиваясь с кровью. Генри, когда до него дошло, что случилось, победно выпрямился и стоял над Динни, ухмыляясь. Я помню, как торжествующе раздувались его побелевшие ноздри. Помню его восторженный взгляд. Динни посмотрел на него, а я в этот момент посмотрела на Динни. Глаза у него горели так, что мы с Бет не сразу отважились к нему приблизиться.

Канун Нового года пришелся на среду, и я, признаться, воспринимаю ее просто как среду. Ни следа былой радости,

предвкушения праздника. Прежде — теперь я могу себе признаться — это всегда был восторг, смешанный с неким благоговейным страхом. Шум и крики, сопровождающие фейерверки над Темзой, и неизбежные мрачные размышления о том, как долго потом будет бушевать толпа на улицах. А сейчас это просто среда, хотя в нее вторгается томительное ожидание некоего рубежа. Бет обещала, что останется до Нового года. До завтра. Пока мне в голову приходит только одно обстоятельство, которое могло бы повлиять на ее решение, заставить ее побыть здесь подольше. Если ей удастся убедить Максвелла и Эдди приедет сюда, чтобы остаться до конца каникул, тогда она передумает.

Конечно, волнует меня и кое-что еще. Я взвинчена, потому что собираюсь вечером сделать одно объявление.

На улице бушует непогода. Я включаю радио, и его звук заглушает завывания ветра. Мне приходится долго убеждать Бет пойти в паб — приходится врать, что это для нее, возможно, последняя встреча с Динни перед отъездом. Изматывающий вой ветра чуть не сводит на нет все мои усилия.

— Волосы подколоть или распустить? — спрашиваю я, когда Бет входит в ванную, и, демонстрируя варианты, сначала собираю свои волосы в узел, потом распускаю по плечам.

Она смотрит оценивающе, склонив голову на плечо.

— Распусти, в конце концов, это просто пивная, — выносит она вердикт.

Я пропускаю волосы сквозь пальцы.

— Ага, я и идти собираюсь в простых джинсах, — киваю я.

Подойдя ко мне сзади, Бет нагибается и, положив подбородок мне на плечо, заглядывает в зеркало. Видит ли она? Замечает ли, какое у нее худое по сравнению с моим лицо — кости, обтянутые кожей? А кожа кажется слишком уж тонкой, слишком бледной.

— Я понимаю, что это новогодний вечер. Но просто... мне просто не очень хочется куда-то выходить из дома. Мы совсем не знакомы с этими людьми... — начинает Бет, отходя от меня.

— Я уже начала знакомиться... И ты узнаешь, если будет почаще выходить. Ну, пожалуйста, прошу тебя, Бет. Нельзя же все время сидеть одной. И уж точно не сегодня.

— А почему тебе вообще так хочется проводить с ним время? Просто одержимость какая-то. Что в этом хорошего? Мы с ним совсем *чужие!* Мы ведем абсолютно разную жизнь! Скоро мы уедем отсюда и, может быть, вообще никогда больше не увидимся. — Бет нервно ходит у меня за спиной, взад и вперед.

— Это не одержимость, — шепчу я, нанося на веки серебристые тени и разглядывая результат в зеркало. — Это *Динни*. Он, можно сказать, *самое* главное действующее лицо всего нашего детства... Вот что я предлагаю! — Я поворачиваюсь к сестре, ловлю ее взгляд. — Давай не будем даже думать про все это хотя бы сегодня вечером, ладно? Просто посидим, выпьем за Новый год, повеселимся, да?

Я беру ее за плечи и чуть встряхиваю. Бет делает глубокий вдох и задерживает дыхание.

— Ладно. Ты права. Прости, — уступает она. В ее голосе слышится облегчение, на лице даже появляется улыбка.

— Вот так-то лучше. А теперь иди и налей нам с тобой виски. *Много* виски, — командую я.

— Ну, наконец-то, — комментирует Бет, когда я вхожу в кухню.

— Это нас немного взбодрит и создаст праздничное настроение, — улыбаюсь я и беру стакан из ее рук. Мы чокаемся и выпиваем. Улыбка Бет выглядит несколько натянутой, но видно, что она старается. — Что вы решили с Максвеллом? Эдди приедет сюда?

— Что, сюда? Нет, — отвечает она. — Я хотела, чтобы он приехал и провел последнюю неделю каникул со мной, дома. Но Макс говорит... что им нужно съездить к его родителям... Я не знаю... — Бет вздыхает. — Мне постоянно приходится сражаться за то, чтобы залучить его к себе.

— Ну, зато он был у нас на Рождество... — Я разочарована. Мне ничем ее здесь не удержать. Я мучаюсь, пытаюсь изобрести что-то, выдумать предлог, чтобы задержать Бет хоть ненадолго. Я еще не закончила, мне нужно еще время. Меня охватывает паника.

— Всего несколько дней из целого месяца каникул! Не больно-то честно.

— Зато дни самые важные, — возражаю я, голос звучит резко. Я потеряла нить разговора. Мне нужно было бы настаивать, уговаривать ее снова привезти Эдди сюда — здесь у него новый дружок, Гарри.

Бет отпивает виски. Я вижу, как пульсирует ее горло, когда она глотает.

— Да, все понятно. Просто я... ужасно скучаю по нему, Рик. Я вообще не представляю, куда мне себя девать, когда не нужно заботиться о нем, — с отчаянием признается Бет.

— Что значит, куда девать — ты мать, его мать, независимо от того, рядом ли он с тобой, в соседней комнате, или нет. И еще ты моя старшая сестра. А сейчас, и это самое важное, твоя задача — догнать меня и допить виски, потому что мне нужна компания, я не намерена в одиночку мучиться головной болью наутро после встречи Нового года, — шучу я.

— Ну, тогда до дна. — Бет решительно опрокидывает стакан, глотает виски, что-то бессвязно бормочет и хохочет.

— Ну вот, это мне больше нравится! — смеюсь и я.

На улице промозгло. Холод пробирается под одежду, несмотря на виски, глаза слезятся от ветра, губы трескаются. Сжав зубы, мы почти бежим, пригнувшись, наплевав на изящество. Неослабевающий ветер гонит обрывки облаков по чернильно-черному небу. Во всем поселке горят огни, разгоняя ночной мрак и одиночество. Я тяну на себя дверь, и на нас выплескиваются волны горячего воздуха и веселья, подстегнутого «Белой лошадью».^[21] Внутри тесно, тепло. Мы вдыхаем чужое дыхание, плывем сквозь тяжелый запах алкоголя и тел. Голоса громкие, близкие. Я уверена, что внутренняя тишина Бет с радостью подчинится этому шуму. Я прокладываю путь через бар, высматриваю в толпе Патрика или Динни, хоть кого-нибудь знакомого. Замечаю наконец дреды Гарри, в укромном закутке в дальней части паба. Беру два виски, воду, поворачиваю голову и кивком приглашаю Бет за собой.

— Привет! — воплю я, первой подходя к столу.

Я узнаю некоторые лица — это люди, которые были на вечеринке в канун Рождества, и другие, кого я встречала в разные дни в лагере. Дениз, Сара и Кип. Динни и Патрик, разумеется. Патрик улыбается до ушей, улыбается и Динни, широко открыв глаза от удивления и радости при виде меня. В следующее мгновение мне кажется, что он улыбался Бет, а не мне, но уверенности нет.

— А вот и хозяйки поместья! Присоединяйтесь к нам, леди! — зовет Патрик, радушно взмахивая рукой над головами. Он

разрумянился, глаза блестят.

Гарри хлопает меня по руке, и я, повинувшись порыву, обнимаю его и целую в щеку, наткнувшись на щеточку усов. Динни смотрит вытаращив глаза. Поднимается суматоха, все теснятся на подковообразной скамейке, освобождая место для меня и Бет на другом конце.

— Я, оказывается, здесь никогда не была, — кричу я. — В последний раз, когда мы сюда приезжали, были еще слишком малы!

— Это преступление! Ну, раз вы теперь местные жительницы, пора познакомиться с заведением. Ваше здоровье! — говорит Патрик, и мы сдвигаем стаканы. Холодная жидкость выплескивается через край, попадает на тыльную сторону ладони Динни.

— Извини. — Я смущена, а он пожимает плечом:

— Да ничего. — Динни слизывает виски с кожи, морщится: — Не понимаю, как ты только пьешь эту отраву.

— Четыре глотка... ну, или пять... и привыкаешь, — отвечаю я игриво. — Ну что, ты привыкаешь к роли дяди?

— Нет! Все никак не могу поверить, что у Хани ребенок — она же секунд пять назад сама была ребенком. — Динни, усмехнувшись, качает головой.

— Извлеки максимум удовольствия, пока она еще маленькая, — советует Бет, без особого успеха стараясь перекрыть шум голосов. — Они так быстро растут! Невозможно поверить, до чего быстро! — делает она еще одну попытку, на этот раз погромче.

— Ну, я-то действительно получаю максимум удовольствия! Развлекаюсь с малышкой, а потом отдаю, если навоняет или начинает выть, — ухмыляется Динни.

— Потому-то мне всегда так нравилось быть тетей, — подхватываю я, улыбаясь Бет.

И мы болтаем дальше в том же духе. Сидим себе и болтаем как добрые соседи, как приятели. Я стараюсь не задумываться об этом, не думать, как это чудесно, чтобы не разрушить очарование.

— Как продвигается твое семейное расследование? — спрашивает меня Динни позже, когда мне становится тепло, а лицо слегка немеет.

Я таращусь на него.

— Ты имеешь в виду *нашу* семейную историю? — переспрашиваю я.

— Нашу? Что ты имеешь в виду?

— Ну, дело в том, что я выяснила, что мы, собственно говоря, родственники. — И я широко улыбаюсь.

Бет хмурится, а Динни смотрит недоуменно.

— Рик, о чем ты говоришь? — спрашивает Бет.

— Довольно дальние, троюродные, по прабабке. Серьезно! — добавляю я, заметив недоверчивые, скептические взгляды со всех сторон.

— Что ж, тогда послушаем, — весело говорит Патрик, складывая руки на груди.

— Вот. Мы знаем, что у Кэролайн был ребенок, мальчик, еще до того, как она вышла замуж за лорда Кэлкотта в девятьсот четвертом году. Имеется фотография, и она до конца жизни хранила детское зубное кольцо...

— Ребенок, мальчик, который, скорее всего, так и не перебрался с ней через океан, — перебивает меня Бет, — иначе ей не удалось бы повторно выйти замуж в качестве девицы, а мы знаем, что так и было.

— Погоди... послушай меня. В доме я обнаружила комплект старинных наволочек, в котором одна отсутствует — наволочка с вышитыми на ней цветами, желтыми болотными флагами. Теперь вспомни, Динни, твой дедушка сам рассказывал нам о том, почему у него такое прозвище, а мама твоя мне на днях эту историю напомнила. Но только за долгие годы кто-то перепутал детали. Мо сказала, что Флага нашли на поляне с цветами, поэтому он и получил свое странное имя. Здесь, в Бэрроу Стортоне, леса растут на склонах, почвы тут сухие, не заболоченные, и здесь вряд ли растут болотные флаги. Я уверена... *уверена*, я совершенно ясно помню, дедушка Флаг сам мне говорил, что его нашли завернутым в одеяльце с желтыми цветами. Это наверняка была наволочка — обязана быть!

Я настаиваю, кипячусь, потому что Патрик издевательски хмыкает, а Динни смотрит еще более недоверчиво.

— А сегодня я познакомилась с Джорджем Хетэуэем...

— Это какой, не тот, что держал гараж на шоссе? — уточняет Патрик.

— Он самый. Когда Кэролайн только-только туда приехала, его мать работала в большом доме. Ее оттуда выставили якобы за кражу, но, по словам Джорджа, она уверяла, что ее выгнали за то, что она

знала о ребенке в доме. И это как раз в то время, когда Динсдейлы нашли Флага! В доме был ребенок, а потом исчез. На самом деле ваш дед — сын нашей прабабки. Я в этом уверена, — заканчиваю я, тыча нетвердым пальцем в Динни.

Он внимательно смотрит на меня, трет подбородок, обдумывает услышанное.

— Это... — Бет пытается подыскать достаточно сильное слово, — смехотворно!

— Почему это? — вопрошаю я. — Это объясняет враждебность Кэролайн к Динсдейлам: представь, она избавляется от ребенка, думает, что это навсегда, что больше его не увидит, а они подбирают и растят его буквально у нее на пороге. Это должно было сводить ее с ума. Вот почему она так их возненавидела.

— Вот такой вопрос, — подает голос Динни, — она привозит с собой ребенка, держит при себе какое-то время, до второго замужества. По каким-то причинам первый брак в бумагах не упомянут, но она не может выйти замуж за лорда, если ребенок незаконный, это просто невозможно. Стало быть, она до поры до времени держит его здесь, в Бэрроу Стортоне, а потом подбрасывает в лес. Меня интересует — почему? С какой стати она так поступила?

— Потому что... — Я умолкаю, рассматривая свой стакан. — Я пока не знаю. Но я над этим думаю. Ваш дедушка не был болен чем-нибудь, он не был инвалидом?

— Здоровый был, как бык, до самой старости, — мотает головой Динни.

— Может, лорд Кэлкотт не позволили бы ей оставить сына от другого мужчины?

— Это невозможно, — бодро вступает Патрик. — На самом деле ребенок Кэролайн, скорее всего, умер еще там, в Америке, а здесь одна из *служанок* попала в беду... может, это мать Хетэуэя в момент отчаяния стащила из господского дома наволочку и избавилась от своего незаконного ребенка? Неудивительно тогда, что она всю жизнь врала про это и что за такое ее и уволили.

— В этом есть смысл, — поддерживает Бет.

Я трясую головой:

— Нет. Я знаю, что это был ребенок с фотографии. Должен быть он, — настаиваю я.

— А что касается ее отношения к нам и ко всему нашему семейству, — продолжает Патрик, — она просто была продуктом своего времени. Бог свидетель, нам и сейчас немало приходится сталкиваться с разными предрассудками, а уж сто лет назад — и говорить нечего! Кочевая жизнь считалась преступлением, все это знают.

— Ладно, ладно! — кричу я. — Я остаюсь при своем мнении, уверена, что я права. А ты что скажешь, Динни?

— Я не уверен, что все это так. И не уверен, что хотел бы оказаться Кэлкоттом. Они слишком долго плохо относились к людям, которых я люблю, это тянулось годами, — отвечает он и смотрит мне прямо в глаза, так, что я вынуждена отвести взгляд.

— Ну, давай выпьем, родственница, — подводит итог Патрик. Звучит миролюбиво, но не убедительно. Тема исчерпана, я со своим выступлением села в лужу.

— Во всяком случае, гипотеза была смелая. — Бет дружески пихает меня локтем в бок.

К полуночи у меня звенит в ушах, а когда я поворачиваю голову, мир плывет, и мне требуется время, чтобы вернуть его на место. Я прислоняюсь спиной к Гарри, который сидит рядом и уже выпил столько колы, что каждые двадцать минут бежит в туалет. Вокруг меня ведутся разговоры, я в них тоже участвую, я часть происходящего. Я довольна жизнью — пьяная, поглупевшая. В полночь бармен включает радио на полную громкость, и мы слушаем Биг Бен, ждем, затаив дыхание, когда закончится перезвон и прозвучат удары, возвещающие наступление нового года. Паб взрывается, а я думаю о Лондоне, о том, что там, далеко, эти колокола звучат без меня, унося в прошлое мою старую жизнь. Внезапно я совершенно ясно понимаю, что не хочу возвращаться к ней. Патрик, и Бет, и другие люди целуют меня. Потом я поворачиваюсь к Динни, подставляю щеку и получаю от него поцелуй, который потом ощущаю так долго, что даже начинаю подозревать, не останется ли у меня на коже чего-то вроде водяного знака.

Вскоре Бет тянет меня за рукав и говорит, что уходит. Толпа уже немного поредела, остались почти одни пьяные, и я одна из них. Мне хочется побыть еще. Я хочу, чтобы праздник продолжался, хочу

продлить иллюзию того, что среди этих людей я не чужая. Бет качает головой и говорит мне на ухо:

— Я устала. По-моему, тебе тоже пора, идем вместе, по крайней мере будем уверены, что обе благополучно добрались. Ты уже достаточно выпила сегодня.

— Со мной все в порядке! — Я выражаю свое несогласие слишком громко, тем самым доказывая, что сестра права.

Бет встает, прощается, улыбаясь всем, начинает одеваться и протягивает мне мою куртку.

— Нам пора, — говорит она, улыбаясь всем в общем, но не встречаясь глазами с Динни.

— Ага. Вечеринка уже практически закончилась, — зевает Патрик. Его ясные глаза покраснели.

— Можно пойти к нам, если хотите. Выпивки сколько угодно, — приглашаю я с энтузиазмом.

Бет обращает на меня предостерегающий взгляд, но мое приглашение никто не принимает — ссылаются на поздний час, опьянение, скорое похмелье. Я натягиваю куртку. Двигаюсь неловко, путаюсь, не могу найти рукава. Пытаясь выбраться из-за стола, я толкаю его, стаканы звякают. Когда мы поворачиваемся, чтобы уйти, Динни ловит Бет за руку, притягивает к себе и что-то говорит ей на ухо.

— Спокойной ночи, кухня Эрика! — окликает он меня, увидев, что я, покачиваясь, удаляюсь.

— Я все-таки права! — повторяю я упрямо, ковыляя прочь из паба.

— Эрика! Подожди меня! — кричит мне вдогонку Бет, появляясь в дверях паба. Но я, кажется, не могу остановиться. В моей крови огонь, он гонит вперед мое тело, я им не управляю. — погоди же, стой!

Она догоняет меня, бежит рядом.

— Вообще-то там было довольно мило, — говорит она.

— Я тебе говорила, — отвечаю я громко, перекрывая ветер. Я не могу точно определить, что сейчас чувствую. Какое-то дикое раздражение, безграничное отчаяние от того, что я ничегошеньки не знаю наверняка.

— О чем это вы там шептались с Динни?

— Он... э-э... — Она кажется смущенной, — он просто попросил, чтобы я довела тебя до дому и уложила в постель. Вот и все.

— И все?

— Да, это все! Не начинай, Эрика, ты напилась.

— Не так уж я и напилась! У вас с ним вечно были свои секреты, и с тех пор ничего не изменилось. Почему ни один из вас мне не расскажет, что случилось тогда?

— Я... я уже говорила — просто не хочу это обсуждать, да и тебе это ни к чему. А ты что, и Динни уже спрашивала? — В голосе Бет звучит тревога, почти ужас. Я начинаю вспоминать, путано и бестолково, но прихожу к выводу, что не спрашивала, по крайней мере напрямую.

— Что он тебе на самом деле сейчас сказал?

— Я только что тебе *сказала!* Господи, Эрика... ты *ревнуешь?* Все еще? Спустя все эти годы?

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к ней, пытаюсь рассмотреть ее в тусклом свете. Мне никогда не приходило в голову, что она знает. Что оба они знают, что вообще замечают, как я требую к себе внимания. От этого открытия мне становится только хуже.

— С чего мне ревновать, — бормочу я. Ох, если бы это было правдой!

Мы идем дальше, молчим, спотыкаемся, идем по шоссе. Когда мы подходим к дому, я понимаю: что-то неладно. Какой-то тревожный звоночек трезвонит у меня в мозгу, пытается пробиться сквозь пьяную дымку. Похоже, все дело в молчании Бет. В его качестве, в его продолжительности и глубине.

Бет отпирает входную дверь, но я пячусь назад из темного холла. В бледном свете луны он вообще похож на открытую могилу. Бет заходит, вспыхивает ослепительный желтый свет, и я поворачиваю назад.

— Ну что же ты, все тепло выпустишь, — произносит она.

Я трясую головой:

— Пойду пройдуся.

— Не говори ерунды. Половина первого ночи, холод собачий. Иди в дом.

— Нет. Я... побуду в саду. Нужно, чтобы голова прояснилась, — твердо говорю я.

Бет — силуэт в дверном проеме, безликий и черный.

— Тогда я подожду здесь, пока ты не войдешь. Не задерживайся.

— Не надо ждать. Иди ложись. Я недолго.

— Эрика! — зовет Бет, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти. —

Ты... ты не намерена оставить это дело? Ты не хочешь бросить свое расследование? — Настоящий страх звучит в ее голосе. Он кажется хрупким, как стекло. Я и сама испугана этой переменой в ней, ее неожиданной слабостью, уязвимостью, тем, как она держится за дверной косяк, словно боится улететь. И все же я не даю себя разжалобить.

— Нет. Не хочу. — И я ухожу прочь от нее.

Я не позволю этому вечеру закончиться, пока не добьюсь чего-нибудь, пока не приду к какому-то решению, пока не вспомню. Пересекаю бугристую лужайку, ноги меня не слушаются, подворачиваются, коленки ватные. Под пологом леса темнота гуще. Я поднимаю голову, вытягиваю перед собой руки и иду на ощупь. Я знаю, куда иду.

Росный пруд — еще один сгусток темноты у моих ног. От воды поднимается запах грязи, приветствуя меня. Надо мной повисло недвижимое небо; кажется странным, что звезды висят на месте и их не сдувает ветер. От этого у меня кружится голова. И вот я сижу в глухую зимнюю пору, в глухую ночную пору, женщина с распухшей от виски головой, и пытаюсь вернуться в детство, снова стать маленькой девочкой-фантазеркой под жарким летним небом. Уставившись на воду, я мысленно переносусь туда. Дыхание замедляется, и я в первый раз замечаю промозглый холод от земли, проникающий сквозь джинсы. Я подтягиваю колени к груди. *Ой, да ты, кажется, описалась, Эрика?* Это смеется Генри. Генри улыбается своей мерзкой улыбочкой. Генри наклоняется, смотрит по сторонам. Что он делал? Что искал? А что делала я? Я снова вошла в воду. Я уверена. Это был маневр — я пыталась отвлечь его. Я повернулась и побежала, плюхнулась в воду, подняв множество брызг, потом скрючилась под водой, потому что трусики начали с меня сползать. А когда я подняла голову... когда я вытерла глаза... нашел ли Генри то, что искал?

Не успев сообразить, что делаю, я оказываюсь в воде. Как тогда. Я плюхаюсь в воду, поднимаю множество брызг, потом реальность, просочившись под одежду, настигает меня, и кожа вспыхивает от

обжигающе холодной воды. Боль просто нереальная. Я не понимаю, где берег, не представляю, куда двигаться, что делать. Тело меня не слушается, корчится, извивается само по себе. Мне нечем дышать, я не могу вдохнуть, ребра не двигаются, как сломанные. Я умираю, думаю я. Иду ко дну, как камень. Наконец достану до самого дна, мне же всегда этого так хотелось. У воды нет поверхности, небо тоже больше нет. И я вижу Генри. Сердце, кажется, остановилось. Я вижу Генри. Я вижу, как он следит за мной с берега — широко раскрытые глаза, скептическая улыбка. Вижу, как он пошатнулся, вижу кровь, она бежит по его лицу, заливая глаза. Как много крови. Я вижу, как он начинает падать. Потом я снова оказываюсь на берегу, и это просто счастье. Здесь так тепло, так много жизни после кинжального удара воды. Воздух наконец устремляется в мои легкие, я вдыхаю и кричу... и плачу от боли.

Я вижу берег. Он расплывается у меня в глазах, а тело снова начинает погружаться в воду. Я пытаюсь грести, двигать руками, ногами. Но ни одно движение не выходит таким, как нужно. Сердце теперь выскакивает из груди, бьется слишком быстро, оно вообще слишком велико для моей груди. Оно явно решило сбежать от меня, от этого сосущего холода. Я не могу удержать воздух в легких. Он со свистом вылетает, как только меня обступает вода. С меня заживо сдирают кожу, меня жгут. Одной рукой я колочу по берегу, но не чувствую пальцев, кожи, только ощущаю сопротивление. Я вцепляюсь в него, вколачиваю пальцы в грязь, пытаюсь ухватиться за сушу и второй рукой подтянуться. Я борюсь, барахтаюсь. Я — крыса в бочке, еж в пруду. Я начинаю плакать.

Чьи-то руки хватают меня под мышки, тянут вверх, пока я не оказываюсь коленями на берегу. Еще рывок, и я на суше; с одежды, волос, изо рта ручьями течет вода. Я кашляю и рыдаю от счастья, что спасена, и от боли.

— *Какого черта, что ж ты делаешь?* — Это Динни. Его голос эхом отдается у меня в ушах, видеть его я еще не могу, не могу шевельнуть чугунной головой на одеревеневшей шее. — Решила покончить с собой что ли, совсем одурела?!

Он груб, вне себя от злости.

— Я... не уверена, — хриплю я и снова начинаю самозабвенно кашлять. Звезды позади его головы дрожат и вращаются.

— Вставай! — командует Динни. Голос у него до того злой, что меня оставляют последние силы. Я сдаюсь. Лежа на земле, я отворачиваю от него голову. Тела я не чувствую, не чувствую и сердца.

— Оставь меня в покое, — прошу я. Мне кажется, я это сказала. Но я не уверена, были ли слова слышны или я их только выдохнула. Динни поворачивает меня к себе, встает сзади и тянет меня вверх, держа под мышки.

— Давай-давай. Сначала нужно согреться, а отдыхать будешь потом.

— Мне тепло. Даже жарко, — отбиваюсь я, но тут меня снова начинает бить дрожь, сотрясается каждая мышца, все тело, с головы до пят. Голова лопается от боли.

— Пойдем, пойдем. Тут не очень далеко.

Довольно скоро я прихожу в себя, снова чувствую, что с меня сдирают кожу. Болят ребра, руки, голова. Пальцы на руках и ногах пульсируют, мучительно ноют. Я сижу в фургоне Динни в мокром белье. Завернутая в одеяло. Рядом со мной чашка горячего чая. Динни кладет полную ложку сахара, велит мне пить. Я отхлебываю, обжигая язык. Я все еще дрожу, но гораздо меньше. Внутри походного госпиталя теплее, чем я предполагала. Угли в печке отбрасывают блики на наши лица. По одной стенке тянется узкая скамья, вдоль другой — полки, буфет и рабочий стол. Уголок, выделенный под жестяные котелки. На печке — чайник, на крючках висят кастрюли и сковородки.

— С чего ты вдруг отправился к пруду? — спрашиваю я. Голос у меня охрипший, больной.

— Вообще-то, я не собирался. Я шел домой, и тут раздался дикий шум и плеск — это ты свалилась в воду. Тебе просто повезло, что ветер дул с востока, а то я ничего бы не услышал. И прошел бы мимо. Ты хоть понимаешь, что могло тогда случиться? Даже если бы ты сумела выбраться, но потом провалялась бы с полчаса на берегу... ты понимаешь?

— Да. — Я потрясена, я раскаиваюсь. Сейчас во мне не осталось ни капли виски. Заплыв начисто смыл все следы опьянения.

— Ну, а ты что там делала? — Он сидит напротив меня на складном стульчике, нога на ногу, руки скрещены на груди. Весь «забаррикадирован».

Я пожимаю плечами:

— Я пыталась вспомнить. Тот день. День, когда погиб Генри. — *Погиб*, говорю я. Не *пропал*. Я жду, поправит ли меня Динни. Он не поправляет.

— К чему тебе это вспоминать?

— Потому что я *не помню*, Динни. Совсем не помню. Но я должна вспомнить. Мне нужно.

Он долго молчит, ничего не отвечает. Сидит и изучающе смотрит на меня, полуприкрыв глаза:

— Зачем? Почему это тебе нужно? Если уж ты в самом деле не помнишь, значит...

— Только не говори, пожалуйста, что лучше и не вспоминать, что так лучше! Бет без конца повторяет это, но это неправда! Я упускаю какую-то деталь, совсем чуть-чуть... Я не могу перестать думать об этом...

— Ну, давай.

— Я знаю, что он мертв. Знаю, что мы его убили. — Когда я произношу это, меня вновь начинает знобить, я дрожу так, что проливаю чай себе на ноги.

— *Мы* его убили? — Динни неожиданно вскидывает на меня глаза, его взгляд оживает. — Нет. *Мы* его не убивали.

— Что это значит? Что же там *было*, Динни? Куда он делся?

Вопрос надолго повисает между нами. Я жду, что сейчас он ответит мне. Жду, что ответит. Пауза затягивается.

— Я не могу ничего сказать, это не моя тайна, — выдавливает Динни, вид у него измученный.

— Мне просто хотелось бы... чтобы все было правильно, — тихо объясняю я. — С людьми. Мне хотелось бы, чтобы Бет росла нормально и стала бы такой, какой могла бы стать, если бы ничего этого не случилось. Все беды начались тогда, я в этом уверена. И еще, я хочу, чтобы мы дружили, как раньше...

— Может, мы и дружили бы. — Его голос кажется безжизненным.

Я вскидываю голову, жду объяснений.

— Да только вы перестали приезжать! — с горячностью восклицает Динни. — Каково мне было, как думаешь, после всего, что я...

— После всего, что ты... что?

— После того, как мы все время были вместе, вместе росли... Вы взяли и просто перестали приезжать.

— Мы были детьми! Родители перестали нас привозить... мы мало что могли с этим поделать...

— Они вас привозили на следующее лето. И потом еще один раз. Я вас видел, хотя вы меня и не видели. Но вы ни разу не пришли в лагерь. Полиция *наизнанку* вывернула наш лагерь, трясли всю мою семью, когда искали этого парня. Все смотрели на нас как на преступников! Я уверен, что вашу усадьбу они не выворачивали наизнанку, так? Сомневаюсь, что у вас в оранжерее искали свежерытую могилу...

Я смотрю на него молча. Даже не знаю, что ответить. Пытаюсь вспомнить, обыскивала ли полиция дом, но не могу.

— Сначала я думал, что вам запретили сюда приходить. Но вам и раньше всегда это запрещали, а вы все равно приходили, вас это не останавливало. Потом я решил, что вы, наверное, боитесь... может, не хотите говорить о том, что случилось. А потом наконец я понял. Вам было просто-напросто наплевать.

— Неправда! Мы были всего лишь детьми, Динни! То, что тогда случилось, было... неподъемным. Мы не знали, *что* с этим делать...

— *Ты* и правда была совсем ребенком, Эрика Бет и мне было по двенадцать. Это не так уж мало. Достаточно, чтобы понимать, что такое дружба и верность. Вы же могли зайти... не умерли бы от этого... Хотя раз... Написать свой адрес, написать письмо...

— Я не знаю, — признаю я. — Я не знаю, как это получилось. Я... во всем подражала Бет. Я вообще плохо помню, что происходило потом, чем мы занимались. Я не знаю, когда и почему это вылетело из моей головы. Почти не помню, что происходило в следующие два или три лета. А потом мы перестали приезжать.

— Понятно, ничего удивительного. Если вы обе были в таком состоянии, ваша мать, должно быть, решила, что вам это вредит.

— Нам это *действительно* вредило, Динни.

— Ну и ладно. Что было, то было. Теперь ни к чему это ворошить, даже если очень хочется.

— Мне это необходимо, — упрямо шепчу я. — Я хочу вернуть Бет. И хочу вернуть *тебя*.

— Тебе одиноко, Эрика. Мне тоже было одиноко, и долго. Не с кем обо всем этом поговорить. Видимо, надо с этим смириться.

— Чья это тайна, Динни, если не твоя и не моя?

— Я никогда не утверждал, что она не твоя.

— Моя и Бет?

Он только смотрит на меня, не говоря ни слова. У меня на глаза наворачиваются слезы, текут по щекам, неправдоподобно горячие.

— Но я *не знаю*, — повторяю я тихонько.

— Все ты знаешь. — Динни наклоняется надо мной. В тусклом свете мне отчетливо видны черные ресницы в оранжевом ореоле от печного огня. — Тебе пора, иди ложись спать.

— Не хочу. — Но он уже на ногах. Я вытираю лицо, замечаю, как покраснели и воспалились руки, вижу грязь под ногтями.

— Иди прямо так, в одеяле. Отдашь как-нибудь потом. — Динни сворачивает мою мокрую одежду, сует узел мне. — Идем, я провожу.

— Динни! — Я поднимаюсь, чуть покачнувшись.

В тесном пространстве фургона нас разделяют какие-то жалкие сантиметры, но он жутко далеко от меня. Динни останавливается, поворачивается ко мне лицом. Не могу подобрать слов, не знаю, что сказать. Я ту же заворачиваюсь в одеяло, наклоняюсь к нему, нагнув голову, так что чуть не касаюсь лбом его щеки. Шагнув вперед, я кладу руку ему на плечо, упершись большим пальцем в жесткий выступ его ключицы. В таком положении я стою, сердце успевает стукнуть три раза, а потом чувствую, как его руки обхватывают меня. Я задираю подбородок, задеваю его губы своими и неловко тянусь к ним. Его руки стискивают меня крепче, у меня перехватывает дыхание. Если бы я только смогла, я остановила бы время, так, чтобы земля перестала вращаться, чтобы можно было остаться здесь навсегда и стоять вот так, в темноте, прижимаясь губами к губам Динни.

Он провожает меня до дома, прямо до парадной двери, и, захлопывая ее за собой, я различаю звук, который заставляет меня замереть. Журчит льющаяся вода. Этот звук разносится вниз по лестнице, отдается еле слышным эхом, и проложенные в стенах трубы отзываются душераздирающим воем.

— Бет? — окликаю я, стараясь, чтобы не клацали зубы.

С трудом стянув с ног набухшие сапоги, я прохожу на кухню, где горит свет. Бет здесь нет.

— Бет! Ты наверху? — кричу я, отшатнувшись от слепяще-яркого света, голова у меня разрывается.

Вода льется по-прежнему, наполняя меня невыносимой тревогой. Я отчаянно пытаюсь сфокусировать взгляд, сосредоточиться, потому что здесь, на кухне, что-то не так. Что-то неправильно, и от этого у меня мгновенно пересыхает горло, а кровь молотом стучит в висках. Подставка для кухонных ножей опрокинута набок и лежит на столе, а ножи вытянуты из своих гнезд и валяются вокруг в беспорядке. Во второй раз за эту черную ночь у меня останавливается дыхание. Я опрометью бросаюсь по лестнице наверх, проклиная ватные ноги, которые слишком медленно шевелятся.

Испытания

1904–1905

Начальник вокзала в Додж-сити проявил необыкновенное сочувствие. Он внимательно выслушал историю Кэролайн об утерянном билете и позволил ей на месте оплатить всю поездку от Вудворда до Нью-Йорка. Она провела много дней в поезде, глядя в окно, любуясь хмурым грозовым небом, то ослепительно-белым, то ясным фарфорово-голубым, столь прекрасным, что у нее болела голова. Она ни о чем не думала, но время от времени касалась больного места в глубине души, проверяя, не удастся ли расстоянию ослабить скорбь, перед которой время оказалось бессильным. Уильям постепенно оправлялся от болезни, много спал и беспокойно крутился, просыпаясь. Но он знал Кэролайн и позволял ей успокоить себя. В Канзас-сити она пожертвовала обедом в отеле Харви, а вместо этого купила пеленки, одеяльце и бутылочку для малыша. Она спешила к поезду с тревожно бьющимся сердцем, вообразив, что он отправился без нее. Поезд был сейчас ее единственным пристанищем. Он стал ее единственным планом, единственной знакомой вещью.

— Ах, да он у вас настоящий *красавчик!* Как его зовут? — воскликнула однажды женщина, проходившая по вагону. Она задержалась и склонилась над колыбелькой, прижимая руки к груди.

— Уильям, — ответила ей Кэролайн; горло у нее внезапно пересохло и сжалось.

— И имя тоже чудесное. Какие темные волосики!

— О, да, их он унаследовал от отца. — Кэролайн улыбнулась, но ей не удалось скрыть печаль, которая ясно слышалась в голосе, так что женщина быстро взглянула на нее, заметила покрасневшие глаза, бледное лицо.

— Вы остались с Уильямом одни? — ласково спросила женщина.

Кэролайн кивнула, поражаясь тому, как легко с некоторых пор дается ей ложь. Женщина сочувственно покачала головой.

— Меня зовут Мэри Рассел. Я еду в третьем вагоне, и если вы будете испытывать в чем-то нужду — хотя бы даже просто в

дружеской компании, — приходите, вы найдете там меня и моего мужа, Лесли. Договорились?

— Договорились. Благодарю вас. — Кэролайн вновь улыбнулась, глядя вслед уходящей Мэри и мечтая о том, чтобы ей захотелось принять предложение, чтобы вообще захотелось искать общества других людей. Но такое было возможно лишь в другом мире, там, где Корин оставался бы живым, где они просто ехали бы в гости к его семье в Нью-Йорк, да еще, может быть, и с младенцем, которого Кэролайн носила бы под сердцем, а не только на руках. Она отвернулась и снова стала тихо смотреть в окно, а Уильям опять уснул.

Нью-Йорк был непостижимо шумным и огромным. Дома, казалось, сгибались от своей непомерной высоты, отбрасывали глубокие, мрачные тени, а шум походил на океанский прибой, будто на каждом углу каждой улицы с грохотом и пеной разбивались волны. Кэролайн, в несвежем, измятом в дороге платье, едва держалась на ногах от усталости, голова кружилась, нервы были натянуты до предела. Она окликнула кеб и села в него.

— Куда едем, мэм? — спросил кебмен.

Кэролайн моргнула, ее щеки вспыхнули. Она не представляла, куда ехать. К девушкам, адреса которых она знала и которых когда-то называла своими подругами? Но она и представить не могла, как постучит к ним спустя два года, как будет безмолвно стоять на пороге, с черноглазым младенцем на руках, с лицом в паровозной саже. Она вспомнила о семье Корина, но тут на руках у нее завозился Уильям, и она смахнула с глаз черные от копоти слезы.

— Мне нужно... в гостиницу. В «Вестчестер», пожалуйста, — распорядилась она наконец, назвав место, где обедала однажды с Батильдой.

Возница натянул вожжи, и лошадь тронулась с места, едва не врезавшись в автомобиль, который с визгом затормозил и пропустил кеб, нетерпеливо просигналив ему вдогонку.

Батильда. До сих пор Кэролайн не вспоминала о ней, старалась гнать мысли о ней на протяжении долгих месяцев. Она представляла, что услышала бы в ответ, поделись она с теткой своими страхами, признайся, каким крушением, какой катастрофой обернулась ее жизнь в округе Вудворд. Кэролайн только прикрыла глаза, и сразу перед ней предстала Батильда, ее пронизательный взгляд, язвительно-жестокое

выражение лица. Можно вообразить, как она с постным видом выслушает жалобы Кэролайн, как ответит на них своим ханжеским «Ну-с»... Ни за что не пошла бы к ней, даже живи Батильда в Нью-Йорке, с вызовом сказала себе Кэролайн. Она не обратилась бы к Батильде даже сейчас, когда у нее не осталось никого и она не знала, что ей делать дальше, куда идти. Кэролайн подавила предательское желание просто увидеть знакомое лицо, пусть даже не дружеское. Да и какие друзья оставались у нее? Вспомнилась Сорока, лежащая в землянке, но лишь на мгновение. Мысль о ней была слишком ужасной. Следующая была о Хатче, о том, что отразилось на его суровом лице, когда он прискакал на ранчо, обнаружил, что Белое Облако мертва, может, и остальные тоже, а она с Уильямом исчезла. Стыд жег ее изнутри, рвал сердце, давил на глаза. Тихо вскрикнув, Кэролайн уткнулась лицом в ладони и сосредоточила все усилия на том, чтобы не упасть с набитой волосом скамьи кеба.

В «Вестчестере» она оплатила приличный номер и попросила подыскать ей няню для Уильяма, объяснив, что ее собственная служанка серьезно заболела в дороге и вынуждена была вернуться домой. Помощницу для нее нашли тотчас — плосколицую девицу с ярко-рыжими волосами, по имени Луэлла. На ее лице отразился неподдельный ужас, когда Кэролайн протянула ей Уильяма. Уильям, только взглянув на странную, перепуганную девицу, на ее яркие волосы, разразился ревом. Неловко держа ребенка, Луэлла попятилась из комнаты. Кэролайн зашла в ванную комнату и вспомнила, какое это чудо — водопровод в доме. Она налила полную ванну горячей воды, опустилась в нее и постаралась привести мысли в порядок, но в голове роились вопросы без ответов, тревога и мысли, грозившие довести ее до истерики.

В итоге Кэролайн выдержала лишь неделю в том городе, где родилась и выросла, Он больше не казался ей родным, во всяком случае не более родным, чем дом на ранчо, или Вудворд, или вагон поезда, в котором она вернулась обратно. От бензинового запаха автомобилей, расплотившихся за время ее отсутствия, саднило в горле, среди толпы она чувствовала себя такой же потерянной, как в прерии. Дома были слишком большими, улицы слишком тесными, как отвесные стены лабиринта, выбраться из которого невозможно. *Мне нигде нет места*, думала Кэролайн, прогуливаясь с Уильямом,

восседающим в новой коляске, по кварталам, куда прежде никогда не заходила. Она надеялась, что здесь не встретит знакомых. На углу Кэролайн задержалась, посмотрела вверх: кран поднимал стальную балку так высоко, что снизу она была похожа на зубочистку. Большая группа рабочих перехватывала ее в воздухе. Люди балансировали на самом краю недостроенной башни, надеясь только на собственную ловкость и чувство равновесия. У Кэролайн скрутило желудок при мысли об опасности, которой они подвергаются, на миг ей показалось, что она одна из них и давно стоит на краю пропасти. Острое чувство скоротечности и ненадежности жизни охватило ее.

Проходя мимо фотографической студии с привлекательной золоченой вывеской «Джилберт Бофорт и сын», Кэролайн приостановилась. Из тесного, загроможденного помещения до нее донесся знакомый едкий запах проявителя и прочих химикалий. Несмотря на то что улыбаться в камеру было для нее еще тяжело, Кэролайн заказала несколько своих портретов с Уильямом и попросила доставить их в «Вестчестер». Трясущимися руками она вскрыла пакет. Ей необходимо было найти любую точку опоры, получить доказательство своего существования и того, что с ней был сын Корина, дитя, принадлежавшее ей по праву, живое доказательство ее замужества. Она была частью семьи. Ей хотелось документального подтверждения того, что она жива, что ее жизнь реальна, ведь она была в этом совсем не уверена. Временами ей казалось, что она, возможно, все еще лежит где-то в прерии, а все происходящее ей только снится. К сожалению, Уильям вышел нечетко почти на всех фотографиях, он постоянно двигался, и его личико оказалось не в фокусе. Сама же Кэролайн на всех снимках выглядела такой же призрачной и бестелесной, какой себя чувствовала. Только на одной карточке фотограф уловил неосязаемый след того, что она надеялась увидеть: на ней была запечатлена мать, гордая и уверенная. Эту карточку Кэролайн положила в свой несессер, а остальные выбросила в камин.

На четвертый день Кэролайн увидела Джо. Она шла с коляской по улице, искала парк или сад, клочок зелени и тени, надеясь, что свежий ветерок успокоит ребенка. Окончательно оправившись от болезни и набравшись сил, Уильям стал беспокойным и шумным. Он плакал по ночам и вырывался, когда Кэролайн хотела его успокоить и брала на

руки, качала и пела, подражая Сороке. Впрочем, ей не удалось бы воспроизвести диковинные мелодии индианки, как не смогла бы она завывать койотом, к тому же ее пение заглушал оглушительный крик Уильяма. Решив, что он, возможно, тоскует по прерии, Кэролайн старалась побольше гулять с ним днем, постепенно осознавая, насколько чуждым должно казаться ребенку все, что он здесь видит, все эти звуки и запахи, как тяжел для детских легких зловонный нездоровый воздух. Нью-Йорк был для него чужбиной, почти как и для нее самой, но разница заключалась в том, что у Уильяма был родной дом. Необходимо отвезти его обратно. Эта мысль поразила ее, как пощечина. Пусть даже он сын Корина, пусть даже он по праву должен был бы принадлежать ей, но он принадлежит округу Вудворд. Кэролайн остановилась как вкопанная. Пораженная этой простой мыслью, она стояла посреди улицы, не обращая внимания на поток пешеходов, обтекавший ее, как река. Но как это сделать? Как она объяснит, сумеет ли вымолить прощение? Она ясно видела боль и осуждение в глазах Хатча, гнев и ужас в глазах Сороки. Они всегда помогали ей, всегда поддерживали. И вот как она отплатила за доверие, предательница, преступница. Нет, это невозможно. Она никогда не сможет посмотреть им в глаза. Она *отрезала* себе путь назад.

И вот тогда-то она увидела Джо, вышедшего из-за угла прямо перед ней с искаженным яростью лицом. Волосы черной волной летели за ним, он шел прямо на нее, сжимая в руке нож, чтобы убить. Кэролайн обомлела. Не шевелясь, словно окаменев, она продолжала стоять, пока мужчина поравнялся с ней и прошел мимо. Его черные волосы оказались шарфом, нож — свернутым в трубку листком бумаги, лицом он вовсе не походил на Джо, это был смуглый мексиканец, который торопился куда-то. Дрожа всем телом, Кэролайн опустилась на ближайшую скамью. Городской шум отхлынул, его заглушил странный гул в голове. Перед глазами метались черные мухи, а когда, чтобы избавиться от них, Кэролайн закрыла глаза, они стали ослепительно белыми и понеслись в диком хороводе. Где-то вдали раздался гудок пассажирского лайнера. Низкий звук, разнесшийся и заполонивший все вокруг, привел Кэролайн в чувство, а Уильям снова расплакался. Судорожно сглотнув, она ущипнула себя за щеку, хрипло произнесла что-то, успокаивая мальчика, потом

поднялась и устремила взгляд на юг, к докам, кораблям, морю. Через пять часов она взошла по трапу на пароход, направлявшийся в Саутхемптон.

Джо действительно был в Нью-Йорке, но не в тот день. Они с Хатчем прибыли через два дня после того, как отплыл пароход, увозивший Кэролайн, и напрямик отправились в дом миссис Мэсси, матери Корина, понесшей подряд две тяжелые утраты. Они шли, не обращая внимания на то, какими взглядами прохожие смотрели на их одежду, как испуганно шарахались от индейца. Им долго не удавалось напасть на след Кэролайн, пока наконец они не зашли позавтракать в гостиницу; это было на следующее утро после того, как она покинула Вудворд. Управляющий Банка Герлаха заверил их, что со счетом Мэсси не проводили никаких операций с тех пор, как были сняты деньги на жалованье для работников ранчо. Приметы Кэролайн были разосланы повсюду, переданы всем отъезжающим из городка, каждому жителю дальних ранчо, с просьбой немедленно сообщить, если ее увидят. И хотя кассир на вокзале клялся, что никакая светловолосая дама с ребенком не приобретала никаких билетов в тот день, да что там, во всю ближайшую неделю, Хатч доверился своей интуиции и уговорил Джо ехать в Нью-Йорк, и на каждой станции они безуспешно расспрашивали всех о миссис Мэсси.

Миссис Мэсси-старшая, к несчастью, не видела невестку, ничего о ней не знала и пришла в ужас, узнав, что она пропала вместе с маленьким ребенком. Она охотно сообщила мужчинам девичье имя и прежний адрес Кэролайн, но все их поиски, все расспросы в городе о мисс Фитцпатрик были тщетны. Они удвоили усилия, стали искать Фитцпатрик вместо Мэсси, а потом им ничего не осталось, как вернуться на ранчо. Сорока впала в безумие, время от времени начинала рвать на себе волосы и резала руки бритвой, так что с кончиков пальцев на пол стекала ярко-алая кровь. Джо предоставил жене скорбеть таким образом, сам же оставался внешне безучастным. Ярость и гаев в нем перегорели, но в его сердце без сына осталась пустота. Ковбои на ранчо собрали денег и наняли на месяц детектива из агентства Пинкертон. Этого времени ему хватило, чтобы пройти тот же путь, что и Джо с Хатчем, но он так и не сумел выяснить, что же приключилось с Кэролайн и Уильямом, сбежали они или же были

похищены. Хатч не спал ночами и был полон самых разных подозрений. Ему было страшно и за Кэролайн, и за ранчо, у которого без хозяев не было будущего.

Кэролайн, чей ужас рос с каждой милей, приближающей ее к цели, пересела на поезд, а по прибытии в Лондон нашла скромный отель, который могла себе позволить после того, как изрядно похудевшая пачка долларов из Банка Герлаха превратилась в фунты стерлингов. Уильям оттягивал ей руки, от его крика у нее звенело в ушах. На протяжении всего многодневного путешествия по морю Кэролайн страдала от морской болезни, виски у нее ломило так, что она ничего не понимала. Уильям кричал часы напролет, почти безостановочно, и, хотя Кэролайн убеждала себя, что ему сейчас так же скверно, как ей, его так же тошнит и у него так же болит голова, она не могла избавиться от ощущения, что ребенок понимает — его увозят все дальше и дальше от дома, и он кричит от бессильного гнева на нее за то, как она распорядилась его судьбой. Всякий раз, глядя на него, она ясно различала осуждение на детском личике. Оставив все попытки успокоить мальчика, Кэролайн перестала петь ему, разговаривать и позволила надрываться от крика в коляске, из которой он стремительно вырастал. Сама же она, в полном отчаянии, все время лежала на койке, свернувшись калачиком у стенки каюты.

Теперь она была в незнакомом городе, и устала так, что едва понимала, что происходит, а земля все еще уходила из-под ног. Кэролайн приподняла ребенка и усадила на полированную мраморную стойку в отеле.

— Мне срочно нужна помощница, няня, — сдерживая панику, сказала она. — Моя заболела и слегла, у нее жар.

Человек за стойкой, высокий худощавый мужчина, безукоризненно одетый и причесанный, вежливо склонил голову, лишь приподнятой бровью отреагировав на ее акцент. Кэролайн понимала, что выглядит ужасно — изможденная, измученная, что от Уильяма дурно пахнет, но все это лишь удвоило ее решимость, и она сердито взглянула на служащего.

— Очень хорошо, мадам, я наведу необходимые справки, — любезно ответил он.

Кэролайн кивнула и с трудом стала подниматься по лестнице к себе в номер. Она искупала Уильяма в фарфоровом тазу, стараясь не запачкать полотенца липкими испражнениями с его ног и попки. Ребенок перестал плакать сразу, как только она его отмыла, и теперь тихонько радостно гукал, шлепая ногами по воде. Откашлявшись, Кэролайн хрипло пела ему колыбельную, пока он не задремал. В ушах у нее даже зазвенело от тишины, наступившей после долгих часов непрерывного крика. Она крепко прижала малыша к себе, все еще продолжая мурлыкать мелодию, забыв обо всем, кроме его тепла, кроме уютной, доверчивой тяжести спящего у нее на руках крепыша. Вода кончилась, и ей самой нечем было вымыться, так что, оставив спящего Уильяма на кровати, она принялась ходить по коридорам отеля в поисках прислуги, которая вынесла бы зловонную грязную воду и помогла ей принять горячую ванну.

Спустя некоторое время явилась женщина, оповестившая о своем прибытии тихим стуком в дверь. Это была толстуха с лицом в красных прожилках, со светлыми растрепанными волосами, в платье с пятнами от жира. Однако глаза миссис Кокс — так она представилась — выдавали доброту и живой ум: они так и засияли, когда взгляд упал на Уильяма.

— Это и есть тот самый малый, которому нужна нянька? — спросила она.

Кэролайн кивнула и взмахом руки предложила ей взять ребенка из кровати.

— Где именно в отеле вы находитесь? На случай, если мне потребуетесь вы или ребенок? — спросила Кэролайн.

— О, я не служу в отеле, мэм, хотя ко мне частенько обращаются, если надо присмотреть за детишками постояльцев в затруднительных ситуациях, как у вас, мэм... Я с детьми и мужем живу недалеко отсюда, на Роу-стрит. Мистер Стрэчен, тот что внизу, всегда подскажет, как меня найти. Сколько времени вы хотите, чтобы я присматривала за ним, мэм?

— Я... я не знаю. Я пока не уверена. Может, два дня... Или чуть дольше... Я не знаю точно, — заколебалась Кэролайн.

У миссис Кокс вытянулось лицо, но Кэролайн заплатила ей вперед, так что няня вновь заулыбалась. Она лихо подкинула испуганно глядящего на нее Уильяма, усадила на свой крутой бок и

вскоре удалилась вместе с ним. Сердце Кэролайн тоскливо сжалось, но стоило двери закрыться, как ее охватила непреодолимая слабость. Она улеглась на кровать как была, в грязной одежде, с урчащим от голода желудком, и немедленно провалилась в сон.

Наутро, надев самое чистое и приличное платье, какое только смогла найти в своем багаже, Кэролайн подала вознице клочок бумаги, на котором Батильда когда-то написала ей адрес в Найтбридже, и уселась в кеб со спокойной решимостью и достоинством человека, поднимающегося на эшафот. Она подъехала к четырехэтажному дому из светло-серого камня с красивой красной дверью, стоявшему в тесном ряду совершенно таких же домов. Кэролайн увидела звонок. Собственная рука показалась тяжелой и негнущейся, словно железный рельс. Она дрожала от напряжения, когда Кэролайн наконец поднесла к кнопке палец. Тем не менее она позвонила и храбро назвала свое имя пожилой экономке, пригласившей ее в мрачный вестибюль.

— Извольте подождать, — произнесла нараспев экономка и неторопливо пошла прочь по коридору.

Кэролайн застыла на месте, будто окаменела. В голове ни одной мысли. Ничего, кроме гулкого эха, — пустое пространство, не голова, а скорлупа расколотого и съеденного ореха. *О, Корин!* Громом раскатилось в пустоте его имя. Покачнувшись, Кэролайн тряхнула головой, и пустота вернулась.

Батильда еще больше растолстела, а волосы на висках совсем побелели, но, если не считать этого, прошедшие два года ее мало изменили. Удобно расположившись на парчовой кушетке с чашечкой чая в руке, она долго изумленно разглядывала племянницу.

— Боже милосердный, Кэролайн! Я бы тебя нипочем не узнала, если бы ты пожаловала без доклада! — воскликнула она наконец, подняв брови, с присущей ей и с детства памятной Кэролайн сдержанностью.

— Тетя Батильда, — тихо и безжизненно поприветствовала ее Кэролайн.

— Волосы у тебя в полнейшем беспорядке. А этот загар! Просто ужасен. Он тебе совершенно не к лицу.

Кэролайн выслушала замечания, не моргнув глазом, и не произнесла ни слова, пока Батильда пила чай. Она прислушивалась к биению своего сердца — удары были медленными и сильными, в

точности как тогда, когда Корина принесли с охоты на койотов. Сейчас перед ней была смерть иного рода, но все же смерть.

— Итак, чему же я обязана такой честью? А где же твой муженек? Неужели отпустил тебя за море одну, а сам остался пасти коров?

— Корин умер. — В первый раз она произнесла это вслух. В первый раз ей пришлось это сказать. К глазам подступили слезы.

Батильда какое-то время осознавала услышанное, затем тон ее смягчился.

— Подойди и сядь со мной, дитя. Я велю подать тебе чаю, — распорядилась она уже далеко не так сурово.

Батильда, не мешкая, взяла в свои руки устройство дел Кэролайн. Ей явно нравилось заниматься этим теперь, когда бывшая бунтарка, усмиренная и надломленная, безропотно подчинялась ей во всем. В тот же день Кэролайн съездила в отель за своими пожитками и заняла свободную спальню в светло-сером доме с нарядной красной дверью. Она была представлена владелице дома, свойственнице Батильды, миссис Дэлглиш, худой и высохшей, с тонкими губами и придирчивым взглядом.

— Где Сара? — с надеждой осведомилась Кэролайн.

Батильда лишь крякнула недовольно:

— Дура девчонка, выскочила за бакалейщика. Она уволилась еще в прошлом году.

Сердце Кэролайн сжалось еще сильнее.

— Они полюбили друг друга? — с легкой завистью поинтересовалась она. — Она счастлива?

— Не знаю и знать не хочу. Поговорим-ка лучше о деле, — отрезала тетка.

Батильда отвезла Кэролайн в банк и помогла перевести родительские деньги из нью-йоркского банка на английский счет. Она возила Кэролайн по магазинам и лавкам, поверив в историю о погибшей на ранчо старой одежде. В парикмахерском салоне, куда отвели Кэролайн, секущиеся кончики ее волос были подстрижены, разлохмаченные выцветшие пряди укрощены и тщательно завиты. В аптеке тетушкой был заказан крем «Сульфолин», довольно едкий, его накладывали Кэролайн на лицо и втирали в руки для отбеливания загорелой кожи. Были подстрижены и приведены в порядок ногти на

руках и ногах, пемза помогла вывести мозоли. И — впервые за многие месяцы — тоненькую талию Кэролайн снова туго затянули в корсет.

— Какая же ты худышка, это уж чересчур, — оценивающе взглянула Батильда на плоды своих трудов. — Что там, в прерии, не было еды? — Кэролайн собралась было ответить, но Батильда продолжала: — Ну что ж, теперь ты почти готова для выхода в свет. Тебе нужно думать о повторном замужестве, разумеется. Двух вдов в этом доме и так более чем достаточно. Есть у меня на примете один джентльмен, и сейчас он как раз в городе, присматривается к девушкам на выданье. Барон, изволите ли видеть, славное имя, большое поместье, но маловато денег и нуждается в наследнике. С ним ты станешь *леди*, благородной дамой, — недурно для жены фермера, и это всего за несколько месяцев! Какая честь! — воскликнула Батильда, взяв Кэролайн за плечи и слегка распрямив их. — Учти, впрочем, хоть сам он и много старше тебя, известно, что ему нравятся свеженькие юные штучки... а не измученные вдовушки заокеанских скотников. Лучше будет, если не станешь даже упоминать о своем несчастном первом замужестве. Можешь ты пойти на это? Нет, надеюсь, обстоятельств, свидетельствующих об обратном? Ничего такого, о чем ты мне не рассказала? — наседала она, сверля племянницу суровыми голубыми глазами.

Кэролайн набрала полную грудь воздуха. Слова рвались наружу, сердце вновь учащенно забилося. Однако она задумалась: стоит признаться, что привезла с собой ребенка, — и вся та новая жизнь, которую созидает для нее Батильда, рухнет в одночасье, растает как мираж, а она останется навек в теперешнем мучительном положении, не имея надежды на сколько-нибудь сносное будущее. Ей придется навсегда остаться с Батильдой или жить в одиночестве. И то и другое казалось ей невыносимым. До боли прикусив язык, чтобы не проговориться, она помотала головой. Но когда она с трудом стащила обручальное кольцо с левой руки, на пальце осталась четкая белая полоска. Кэролайн зажала кольцо в кулак и позднее засунула его за шелковую подкладку своего бювара, рядом с их с Уильямом фотографией.

Белая полоса вскоре выщвела под шелковыми и замшевыми перчатками и стала совсем невидимой. На приеме, который Батильда устроила на следующей неделе, Кэролайн познакомилась с лордом

Кэлкоттом. Она была тиха, покорна и не проронила почти ни слова в то время, как он что-то рассказывал, и они танцевали, и в его глазах, когда он глядел на нее, пылал огонь, оставивший ее холодной. Он был изящно сложен, невысок, на вид лет сорока пяти и слегка прихрамывал. В темных его волосах и усах уже виднелась проседь, ногти были аккуратно подстрижены. На шелковых платьях Кэролайн оставались влажные следы от его рук, когда он, держа за талию, вел ее в вальсе. Они встретились еще дважды, на балу и званом ужине, в залах, жарко натопленных по случаю промозглой осени. Танцуя, он задавал вопросы о ее семье, любимых занятиях, интересовался, нравятся ли ей Лондон и английская кухня. Позднее, беседуя с Батильдой, он расспрашивал о характере Кэролайн, причинах ее молчаливости и о ее состоянии. После очередного такого вечера она приняла его предложение руки и сердца, обозначив согласие кивком и улыбкой, мимолетной, как луч солнца зимой. Лорд Кэлкотт доставил ее в Найтбридж в маленькой черной карете, запряженной четверкой. Целуя на прощание, он скользнул от щеки к ее губам, руки его дрожали от вожделения.

— Прелестная моя девочка, — хрипло шептал он, задирая ей юбку и, опустившись на колени, раздвинул ей ноги и вошел в нее так резко и грубо, что она, потрясенная, лишь сдавленно ахнула.

Видишь? — мысленно воззвала она к Корину, где бы он ни находился сейчас. *Видишь, что со мной случилось из-за того, что оставил меня?*

Рождество 1904 года Кэролайн провела с Батильдой и миссис Дэлглиш, а свадьбу с лордом Кэлкоттом назначили на конец февраля следующего года. Об их помолвке было объявлено в должное время, и фотография счастливой пары на балу в честь этого события появилась в «Болтуне». [\[22\]](#)

День свадьбы неуклонно приближался, когда Кэролайн почувствовала, что полнеет и во рту появился медный привкус, а тошнота по утрам заставляла ее с тоской вспоминать о крепком ковбойском кофе, который Батильда и ее свойственница не держали в доме, считая его слишком вульгарным напитком. Тетушка зорко наблюдала за всеми этими изменениями.

— Похоже, со свадьбой мы едва успеваем, — прокудахтала Батильда как-то утром, когда Кэролайн лежала в постели, жалуясь на головокружение и слабость, не позволявшие ей подняться.

Когда Кэролайн начала наконец догадываться о природе происходящего с ней, она была потрясена.

— Но... но я же... — Вот и все, что ей удалось выдать в ответ тетке, которая лишь подняла бровь и велела подать Кэролайн крепкого бульона, на который та смотреть не могла без содрогания.

Затем Кэролайн оставили в покое, и она пролежала несколько часов и думала, думала, пыталась гнать от себя догадки и выводы, неизбежно вытекающие из ее беременности. Ведь она оставалась такой же худой и слабой, какой была в прерии, если не слабее, и такой же или скорее даже более несчастной. Единственное, что переменялось, это мужчина, с которым она делила ложе.

Стортон Мэнор не понравился Кэролайн. Огромный дом показался ей величественным, но лишенным изящества; окна — чересчур грубыми, чтобы быть красивыми; серый камень — слишком темным и оттого неприветливым. Ведущая к входу аллея сплошь поросла одуванчиками и пыреем, на парадной двери облупилась краска, дымовые трубы полуразвалились. Ее деньги здесь необходимы и долгожданны, поняла Кэролайн. Прислуга встретила ее, вытянувшись в струнку, словно стараясь отвлечь ее внимание от того, насколько обветшал дом. Экономка, дворецкий, повар, горничная, судомойка, конюх. Кэролайн спустилась по ступенькам кареты и подавила слезы, подступившие к горлу, едва она вспомнила смущенных работников на ранчо, собравшихся поприветствовать ее в доме первого мужа. *А ты их бросила*, обвинила она себя. *Просто бросила и сбежала, не сказав ни слова*. Она улыбалась и кивала, пока Генри представлял их, а они почтительно приседали перед ней или склонялись в полупоклоне, приглушенно произнося ее имя, «Леди Кэлкотт». Она же цеплялась за свое настоящее, истинное имя *Кэролайн Мэсси*, и постаралась понадежнее спрятать его в своем сердце.

Со временем, совершая прогулки по обширному поместью, Кэролайн почувствовала некоторое облегчение. Взметенные бурей частички души потихоньку оседали, возвращались на место. В английском сельском воздухе была какая-то сладость, какая-то мягкая

свежесть, даже в самом конце зимы. Ей было покойно здесь, вдали от городской суеты, лошадей, экипажей и толпы, от бескрайности прерий, воя койотов и однообразного горизонта. Здесь не было ни слишком жарко, ни слишком холодно. Сквозь голые ветви окружавших дом деревьев она видела крыши деревенских домов и вьющиеся над трубами дымки. Ей становилось легче при мысли, что совсем рядом есть кто-то живой, есть люди, до которых рукой подать. На дальнем краю лужайки появилась полоска ярко-желтых одуванчиков, и Кэролайн неспешно бродила между ними, приминая цветы подолом платья и глядя, как они вновь распрямляются. Она размышляла о своей внутренней опустошенности, этом странном чувстве, избавиться от которого по-прежнему не могла, но позволяла себе подумать, поверить на миг, что теперь она в безопасности и сумеет все выдержать.

Генри Кэлкотт был сластолюбцем и в первые несколько недель их брачной жизни каждую ночь мучил Кэролайн своими супружескими посягательствами. Она была пассивна и отворачивала от мужа лицо, удивляясь, насколько иначе воспринимаются занятия любовью, если рядом человек, к которому не испытываешь никаких чувств. Мысли и чувства Кэролайн несколько не были затронуты страстью, и она вполне отстраненно отмечала чмокающие звуки, возникающие при соприкосновении их влажных тел, не совсем приятные запахи плоти, то, как задыхался ее муж и как косили его глаза, когда приближалась кульминация. Она старалась сохранять безучастное выражение лица и не показывать, как все это ей противно.

В Стортон Мэнор прибыли рабочие, занялись уборкой в саду и парке, в доме начались ремонтные работы, и внутри, и снаружи.

— Ты не будешь возражать, если я съезжу в город? Рабочие тебе не помешают? — обратился Генри к Кэролайн за завтраком, спустя три недели после ее переезда в поместье.

— Разумеется, они мне не помешают, — безучастно ответила она.

— Если ты предпочитаешь поехать в город со мной...

— Нет, нет, поезжайте. Я предпочла бы остаться и лучше ознакомиться с... с домом и...

— Прекрасно, прекрасно. Меня не будет всего неделю. Кое-какие неотложные дела требуют моего присутствия, — улыбнулся Генри, возвращаясь к утренним газетам.

Кэролайн отвернулась и стала смотреть в окно на пасмурный день. *Неотложные дела*, повторила она мысленно. На одном из балов в Лондоне девушка с тонким личиком и очень светлыми волосами шепнула ей, что Генри Кэлкотт страстно любит покер, несмотря на то что почти всегда проигрывает. Кэролайн не возражала против его увлечения, ее устраивали эти регулярные — раз в несколько недель — отлучки в Лондон, что позволяло ей побыть одной.

На следующий день после отъезда Генри пошел проливной дождь, вода стояла стеной. Из окна сквозь залитое стекло были видны лишь неясные серые, зеленоватые и бурые пятна — размытый сельский пейзаж. Кэролайн устроилась в гостиной у камина с нашумевшим романом Элинор Глин.^[23] Ее глаза скользили по строчкам, а мысли были сосредоточены на ребенке внутри нее — почему ей никак не удастся понять своего отношения к нему, когда лучше сообщить Генри и почему она до сих пор еще этого не сделала? Ответ на последний вопрос она уже знала: потому что было невыносимо больно обрадовать Генри Кэлкотта новостью, которой она столько лет безуспешно надеялась обрадовать Корина. Раздумья были прерваны тихим стуком, вошла горничная, робкая девушка по имени Эстель.

— Прошу прощения, миледи, но там женщина, она хочет вас видеть, — тонким голосом объявила Эстель.

— Женщина? Что за женщина?

— Она не сказала, кто она, но назвала свое имя — миссис Кокс. Прикажете впустить?

Кэролайн выпрямилась будто замороженная. Последовала долгая пауза, в тишине были слышны приближающиеся шаги.

— Нет! — выговорила наконец Кэролайн, резко поднимаясь, но было слишком поздно.

Миссис Кокс уже отпихнула Эстель и предстала перед Кэролайн. Дождевая вода лила с нее на персидский ковер. Она устремила на Кэролайн яростный взор, решительно задрал подбородок.

— Благодарю вас, Эстель, оставьте нас, — еле слышно прошептала Кэролайн.

Миссис Кокс казалась необъятной, но вот она расстегнула плащ, и причина этого прояснилась. Уильям крепко спал, пригревшись под плащом, в уютном гамачке с ляжками, сшитом из бинтов.

— Я не понимаю! — воскликнула миссис Кокс, когда стало ясно, что Кэролайн лишилась дара речи. — Оставить дитя со мной так надолго, на несколько месяцев... не понимаю, зачем вы это сделали...

— Я... — Кэролайн нечего было возразить.

Старательно соблюдая молчание, подчинившись воле тетушки и пассивно приняв свою участь, она полностью вычеркнула из памяти Уильяма. Она отстранилась от всех мыслей о нем, забыла об ответственности. Увидев мальчика, который проснулся, как только до него добрался свежий прохладный воздух, Кэролайн испытала странное чувство. Ей показалось, будто что-то кольнуло в сердце — острый шип любви, смешанной с виной и страхом.

— Как вы меня нашли? — только и смогла вымолвить она.

— Это было не так уж трудно, если учесть, что новость о вашей свадьбе была напечатана во всех газетах. Я еще немного подождала, полагая, что вы хотите, чтобы о ребенке позаботились, подержали его на то время, пока вы выходите замуж, но потом стало ясно, что вы и не думаете его забирать! Вы не явились за ним, как вам это нравится? А ведь он такой чудесный, здоровый бутуз... Даже не представляю, о чем вы думаете! — повторила миссис Кокс набирающим силу голосом. Она вынула из кармана носовой платок и промокнула глаза. — И вот я потратилась на дорогу, чтобы привезти его сюда на поезде, а потом терпела неудобства, шла сюда под этим ужасным дождем и прятала его, чтобы не простудить насмерть...

— Я вам за все заплачу. За поезд и... за то время, что он был у вас. Я заплачу вам даже больше — прямо сейчас!

Кэролайн метнулась к ящичку комода, вынула кошелек, полный монет, протянула его женщине.

— Вы не возьмете его себе? — спросила она внезапно дрогнувшим голосом.

Миссис Кокс уставилась на нее:

— *Взять его себе?* Что это может означать? Я не принимаю к себе детей за плату, даже не думайте! Вы его мать, ребенок должен быть с матерью. Да вы сами-то посмотрите, как вы здесь живете! — Она обвела рукой комнату. — У меня и так хватает голодных ртов, своих детей хватает, чтобы брать в дом еще одного!

Казалось, женщина вне себя. Кэролайн ничего не оставалось, как только в отчаянии смотреть, как миссис Кокс развязывает лямки на

плече.

— Вот. Я вам его доставила. В целостности и сохранности. Вещички все в этой сумке, все, кроме коляски — он из нее вырос, и я не могла везти еще и ее. Я... надеюсь, вы будете его любить, мэм. Чудный мальчуган, он заслуживает, чтобы мама его любила...

Няня посадила Уильяма в кресло, на алую шелковую подушку. Он поднял к ней руки и засмеялся.

— Нет, солнышко, ты остаешься со своей мамочкой. — Глаза доброй женщины наполнились слезами.

Теперь, когда подошло время уходить и оставить ребенка, миссис Кокс колебалась. Она переводила взгляд с Уильяма на Кэролайн и обратно, лицо ее исказила душевная боль, руки мяти юбку.

— Как следует заботьтесь о своем малыше, леди Кэлкотт, — напутствовала она Кэролайн и поспешила прочь из комнаты.

Уильям с минуту сидел спокойно, рассматривая незнакомые предметы в комнате. Потом он начал плакать.

В панике, не зная, куда спрятать Уильяма, Кэролайн подхватила его на руки и бросилась по задней лестнице в свою спальню. Там она положила ребенка на кровать и остановилась, отступив на шаг. Прижав ладони к вискам, она пыталась собраться с мыслями, унять бешено бьющееся в груди сердце. Она задыхалась, в глазах потемнело. Торопливо порывшись в сумке с вещами Уильяма, она отыскала пустышку и сунула ему, чтобы отвлечь. Он перестал плакать, успокоился, схватил знакомый предмет с мелодично звенящим колокольчиком, что-то тихонько заворковал, будто разговаривал сам с собой. На лице мальчика яснее обозначились высокие скулы и прямые брови, типичные для индейцев понка. Как ей могло прийти в голову, что это — дитя Корина? Уильям был чистокровным индейцем, это было совершенно очевидно, даже если бы она теперь не знала, что в ее неспособности принести Корину ребенка больше виноват Корин, чем она сама. А это означало, что она похитила ребенка Джо и Сороки. Осознание тяжести этого чудовищного преступления обрушилось на Кэролайн как топор убийцы. Она осела на пол, затыкая рот кулаком, чтобы подавить безудержные рыдания, которые душили ее. И главное, она ничего не могла сделать, чтобы исправить свое жуткое злодеяние. Ей нечем было искупить свою вину перед Сорокой — милой, доброй и преданной Сорокой, которая не делала ей ничего, кроме добра, которая

теперь страдает без своего сына, увезенного от нее за тысячи миль. Тысячи миль, которые никогда уже не пересечь ни ей, ни Уильяму. Оба они теперь в другом мире, в другой жизни. Привезя ребенка сюда, она перешла грань, ступить за которую больше невозможно. В это мгновение Кэролайн не понимала, как ей жить дальше с тем, что она наделала. Почти без чувств, она сидела на ковре, желая только одного — умереть.

Через полчаса служанки и экономка миссис Придди видели, как леди Кэлкотт, спотыкаясь, бежит через залитую водой лужайку и несет в руках что-то тяжелое, издали похожее на тюк с тряпьем. Женщины несколько раз окликнули ее, чтобы узнать, не нужна ли ей их помощь, и убедиться, что с ней все в порядке, но если леди Кэлкотт и слышала их, то не подала виду и не остановилась. Она скрылась со своей ношей между деревьев, у дальней границы сада, а когда через полчаса появилась у дверей, бледная и дрожащая, руки у нее были пусты.

— Не совсем подходящий день для прогулки, миледи! — покачала головой миссис Придди, пока служанки бегали за сухими полотенцами и расшнуровывали испачканные ботинки.

Вообще-то день был теплый и безветренный, небо затянули типично английские низкие облака. Не такой холодный был день, чтобы вызвать озноб, сотрясавший хрупкое тело их новой хозяйки.

— Лучше вам подняться в вашу комнату. Касс принесет вам горячего чая. Ступай-ка, Касс! — приказала миссис Придди младшей горничной, девчонке лет пятнадцати, тарасившей на Кэролайн круглые зеленые глазищи.

Даже если кому-то из служанок и пришли в голову какие-то мысли по поводу краткого визита миссис Кокс, прогулки Кэролайн под дождем или пропавшей прямо с кровати наволочки, они были не настолько глупы, чтобы ими делиться. Все держали язык за зубами, кроме Касс Эванс, которая долго шепталась ночью с Этель в их комнатке на верхнем этаже.

Кэролайн пролежала в постели не один день. Она долго не могла избавиться от ужаса и мучительного раскаяния, еще усилившегося, когда она сунула руку под подушку и обнаружила там пустышку Уильяма. Ту самую, в форме кольца, которую она давала ему, пока он лежал на кровати. Ту самую, которую они с Корином подарили ему на

празднике в его честь. Кэролайн провела пальцами по гладкой, как шелк, слоновой кости, тронула колокольчик, и он нежно зазвенел. От вещицы нужно избавиться, она это понимала. Нельзя отставлять у себя ничего, что могло бы связать ее с ребенком, с любым ребенком. Но она не смогла. Она крепко зажала кольцо в кулаке и прижала к груди, словно самую суть Уильяма, Сороки, жизни и любви, собранную и заключенную в бесценный амулет. Когда лорд Кэлкотт с опустевшим бумажником возвратился из Лондона, Кэролайн ровным голосом и с безучастным лицом поведала ему новость о своем деликатном положении.

Семейство бродячих лудильщиков не убралось прочь, как ожидала Кэролайн, как она молилась. Вместо этого спустя несколько дней они явились к их дверям с Уильямом, вежливо спросили, не знает ли кто-нибудь в доме, чей это ребеночек, потому что в деревне, куда они тоже ходили, никто не признался. Со своего наблюдательного пункта у окна гостиной Кэролайн видела, как они по аллее приближаются ко входу. Сердце в груди тоскливо заныло, совершенно так же, как тогда, когда Корин сообщил ей, что ее соседями будут индейцы. Первым ее порывом было скрыться, но в следующее мгновение она поняла, что бежать некуда. Она дождалась, пока дворецкий откроет парадную дверь, услышала неразборчивые голоса, затем шаги за дверью и нерешительный стук.

— Да? — отозвалась она дрогнувшим голосом.

— Простите, что тревожу вас, миледи, но мистер Динсдейл и его супруга говорят, будто нашли ребенка в лесу, и спрашивают, нет ли у нас каких-либо сообщений насчет того, чей бы он мог быть и что с ним делать. — Голос мистера Марча, дворецкого, звучал озадаченно, словно он пытался припомнить неизвестные ему правила этикета, касающиеся брошенных младенцев. Чувствуя, что ей вот-вот станет дурно, Кэролайн повернулась к дворецкому.

— Какое отношение это *вообще* может иметь ко мне? — холодно осведомилась она.

— Разумеется, миледи, — ответил мистер Марч в тон ей и удалился с едва заметным намеком на поклон.

Итак, Динслейлы ушли несолоно хлебавши, унося с собой Уильяма и оглядываясь на дом, словно были возмущены полученным

ответом. Кэролайн глядела им вслед с нарастающим беспокойством, голова у нее кружилась от прихлынувшей крови. Тревога возникла, вспомнилось ей, когда мистер Марч сообщал о пришедших — *мистер Динсдейл и его супруга*. Как будто бы они были ему знакомы.

— Динсдейлы? Те, что стоят здесь лагерем? Так ты познакомилась с нашей юной четой? — воскликнул радостно Генри, когда Кэролайн задала ему вопрос о лудильщиках. — Безобидные люди. И еще, понимаю, это может показаться странным, но я дал им официальное разрешение останавливаться и жить на этом небольшом участке...

— Что? Почему это? — задохнулась Кэролайн.

— Робби Динсдейл спас мне жизнь в Африке, моя дорогая, в битве при Спион-Коп,^[24] несколько лет назад. Если бы не он, меня бы сегодня здесь не было! — театралью возгласил Генри, цепляя на вилку и отправляя в рот внушительную порцию картофеля «дофинуаз». По подбородку у него потекла капля горячих сливок, и Кэролайн отвела взгляд.

— Но... они же *бродяги*. Воры и... может быть, даже что-нибудь хуже! Мы *не можем* иметь таких соседей!

— Нет, моя дорогая, боюсь, огорчу тебя, но *на это* я не пойду. Рядовой Динсдейл оставался со мной в том ужасном, неглубоком окопе, когда я был ранен. Он прикрывал собой мое бречное тело от огня, защищая от целой дюжины бурских снайперов, пока наши не взяли высоту и не отбросили мерзавцев назад... — Генри сопровождал рассказ выразительными взмахами вилки. — Сам был ранен и погибал от жажды, но остался со мной, хотя имел возможность бежать. Ведь в этом адском пекле, в этом кровавом месиве полегли все остальные мои солдаты. Конечно, война подкосила героя... В конце концов его списали по состоянию здоровья, хотя врачи так и не смогли установить, что именно произошло с несчастным. Он, осмелюсь сказать, немного повредился в уме. В один прекрасный день просто замолчал, перестал разговаривать, а потом перестал есть и все лежал на своей койке и отказывался встать, кто бы ни отдавал ему приказ. Я был вынужден вмешаться и замолвить за него словечко. Сейчас состояние его значительно лучше, однако к гражданской жизни бедняга так и не смог приспособиться в полной мере. Определился было в подмастерья к кузнецу в здешней деревне, но надолго его не хватило. Стало нечем платить за жилье, он остался без крыши над

головой и пошел бродяжничать. Но я сказал, что на моей земле он может оставаться столько, сколько захочет, если будет вести себя тихо и не чинить безобразий, и, замечу, ничего подобного никогда не случалось. Так сюда и стали приезжать Динсдейлы, так тому быть и впредь.

Хрустящей белоснежной салфеткой Генри смахнул с усов кусочек картофеля. Кэролайн изучала свою тарелку, беспокойно ерзая.

— Вы говорите, пошел бродяжничать? Значит, они разъезжают по всей стране, часто отсутствуют? — спросила она почти шепотом.

— Он с женой проводит здесь большую часть времени. Отсюда достаточно близко до их семей, и Динсдейлу легко найти здесь работу, там и сям, имя его известно — чинит, лудит и тому подобное. Так что, боюсь, тебе придется привыкать к этому соседству, моя дорогая. Они не станут тебе докучать, а если ты не станешь заглядывать на тот клочок земли, то и совсем не заметишь их присутствия, — заключил Генри, и Кэролайн поняла, что разговор окончен.

Она прикрыла глаза — о нет, их присутствие *было заметно*. Она чувствовала, что эти Динсдейлы здесь — или скорее, что Уильям здесь, менее чем в двух сотнях ярдов от столовой, где они сейчас ужинают. Если Уильям останется здесь, то будет ей вечным укором, подумала Кэролайн, это будет пожирать ее и медленно уничтожит. Она молилась, чтобы они отказались от ребенка или переехали и увезли с собой вечное напоминание о ее страшной вине и о причиненных ею страданиях.

Когда родился ее ребенок, Кэролайн заплакала. Крошечная девочка, такая маленькая и совершенная, что казалась сотворенной неким волшебством. Головокружительная, всепоглощающая любовь, которую испытывала к дочери Кэролайн, лишней раз напомнила ей, что она сотворила, какую боль причинила Сороке. Даже *подумать* о разлуке со своим ребенком было больно. Поэтому Кэролайн и рыдала — от любви к ней и от ненависти к самой себе, — и никакие увещания не могли успокоить ее. Генри, озадаченный, гладил ее по голове и не вполне удачно пытался скрыть разочарование от того, что у него дочь, а не сын. Эстель и миссис Придди наперебой расхваливали красавицу девочку и саму Кэролайн, что лишь вызывало у нее лишь новые потоки слез, которые все списали на нервное истощение.

Ночами ей не давали уснуть надрывающие душу мысли о Сороке, она лежала, уставившись в темноту воспаленными глазами и забываясь только под утро, а когда просыпалась, мгновенно возвращалось и воспоминание о ее преступлении, и от этого голова болела так, будто вот-вот взорвется. Малютку, одев в белое кружевное платье, окрестили Эванджелиной. Четыре месяца Кэролайн исступленно любила ее, а потом девочка умерла. Она умерла ночью в своей колыбельке, и ни один из трех приглашенных докторов не сумел установить причину. Она ускользнула от жизни, потухла как свеча, и сердце Кэролайн разлетелось вдребезги. Те остатки воли к жизни, которые она еще сохраняла, потеряв Корина, вытекали теперь, словно кровь из раны, и ничто не могло их остановить.

Через несколько месяцев, дело было во вторник, Кэролайн зачем-то спустилась на кухню и застала там миссис Придди и Касс Эванс. Они укладывали в корзинку овощи с огорода в уплату Робби Динсдейлу за выполненную работу. Сам он в соседнем помещении, в судомойне, точил ножи на станке с вращающимся точильным колесом. Из-под ножей летели искры, при соприкосновении металла с камнем раздавался пронзительный визг. Кэролайн и внимания не обратила бы на происходящее, если бы не чувство вины, промелькнувшее в глазах миссис Придди, если бы экономка не прервала свое занятие так внезапно, стоило хозяйке появиться в дверях. Касс испуганно прижала пальцы к губам. Обе они знали, как леди Кэлкотт относится к Динсдейлам, хотя им и не была известна причина. Кэролайн прошла напрямик в судомойню и велела Динсдейлу прекратить работу. Он кротко смотрел на нее грустными янтарными глазами. Точильное колесо нехотя замедлило ход, остановилось. На Динсдейле была простая грубая одежда, длинные немытые волосы схвачены на затылке шнурком. Лицо у него было милое, свежее и невинное, как у мальчика, но почему-то от этого Кэролайн стало совсем уж скверно. Смертная тоска обратила ее сердце в камень. Кэролайн знала, что ее наказание заслуженно, что судьба обрекла ее на такие же страдания, каким она подвергла несчастную Сороку, но так запредельно велика была ее боль, что она не приняла этого, *не могла* принять. Всем своим существом она воспротивилась этому испытанию, взбунтовалась, как будто в жилах ее сейчас текла не кровь, а чистая ярость.

— *Вон!* — крикнула она, голос звенел от гнева. — Убирайся *вон* из этого дома!

Динсдейл подскочил на табурете и поспешил скрыться. Кэролайн обернулась к экономке и младшей горничной:

— Что это такое? Что происходит? По-моему, я достаточно ясно выразила свое отношение к этому человеку!

— Мистер Динсдейл всегда точил для нас ножи, миледи... Я думала, в этом нет ничего дурного... — попыталась объяснить миссис Придди.

— Меня не интересует, что вы думали! Я не хочу терпеть его в доме, чтобы и близко его не было! А это что? — Кэролайн указала на корзинку с овощами. — Вы еще и овощи воруете с огорода?

На это миссис Придди надулась и сдвинула брови:

— Я прослужила в этом доме больше тридцати лет, миледи, и ни разу меня не обвиняли ни в чем подобном! Излишки с огорода с незапамятных времен отдавали работникам в качестве платы за их труд...

— Что ж, больше вы не будете так делать. По крайней мере, для этого человека. Я достаточно ясно выразилась? — злобно выкрикнула Кэролайн. Она тщетно пыталась умерить свой пыл. Голос дрожал и срывался, грозя перейти в визг.

— Им ведь нужно кормить лишний рот! — пискнула Касс Эванс.

— Тихо ты! — прошипела миссис Придди.

— Что? — спросила Кэролайн. Она уставилась на зеленоглазую девчонку в ужасе, не веря своим ушам. — *Что?* — повторила она, но Касс еле заметно встряхнула головой и не проронила более ни слова.

Только вмешательство лорда Кэлкотта спасло миссис Придди от немедленного увольнения за этот проступок. Причина неприязни жены к Динсдейлам была ему неясна, да он и не пытался в этом разобраться. Просто успокаивал ее, а потом уезжал в Лондон от ее припадков. Слуги стали избегать Кэролайн, старались держаться от нее подальше, опасаясь непредсказуемых вспышек и приступов безудержного плача. Однажды поздним вечером Кэролайн поднялась с постели и спустилась на кухню за лекарственной солью от болей в желудке. Шла она неслышно и приостановилась за дверью судомойни, услышав, что девушки моют посуду и болтают с конюхом Дэйви Хуком.

— Ну, а с чего бы еще, по-твоему, она так их так страшно невзлюбила? — Деревенский выговор Касс нельзя было не узнать.

— Потому что она богатая — они все такие! Дерут нос, бедных ни во что не ставят, — высказался Дэйви.

— А мне кажется, она наполовину лишилась рассудка, помешалась после смерти маленькой Эванджелины, бедной крошечки, — вступила Эстель.

— Говорю же вам, я сама слышала. Тут никакой ошибки быть не может — сама *слышала!* Та женщина, что притачилась в дождь с вокзала... у нее под пальто был ребеночек, а потом я слышала, как ребенок-то плачет в спальне у хозяйки — точно! А потом ни с того ни с сего Робби Динсдейл находит в лесу мальчонку, а мы же *видели* ее, как она бегала туда и несла что-то. Мы ее видели...

— Но ты же не видела, что именно она несла, а?

— А что же еще это могло быть?

— Ой, да что угодно, Касс Эванс! — воскликнула Эстель. — С чего бы это хозяйке хватать ребенка, тащить его в лес и там оставлять?

— Ты ведь сама сказала, она помешалась! — парировала Касс.

— Только после того, как она потеряла малютку, вот что я сказала.

— А может, это ее. Может, это ее ребенок — от другого мужчины! А она прятала его от хозяина, что вы на это скажете? А? — бросила вызов Касс.

— Кажется, это ты умишком повредила, Касс Эванс, а не она! Важные барыни не подбрасывают детей, будто крестьянские дочки! — хохотнул Дэйви. — К тому же ты ведь видела того птенца, что поселился у Динсдейлов, — черный, как головешка! Не ее это мальчонка, быть такого не может. Чтоб у такой-то беленькой... Цыганенок это, тут и думать нечего. Цыгане, поди, и подкинули его, слишком много ртов кормить приходится, вот и весь сказ.

— А ты не должна говорить такие вещи про ее милость, — мягко предостерегла Эстель. — Ничего, кроме неприятностей, тебе от этого не будет.

— Но ты-то знаешь, что я слышала. И знаешь, что я видела, а это все неправда! — Касс притопнула ногой.

Из груди стоявшей за дверью Кэролайн вырвался сдавленный вздох, довольно шумный, и разговор резко оборвался.

— Тссс! — прошептала Эстель.

Кто-то направился к двери.

Кэролайн резко развернулась и, стараясь не шуметь, вернулась по лестнице вниз.

Когда Касс Эванс увольняли, Генри Кэлкотта не было дома. Кэролайн разговаривала с миссис Придди, а саму Касс отправили в ее комнатку собирать скудные пожитки.

— Мне хорошо известна семья девушки, миледи. Я могу поручиться, что она не из тех, кто нечист на руку. — Лицо экономки омрачила тревога.

— Тем не менее я ее застигла, она рылась в моей шкатулке с драгоценностями. А после этого серебряная брошь пропала, — отвечала Кэролайн, дивясь тому, как спокойно и бесстрастно звучит ее голос, хотя внутри все трепетало от панического страха.

— Какая брошь, миледи? Возможно, ее положили не на место, засунули куда-то, и она найдется в доме?

— Нет, не засунули. Я настаиваю на том, чтобы девушка покинула этот дом, миссис Придди, и больше мне нечего сказать по этому поводу, — отрезала Кэролайн.

Миссис Придди, сокрушенно вздохнув, смотрела на нее такими колючими глазами, что Кэролайн не смогла долго выдерживать ее взгляд. Она отвернулась к зеркалу над камином и не обнаружила в своем лице ни следа паники, вины или нервозности. Лицо ее было бледно, неподвижно. Будто высеченное из камня.

— Могу ли я дать ей хорошую рекомендацию, миледи? Чтобы у нее была возможность начать заново еще где-то? Она неплохая девушка, работающая...

— Она ворует, миссис Придди. Если вы будете писать рекомендацию, непременно включите туда эту информацию, — негромко произнесла Кэролайн. В зеркале она увидела, как вытянулось лицо у экономки. — Я вас больше не задерживаю, миссис Придди.

— Слушаю, миледи, — сухо проговорила экономка и, поклонившись, вышла.

Когда дверь за ней затворилась, у Кэролайн подкосились ноги, и она схватилась за каминную полку, чтобы не упасть. Ее мучило, во рту стало горько от желчи. Но она подавила спазм и взяла себя в руки. Примерно через час Касс покидала дом через черный ход, со слезами и истерическими выкриками. Кэролайн глядела на нее из окна верхнего

холла. Касс обернулась в последний раз посмотреть на дом и в ответ на настороженный взгляд хозяйки полыхнула ненавистью, которая могла бы испепелить и менее чувствительную натуру.

Лорд Кэлкотт немного поворчал, когда новая горничная, невзрачная толстуха, явилась раздвинуть гардины в спальне.

— А что случилось с той девчушкой? Темноволосой? — спросил он раздраженно.

— Я ее уволила, — спокойно ответила Кэролайн.

Генри не произнес более ни слова по этому поводу, так мало его это затрагивало.

Он лишь от случая к случаю навещивался в имение и слишком редко виделся с женой, чтобы зачать второго ребенка, поэтому следующая беременность заставила себя ждать. Кэролайн думала, что никогда больше не испытает того восторга, который охватил ее, когда она в первый раз взяла на руки малютку Эванджелину. Однако изменения в организме наполнили ее предвкушением любви, неодолимой, мощной, и Кэролайн отдалась этому чувству, что-то тихонько напевала неродившемуся еще младенцу, ощущая, как он постепенно заполняет пространство между ребрами, — зернышко тепла и жизни в ее иссушенной оболочке. Но мальчик — это был мальчик — родился слишком рано, на много месяцев раньше срока, и шансов выжить у него не было. Доктор ничего не смог сделать и хотел просто унести его, завернув в окровавленные простыни, но Кэролайн потребовала, чтобы ей показали ее дитя. Она вглядывалась в крохотное, еще не сформировавшееся личико и поражалась — тому, что еще способна чувствовать боль утраты, тому, что глаза еще могли наполниться слезами. Это был последний запас любви, все, что у нее еще оставалось, — и она выплеснула его до конца, вложила в этот взгляд, долгий прощальный взгляд на лицо мертвого младенца. Она передала ему последнюю щепотку своего душевного тепла, а потом доктор все же унес его, и все было кончено.

Выздоровление Кэролайн было долгим, она так никогда и не оправилась от этой потери. Со временем, когда она окрепла настолько, что смогла принимать знакомых и Батильду, навещавшие находили ее вялой и безжизненной. Кэролайн почти не участвовала в общей беседе, движения ее были неуверенными, а красота заметно поблекла. Глаза ее ввалились, щеки запали, руки стали похожи на птичьи лапки, а на

висках забелели седые прядки, хотя ей не было еще и тридцати. Кэролайн походила на призрак, словно часть ее пребывала в какой-то иной реальности. Люди сокрушенно качали головами и долго колебались, прежде чем добавить Кэлкоттов в список приглашенных гостей. Оставаясь одна, Кэролайн подолгу гуляла. Она все ходила и ходила по парку, словно разыскивала что-то. Однажды она прошла через лес к поляне, на которой до сих пор стояли Динсдейлы. Они научились обходить большой дом стороной и никогда больше не приходили, чтобы обменять труд на пропитание. У Кэролайн теперь не было предлога требовать изгнания семьи, и это лишь сильнее разжигало в ней ненависть к Динсдейлам.

Она постояла под деревьями, рассматривая свежевыкрашенный фургон и пегого пони, пасущегося поодаль. На фоне сочной летней травки домик казался таким милым, чистым и уютным. Кэролайн невольно вспомнилось типи Белого Облака, и от этого, как от любого воспоминания о ранчо, глаза мгновенно застлало пеленой, а душу охватила смертная тоска. Как раз в это мгновение показались Динсдейлы, которые возвращались из деревни. Миссис Динсдейл, светловолосая, вся в кудряшках, словно ангелок, несла на руках младенца, а мистер Динсдейл крепко держал за руку мальчика лет трех, смуглолицего крепыша. Он шагал уверенно, но двигалась процессия довольно медленно, останавливаясь через каждые несколько шагов, потому что мальчик то и дело присаживался на корточки и увлеченно, с неистощимой любознательностью разглядывал что-то на земле. У Кэролайн перехватило дыхание. Уильям был так похож на Сороку, что было больно, почти невыносимо смотреть на него.

Все же она некоторое время наблюдала за ними. Миссис Динсдейл уложила младенца в доме, потом, присев на ступеньку, подозвала Уильяма, и тот радостно подбежал к ней и бросился в объятия. Она, разумеется, назвала его не Уильямом. Прозвучало какое-то другое имя, Кэролайн не вполне расслышала, но ей показалось, что оно какое-то странное, вроде бы Флаг. Кэролайн глядела на них, раздираемая горем и завистью до такой степени сильными, что она не понимала, как можно их вместить. Но еще ее мучили обида и злоба оттого, что семья каких-то бродяжек процветает и радуется жизни в то время, как у нее семейное счастье отнято, и даже дважды. Она

смотрела на Уильяма и ненавидела его. Она всех их ненавидела. *Не могу больше*, думала она. *Я больше не выдержу*. Слишком уж высокую цену пришлось ей заплатить, и, хотя где-то в глубине души у нее теплилась надежда, что эта несправедливость должна быть как-то исправлена, Кэролайн понимала, что этого не случится. Она присела в тени деревьев и тихо заплакала о Корине, который ничем не мог ей помочь.

Глава 7

Ты все
полюбишь года
времена:

Когда весь мир
закутывает лето

В зеленый
плащ; когда поет
зарянка,

Присев меж
снежных шапок на
суку

Замшелой
яблони; когда
солома дышит,

На кровле
греясь в солнечных
лучах;

Когда капель
звонит, лишь
смолкнет ветер,

Или мороз,
свершая
колдовство,

Ее в холодный
жемчуг обращает,

И он мерцает
тихо в лунном
свете.

*Сэмюэль Тэйлор
Кольридж,
«Полуночный
мороз»^[25].*

Бег по лестнице отнимает у меня последние силы, и я задыхаюсь, добравшись до дверей ванны. Внутри горит свет, из-под двери выползают струйки пара. И вода из крана все еще льется. Протянув руку к двери, я замираю и на секунду прикрываю глаза. Мне жутко страшно, я дико боюсь того, что могу увидеть. Я вспоминаю Эдди... и то, как он отбрасывал волосы Бет, когда пришел домой из школы и нашел ее. Мне бы сейчас его мужество.

— Бет? — окликаю я испуганно. Ответа нет. Судорожно вздохнув, я два раза чуть слышно стучу, а потом открываю незапертую дверь.

Бет лежит в ванне, волосы плавают по воде вокруг нее, вода уже добралась до самого верха, вот-вот перельется через край. Она лежит с закрытыми глазами, и на миг я с ужасом думаю, что она мертва. Будто Офелия она ускользнула от меня, уплыла в безмятежное забвение. Но тут сестра открывает глаза, поворачивается ко мне, и я испытываю такое облегчение, что чуть не падаю. Вваливаюсь в ванную и плюхаюсь на стул, где сложена ее одежда.

— Рик? Что случилось? Почему ты не одета? — спрашивает Бет и большим пальцем ноги пихает кран, чтобы выключить воду.

Одежду вместе с одеялом Динни, я на бегу бросила в холле. Сейчас на мне только мокрое, испачканное глиной нижнее белье.

— Я подумала... я решила... — Но мне не хочется говорить ей, что я подумала. Не хочу признаться, что я ожидаю от нее повторения того поступка, — это было бы сродни предательству.

— Что? — спрашивает Бет ровным голосом, в котором я слышу напряжение.

— Ничего, — бурчу я. Яркий свет режет глаза, я моргаю. — С чего это ты полезла в ванну среди ночи?

— Я же сказала, что дождусь твоего возвращения, — отвечает она, — и мне стало холодно. А где ты была?

Она садится, мокрые волосы облепляют грудь. Согнув ноги, Бет обхватывает руками колени. Мне видно каждое ребро, каждый позвонок на спине, наполовину закрытой водой.

— Я... была у Динни. Я... я свалилась в пруд.

— Ты *что*? А Динни что там делал?

— Он услышал, как я упала в воду. Помог мне выбраться.

— Ты просто... просто упала? — недоверчиво спрашивает она.

— Ну да! Похоже, перебрала виски.

— И ты что же... выскользнула в воде из одежды? Или он помог тебе и с этим тоже? — язвительно интересуется она.

Я мрачно гляжу на нее. Я сердита — злюсь на нее за то, что она меня так испугала И на себя — за то, что так переполошилась.

— Ну и кто из нас ревнует? — парирую я так же язвительно.

— Вовсе нет, — начинает Бет, потом кладет подбородок на колени, отворачивается. — Просто это *дикость* какая-то, Эрика. Дико, что ты бегаешь за Динни.

— Почему дико? Потому что он был твоей первой любовью?

— Да! — кричит она, и я отшатываюсь, пораженная ее признанием. — Просто... не связывайся с ним, ладно? Это выглядит почти кровосмешением! Это просто... неправильно! — Она пытается подобрать слова, разводит руками: — Мне это не по душе.

— Ничего неправильного в этом нет. Тебе просто *не нравится* такая возможность, вот и все. По-моему, ты все еще к нему неравнодушна, — спокойно отвечаю я, чувствуя, как сердце у меня выскакивает из груди.

Жду, что выражение лица Бет изменится, но оно остается прежним.

— Нам нужно уезжать, Эрика. Неужели ты не понимаешь? Мы должны срочно уехать отсюда и больше не возвращаться. Это лучшее, что мы можем сделать. Едем завтра же... — Ее голос набирает силу, в глазах застыло отчаяние. — И хватит рыться в барахле Мередит, плюнь на него, мы не за этим сюда притащились, на самом деле. Для этого можно нанять уборщиков. Ну, как? Пожалуйста, давай уедем!

— Я знаю, зачем я сюда приехала, Бет. — Я устала молчать и скрывать от нее свои мысли, устала ходить вокруг нее на цыпочках. — Я хотела, чтобы мы обе приехали сюда, потому что... Я надеялась, что тебе станет лучше. Потому что я твердо намерена найти то, что столько лет тебя мучает, Бет. Я хочу вытащить это на свет, чтобы... чтобы показать тебе, что это не так уж страшно. При свете дня все не так уж страшно, Бет! Разве ты не говорила этого Эдди, когда его мучили кошмары?

— Кое-что *страшно*, Эрика! Кое-что ужасно и при свете дня! — навзрыд кричит Бет, она словно потеряла голову от страха. — Я хочу *уехать!* Все, я уезжаю завтра.

— Нет. Ты останешься. Не уедешь, пока мы с этим не разберемся, чем бы это ни оказалось... Мы не уедем, пока не посмотрим правде в глаза!

— Ты просто не знаешь, о чем говоришь! — гневно бросает Бет. Внезапно она встает — потоки воды обрушиваются на пол ванной, — тянется за халатом и, нетерпеливо дергая, натягивает его. — Ты не можешь меня остановить, если я хочу уехать.

— А я не повезу тебя на вокзал.

— Поймаю такси! — шипит она.

— В Новый год? Здесь, в этой дыре? Удачи тебе.

— Черт *подери*, Рик! Зачем тебе все это? — рычит Бет; злоба полыхает в ее глазах, мешает говорить нормально. Ее крик отражается от кафельных стен и снова атакует меня.

— Я... я пообещала Эдди. Что тебе станет лучше.

— Что? — шепчет она.

Я тщательно обдумываю каждое слово, прежде чем снова заговорить. Вспоминаю, что увидела, когда вода Росного пруда сомкнулась у меня над головой.

— Скажи мне, что искал тогда Генри на берегу пруда, — прошу я мягко.

— Что? Когда?

— В тот день, на берегу пруда. В день, когда он пропал, а я плавала в пруду. Он искал что-то на земле.

Я слышу то ли вдох, то ли всхлип Бет. Губы у нее совсем белые.

— Ты же говорила, что ничего не помнишь? — спрашивает она.

— Я что-то вспоминаю. Немного. Я помню, как снова прыгнула в пруд, помню, как посмотрела на Генри, а он что-то искал на земле. И еще я вспомнила... — я делаю глоток, — я вспомнила, что у него шла кровь. Голова была в крови.

— Замолчи! *Заткнись!* Не хочу об этом говорить! — снова исступленно кричит Бет, зажимая уши руками, и трясет головой как безумная.

Я молчу, ошарашенно глядя на нее. Наконец она замолкает, хватая воздух ртом, грудь ходит ходуном. Я осторожно касаюсь ее руки, и она вздрагивает.

— Просто скажи, что он там искал.

— Да камни, конечно, что же еще! — Бет говорит совсем тихо, она сдалась. — Он искал камни, чтобы бросать.

С этими словами Бет отдергивает руку и выскользывает из ванной в темноту коридора.

У меня бессонница. Я пробую сосчитать свое дыхание, потом пробую сосчитать пульс, но стоит начать подсчет, как пульс резко учащается, как будто эта процедура его пугает. Сердце частит, начинает болеть голова. Я так крепко зажмуриваюсь, что во мраке расцветают какие-то разноцветные фигуры, они еще плавают по потолку, когда я снова открываю глаза. Сегодня светит луна. Я засыпаю неглубоким беспокойным сном и, время от времени открывая глаза, вижу, как она беспечно переплывает из одного угла окна в другой.

Утром я чувствую себя кошмарно: совсем не отдохнула, голова налилась свинцом. В горле першит, больно водить глазами. Вчера ночью подморозило — Динни был прав насчет того, что могло бы случиться, останься я лежать на земле, пьяная и промокшая. Сейчас за окном густой туман, такой плотный и бледный, что я не могу определить, где кончается туман и начинается небо. Мы бежали, вот оно что. В тот день. Бет и я, мы бежали. Я вспоминаю, как выбиралась из пруда, торопясь что было сил и разбивая ноги о каменистый берег. Вспоминаю, как Бет схватила меня за руку, вцепилась пальцами, похожими на коготки птицы, и мы побежали. Скорее в дом, затаиться и сидеть тихо, пока не случилась беда. Или же так: скорее, пока никто не заметил, что случилась беда. Назад мы не вернулись, это я точно помню. Последнее мое воспоминание о Генри — он стоит на берегу пруда. Он шатался. Упал ли он в пруд? Не потому ли я в такой панике вылезла из воды? Не потому ли я твердила всем, что он был в пруду, и так настаивала на своем? Но Генри в пруду не было, а рядом с нами находился еще только один человек. Только один, кто мог бы убрать Генри, перетащить его куда-то, потому что — в этом я уверена — сам, на своих ногах, он уйти не мог. Его убрали куда-то так тихо, так тайно, что двадцать три года поисков ничего не дали. Но теперь я близка к разгадке.

Возможно, голова у меня раскалывается из-за этого ускользающего воспоминания, ведь я так напряженно, изо всех сил

старалась его поймать. Сейчас мне не нужно усилий, чтобы вспомнить. Картина сама всплывает перед глазами, возвращается снова и снова: Генри в крови, Генри падает. Это так растревожило меня, что я не смогла завтракать. Взглянув на еду, вспомнила Генри, и кусок не полез в горло. Невозможно положить что-то в рот, невозможно даже подумать о какой-то радости или удовлетворении. Неужели Бет чувствовала то же самое все двадцать три года? От этой мысли мне становится холодно. Как будто бы что-то стоит у тебя за плечом, преследует тебя, не отстает. Оно постоянно рядом, дышит в спину, не дает забыть о себе. Нечто темное и неотступное, как твоя тень.

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть. Это Динни, на сей раз в непромокаемом пальто, руки в карманах. Щеки вспыхивают, меня словно окатывает какой-то непонятной волной — облегчения, а может, ужаса.

— Динни! Привет, заходи, — приглашаю я.

— Привет, Эрика. Я просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке. После вчерашнего... — Динни перешагивает через порог, но остается стоять в дверном проеме.

— Входи, я дверь не могу закрыть, пока ты так стоишь.

— У меня ботинки в грязи.

— Это не самая большая беда, уверяю тебя, — отмахиваюсь я.

— Ну, как ты? Я боялся, что... если ты наглоталась воды там, в пруду, то могла заболеть, — говорит он. Он держится скованно, такого прежде за ним не водилось, эта его неуверенность трогает меня.

— Да все отлично, правда. То есть чувствую я себя чудовищно и выгляжу, видимо, соответственно — краше в гроб кладут. Но в остальном все в порядке, — улыбаюсь я.

— Ты ведь могла погибнуть, — мрачно замечает он.

— Знаю, знаю. Мне стыдно. Я не нарочно, поверь. И спасибо тебе, ты ведь спас мне жизнь, теперь я перед тобой в долгу, серьезно.

При этих словах Динни резко вскидывает голову и недоверчиво смотрит мне в глаза. Но его взгляд тут же смягчается, он поднимает руку, проводит холодными пальцами по моей щеке. Я замираю, затаив дыхание.

— Идиотка, — шепчет он.

— Спасибо, — отвечаю я.

Наверху раздается удар. Я рисую в воображении полный чемодан, свалившийся с кровати на пол. Динни отдергивает руку, прячет в карман.

— Это Бет? — спрашивает он.

— Бет, а может, это призрак прошлого Кэлкоттов. Видимо, она собирает вещи. Не желает оставаться тут больше ни дня. — Я бессильно развожу руками.

— Так вы уезжаете?

— Я... я не знаю. Я не хочу. Не сейчас. А может, и вообще... — Я искоса гляжу на него. Я ведь вовсе не уверена, что выдержу, что сумею жить в этом доме одна.

— Не будет больше Динсдейлов и Кэлкоттов в Стортон Мэноре. Конец эпохи, — произносит Динни, но в его голосе я не слышу сожаления.

— А вы уезжаете? — удивляюсь я. Сердце протестующе подскакивает в груди.

— Уедем рано или поздно. Гнилое это место, неподходящее для зимы. Честно говоря, я и оказался здесь только из-за Хани.

— Мне казалось, ты сказал, что увидел в газетах сообщение о смерти Мередит.

— Ну да... и это тоже. Я подумал, не исключено, что вы с Бет окажетесь в этих краях.

Некоторое время мы оба молчим. Я по-прежнему слишком неуверена в нем, чтобы подвергать проверке нахлынувшее чувство. Не исключаю, что и Динни чувствует то же самое.

— Я хочу попрощаться с Бет, прежде чем вы исчезнете, — тихо говорит он.

Я киваю. Конечно, хочешь, кто бы сомневался.

— В прошлый раз вы ушли, и я не успел... — добавляет Динни многозначительно.

— Она наверху. Мы поссорились. Не знаю, захочет ли она спуститься, — объясняю я. Смотрю на его руки. Квадратные ладони, въевшаяся грязь. Черные полумесяцы под ногтями. Я вспоминаю ил Росного пруда, откуда Динни меня вытаскивал. Вспоминаю, как он прижал меня к себе на минуту, когда угли потухли и меня начал бить озноб. Я думаю о его поцелуе. Как же я хочу, чтобы он остался.

— Из-за чего вы ссорились?

— А ты сам-то как думаешь? — с горечью бросаю я. — Она не желает говорить мне, что тогда произошло. Но она *должна* посмотреть правде в глаза, Динни, понимаешь, должна! Ей ведь из-за этого так плохо всю жизнь, я же знаю!

Динни нетерпеливо вздыхает, переминается с ноги на ногу, как будто готов броситься бежать. Потом раздраженно трет ладонью лоб.

— Ты так и не сказал ей то, что собирался, Динни. Но... ты можешь все рассказать мне вместо нее.

— Эрика...

— Я хочу знать!

— А что, если это все изменит? Что, если ты и твоя сестра правы и лучше обо всем забыть? — Он испытующе заглядывает мне в глаза.

— Я и *хочу* все изменить! Да и что, собственно говоря, изменится? Она моя сестра Я люблю ее... и буду любить всегда, что бы она ни сделала. В будущем или в прошлом, — пылко заявляю я.

— Я говорю вовсе не о Бет.

— А о ком же тогда? О чем ты? Объясни, наконец!

— Не кричи на меня, Эрика, я тебя слышу. Я говорю о... тебе и обо мне. — Голос Динни смягчается.

Я замолкаю на два удара пульса. Сердце бьется быстро, но кажется, что прошла вечность.

— Так о чем ты?

— Как объяснить... что бы это ни было... что бы это ни оказалось, оно все может изменить, и необратимо. — Динни отворачивается, складывает на груди руки. — Ты это понимаешь?

Я прикусываю нижнюю губу, в глазах начинает щипать. Но тут я представляю себе Бет в ванной, какой я застала ее прошлой ночью: вроде бы живую и здоровую, но ускользящую. И я подавляю огонек сомнения, только что зажженный во мне Динни.

— Понимаю. Но я должна знать, — шепчу я. У меня течет из носа. Я вытираю его тыльной стороной ладони. Жду, что Динни заговорит, но он молчит. Только переводит взгляд с пола на дверь, потом на лестницу и снова на пол, ни на чем не задерживаясь. На скулах ходят желваки, он все плотнее стискивает зубы. — Расскажи мне все, Динни! Мы с Бет убежали. Я не знаю, что случилось, но помню, как мы убежали, ты остался, а Генри был в пруду. И это был

последний раз, когда я его видела, последний раз, когда его кто-то видел. И я требую, чтобы ты *рассказал* мне все!

Голос у меня звучит неестественно, срывается на писк.

— Пусть Бет... — начинает он.

— Бет не станет. А может, расскажет когда-нибудь. А может, снова попытается убить себя, и на этот раз у нее получится! Я должна ее от этого избавить! — Я плачу.

Динни потрясенно смотрит на меня.

— Она пыталась *покончить* с собой? — выдыхает он. — Из-за этого?

— Да. У нее депрессия. Она не просто *хандрит* — она больна, Динни. И я хочу знать, что стало причиной этой болезни. Если ты не скажешь... значит, ты просто хочешь, чтобы она так и оставалась в этом состоянии — состоянии безумия. Просто скажи, что ты сделал с телом? Скажи мне, где оно! — умоляю я. Кровь стучит в ушах, как океанский прибой.

— Эрика! — крик Бет эхом отдается под сводами холла. Мы с Динни подскакиваем, как нашкодившие дети. — *Не делай этого!* — кричит моя сестра, сбегая вниз по лестнице. Глаза расширены, лицо искажено страхом.

— Бет, я не собирался ей говорить, — начинает Динни, поднимая руку, чтобы успокоить ее.

— Как это? Почему — потому что *Бет* велела тебе замолчать? — огрызаюсь я.

— Не говори никому. *Никогда!* — говорит Бет. Я не узнаю ее голоса. Хватаю ее за руки, стараюсь заглянуть в глаза, но она не сводит взгляд с Динни, и между ними проскакивает что-то, и это невыносимо для меня.

— Бет! Пожалуйста, Бет, посмотри на меня! Посмотри, во что ты превратилась, скрывая эту тайну! Умоляю, Бет, настало время от нее избавиться. Пожалуйста. Ради Эдди! Ты нужна ему здоровой...

— Не впутывай сюда Эдди! — резко бросает сестра, ее глаза наполняются слезами.

— Почему это? Все это портит жизнь и *ему*, ты знаешь! Ты за него в ответе. Ради этого ты должна быть сильной, Бет...

— Да что ты в этом понимаешь, Эрика? Что ты вообще знаешь об ответственности? У тебя даже постоянной работы нет! Ты меняешь

квартиры каждые полгода! Живешь как студентка, с тех пор как ушла из дома, у тебя даже кошки или собаки никогда не было, а ты мне толкуешь об ответственности! — кричит Бет, и я отшатываюсь, как от удара.

— Я отвечаю за тебя, — еле слышно возражаю я.

— Нет. Не отвечаешь, — парирует Бет, глядя на меня.

— Бет, — вступает Динни, — я и пытаюсь тебе рассказать с тех пор, как ты вернулась... я понимаю, ты не хочешь меня выслушать, но поверь, то, что я хочу сказать, очень важно, и... мне кажется, Эрика тоже имеет право это услышать...

— Она была *там*, Динни! Если она ничего не помнит, значит, и не нужно ей знать. И хватит об этом. Можем мы наконец сменить тему? Динни, я... мне кажется, тебе лучше уйти.

— Нет, он не уйдет! Почему ты его гонишь? Это я его пригласила войти. На самом деле, — я подхожу к двери, встаю к ней спиной, — никто отсюда не выйдет, пока я не добьюсь правды от одного из вас. Я не шучу. Правды. Это давно нужно было сделать. — Сердце пытается выскочить из груди, с силой ударяется о ребра.

— Можно подумать, ты меня остановишь, — бормочет Динни.

— Хватит, Эрика! — кричит Бет. — Прекрати... *не спрашивай!*

— Бет, может, лучше все ей рассказать. Она никому не скажет. Это только между нами троими. Я думаю... я считаю, она имеет право знать, — негромко уговаривает Динни.

Бет бледнеет.

— Нет, — шепчет она.

— *Господи!* Я вообще не понимаю тогда, зачем вы вернулись! — в сердцах бросает Динни, вздев руки.

— Динни, расскажи мне. Это единственный способ помочь Бет, — решительно заключаю я.

Взгляд Бет мечется от меня к Динни и обратно.

— Не смей! — шипит она.

— Прощу тебя. Скажи мне, где Генри, — настаиваю я.

— Прекрати это! — командует Бет. Она вся дрожит.

Динни, скрипнув зубами, оглядывается на меня. Глаза у него сверкают. Кажется, его так и подмывает заговорить, но он не решается. Я молча протестующе встряхиваю головой.

— Отлично! — рывкает он, хватая меня за руку. — Если ты считаешь, что это единственный способ ей помочь... Но если ты ошибаешься и все станет по-другому... не говори, что я тебя не предупреждал!

Динни разъярен. Похоже, от его железной хватки на руке останутся синяки. Он оттаскивает меня от двери и рывком открывает ее настежь.

— Нет! Динни — *нет!* — кричит вслед Бет, когда он вытягивает меня наружу.

— *Ай*, подожди! Что ты делаешь? Куда ты меня тащишь? — Я упираюсь, пытаюсь притормозить, но он намного сильнее.

— Ты хочешь знать, что случилось с Генри? Идем, я покажу тебе! — на ходу отрывисто выкрикивает Динни.

— Динни, *подожди*... — ахаю я, но он не обращает внимания.

— Эрика! *Нет!* — слышу за спиной крик Бет, но она не бежит за нами.

Я оглядываюсь через плечо и вижу ее в дверном проеме — рот искривлен в крике, руки цепляются за косяк.

Динни тащит меня через лужайку, из сада, и я догадываюсь, что мы направляемся к Росному пруду. Внезапно мне становится ясно, абсолютно ясно, что я не хочу идти туда. От ужаса у меня ноги становятся ватными, я снова начинаю биться, пытаюсь вырваться.

— Идем! — рычит Динни и тащит с новой силой. Он того и гляди оторвет мне руку. Однако мы не идем к пруду. Мы направляемся в их лагерь. Я трусцой бегу за ним как тень, спотыкаясь и вихляясь на непослушных ногах. Сердце отчаянно колотится. Динни распахивает дверь ближайшего фургона, не потрудившись постучать. Гарри выглядывает, смотрит на нас и улыбается, узнав меня. Динни вталкивает меня в фургон, где пахнет чипсами, псиной и непросохшей одеждой.

— Какого дьявола? — Голос у меня дрожит, я задыхаюсь, чуть не падаю.

— Ты хотела знать, где Генри. — Динни поднимает руку и указывает на Гарри: — Вот Генри.

Я тупо таращусь. В голове пусто, ничего не понимаю. Не знаю, сколько времени проходит, но, когда я заговариваю, голос звучит хрипло.

— Что? — Это все, что я могу произнести, на выдохе, на последней капле воздуха, остававшейся в груди. Пол уходит у меня из-под ног, земля начинает бешено вращаться, укатывается от меня, я шатаюсь.

Динни опускает руку, потом устало прикрывает ладонью глаза.

— Это Генри, — повторяет он, и я опять слышу слова, но не понимаю.

— Но... как это *возможно*? Генри мертв! Какой же это Генри? Это не *Генри*. Не он.

— Да не мертв он. И не думал умирать. — Рука Динни падает, его воодушевление угасло. Он смотрит на меня, но я не могу шевельнуться. Не могу думать.

Гарри неуверенно улыбается.

— Постарайся не кричать. Его это расстраивает, — тихо просит Динни.

Я и не кричу. Я не могу кричать. Я дышать-то не могу. Голову распирает изнутри. Я прижимаю руки к вискам, чтобы череп не взорвался.

— Вот что, давай-ка выйдем. Идем, там поговорим, — шепчет Динни. Он берет меня за руку, на сей раз бережно.

Я отдергиваю руку и отшатываюсь к Гарри. Мне страшно, я боюсь посмотреть на него. Испуг так велик, что колени подгибаются, и я с глухим стуком опускаюсь на пол. Испуг так велик, что к горлу подступает тошнота. Меня бросает то в жар, то в холод. Я приподнимаюсь, откидываю спутанные соломенные волосы со лба Гарри, всматриваюсь в его глаза. Я пытаюсь разглядеть его. Пытаюсь узнать, но не могу. Я не вижу сходства.

— Ты ошибаешься. Ты врешь!

— Ни то ни другое. Пойдем отсюда, потолкуем обо всем. — Динни помогает мне встать и выводит на улицу.

Второй раз за двенадцать часов я сижу в фургоне у Динни, дрожу, клацая зубами и ничего не понимая. Он готовит кофе на плите, в выдавшем виды кофейнике. Кофе кипит, плюется и восхитительно пахнет. Сделав глоток из чашки, которую протягивает мне Динни, обжигаю нёбо, зато чувствую, что начинаю оживать.

— Я... Я не могу в это поверить. В голове не укладывается, — тихо заговариваю я.

Снаружи хлопает дверь. Шпинат и Клякса тихонько рычат, не раскрывая пасти, это скорее приветствие, нежели угроза. Динни сидит, положив ногу на ногу — щиколотку на коленку, это его излюбленная поза. Вид у него серьезный и в то же время взволнованный. Он вздыхает.

— Так что тебе непонятно? — обращается он ко мне спокойно и деловито, как будто заполняет анкету.

— Ну... где он *был* все эти годы? Как вышло, что его так и не нашли? Ведь его же искали *повсюду!*

— Никто и никогда не способен искать *повсюду*, — качает головой Динни, — он был здесь, с нами. С моей родней или с друзьями моей родни. На юге Англии таких лагерей много. У мамы и папы полно друзей, с которыми можно было его оставить, друзей, которые ухаживали за ним, пока все не улеглось. И пока я не вырос настолько, чтобы самому за ним присматривать.

— Но... как же, ведь я же видела у него кровь. Я видела, как он упал в пруд...

— Да, и потом вы обе дали деру. А я его выудил и побежал за папой. Он не дышал, но папе... удалось заставить его снова задышать. Порез у него на голове оказался пустяковым, не таким страшным, как показалось... раны на голове очень сильно кровоточат.

Динни изучает носок своего ботинка, крутит в пальцах размочаленный конец шнурка.

— А потом? Вы не отвезли его в больницу? Почему вы не пришли, не вызвали кого-нибудь из усадьбы?

Двадцать три года моей жизни переписываются сейчас заново, разматываются в моих мыслях, как клубок шерсти. Я не могу сосредоточиться, почти не могу думать. Динни долго молчит, медлит с ответом. Он сидит, захватив подбородок в кулак, костяшки пальцев побелели. Его пристальный взгляд жжет меня насквозь.

— Я... не стал рассказывать, как это случилось. Я не сказал никому, почему Генри оказался в пруду... и кто его ранил. Вот папа... вот папа и решил, что это моих рук дело. Подумал, что мы с Генри подрались... или что-то в этом роде. Он пытался защитить меня.

— Но можно же было сказать, что это несчастный случай...

— Да брось, о чем ты говоришь, Эрика. Всю жизнь здесь только и искали, как бы к нам прикопаться... всю жизнь, сколько себя помню,

нам приходилось оправдываться, доказывать, что мы ни в чем не виноваты... А нам доказывали, что мы преступники, воры, что мы сброд. Эти... сливки общества не упустили бы возможность забрать меня у родителей. Суд по делам несовершеннолетних, потом усыновление, *приличный дом, приличная семья...*

— Ты не знаешь, как бы...

— Нет, я знаю. Знаю. Это ты ничего не знаешь и не представляешь, Эрика.

— Почему он... вот такой?

— Не от удара по голове, это точно. Отец сразу отвез его к своей доброй знакомой, к Джоанне, которая тогда работала медсестрой в Мальборо. В тот же день, когда никто еще даже его не хватился. Она наложила пару швов ему на голову и сказала, что возможно сотрясение мозга, но волноваться не о чем. Мы собирались дождаться, когда он придет в себя, убедиться, что с ним все в порядке, потом доехать до поселка, чтобы он мог дойти до дому пешком, и смыться. Такой был план. Джоанна присматривала за ним первые несколько дней. Он целых два дня был без сознания, а потом... очнулся.

— Ну вот, тогда и можно было привезти его домой. Оставить его где-то, где его нашли бы, ты же сам так сказал... Почему вы этого не сделали?

— К тому времени поиски уже развернулись вовсю. За нами была форменная слежка. Мы не могли шагу ступить, потому что за нами ходили по пятам. Генри обязательно сказал бы, что это мы его увезли, я имею в виду, когда его нашли бы. Мы-то думали, что сможем привезти его, а потом скрыться. К тому времени уже стало понятно, что мы не можем вернуть его *незаметно*. Слишком поздно. Да к тому же... когда он проснулся, оказалось, что с ним не все в порядке. Это сразу бросалось в глаза. Отец взял меня с собой... взглянуть на него... потому что из наших я знал Генри лучше всех. *Просто скажи, что ты думаешь об этом*, сказал мне отец. Я не понимал, о чем он, пока не увидел Генри и не заговорил с ним. Он сидел на кровати в гостевой комнате Джоанны и вертел в руках стакан с оранжадом, как будто не знал, что с ним делать. Я был бы рад оказаться где угодно, только не в этой комнате рядом с ним... — Динни запускает пятерню в волосы, обхватывает голову. — Я попробовал заговорить с ним, только потому

что папа сказал, что это нужно. Но он был не такой, как раньше. Он не спал, но... как будто отсутствовал. Спал наяву.

— Но... почему? Ты же сказал, рана на голове была не страшная?

— Так и было. Все дело в том, сколько времени он провел, не дыша. Это было долго, пока папа не сделал ему искусственное дыхание и воздух опять попал ему в легкие.

Динни кажется мне смертельно уставшим, он еле ворочает языком. Во мне вспыхивает искра жалости, но я пока не позволяю ей разгореться. Слишком многое предстоит еще выяснить.

Я допила кофе, прежде чем снова заговорить. И не заметила повисшего молчания. Динни смотрит на меня, постукивает большим пальцем по щиколотке, ждет. Ждет моей реакции, догадываюсь я. Глаза настороженно блестят.

— Знаешь, ведь вся эта история не забылась... Его родителям до сих пор больно. И нашей семье...

— Ты думаешь, я ее забыл? Или *моя* семья? Мне пришлось жить с ним бок о бок, каждый день, мучая себя вопросом, как все было бы, если бы я сам попробовал его оживить, чуть пораньше... Если бы мы все-таки *отвезли* его в больницу.

— Но вы нам ничего не рассказали. Так и держали его у себя...

— Не *держали*. Мы за ним ухаживали.

— Вы держали его и позволили его семье, его *родителям* думать, что он умер! Ты позволил Бет и мне думать, что он умер...

— Нет, я понятия не имел, о чем думали вы с Бет! Откуда я мог это знать? Вы *сбежали*, забыла? Вы сбежали и умыли руки! Вы ни разу даже не зашли узнать, что было после! Вы бросили меня с ним, а я... мы... сделали то, что нам показалось самым правильным.

На это мне нечего возразить.

— Мне было восемь лет...

— Ну, а мне двенадцать, тоже ребенок, а я был вынужден заставить своих родителей думать, что это я чуть не убил другого мальчика. Что это я нанес другому мальчику тяжелое увечье, повредив ему мозг! По крайней мере, мне казалось, что я выполнил свой долг. Сделал то, что мне казалось самым правильным. К тому времени, как до меня дошло, что вы никогда не придете, было слишком поздно что-то менять. Думаешь, все это время мне было очень весело?

У меня кровь отливает от лица, когда я слышу это. *Я был вынужден заставить их думать...* Воспоминание пробивается сквозь заслон в голове. Генри нагибается, смотрит на землю, подбирает камни, четыре, пять камней. У меня вода в глазах и в ухе, из-за этого неясный гул искажает голоса: Генри, дразнит Динни, выкрикивает обидные клички. Бет тонким голосом кричит: *Перестань! Уходи! Генри, не надо!* Генри продолжает: *Сброд! Быдло! Поганый цыган! Бродяга! Грязная свинья!* Выкрикивая, он бросает камни, замахиваясь от плеча так, как учатся бросать в школе все мальчишки, а девочки никогда не могут. Каждый такой бросок мог бы отправить крикетный мяч далеко и точно в цель. Вспоминаю, как вскрикнул Динни, когда один камень попал в него, как схватился за плечо, морщась от боли. *Я вспоминаю, что произошло.* И вижу Бет, как она стояла в дверях, крича нам вслед. Вижу ужас на ее лице. *Нет!*

— Мне нужно идти, — шепчу я и, пошатываясь, встаю.

— Эрика, обожди...

— Нет! Я должна идти!

Как же мне скверно. Столько всего накопилось в душе и требует выхода. Я спешу, оступаясь, несусь к дому. Врываюсь в холодный туалет под лестницей — в нем от соприкосновения с ледяным сиденьем унитаза сводит ноги. Падаю на колени, меня рвет. Горло саднит, вокруг зловоние, но почему-то я чувствую облегчение. Я заслужила наказание. Мне кажется, что это и есть начало справедливого возмездия. Теперь я знаю, что изводило Бет все эти годы. Теперь я знаю, почему она так себя мучила, за что себя карала. Ополоснув лицо, я пытаюсь отдышаться, твердо встать на ногах. И холодею от страха — мне кажется, я знаю, какую кару она может определить для себя сегодня.

— Бет! — зову я, закашливаясь от боли в горле. — Бет, да где же ты? Мне надо тебе кое-что сказать!

На подкашивающихся ногах я оббегаю одну за другой все комнаты первого этажа. Сердце трепыхается, голова идет кругом.

— *Бет!* — Я повышаю голос, почти кричу.

Несусь вверх по лестнице, заглядываю в ванную, мчусь по коридору к комнате Бет. Дверь закрыта, и я налегаю на нее всем своим весом. Внутри темно, шторы задернуты. И прямо передо мной то, чего я так боялась, что с ужасом представляла себе.

— Нет! — Я бросаюсь в темную комнату.

Моя сестра сидит на полу, ее лицо от меня отвернуто. В хрупкой руке зажаты ножницы с длинными лезвиями, вокруг растеклась темная лужа.

— Бет, как же это... — шепчу я.

В легких у меня не осталось воздуха, в моих венах не осталось крови. Я опускаюсь на колени, поднимаю ее, она нереально легкая, бесплотная. На мгновение я замираю, отупев от боли, и тут Бет поднимает ко мне лицо — глаза открыты, она смотрит на меня, и я от облегчения смеюсь.

— Эрика? — Голос у нее совсем слабый.

— О, Бет! Что ты наделала? — Я отбрасываю волосы с ее лица, и только тут до меня доходит. Она их отрезала, отхватила напрочь. Темная лужа на полу — ее отрезанные длинные волосы. Без них она кажется совсем девочкой, маленькой и беззащитной. — Твои волосы! — реву я, а потом снова хохочу и целую ее лицо. Она не навредила себе, крови нет.

— Я никогда бы этого не сделала... Я хотела, но... Эдди...

— Ты *не хотела* это сделать! Ты *не хочешь* это сделать! Всерьез не собиралась, я знаю... — сбивчиво повторяю я. Я тяну ее за руки, слегка встряхиваю.

— Собиралась! На самом деле! — возражает она раздраженно, и мне кажется, что, будь у нее силы, она вырвалась бы из моих рук. — *Зачем* ты заставила его все тебе рассказать? *Почему* не послушала меня?

— Потому что это должно было случиться. И случилось. Но послушай ты меня, Бет, ты слышишь? Это важно. — Я поднимаю взгляд, замечаю свое отражение в зеркале на туалетном столике. Бледная, словно привидение. Но в моих глазах — я это вижу — правда, готовая вырваться на волю. Я делаю глубокий вдох. — Бет, Генри не умер. *Гарри* — это Генри! Это правда! Динни мне все рассказал... Он не умер тогда. Они его отвезли к своему другу, чтобы оказать первую помощь, а потом много лет возили по разным лагерям. Вот почему его так и не смогли найти...

— *Что?* — выдыхает Бет. Она глядит на меня, как змея, готовящаяся к нападению.

— Гарри — тот самый Гарри, с которым твой сын провел всю рождественскую неделю, — это *наш* кузен *Генри*.

Господи, как же я хочу поскорее снять с нее груз, я хочу ее исцелить! В наступившей тишине я слышу ее дыхание. Легкое трепетание воздуха, исходящее от нее.

— Это неправда, — слышен шепот.

— Правда, Бет. Чистая правда. Я в это верю. Динни никому не сказал, что там случилось, вот Микки и подумал, что это дело рук *Динни*, и они побоялись, что его будут судить, заберут из семьи...

— Нет, нет, *нет!* Все это полный бред! Я *убила* его, Рик. — Ее голос то повышается до отчаянного вопля, то затухает. — Я его убила.

Бет повторяет это уже тише, спокойнее, словно испытывает облегчение от того, что эти слова наконец вырвались наружу.

— Нет, ты не делала этого, — настаиваю я.

— Но... я бросила камень... он оказался таким тяжелым! Я бы ни за что не сумела такой бросить! Даже Генри не стал бы бросать такой большой. Но он меня вывел из себя! Он *так* меня разозлил, я просто хотела его *остановить!* Он так высоко полетел, — снова шепчет она.

Теперь я все вижу. Наконец, наконец. Как все это было. Девочек не учат бросать камни как надо. Она вложила в бросок всю силу, но слишком быстро выпустила камень из руки, и он взлетел слишком высоко. Мы не смогли проследить за его полетом в ослепительном летнем небе. Генри уже дразнил ее, высмеивал ее неуклюжий бросок. Он уже хихикал, когда камень вернулся, упал сверху и ударил его по голове с ужасным, нехорошим звуком. Громким и нехорошим. По этому звуку мы в то же мгновение поняли, что произошло нечто ужасное, хотя и ни разу не слышали его раньше. Звук пробиваемой плоти, удар камня о кость. Даже сейчас меня начинает мутить при воспоминании об этом звуке. Будто только сейчас я слышу его впервые, и только сейчас все во мне восстает против того, что произошло. А потом вся эта кровь и его остекленевший взгляд, и я отчаянно пытаюсь выбраться из воды, и мы бежим прочь. Все фрагменты картины собрались, и я помню. Наконец.

— Так я его не убила? — шепотом спрашивает Бет, впиваясь глазами мне в лицо, пытаюсь прочитать по нему, правду ли я сказала.

Я мотаю головой, улыбаюсь ей:

— Нет. Ты его не убивала.

На лице Бет проступает облегчение, медленно, неуверенно, она словно не решается мне поверить. Я крепко ее обнимаю и чувствую, что она тихо плачет.

Позже я отправляюсь в лагерь. Уже день, солнце пробивается сквозь туманную дымку. Появляются первые проблески неба — прозрачные, ослепительные клочки, — и я чувствую, как что-то вливается в меня, переполняет. Это странное чувство, оно может превратиться во что угодно. Может стать радостью. Возможно. Я присаживаюсь рядом с Гарри на ступеньки его фургона. Спрашиваю, что он делает, и он, хотя и молча, раскрывает ладони и показывает мне. В одной руке у него маленький перочинный ножик, в другой — кусок коры, на котором нацарапаны геометрические фигуры, кривобокие, налезавшие одна на другую. Сейчас Гарри кажется мне удивительным, настоящим чудом. Я пытаюсь взять его за руку, но он отодвигается, не хочет. Я не настаиваю. Это чудо. Что Генри мог вырасти и стать вот этой доброй душой. Что это? Последствия травмы или, может быть, удар Бет что-то выбил из него? Озлобленность? Детскую заносчивость, агрессивность? Все низменное, все наследство Мередит, всю ненависть, которой она его научила. Теперь он — начисто вытертая классная доска.

Не мешая ему работать, я собираю его дреды в лохматый узел на затылке, чтобы рассмотреть лицо. Я сижу, он трудится, а я гляжу ему в лицо. И медленно, постепенно проступают знакомые черты. Кое-что будто встает на место, принимает знакомую форму. Но лишь отдельные штрихи, следы. Кэлкоттовский нос, как у всех нас, с характерным сужением к переносице. Голубовато-серые глаза. Ему как будто не мешает мое внимание. Похоже, он его просто не замечает.

— Он тебя узнал, мне кажется, — тихо замечает Динни, подходя и становясь перед нами. Руки опущены вдоль тела, но кулаки сжаты, словно он ждет чего-то. И готов к этому. — В первый раз, когда вы встретились в лесу и он к тебе подошел... Мне думается, он тогда узнал тебя, вот что.

Я гляжу на Динни, но не могу заговорить с ним. Пока не могу. Смотрю на выступающие жилы на его напряженных руках, проходящие под кожей жилы, крепко сжатые кулаки. Он был прав. Все

изменилось. Из фургона по другую сторону поляны выныривает Патрик и с торжественным видом кивает мне.

Уже смеркается, когда я поднимаюсь наверх, чтобы вытащить Бет. Она часами лежит на кровати. Привыкает. Я говорю ей, кто пришел, и она соглашается спуститься и встретиться с ним, церемонно и с благоговейным ужасом идущего на виселицу. Ее волосы, подрезанные кое-как, торчат во все стороны под странным углом, лицо неподвижное, неестественно застывшее. Думаю, ей будет стоить немалых усилий воли удержать эту неподвижность. На кухне горит свет. Динни и Гарри сидят за столом друг против друга, невозмутимо играют в карты и пьют чай, как будто мир только что не перевернулся и не опрокинул, не стряхнул все, на чем строилась наша жизнь, как отряхивается собака, вылезшая из грязной воды. Динни при нашем появлении поворачивается к нам, но Бет смотрит только на Гарри. Она присаживается поодаль и всматривается, изучает. Я наблюдаю и жду. Гарри неловко тасует карты, роняет несколько штук на стол, подбирает их и сует обратно в колоду, одну за другой.

— Он знает, кто я? — шепчет Бет еле слышным, прерывающимся голосом. Как тонкая ниточка, вот-вот оборвется.

Я подвигаюсь к ней ближе, протягиваю руки, чтобы подхватить, если что.

Динни слегка пожимает плечами:

— Проверить на самом деле невозможно. Похоже, ему с тобой... спокойно. С вами обеими. Обычно ему требуется время, чтобы привыкнуть к чужим, а тут...

— Я была уверена, что убила его. Все это время я была уверена, что убила его.

— А ты и убила, — бросает Динни. У потрясенной Бет отвисает челюсть. — Ты его ударила и оставила лежать лицом вниз в воде.

— Динни! Не надо... — Я пытаюсь его остановить.

— Если бы я не вытащил его на берег, он и *был бы* трупом. Просто помните об этом, когда начнете судить, что и как сделал я, что сделали мои родные...

— Никто никого не судит! Мы были детьми... мы растерялись, не знали, что делать. И ты прав, конечно, это просто счастье, что ты так быстро подрос, Динни, — говорю я.

— Хм... счастьем это вряд ли назовешь...

— Ну, так назови это как хочешь.

Динни набирает воздуха для следующих слов, смотрит на меня, прищутив глаза, но тут Бет начинает плакать. Это не тихие слезы жалости к себе. Надрывные, некрасивые рыдания рвутся прямо из сердца. Ее рот — глубокая красная яма. Глухие стенания, почти вой, поднимаются из темных глубин, они почти осязаемы, слышать их страшно. Я сажусь, обнимаю ее обеими руками, как будто могу удержать их. Динни отходит к окну, прислоняется к стеклу лбом, наверное, единственное, чего он сейчас хочет, — поскорее убраться отсюда. Я щекой прижимаюсь к спине Бет, чувствую, как по ней проходит дрожь, передаваясь и мне. Гарри разбирает карты по мастям и аккуратными стопочками складывает их на стол. Я боюсь даже думать о своих чувствах к Динни, точнее, к той тайне, которую он хранил. К Генри, затерявшемуся в лабиринте английских автостоянок и зеленых долин, в фургонах и автоприцепах, в караванах и грузовиках — всего на шаг в стороне, но в целой вселенной от ищущих, от тех поисков, которые велись, казалось бы, тщательно, но ограничивались пристойными, аккуратными поселочками. Это для меня слишком. Я не могу этого вместить.

Немного позже мы расходимся, каждый забирает своего подопечного, чтобы уложить. Динни скрывается в ночи с Гарри, я поднимаюсь вверх с Бет. Она плакала долго, а теперь затихла. Думаю, ее разум проводит самокоррекцию — так было и у меня, ей нужно время. Надеюсь, что время — единственное, в чем она нуждается. На ее лице странное выражение, как у новорожденного младенца. Нет, оно не красное, не сморщенное. Как у новорожденного в том смысле, что ему еще только предстоит оформиться, быть отмеченным жизнью. Нежное, как у младенца. Я с надеждой замечаю, как с него исчезают тени, затравленность, страхи. Но судить пока слишком рано. Я укрываю ее одеялом до подбородка, как сделала бы мама, и она улыбается чуть-чуть ехидно.

— Эрика, — заговаривает Бет и тихо вздыхает, — и давно ты влюблена в Динни?

— Что? — Я дергаю одним плечом, чтобы опровергнуть ее предположение, и запоздало понимаю, что скопировала его жест.

— Не отрицай. У тебя это на носу написано.

— Тебе надо поспать. День был тяжелый...

— Как давно? — настаивает она, хватая меня за руку, когда я собираюсь уйти.

Я смотрю на нее. При этом свете глаза ее непроницаемы. Солгать я не могу, но не могу и сказать правду.

— Не знаю, — отвечаю лаконично. — Даже не знаю, что влюблена в него, оказывается.

Я неловко поворачиваюсь и иду к двери, чувствуя, что каждая клеточка моего тела, каждое движение выдает меня с потрохами.

— Эрика!

— Что?

— Я... я обрадовалась, когда ты сказала, что ничего не помнишь. Я и хотела, чтобы ты не вспомнила, что случилось. Ты была совсем маленькой...

— Не *настолько* маленькой...

— Достаточно маленькой. Ты вообще была ни при чем, твоей вины там нет, надеюсь, это ты понимаешь. Конечно, знаешь. Я хотела, чтобы ты ничего не помнила, потому что мне было стыдно. Не за то, что бросила в него камень, а за то, что побежала. За то, что бросила его там и ничего не рассказала родителям. Не знаю, почему я так сделала. Я не знаю, почему я так сделала! Никогда не знала!

— Это не...

— Решать надо было мгновенно. Именно так я стала это объяснять себе, когда выросла. Мгновенное решение — и после того, как ты его примешь, назад пути нет. Остаться и ответить за свою ошибку, даже такую ужасную, или сбежать и спрятаться? Я убежала. И поплатилась.

— Не казни себя, Бет...

— Есть за что. А ты только последовала за мной. Я была старше, я была лидером. Заговори я тогда, он мог бы жить...

— Он жив, Бет!

— Он мог бы жить *нормально*! Не стал бы таким несчастным...

— Бет, тут ты неправа. Он жил так, как жил. Теперь этого не вернуть, и умоляю, перестань грызть себя. Ты была ребенком.

— Как подумаю о Мэри, о Клиффорде...

Слезы снова наполняют ее глаза, текут по лицу. Не могу придумать, что ей на это сказать. Клиффорд и Мэри. Их жизнь

пострадали куда больше нашей, превратившись в руины. От этой мысли на сердце наваливается свинцовая тяжесть.

Просыпаюсь в облепившей меня тьме задолго до рассвета и неслышно крадусь на кухню. Странное состояние — я страшно устала и одновременно вся наэлектризована. Готовлю кофе, крепкий и обжигающе горячий. Холод от пола леденит мне ноги сквозь носки. Маленькие часы на микроволновке показывают половину восьмого. Тишина в доме, лишь потрескивает древняя система отопления — не сдается, хотя и держится из последних сил. Я достаю вчерашнюю газету, тупо таращусь в нее — и понимаю, что кроссворд мне не решить. Кофеин подстегнул организм, но мысли яснее не стали. Как можно утаить от родителей Генри, что он жив? Как им не сказать? Это невозможно. Но они же захотят знать, как это произошло. Даже Мэри, незлобивая, сломленная, захочет знать, как это произошло. А Клиффорд потребует *правосудия*. Правосудия в его понимании. Он непременно подаст иск, предъявит обвинение Динсдейлам в похищении, в неоказании своевременной медицинской помощи. Не исключено, что он будет настаивать и на возбуждении дела против Бет и меня, хотя это будет явно сложнее. Не знаю, в чем можно обвинить детей. В нанесении тяжких телесных повреждений? Может быть. В совершении незаконных действий. Не представляю, какие обвинения предъявляют детям. Но я совершенно ясно представляю себе, как он крепко хватает нас троих зубами и трясет, трясет. Ну и как им обо всем рассказать?

Постепенно небо за окном становится светлее. В десять часов появляется Бет, полностью одетая. Она стоит в дверном проеме с сумкой через плечо.

— Ты куда собралась? — спрашиваю я.

— Я... В общем, мне надо ехать. Максвелл собирается привезти Эдди завтра после обеда, а ничего еще не готово, и... и мне же нужно побывать у парикмахера до его приезда. Он пробудет у меня до среды, до начала занятий в школе.

— Ой, верно. Я думала... я думала, нам бы надо поговорить, все обсудить? Насчет Генри?

Она трясет головой:

— Я пока совершенно не готова это обсуждать. Еще нет. Но знаешь... мне стало легче.

— Хорошо, хорошо. Я рада, Бет. Правда, рада. Я только одного хочу, чтобы ты смогла наконец выбросить все это из головы.

— И я этого очень хочу. — Ее голос звучит уже не так мрачно, почти радостно. Улыбается, предвкушая скорый отъезд, крепко сжимает сумку.

— Вот только... не представляю, как нам быть с Клиффордом и Мэри. Сможем ли мы сказать им об этом... — говорю я, и у Бет вытягивается лицо.

Она как и я переваривает услышанное, но отстает от меня на несколько часов. Быстро, нервно Бет облизывает губы.

— Сейчас мне нужно ехать. Но, сказать по совести, Рик, не думаю, что я могу высказывать свое мнение по этому поводу. Я не имею на это права. Да и не хочу иметь. Я уже достаточно ему навредила. И им. Мне кажется, что бы я ни предложила, все будет скверно... — По ее лицу снова пробегает тень.

— Не беспокойся насчет этого, Бет. Я все улажу сама. — Надо же, как уверенно звучит мой голос.

Бет улыбается, прозрачная и прекрасная как крылышки только что вылупившейся бабочки, потом подходит и обнимает меня.

— Спасибо, Эрика... Я перед тобой в неоплатном долгу... — начинает она.

— Ничего ты мне не должна... — Я трясую головой. — Мы же сестры.

Она крепче стискивает меня в объятиях, вкладывая в них всю силу своего тонкого, как ивовый прутик, тела.

Когда мы садимся в машину, с низкого серого неба начинает сыпаться крупа. Я не успеваю завести мотор, когда из-под полога деревьев появляется Динни, стучит в окно.

— Я надеялся, что застану вас. Так и подумал, что ты решишь сегодня сняться с места, — обращается он к Бет. Легкий, едва заметный намек на укор, но и его достаточно, чтобы у нее между бровей залегла морщинка.

— Бет нужно поспеть на ближайший поезд, — вмешиваюсь я.

Он переводит на меня взгляд, кивает.

— Ладно, Бет, я просто хотел сказать... я просто... когда я сказал прошлой ночью, что ты его убила, я не имел в виду, что... что ты этого хотела или сделала это намеренно, — говорит Динни. — Я раньше все

допытывался у родителей, почему Генри такой мерзавец. Почему он такой злобный маленький негодяй, все время делает гадости, издевается... А они постоянно повторяли, что если дети так себя ведут — это значит, они несчастливы. Почему-то им плохо. Неизвестно... может, их мучает страх или обида, и они вымещают это на других. Я тогда не верил, конечно. Думал, он в самом деле злодей, черная душа, но... теперь я им верю. Это и в самом деле правда. Генри что-то мучило, он был несчастлив, и что там ни говори, а теперь-то он счастлив. Самый счастливый и умиротворенный из всех, кого я знаю. Ну, и я просто... просто хотел, чтобы ты подумала об этом. — Динни кивает нам и отступает от машины.

— Спасибо тебе, — шепчет Бет. Ей еще трудно смотреть Динни в глаза, но она делает попытку. — Спасибо за все, что ты сделал. Что никому не сказал.

— Я бы никогда не сделал ничего, чтобы тебе навредить, Бет, — мягко отвечает он. Я так крепко сжимаю баранку, что белеют костяшки пальцев. Бет кивает, не поднимая глаз. — Может, заглянешь как-нибудь сюда?

— Может быть... Скорее всего... Как-нибудь потом...

— Значит, тогда и повидаемся, Бет, — печально улыбается Динни.

— До свидания, Динни, — спокойно произносит Бет.

Он шлепает ладонью по крыше автомобиля, и я покорно трогаю с места. Гляжу на него в зеркало заднего вида — стоит, ссутулившись, глубоко засунув руки в карманы, темные глаза на смуглом лице. Он стоит на дороге, пока мы не заворачиваем за угол.

Сегодня суббота, третье января. Большинству людей в понедельник предстоит выйти на работу. Я позвоню юристу семьи Кэлкотт, мистеру Долишу из Мальборо, и попрошу его выставить Стортон Мэнор на продажу. Приходится принимать решения, теперь, когда можно снова двигаться вперед. Больше не осталось пробелов, у меня нет больше предлогов, чтобы задерживаться здесь. В полной тишине я хожу по дому. Не хочу включать радио, не нуждаюсь в компании телевизора. Не напеваю, не хлопаю дверями, стараюсь даже ступать потише. Я хочу получше расслышать нежный колокольчик — голос известной мне теперь истины, звенящий в моей голове. Можно было бы махнуть на все рукой — оставить громадную елку и все венки из остролиста в позолоте. Пусть бы стояли себе и висели, пылились,

покрывались паутиной, пока не пройдут торги и новый владелец не заберет все мало-мальски ценное, а остатки вынесут уборщики. Остатки этого нашего Рождества, такого странного. Но сама мысль об этом кажется мне невыносимой — чтобы обрывки наших жизней остались гнить, как недавно огрызок яблока Мередит в мусорной корзинке. Ненужные и мерзкие.

Уборка — дело полезное. Помогает отвлечься, не дает эмоциям захлестнуть меня. Я решаю оставить себе только три вещи: бювар Кэролайн вместе с письмами, ее нью-йоркский портрет и зубное кольцо Флага. С остальным можно расстаться. Я разбираю елку, снимаю шары и бусы, достаю из холодильника и кладовой последние остатки рождественского угощения, разбрасываю по лужайке то, что может пригодиться по вкусу птицам или лисам. В ящике буфета нахожу кусачки, поднимаюсь на верхнюю лестничную площадку, где елка прикручена к перилам, и перекусываю проволоку. «Дрова!» — шепчу я, обращаясь к пустому холлу. Дерево медленно кренился набок и со вздохом валится на пол, как старый пес. Приглушенный хруст сообщает, что мне удалось разыскать не все шары. Сухие иголки водопадом обрушиваются с веток и покрывают каменный пол толстым ковром. Вздохнув, я приношу веник и ведро, гоняю иглы по полу. Невольно я начинаю фантазировать о Динни, гадаю, каково это — жить с ним. Спать на узкой скамье в его фургоне, готовить завтрак на плитке, возможно, менять работу, переезжая из одного городка в другой. Краткосрочные контракты, больничные листы. Преподавание. Неужели кто-нибудь примет на работу учителя без постоянного адреса. Лежать рядом каждую ночь, слышать, как бьется его сердце, просыпаться от его прикосновений.

Стук в дверь и голос Динни отрывает меня от мечтаний.

— Я не вовремя? — В дверь просовывается его голова.

— Почему, как раз вовремя. Поможешь мне вытащить на улицу это дерево, — улыбаюсь я и, поморщившись, встаю. — Ноги затекли, слишком долго стояла на коленях. И притом без особой необходимости.

— Да? А что же может быть за особая необходимость? — Его широкая улыбка согревает меня.

— Ну как же, молитва, конечно. — Я — сама искренность, а он в ответ хихикает. Потом протягивает мне конверт:

— Вот. Открытка от Хани. Благодарит за то, что ты помогла той ночью и за цветы. — Он достает из кармана круглую резинку, зажав ее зубами, собирает волосы в хвост, открывая лицо.

— Ой, зачем, не стоит благодарности.

— Вообще-то, ты ушла тогда, на днях, от мамы, и только тут Хани сообразила, что так и *не сказала* тебе спасибо. А теперь, когда гормоны приходят в норму, она, по-моему, поняла, какой злючкой была последние несколько недель.

— У нее были свои причины. Ей нелегко пришлось.

— Сама усложнила себе жизнь, но сейчас, по-моему, все приходит в норму.

— Ну-ка, хватайся за ветку.

Я распахиваю настежь обе створки входной двери, и мы тянем елку за нижние ветви, тащим по полу. За ней тянется сухая зеленая струйка.

— Может, не стоило подметать, пока не вытащили дерево? — замечает Динни.

— Наверное, — соглашаюсь я.

Мы оставляем ель на аллее, отряхиваемся от иголок. Здесь отовсюду капает, все набухло, пропиталось водой. На стволах деревьев темные потеки, как пот у больного. Грачи гомонят, перекрикиваются в саду. Их голоса ударяются о дом, отражаются металлическим эхом. Мне кажется, что они смотрят на нас блестящими колючими глазками, похожими на металлические бусины. Мое сердце торопится так, что обогнало все, что движется в округе. А мысли на удивление спокойны. Я гляжу на Динни, вдруг оробев. Не могу найти название тому, что происходит между нами.

— Приходи завтра на ужин, — приглашаю я.

— Хорошо. Спасибо, — отвечает Динни.

Из последних съедобных продуктов, оставшихся в кладовке, холодильнике и морозильнике, я готовлю ужин. Это в последний раз. Что останется, выброшу. Древние пакеты с сухой горчицей, сухой собачий корм, патока в банках с ржавыми крышками, пакетики со смесью для приготовления соуса бешамель. Дом превратится из жилого в необитаемый, из дома в недвижимость. Вот-вот, теперь уже скоро. Я сказала, чтобы он приводил Гарри, если захочет. Это было бы справедливо и правильно. Мне кажется, что я должна позаботиться о

нем, поддержать хотя бы немного. Но Динни это почувствовал, нахмурился, а в семь часов появился один. На дереве у него за спиной кричит сова, возвещает его приход. Вечер сегодня тихий, холодный и влажный, как галька на берегу реки.

— Бет немного получше выглядела, когда уезжала, — сообщаю я, откупоривая бутылку, и наливаю вино в два больших бокала. — Спасибо, что ты сказал ей... то, что сказал. О том, что Генри счастлив.

— Это правда, — замечает Динни, делая глоток, на его нижней губе появляется влажная алая полоска.

Подумать только, он знал. Все это время, все годы. Но и он, впрочем, не знает, что сейчас испытываю я, каково это — оглянуться и обнаружить, на какой зыбкой почве, оказывается, стояла до сих пор.

— Это что, кстати? — осведомляется Динни, ковыряя вилкой еду.

— Курица под соусом провансаль. А это — сырныи клецки. Салат из фасоли разных сортов и консервированный шпинат. А что? Какие-то проблемы?

— Нет, проблем никаких. — Он озорно улыбается и приступает к еде.

Я цепляю клецку на вилку. Натуральный пластилин.

— Жуть какая. Прости. Повар из меня всегда был никудышный.

— Курица недурна, — дипломатично замечает Динни.

Это так непривычно для нас обоих. Сидеть рядом, есть, болтать просто так, ни о чем. Непривычна сама мысль о том, что мы можем быть вместе в новом, изменившемся мире. Повисает молчание.

— Моя мама сказала мне, что ты был влюблен в Бет... тогда, в детстве. Ты поэтому никому не рассказал, как все было на самом деле? Чтобы защитить Бет?

Динни медленно прожевывает, глотает.

— Нам было по *двенадцать лет*, Эрика. Но выдавать ее я не хотел, нет.

— Ты до сих пор ее любишь? — Не хочу слышать ответ, но мне важно знать.

— Она теперь совсем другой человек. — Динни смотрит в тарелку, хмурится.

— А я? Я та же самая?

— Во многом, — усмехается Динни, — такая же настырная.

— Я не нарочно, — оправдываюсь я. — Просто не хочу ошибиться. Просто хочу... чтобы все было правильно.

— Ты всегда этого хотела. Но жизнь не так проста.

— Да уж.

— Возвращаешься в Лондон?

— Не уверена. Скорее нет. Я не определилась еще, куда поеду. — Говоря это, я пристально смотрю на него, не скрывая вопросительного выражения.

Динни отвечает на мой взгляд, не отводит глаз, но молчит.

— Клиффорд поднимет бучу, — нарушаю я молчание. — Если ему рассказать. Я знаю, он нас в покое не оставит. Но... я не уверена, что смогу жить дальше, зная то, что знаю, в то время как они с Мэри думают, что Генри умер.

— Они не узнали бы его теперешнего, Эрика, — отвечает Динни, он серьезен. — Это больше не их сын.

— Да о чем ты, конечно, он их сын! Кто же еще?

— Он так долго жил бок о бок со мной. Мы росли вместе. Я менялся и сам это замечал... но Гарри оставался таким же. Как будто его заморозили, законсервировали в тот день, когда камень попал ему в голову. Если уж на то пошло, он скорее мой брат. Он теперь член *моей* семьи.

— Мы все одна семья, ты забыл? Причем, похоже, в самых разных смыслах. Они могли бы помочь, обеспечить уход за ним... или я могла бы. Поддержать его финансово... или... Он их *сын*, Динни. И он не умер!

— Но он умер. Их сын умер! Гарри и Генри — разные люди. Они не смогут вырвать его из той жизни, где все ему привычно и знакомо.

— Они имеют право о нем узнать. — Я мотаю головой, я не могу позволить оставить все как есть.

— Ну, и как ты себе это представляешь — Гарри будет жить с ними, запертый в четырех стенах, вести себя прилично? Или они отдадут его в какой-нибудь пансион, где будут навещать его, когда захотят, а он проведет остаток дней, уставившись в экран телевизора?

— Так не будет!

— Откуда ты знаешь?

— Я просто... я даже представить себе не могу, каково им приходилось все это время.

Мы надолго умолкаем.

— Я ничего не собираюсь предпринимать и решать без твоего ведома, — обещаю я ему.

— Я тебе уже сказал, что об этом думаю, — говорит Динни. — Если они увидят его таким, как сейчас, это не принесет им радости. А мы не нуждаемся ни в какой помощи.

Он грустно качает головой. Мысль о том, что я заставила Динни грустить, кажется мне невыносимой. Я протягиваю через стол руки, сжимаю его пальцы.

— То, что ты сделал для нас... для Бет... снял тяжесть обвинения... это неоценимо, Динни. Это просто невозможно — то, что ты сделал, — тихо говорю я. — Спасибо.

— Останешься? — спрашиваю я.

Уже поздний вечер. Он не отвечает, но молча поднимается и ждет, пока я покажу, куда идти. Я не веду его в комнату Мередит. Выбираю гостевую комнату на самом верху, на чердачном этаже, где простыни на постели заледенели без человеческого тепла, а половицы недовольно скрипят, когда мы на них наступаем. В этой тишине и мы стараемся не шуметь, а ночь за незашторенным окном превращает нас, когда мы раздеваемся, в серебристо-серые тени. От его прикосновений у меня бегут мурашки и волоски встают дыбом. Динни кажется таким смуглым, темным в этом скудном свете, лицо — сплошная глубокая тень, я не могу ее разгадать. Целую его рот, прижимаю губы к его губам, выпиваю его до дна. Я хочу, чтобы нас ничто не разделяло, чтобы между нашими телами не было ни малейшего зазора. Хочу обвиться вокруг него, как лиана, как плющ, как веревка и накрепко нас связать. На нем нет ни татуировок, ни пирсинга, ни шрамов. Совершенный, целостный. Его шершавые ладони касаются моей спины. Одной рукой он ерошит мне волосы, запускает в них пальцы, закидывает назад мою голову.

Я закрываю глаза, но вижу всем своим телом — каждое уверенное движение его рук, теплое прикосновение его дыхания, его вес на мне. Высвобождаю из-под него локти. Хочу, чтобы он накрыл меня, раздавил. Сейчас в нем нет ни капли настороженности, колебаний, раздумий. Он хмурит брови, но совсем по-другому, когда подкладывает руку под мои бедра, приподнимает меня, резко толкает.

Хотелось бы мне запомнить эти ощущения, запечатлеть их в памяти, чтобы они были со мной всегда, сделать так, чтобы каждый миг от одного удара сердца до другого длился вечно, нескончаемо. Соленый пот на его верхней губе, неразборчивые слова, которые он произносит, уткнувшись мне в волосы. Ничего другого мне не надо.

— Я могла бы остаться с вами, — предлагаю я позже. Я лежу с закрытыми глазами, мне спокойно. — Жила бы с вами... помогала тебе и Гарри. Я могу работать где угодно. Ты не должен в одиночку его тянуть. Я же могу помогать. Могу остаться жить с вами.

— И кочевать все время и бродяжить, как мы?

— Ну, а почему бы и нет? Я, кстати, сейчас бездомная.

— До бездомной тебе ой как далеко. Сама не понимаешь, что говоришь. — Его пальцы уютно лежат на моем плече, они пахнут мной.

Я вытягиваюсь, прижимаюсь к нему. Его кожа под моей щекой, горячая и сухая.

— Не знаю. Возвращаться в Лондон я не хочу, а здесь остаться не могу. Я... в твоём распоряжении, — говорю я, и абсурдность произнесенного заставляет меня хихикнуть. Но Динни не смеется. От того, как мгновенно напрягается его тело, мне становится тревожно. — Я не то хотела... Я не вешаюсь тебе на шею, ничего подобного, — торопливо добавляю я. Никакой хваткой, как ни старайся, я не смогу удержать его, если решит уйти.

Он вздыхает, медленно поворачивает голову и целует меня в волосы.

— Ничего не имел бы против, вздумай ты вешаться мне на шею, Щененок, — улыбается он. — Утро вечера мудренее. А утром... со всем разберемся.

Он произносит это тихо, почти неслышно, так что я, прислонившись ухом к его груди, едва различаю слова. Они рождаются там, в груди, похожие на гул, глубокий, уверенный. Я не сплю еще довольно долго и слышу, как его дыхание замедляется, становится глубже, ровнее. Потом засыпаю и я.

Просыпаюсь я в одиночестве. Небо низкое, матово-белесое, сквозь деревья сеется мелкий дождик. За окном на голой ветке сидит грач, взъерошил перья, чтобы защититься от непогоды. Мне вдруг остро хочется лета. Тепла, и сухой земли, и чистого неба, распахнутого

на мили. Простыни уже остыли. Не осталось даже вмятины на подушке, отпечатка его головы. Может, мне привиделось, что он был здесь со мной, да только это не так. Вовсе нет. Я не побегу вниз со всех ног. Не буду суесться. Заставляю себя одеться, доедаю готовый завтрак из хлопьев, залив остатками молока. Сегодня придется либо уезжать, либо идти в магазин. Я еще не решила, что выберу.

Я скольжу по лужайке в резиновых сапогах с налипшими на них опавшими листьями. Голова у меня сегодня ясная, я решительно двигаюсь к цели. Возможно, цель смещена, неверно определена мной, пока я не приняла окончательное решение, но сейчас, кажется, я готова это сделать. Я тащу коробку с кое-какими штуками для Гарри. Я собрала их в разных ящиках на чердаке и уже определила было на помойку, когда до меня дошло, что ему они могут понравиться. Сломанный радиоприемник «Сони», старые фонарики, батарейки, лампочки и какие-то металлические детальки непонятного назначения. У меня ноет спина, вспоминает тяжесть Динни. Я вздрагиваю, бережно лелею это воспоминание тела.

Я довольно долго стою посреди стоянки для автофургонов, картонная коробка у меня в руках уже начинает размокать под дождем. Автомобилей нет, нет собак, нет струек дыма в небе. Меня бросили — оставили одну на пустой стоянке, среди грязного месива, развороченного ногами и колесами. Я и сама так же разворочена им. Его уходом, а теперь и отъездом. Мой давно потерянный родственник, герой моего детства. Мой Динни. Погода очень тихая. Ни ветерка сегодня. Я слышу мотор, машина на всех парах уносится из поселка, хрустя колесами по подмерзшим лужам. У меня не осталось ни номера его телефона, ни адреса электронной почты, я понятия не имею, куда он направился. Медленно поворачиваюсь, оглядываюсь — вдруг замечу, обнаружу что-то, что меня ждет. Или кого-то.

Наследство

1911

Последнее дитя родилось у Кэролайн в 1911 году, к тому времени обитатели Стортон Мэнора давно уже распростились с надеждой увидеть наследника рода Кэлкоттов. Были и другие беременности, дважды, но тело Кэролайн снова и снова отвергало детей, и они покидали этот свет, даже не начав жить. Маленькая девочка родилась в августе. Стояло долгое жаркое лето, никто не помнил подобного, и Кэролайн изнемогала от зноя. С трудом шевеля ногами, она выходила в сад и недвижно лежала в тени, дремала. Было так жарко, что порой, засыпая, она начинала грезить, будто снова очутилась в округе Вудворд, сидит на веранде и смотрит во двор, дожидаясь, когда вернется Корин. Когда же к ней подходил муж или кто-то из прислуги, Кэролайн глядела на них в замешательстве, не сразу вспоминая, кто это такие и где она находится.

Зелень в саду выгорела и пожухла. Деревенский мальчишка, Томми Вестенфелл, утонул в Росном пруду. Он запутался ногами в водорослях на дне и был обнаружен встревоженным отцом спустя несколько часов, бледный, тихий, с безжизненными глазами. Миссис Придди подвернула ногу, возвращаясь от мясника с целым бараньим окороком, и была вынуждена провести в постели три дня. Эстель и Лиз, рыхлая девица, заменившая Касс, трудились не покладая рук, заменяя экономку, их форменные платья насквозь пропотели. В горячем сухом воздухе стояли запахи пересохшей земли и пота. Каменные плиты на террасе так нагревались, что жгли Кэролайн ступни даже сквозь подошву домашних туфель. Генри Кэлкотт, которому к тому времени не доставляло большого удовольствия находиться рядом с женой, оставался в доме ровно столько, сколько было нужно, чтобы удостовериться, что дитя благополучно появилось на свет, после чего покинул Уилтшир и отправился к друзьям на море, в Борнмут.

Роды были затяжными и трудными, к концу Кэролайн потеряла сознание и стала бредить. Доктор, чтобы справиться с обезвоживанием, впрыскивал жидкость через трубочку, которую

вставил ей в горло, а она лишь смотрела на него со своего ложа с недоумением и ужасом. Лиз и Эстель заботились о девочке первые дни и поочередно обкладывали Кэролайн прохладными простынями, чтобы снять жар. Наконец она пришла в себя, оправилась, но, когда ей поднесли младенца, скользнула по нему бесстрастным взглядом, отвернулась и не стала кормить. В деревне спешно отыскивали кормилицу. Но Кэролайн, которой хотелось знать наверняка, что девочка выживет и будет с нею месяцы и годы — и не покинет, прежде чем она осмелится к ней привязаться, опоздала. Дитя, казалось, не принадлежало ей, она не сумела его полюбить. Девочка прожила два года и только тогда получила имя. Все это время Лиз, Эстель и кормилица называли малышку Августой, но однажды Кэролайн, равнодушно заглянула в колыбель и объявила, что назовет дочь Мередит, в память ее бабушки.

Мередит была одиноким ребенком. У нее не было братьев и сестер, чтобы играть с ними, а играть с детьми из деревни строго запрещалось, и она только издали смотрела, как те носятся по полям вокруг усадьбы. Хозяйство к тому времени пришло в упадок, а деревня Стортон Мэнор превратилась в печальное, тихое место, почти все его молодые жители ушли на войну и погибли на материке. Генри Кэлкотт по большей части жил в городе, проигрывал и тратил столько, что почти всю прислугу, в том числе Лиз и младшую горничную, пришлось уволить. Сохранившая место миссис Придди выбивалась из сил, ведя хозяйство, помогала ей только Эстель. Миссис Придди была добра к Мередит, подкармливала ее булочками и пирожками и позволила держать кролика в клетке рядом с кухней. Они давали ему морковную ботву и рвали салатные листья. Пять раз в неделю по утрам приходила учительница, обучавшая Мередит письму, музыке, рукоделию и манерам. Мередит ненавидела и занятия, и учительницу и после уроков старалась как можно скорее сбежать от нее в сад.

Но мать Мередит обожала. Кэролайн к тому времени стала совсем не от мира сего — в белом платье, с отрешенным взглядом, она часами сидела у окна или на лужайке, уставясь в пространство... Бог знает, что она там видела. Когда Мередит пыталась обнять мать, та покорно сносила это, но через минуту с мягкой улыбкой высвобождалась из детских объятий и рассеянно отправляла девочку побегать и поиграть.

Миссис Придди выговаривала ей и не велела утомлять маму, и Мередит близко к сердцу приняла эти нотации. Она испугалась, что, видимо, каким-то образом виновна в непроходящей апатии матери. Она стала держаться подальше, считая, что в этом случае мама будет меньше уставать и рано или поздно встанет, улыбнется ей и станет больше ее любить. Девочка играла одна, любовалась голубями на крышах, которые распускали хвосты и кланялись друг другу. Она наблюдала, как лягушачьи икринки в декоративном пруду медленно отращивали хвостики и превращались в головастики. Глядела, как кухонные кошки играют с беспомощной мышкой, а потом приканчивают ее мгновенно, на бегу. А еще она видела Динсдейлов на поляне у леса. Она подсматривала за ними при всяком удобном случае, но была слишком застенчива, чтобы показаться им на глаза.

У Динсдейлов было трое ребятишек: совсем малыш, надежно привязанный к материнской спине, маленькая девочка с соломенными волосами, как у ее матери, — она была на несколько лет старше Мередит, — и мальчик, какой-то необычный, смуглый. Его возраст Мередит не могла определить. Он всюду ходил с отцом, играл с сестренкой, подтрунивал над ней и улыбался. Их мать была милостивой и смешливой, она то и дело тормозила детей, обнимала и хохотала над их шалостями. Отец был серьезнее, что, по мнению Мередит, подобало всем отцам, но и он часто улыбался и одной рукой обнимал мальчика или поднимал девочку высоко в воздух и сажал себе на плечи. Мередит не могла представить, чтобы ее собственный отец проделал с ней что-то подобное — даже от мысли об этом ей становилось не по себе. И Мередит подглядывала за этой семьей, смотрела как замороженная, и, хотя все они были такими радостными и веселыми, домой она возвращалась в мрачном настроении, чуть не плача. Ей было невдомек, что она завидует. Мередит страстно хотелось, чтобы ее собственная мать вот так же смеялась и обнимала ее.

Однажды она допустила ошибку. Мать сидела на лужайке в своем плетеном кресле. На столике рядом стоял нетронутый кувшин лимонада, и жадные мухи безбоязненно кружились вокруг кружевной салфетки, прикрывающей горлышко. Мередит вышла из леса и, увидев мать, поспешно оправила юбку и пригладила волосы. Мать не

смотрела в ее сторону, но, когда дочь оказалась прямо перед ней, выдавила тусклую улыбку.

— Ну, дитя, где же ты была сегодня? — спросила мать. Голос у нее был сухим и мягким, казалось, он доносится откуда-то издалека.

Мередит подошла совсем близко и осторожно взяла ее за руку.

— Я была в лесу. Наблюдала, — поделилась она. — Можно мне немного лимонада?

— И что же ты нашла там, в лесу? — спросила ее мать, игнорируя просьбу.

— Я видела Динсдейлов, — начала Мередит и тут же испуганно зажала рот ладошкой. Миссис Придди не раз предостерегала ее, велела никогда не упоминать Динсдейлов при матери, хотя и не объяснила причину.

— Что? — вскинулась мать. — Ты же прекрасно знаешь, что это запрещено! Надеюсь, ты не вступала в разговоры с этими людьми?

— Нет, мамочка, — тихо ответила Мередит. Ее мать снова откинулась на спинку кресла, плотно сжав бескровные губы. Мередит собралась с духом: — Но, мамочка, *почему* мне нельзя поиграть с ними?

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди от сознания собственной дерзости.

— Потому что это отбросы! Бродяги, грязные цыгане! Они воры и лжецы, и сюда им вход запрещен! И тебе *нельзя* к ним не приближаться! *Никогда!* Ты поняла? — Мать наклонилась вперед так резко, что кресло под ней закрипело, и больно схватила Мередит за запястье. Мередит испуганно закивала.

— Да, мамочка, — прошептала она.

Сюда им вход запрещен. Мередит навсегда запомнила эти слова. Когда она увидела Динсдейлов в следующий раз, ее зависть превратилась в подозрительность. Ей уже не хотелось поиграть с ними, разделить их счастливую, беззаботную жизнь. Вместо этого она желала, чтобы их жизнь *не была* счастливой и беззаботной. Она наблюдала за ними каждый день, и с каждым днем неприязнь к ним росла, а на сердце становилось все тяжелее, и однажды она решила: это Динсдейлы виноваты, в том, что ей так грустно и скверно. И ей, и ее мамочке. Если она сумеет прогнать их отсюда, думала Мередит,

мамочке это будет приятно. Ну, конечно же это *наверняка* будет ей приятно.

В теплый летний день 1918 года Мередит услышала, как дети Динсдейлов играют у Росного пруда. Она подкралась поближе, прячась под деревьями, потом прислонилась к березовому стволу и наблюдала, как они прыгают в воду. Кажется, это было невероятно веселое занятие, хотя сама Мередит ни разу в жизни не плавала и потому не могла знать наверное. Однако ей очень хотелось попробовать. Кожа чесалась от жары, и при одной мысли о прохладной, чистой воде у нее ослабели ноги. Динсдейлы плескались, хрустальные брызги дугами разлетались во все стороны, и Мередит поняла, что у нее совсем пересохло во рту. Мальчик куда больше загорел, чем его сестра. Кожа у него была орехового цвета, а растрепанные волосы — чернильно-черные. Он поддразнивал девочку, макал ее в воду, но Мередит видела, как он украдкой посматривает на сестренку и окунает ее снова, лишь убедившись, что ей все еще весело.

Мередит высунулась, чтобы лучше видеть, и вдруг застыла на месте. Динсдейлы увидели ее. Первым ее заметил мальчик, который уже выбрался из воды на берег. Вода ручьями стекала с его коротких штанов. Девочка стала крутить головой, пытаясь понять, что заинтересовало брата.

— Здравствуй! — поздоровался мальчик, дружелюбно и совершенно спокойно, тогда как сердце Мередит билось, как птица в клетке. — Кто ты?

Мередит была поражена тем, что он видит ее впервые, ведь она, как ей казалось, знает *их* очень хорошо. Она стояла молча, не дыша, не зная, убежать или остаться.

— Мередит, — шепнула она после долгого, напряженного молчания.

— А я Мария! — крикнула девочка, шлепая по воде ладошками.

— А я Флаг. Хочешь поплавать с нами? Тут мелко, — сказал мальчик.

Он уперся руками в бока и рассматривал ее, склонив голову набок. Мокрая кожа на его руках и ногах блестела, а в глазах плясали зайчики от бликов на воде. Мередит застеснялась. Она думала о том, как он красив, и не знала, что сказать.

— Что за имя — Флаг? — спросила она немного высокомерно, сама того не желая.

— Мое имя. — Он пожал плечами. — А ты живешь в большом доме, верно?

— Да, — ответила она, все еще запинаясь.

— Ладно, — продолжил Флаг после паузы. — Ну что, хочешь купаться с нами или нет?

Мередит покраснела до слез и низко опустила подбородок, чтобы скрыть это. Ей не разрешалось купаться. И никогда не приходилось, но искушение было столь сильно, что она решилась, все равно никто не догадается.

— Я... не умею плавать, — нехотя призналась она.

— Ну, тогда можно просто барахтаться. Если упадешь, я тебя подхватю, — развел руками Флаг.

Мередит впервые слышала слово *барахтаться*, но, кажется, поняла, о чем речь. Сев на берег, нарушительница трясущимися от страха пальцами расшнуровала и сняла ботинки и робко подошла к краю воды. *На самом деле* она не ослушалась, уговаривала она себя. Никто никогда не запрещал ей барахтаться.

Скользя, Мередит преодолела последние дюймы, спустилась по крутому берегу и задохнулась, когда ноги оказались в воде.

— Какая холодная! — пискнула она, испуганно отпрянув назад.

Мария прыснула.

— Холодно только когда заходишь. А потом становится отлично! — объяснила она.

Мередит снова двинулась впереди и позволила воде добраться до щиколоток. От холода у нее заболели косточки, по телу бежали радостные мурашки. Издав клич, Флаг разбежался и прыгнул на середину пруда, согнув колени и раскинув руки в стороны. От него по воде разбежалась волна, окатив Марию и основательно замочив подол платья Мередит.

— Смотри, что ты наделал! — крикнула она, испугавшись, что миссис Придди или мать заметят и ее тайна откроется.

— Флаг! Не надо, — весело обратилась к брату Мария, когда он, отфыркиваясь, вынырнул.

— Ничего, скоро высохнет, — беспечно сказал Флаг. Его волосы облепили шею и спину, гладкие, словно шкурка выдры.

Раздосадованная, Мередит выбралась из воды, села на берегу и устала себе на ноги, побелевшие после купания.

— Флаг, извинись! — скомандовала Мария.

— Извини, что намочил тебе платье, Мередит, — нетерпеливо закатывая глаза, извинился Флаг.

Но Мередит не ответила. Она еще немного посидела, наблюдая за купающимися детьми, но теперь ее присутствие, видимо, мешало им. Вскоре они вышли на берег и стали одеваться.

— Хочешь пойти к нам и выпить чаю? — спросила Мария, с улыбкой менее приветливой, чем раньше.

Флаг стоял вполборота к ней, готовый тронуться в путь. Вода, стекающая с волос, намочила ему рубашку, и та плотно обтянула его, как вторая кожа. Мередит хотелось смотреть на него, но, едва взглянув в его сторону, она тут же рассерженно отвела глаза.

Мередит отрицательно помотала головой.

— Мне не разрешают, — пробормотала она.

— Тогда идем, Мария. — В голосе Флага слышалось нетерпение.

— Ну, тогда до свидания, — попрощалась Мария и помахала Мередит рукой.

Потребовалось почти два часа, чтобы плотная хлопчатобумажная ткань просохла окончательно, и все это время Мередит держалась в дальних уголках сада, где ее мог заметить только садовник. Он был совсем старым и мало чем интересовался, кроме своих тыкв. Мередит вспоминала, как она барахталась, как Мария пригласила ее на чай и как сверкали на солнце мокрые волосы Флага, — и каждое воспоминание вызывало у нее приятное щекочущее чувство, вступавшее в противоречие с той неприязнью, которую она испытывала прежде. Мередит радостно подпрыгивала и восторженно улыбалась. Она воображала, как они вместе пьют чай, как она заходит в их фургон, который столько раз видела из-за деревьев, знакомится с их белокурой приветливой матерью, которая их понимает и постоянно улыбается. *Как поживаете, мистер Динсдейл?* Она несколько раз повторила про себя эту фразу, укрывшись в тиши оранжереи. Но это было бы слишком большим неповиновением. То, что она заговорила с Флагом и Марией, тоже было серьезным проступком, здесь она не могла придумать оправдания. Только представив, что сказала бы мама,

узнай она об этом, Мередит снова приуныла и, когда ее позвали к чаю, постаралась помалкивать и вести себя так, чтобы не выдать себя.

Долгие дни Мередит жила фантазиями о Динсдейлах, думала о них во сне и наяву. Она так редко знакоилась с другими детьми — только с двоюродными братьями и сестрами, когда тех привозили, да с детьми других гостей, которые приезжали совсем ненадолго, — что у нее не было шанса узнать их поближе. Девочка знала, что ей не следует общаться с этими лудильщиками, что она должна презирать их. Она помнила все, что сказала о них мать, и по-прежнему была готова на все, чтобы угодить ей, чтобы сделать ее счастливой. И все же мысль о том, что у нее появятся друзья, манила Мередит. Прошла неделя. Играя в кружевной тени чугунных ворот, Мередит заметила Флага и Марию, идущих по дороге к деревне. Они не видели Мередит, и на миг она окаменела, разрываясь между желанием окликнуть их и сознанием того, что не должна этого делать, во всяком случае, не у ворот, где их может увидеть любой, кто выглянет в окно. От безысходности она решилась на компромисс и громко запела — первое, что пришло в голову, песню, которую пела Эстель, развешивая выстиранное белье.

— *Хочу я встретить короля с лилией в руке!* — фальшиво вопила Мередит, прыгая вдоль ограды.

Флаг и Мария повернулись и, увидев ее, направились к воротам.

— Здравствуй, — поздоровалась Мария. — Что это ты делаешь?

— Ничего, — ответила Мередит, слыша, как ее сердце стучит в груди, — а вы что делаете?

— Идем в деревню за хлебом и чаем. Хочешь, идем с нами. Если нам попадется мягая коврига, выйдет на полпенни дешевле и останется на леденцы, — улыбнулась Мария.

— Не обязательно, — возразил Флаг. — Если останется достаточно, надо купить еще масла, ты не забыла?

— Ой, да на масло все равно никогда не хватает! — оборвала брата Мария.

— Вам приходится самим ходить за покупками? — Мередит была озадачена.

— Конечно, глупышка! Кто же за нас пойдет? — расхохоталась Мария.

— А у вас, наверное, есть слуги, которые бегают в лавку и покупают вам чай, да? — немного резко спросил Флаг.

Мередит прикусила губу, кровь прилила к щекам. Она и в деревне-то почти никогда не бывала. Можно пересчитать по пальцам случаи, когда она ходила с миссис Придди или Эстель, но только когда отец был в отъезде, а мать пребывала в апатии и точно не могла узнать об этом.

— Так ты хочешь пойти с нами?

— Мне... не разрешают, — уныло призналась Мередит. Щеки у нее запылали еще сильнее, а Флаг посмотрел на нее, склонив набок голову. В глазах у него загорелся озорной огонек.

— Похоже, тебе много чего не разрешают, — заметил он.

— Не надо! Это не *ее* вина! — одернула Мария брата.

— Пойдем! Рискни. Или ты просто боишься? — спросил Флаг, поднимая одну бровь.

Мередит с вызовом взглянула на него:

— Вовсе я не боюсь! Просто... — Она поколебалась. Она боялась, это правда. Боялась, что ее отсутствие заметят, боялась вспышки гнева матери. Но вполне можно было улизнуть, а потом вернуться незамеченной. Должно очень уж сильно не повезти, чтобы попасться.

— Трусишка, трусишка и размазня! — насмешливо пропел Флаг.

— Не слушай его, — посоветовала Мария. — Мальчишки такие дураки.

Но Мередит слушала, и ей хотелось произвести впечатление на этого черноглазого мальчика. Ей хотелось подружиться с его сестрой, быть такой же свободной, как они, приходить и уходить, когда захочется, покупать сладости в деревне, самой покупать хлеб и чай. Ворота Стортон Мэнора будто встали на дыбы, вознеслись у нее над головой, выше и мощнее, чем обычно. Дрожа от возбуждения, Мередит ухватилась за щеколду, приоткрыла ворота и сквозь образовавшуюся узкую щель выскользнула на улицу.

Флаг несся впереди, а Мария и Мередит шли рядышком, рвали цветы и засыпали друг дружку вопросами: каково это жить на колесах, а каково это жить в усадьбе, а сколько там слуг, а как их зовут, а почему Мередит не ходит в школу, а как выглядит школа, а чем они там занимаются? В деревне они остановились возле кузницы, посмотреть, как кузнец подковывает крестьянскую лошадь, прибывает

горячую железную подкову на копыто размером с суповую тарелку. Вокруг клубился едкий дым, но лошадь даже не моргнула.

— Ей не больно? — спросила Мередит.

— Нет, конечно. Тебе же не больно, когда стригут волосы. Это то же самое. — Флаг пожал плечами.

— Идите, идите отсюда, вы мне свет застите, — проворчал кузнец, старый, седой и с неласковым взглядом.

Дети поспешили к бакалейщику. Им досталась мятая коврига, и, хотя денег у них осталось только на две сахарные мышки, дама за прилавком улыбнулась Мередит и протянула им третью.

— Нечасто приходится видеть вас в деревне, мисс Мередит, — сказала дама, и Мередит замерла. Откуда эта дама знает, как ее зовут? Вдруг она все расскажет миссис Придди? Девочка побледнела, в глазах мигом закипели слезы. — Ну, ну, не пугайтесь так! Я вас никому не выдам, — обнадежила ее дама.

— Спасибо, миссис Картер! — радостно поблагодарила Мария, и они вышли из лавки, чтобы немедля наброситься на сладости.

— Почему тебе запрещают ходить в деревню? Здесь тебе не сделают ничего плохого, — заговорил Флаг, когда они остановились у пруда посмотреть на раскричавшихся уток.

Они уселись на траву, Мередит грызла свою сахарную мышку, стараясь растянуть удовольствие. Ей так редко выпадало сладкое.

— Мама говорит, это неподобающе, — ответила Мередит.

— Что значит «неподобающе»? — уточнила Мария, облизывая пальцы.

Мередит пожала плечами.

— Это значит, она слишком хороша, чтобы знаться с простонародьем. С такими, как мы. — Флага, казалось, это забавляло.

Девочки некоторое время размышляли об этом молча.

— А... что будет, если твоя мама узнает, что ты была тут с нами? — спросила наконец Мария.

— Меня... поругают, — неуверенно предположила Мередит.

На самом деле она даже не представляла, что теперь с нею будет. Ей столько раз строго наказывали даже близко не подходить к Динсдейлам. И вот она без спросу ушла из сада, пошла с ними в деревню, разговаривает с ними, а у бакалейщика ее видела женщина, которой известно ее имя, и все это вместе было просто чудесно.

Охваченная тревогой, она проглотила остатки сахарной мышки, утратившей вдруг всю свою сладость.

— Мне пора. — Мередит поднялась на ноги.

Динсдейлы, заметив, как изменилось ее настроение, не стали уговаривать, тоже встали, и они вместе побрели по дороге.

Подойдя к ограде, Мередит проворно проскользнула сквозь щель в воротах и поскорее закрыла их. Она не решалась поднять глаза и взглянуть на дом, чтобы проверить, не смотрит ли кто в окно. Кровь стучала в висках, и, только захлопнув ворота, девочка немного успокоилась. Она ухватилась за перекладину, чтобы не упасть, и отдышалась.

— Странная ты, ничего не скажешь, — удивленно улыбнулся ей Флаг.

— Приходи к нам завтра на чай, — пригласила Мария. — Мамуля разрешила, я ее уже спрашивала.

— Спасибо. Но... я не знаю, — пролепетала Мередит.

Она устала от приключения и не могла сейчас ни о чем думать, только бы убраться от ворот, чтобы никто не заметил, как она с ними разговаривала. Динсдейлы ушли, а Мередит, просунув лицо сквозь ограду, глядела им вслед, наслаждаясь прикосновением холодного металла к коже. Флаг сорвал длинный стебель лапчатки, сунул Марии за шиворот, и светловолосая девочка закрутилась, пытаясь вытащить травинку. Когда они скрылись из вида, Мередит повернулась и увидела мать. Она стояла у окна верхнего вестибюля и наблюдала за ней. Лицо за стеклом было призрачно-бледным, глаза неестественно расширены. Она была похожа на привидение, замершее в вечной муке.

У Мередит остановилось сердце. Она было рванулась, чтобы убежать, скрыться в дальнем уголке сада. Но так будет только еще хуже, поняла она с беспощадной ясностью. Она вдруг ужасно захотела в туалет, и на миг даже испугалась, что описается. На дрожащих ногах она медленно подошла к дому, поднялась по лестнице и двинулась по коридору, где ждала ее мать.

— Как ты посмела? — прошептала Кэролайн.

Мередит смотрела себе под ноги. Ее молчание еще сильнее разъярило мать.

— *Как ты посмела?* — вскрикнула она так громко, что Мередит подпрыгнула и начала плакать. — Отвечай, куда ты с ними ходила?

Чем вы занимались?

В нижнем вестибюле показалась миссис Придди, торопливо поднявшись, встала рядом с девочкой, прикрывая ее.

— Миледи... Что-то случилось? — почтительно обратилась экономка к Кэролайн.

Кэролайн не удостоила ее внимания. Она нагнулась, схватила Мередит за плечи и несколько раз сильно встряхнула.

— *Отвечай!* Как ты *смеешь* меня ослушаться, девчонка?! — кричала она, брызгая слюной; исхудавшее лицо было искажено яростью.

Мередит, испуганная донельзя, плакала навзрыд, слезы потоками текли по щекам. Выпрямившись, Кэролайн прерывисто вздохнула, ноздри у нее побелели. Смерив дочь взглядом, она с размаху дала ей пощечину.

— Миледи! Довольно! — ахнула миссис Придди.

Мередит, потрясенная, молчала, впившись глазами в материнскую юбку, не решаясь отвести от нее взгляд. Кэролайн вновь схватила девочку за руку и, дотащив до ее комнаты, втокнула в дверь так резко, что Мередит еле устояла.

— Будешь сидеть здесь и не выйдешь, пока не выучишь урок, — ледяным тоном пригрозила Кэролайн. Мередит шмыгнула носом и почувствовала, как пульсирует и болит щека там, где мать ударила ее. — Скверная, порочная девчонка! Никакая мать не смогла бы тебя полюбить.

Последнее, что увидела Мередит прежде чем дверь захлопнулась, было ошеломленное лицо миссис Придди.

Неделю Мередит продержали взаперти в ее комнате. Прислуге было приказано не давать ей ничего, кроме хлеба и воды, хотя, стоило Кэролайн отвернуться, Эстель и миссис Придди принесли пленнице бисквиты, булочки и сэндвичи с ветчиной. Они гладили ее по волосам, рассказывали смешные истории и смазывали арникой верхнюю губу, распухшую от удара, но Мередит продолжала молчать, а женщины встревоженно переглядывались поверх ее головы. *Никакая мать не смогла бы тебя полюбить.* Мередит снова и снова повторяла это про себя и отказывалась верить. Она *добьется* того, что мамочка ее полюбит, твердо решила девочка. Она докажет ей, что она не скверная и не порочная. Она станет хорошей, послушной и самой

благопристойной девочкой и таким образом завоюет сердце матери. А лудильщиков она будет сторониться. Это из-за них мама не может ее любить. *Они здесь нежеланны.* Обессилов, девочка лежала на кровати и чувствовала, что в ней закипает прежняя неприязнь к Динсдейлам, что гнев окутывает ее удушливой пеленой, отбрасывая черную тень на ее сердце.

Эпилог

Кажется, весна все-таки одержит верх. Пройден этап торчащих из грязи нарциссов, осталась позади неделя, в которую нежные цветы на деревьях трепал ветер и поливали дожди, и они гнили розово-коричневой массой на обочинах дорог. Сейчас земля на моем чахлом газоне покрылась еле заметными трещинками, а на ограде сидят едва оперившиеся воробьи, желторотые и взъерошенные. Возможно, я завела бы кошку, если бы не эти нелепые птицы, сидящие плотно, плечом к плечу, точно бусины на нитке. День за днем я слежу за тем, как они растут. На газоне стоят припаркованные мотоциклы, кто-то свалил сюда коробки из-под мебели «собери сам», поэтому травы пока мало, но ближе к лету, думаю, что-нибудь да вырастет. Солнце уже начало слегка пригревать. Я сижу, подставив лицо его лучам, как подсолнух, и начинаю верить, что скоро наступит лето.

Для меня стало облегчением то, что трудные решения были приняты за меня. Их принял Динни. Что я могла сказать Клиффорду и Мэри? Что Генри жив, но стал умственно отсталым, что в рождественские каникулы я видела его не один раз, а им ничего не сказала и понятия не имею, где он теперь? И второй вопрос снят: зачем мне теперь оставаться в усадьбе, если все уехали? Бет, Динни, Гарри. Генри. Но я уехала недалеко. Это решение, подозреваю, я приняла еще раньше. О том, чтобы вернуться в Лондон, даже речи не было. Совсем рядом с Бэрроу Стортоном сдавался коттедж. Не поражающий красотой, не старинный, но симпатичный. Типичный двухэтажный дом постройки 1950-х годов — две комнаты внизу, две спальни наверху — в конце недлинного ряда таких же коттеджей-близнецов. Две спальни, значит, Бет и Эдди смогут приехать и пожить здесь, а из окна моей спальни открывается потрясающий вид на дальний конец поселка и усадьбу. Передо мной расстилается вся долина с поселком внизу, а сквозь редкие деревья отлично виден угол усадьбы. Теперь, правда, его видно все хуже, так как деревья все гуще покрываются листвой, а дальше тянутся известняковые холмы, с курганом на самом горизонте.

Я живу здесь и чувствую себя совершенно безмятежно, естественно, словно составляю с этим местом единое целое. Здесь меня не мучают мысли о том, что что-то недоделано, я не беспокоюсь

о работе, карьере, переменах. Я даже особо и не жду ничего. Я так решила — не ждать. Я преподаю в Дивайзесе, много гуляю. Время от времени приглашаю Джорджа Хетэуэя на чашку чая с печеньем. Иногда скучаю по людям, оставшимся в Лондоне, не каким-то определенным людям, а по тому множеству лиц, которые меня окружали. Иллюзия общества. Зато здесь я начала вглядываться в лица, замечать их. Люди для меня больше не часть толпы, как было раньше. Я подружилась с соседями, Сьюзен и Полом, иногда сижу с их детьми, бесплатно, потому их девчонки носят заплатанные брючки, из которых давно выросли, и родители не водят их на уроки танцев, дзюдо или верховой езды. И багута на заднем дворе у них тоже нет. На лице Сьюзен, когда я ей это предложила, подозрительность сменилась недоверием и радостью. Девочки у них симпатичные, не капризные и, как правило, слушаются меня беспрекословно. Я беру их на прогулки к холмам или вдоль берега реки, мы готовим торты из кукурузных хлопьев и какао, а Сьюзен и Пол тем временем могут сходить в паб, в кино, прошвырнуться по магазинам и просто побыть вдвоем.

Хани знает, где я поселилась, знает и Мо. Я заезжала к ним посмотреть на Хайди и дала свой новый адрес, и они побывали у меня в гостях. Я до блеска отполировала серебряный колокольчик на зубном кольце Флага и потрясла им над кроватью, где лежала Хайди. Она ухватилась за него пухлой ручонкой и тут же потянула в рот. *Это вещь твоего прадедушки*, шепнула я ей. Я записала свой адрес и попросила Хани сохранить его на случай, если кто спросит. Она смерила меня пронизательным взглядом, хмыкнула и подняла бровь. Но ничего не сказала. Сейчас она снова ходит в школу, а Мо иногда забегает ко мне ненадолго, с Хайди в коляске. Из Вест-Хэтча до меня она идет пешком, говорит, что свежий воздух и движение — единственное, что заставляет ребенка заснуть. Когда она добирается до самой дальней точки своего путешествия, я угощаю ее чаем. Мо ходит с палочкой, жалуется на боль в спине. Ей жарко, до меня она добирается вся распаренная, оттягивает футболку на груди и дует внутрь. Но Хайди она любит. Пока я накрываю чай, она приоткрывает одеяльце, любуется внучкой и не может сдержать счастливой улыбки.

Фотографию Кэролайн с ребенком я вставила в рамочку, и теперь она стоит у меня на подоконнике. Я так и не собралась отдать ее маме. Я до сих пор горжусь тем, что сумела разгадать, что это за ребенок,

установила причину разлада между нашей семьей и Динсдейлами. Мама была изумлена, когда я все рассказала ей. Конечно, я ничего не могу доказать, но знаю, что так все и было. Мне даже нравится, что нет окончательных доказательств, что так и не удалось разобраться со всеми фактами, что я не сумела заполнить все «белые пятна» — почему Кэролайн скрывала свой первый брак, скрывала ребенка. Где был Флаг до того, как появился в поместье, а потом попал в любящие руки Динсдейлов. Кое-какие детали навсегда останутся в прошлом — потому-то оно так манит нас своими тайнами. В наши дни едва ли кто-то сможет вот так уйти в небытие — слишком уж подробно сейчас все фиксируется, любая информация заносится в память компьютера. Куда меньше шансов сделать потрясающее открытие. Оставить что-то в тайне сейчас почти невозможно, и все же такое тоже случается. Гарри — живое тому доказательство. Кстати, я обнаружила, что секреты и тайны волнуют меня гораздо меньше, если я в них посвящена.

Большой дом, наша усадьба, продан с аукциона за сумму, от которой мне стало нехорошо на целых полчаса — пока я воображала себе, куда можно поехать и что можно сделать, имея такую кучу денег. На аукцион приезжал Клиффорд, но, пока шли торги, называли все новые цифры и цена росла и росла, я от него пряталась в задней части конференц-зала отеля «Мальборо». Я смотрела на дядин застывший затылок, напряженные плечи и чувствовала, как он страдает. Думаю, он, возможно, надеялся, что никто, кроме него, не польстится на дом, что ему удастся получить его задешево. Но на аукцион явилось множество народу, и в результате усадьба досталась застройщику. Он перестроит его под элитное жилье, как предлагал в свое время Максвелл, тем более что сейчас это расстояние не считается препятствием — ездить от Пьюси до Лондона и обратно можно хоть каждый день. Не могу представить, как будет выглядеть дом после перестройки. Что окажется на месте моей маленькой спальни? Кухня со столешницами из черного гранита? Или душевая кабина, сверху донизу облицованная плиткой? Не могу этого представить и пока не знаю, пойду ли взглянуть на результат, когда все будет готово. Пока не знаю. Скорее всего, не пойду. Хочу, чтобы в моих воспоминаниях все осталось по-прежнему.

Я много размышляю о Кэролайн и Мередит. Думаю, что сказал Динни о том, что злые, холодные и агрессивные люди — все они

несчастливы. Они так ведут себя потому, что им плохо. Мне трудно проникнуться симпатией и сочувствием к Мередит, слишком уж тяжелые детские воспоминания связаны с ней. Но сейчас, когда ее уже нет, я могу хотя бы попытаться. Ее жизнь была полна разочарований, а единственная попытка сбежать из холодного, лишенного любви дома окончилась крахом. Еще труднее сочувствовать Кэролайн, которую я никогда толком не знала, которая решилась бросить одного ребенка, а потом растила второго, не дав ему любви. Из этого легко было бы заключить, что она была неспособна любить. Не могла, не умела. Была слишком равнодушной, родилась с таким изъяном. Но я нашла последнее письмо, написанное ею, уже в старости, и теперь думаю о ней иначе.

Письмо долго еще лежало незамеченным в бюваре после того, как я уехала из усадьбы. Потому что Кэролайн никому его не отправила, разумеется, даже не оторвала листок от стопки писчей бумаги. Там он и оставался все это время, под самой обложкой, даже трафарет с линейками для ровных строчек письма остался подложенным под него. Тонкие, похожие на паутину каракули, шатаясь, скачут по листу. Датировано письмо 1983 годом. Ей к тому времени уже перевалило за сто лет, она слабела и знала, что умирает. Может быть, именно потому и написала это письмо. Поэтому, вероятно, она забыла, что ей некому послать его, что никто его не прочитает, пока оно не попало ко мне в руки, больше четверти века спустя.

Любимейший мой Корин!

Как же много лет прошло с тех пор, как я потеряла тебя, я уже сбилась со счета. Я стала старухой — такой старой, что мне давно пора умереть. Но что с того, ведь я ожидаю смерти с тех пор, как мы разлучились с тобой, любимый. Странно, но все долгие годы, проведенные в Англии, кажутся мне смутными, они прошли, как в тумане. Иногда я не могу вспомнить, не могу понять, что же я делала, чтобы заполнить такое долгое время, — я в самом деле не помню. Зато ясно помню каждый миг, прожитый рядом с тобой, мой любимый. Каждую секунду того драгоценного

времени, когда я была твоей женой, когда мы были вместе. О, зачем ты умер? Зачем отправился на охоту в тот день? Сколько раз я вспоминала его, тот день, представляла, что все могло бы быть иначе. Я увидела бы, как ты вскакиваешь в седло, попросила бы тебя остаться, и ты не умер бы. И мне не пришлось бы провести столько мрачных, безрадостных лет без тебя. Иногда я убеждаю себя, что побежала за тобой следом, что остановила тебя, а позже испытываю настоящее потрясение, вспомнив и осознав, что ты все же меня покинул. Это невыносимо больно, но я повторяю это снова и снова.

Я совершила ужасную вещь, Корин. Непростительную. Чудовищную. Я попыталась сбежать от нее в Европу, но исправить ничего не могу. Единственное утешение мое в том, что сама я не прощаю себя, я постоянно помню об этом. Может быть, нынешняя моя жизнь — это достаточное искупление? Но нет, никакого наказания недостаточно за содеянное мной. Я молюсь, чтобы ты никогда не узнал об этом, потому что, узнай ты об этом, ты не простил бы мне, перестал бы меня любить, а этого я не сумела бы вынести. Я молюсь, чтобы не было Бога, чтобы не было ада и рая, чтобы ты не мог смотреть оттуда сверху на нас, не увидел бы, какие преступления я совершила. И ведь я никогда не смогу соединиться с тобой на небесах, где ты, по-видимому, находишься. Моя душа, когда умру, наверняка попадет в преисподнюю. Ну, а ты, разве мог ты попасть куда-то, кроме рая, любовь моя? Ты ведь был ангелом уже здесь, на земле. Жизнь с тобой была единственным счастливым временем за все эти долгие годы. Только тогда я радовалась тому, что живу, а с тех пор все для меня — лишь прах и пепел. Как давно ты лежишь в пустынной прерии! Прошли эпохи с тех пор, как я

видела тебя в последний раз. Целые миры могли родиться и снова погибнуть за века, минувшие с тех пор, как мы последний раз касались друг друга.

Ах, если бы мне хоть разок, хоть краешком глаза взглянуть на тебя, прежде чем умру. Где-то в глубине души я верю, что так было бы справедливо — что, если бы этот мир был справедливым местом, мне позволили бы на секундочку обнять тебя и утешиться после стольких лет разлуки. Утешиться, несмотря на то что я натворила в безумии и отчаянии скорби, какую ошибку совершила и еще усугубила ее позже — и усугубляла ее с тех пор постоянно, собственными руками. Но этого не произойдет. Я умру и буду забыта, как некогда умер ты. Но я никогда не забуду тебя, мой Корин, муж мой. Неважно, что еще я делала, главное — я всегда любила тебя и всегда буду тебя помнить.

Кэролайн.

Я постоянно читаю и перечитываю это письмо с тех пор, как нашла его несколько недель назад. Я уже выучила его строки наизусть, и каждое слово оставило зарубку в моем сердце. Такая глубокая тоска и скорбь способны затмить солнце в ясный день. Когда я чувствую, что оно слишком завладевает мной, я вспоминаю Бет. Ее преступление больше не висит над ней дамокловым мечом. Она освободилась от заклятия, не льет неутешных слез. Цепь разомкнута, и разорвать ее помогла я. Я вспоминаю об этом, и радуюсь, позволяю надежде заполнить мою душу. Мне никогда не узнать, что же сделала Кэролайн. Почему взяла ребенка и бежала в Англию, почему затем избавилась от него? Но без конца перечитывая письмо, я обратила внимание на одну деталь: она ни разу не упоминает о сыне. Если это ее ребенок и Корин — его отец, почему она не говорит о нем? Почему не рассказывает Корину о его сыне? Не пытается оправдаться, объяснить причины, по которым она его бросила? Возможно, это и есть то самое преступление, о котором, как она надеется, Корин никогда не узнает, хотя письмо явно указывает: речь идет о чем-то, что случилось еще в

Америке, до ее бегства И то, что она бросила ребенка, кажется необъяснимым, в это просто трудно поверить, если учесть, как сильно и беззаветно она любила его отца Я вспоминаю смуглую девушку, прислуживавшую когда-то на летнем балу, — девушку, которую Кэролайн называла Сорокой. Волосы у нее были черные, как вороново крыло, как у Динни. Я никогда не узнаю этого наверняка, но недомолвки в письме намекают на настоящее преступление, и это заставляет меня усомниться в сделанных ранее выводах относительно нашего с Динни кровного родства.

Пару недель назад Бет приезжала ко мне погостить. Ей бы, по моему, хотелось, чтобы я выбрала другой поселок, однако она уже свыкается с этой мыслью. Во всяком случае, она уже не избегает этого места, как прежде.

— Тебя не смущает, что дом постоянно мозолит глаза? — спросила она.

Выражение ее лица в последнее время постоянно меняется. Раньше мимика была бедной, словно что-то ее сковывало, но теперь это ушло. Grimаски появляются и улетают, как воздушные шарикИ. А что до меня... может, я и перееду, поселюсь в другом месте, со временем. Я ничего не жду, но думаю, что должна быть там, где Динни сможет меня найти. Должна дожидаться следующего раза. В конце концов, у него есть причины стремиться сюда. И вовсе не только из-за меня и моего к нему влечения. У него здесь мать, сестра, племянница. Уверена, Хани обязательно даст мне знать, если он вернется.

Я так рада за Бет, что при одном взгляде на нее настроение у меня сразу повышается. Чудесного исцеления, понятное дело, не произошло, но все же она чувствует себя не в пример лучше. Она получила возможность разделить с Динни вину за происшедшее и больше не считает, что она, и только она одна виновна в том, что случилось с Генри Кэлкоттом. Теперь, когда мы знаем правду, представления о том, что правильно и неправильно в этом трагическом происшествии, оказались более размытыми. Она не отняла жизнь, только переменяла ее. Появился даже намек на некую свободу маневра, оттенок серого сменил черно-белые тона — в рассуждении о том, к худу или к добру оказались эти перемены. Так что о чуде и речи нет, но сейчас она хотя бы говорит со мной, обсуждает то, что случилось, и, как только она осмелилась остановиться и оглянуться,

события прошлого перестали преследовать ее по пятам, как было все эти годы. Я замечаю явные улучшения, их видит и Эдди, хотя пока он меня ни о чем не расспрашивал. Не думаю, что ему важно знать, что именно переменилось, главное, он рад.

Нужно время, чтобы изменить свое мнение о людях, особенно, если долгие годы ты видел их в определенном свете или не видел вообще. Я все равно видела перед собой Гарри, когда Динни сказал, что это Генри. И самого Динни я видела прежним, таким, как всегда, и всегда любила его. Я твержу себе, что и ему нужно время, чтобы увидеть меня другой, осознать, что я больше не ребенок, не маленькая надоеда, не младшая сестренка Бет, или как там он меня воспринимает. Возможно, пока слишком рано, время еще не пришло, но оно придет, я в это верю. Относительно участка, где издавна было позволено останавливаться Динсдейлам, разразился жестокий скандал. Застройщик был категорически против того, чтобы орда каких-то бродяг разбивала лагерь в общественном парке рядом с его новым приобретением. В итоге этот участок вместе с частью леса и пастбищем был продан соседнему фермеру. Он давний знакомый и друг Динсдейлов, поэтому стоянка по-прежнему к их услугам, ждет их. Ждет его. Чудесное место, особенно летом, зеленое, укромное и отныне безопасное.

Я надеюсь, что лето будет жарким. Надеюсь на солнышко, чтобы можно было погреть косточки, надеюсь оправдать полупраздный образ жизни, который я теперь веду. Будет жарко, и на лице у Хани проступят веснушки, я буду замораживать лимонный сок и делать из него фруктовое мороженое для дочек Сьюзен и Пола. От солнца кожа Динни станет еще темнее. В жаркую погоду можно будет бегать к Росному пруду, барахтаться в нем, плавать, плескаться, прогоняя призраки прошлого. А сегодня на почту пришла маленькая посылочка для меня. Внутри оказался кусок древесной коры с выцарапанными на нем закорючками. Я не могу ничего разобрать в этих странных узорах, кроме подписи внизу — ГАРРИ, сделанной кривыми, угловатыми, почти нечитаемыми буквами. Я воспринимаю это как заявление о том, кто он теперь и кем хочет быть. И еще, эта посылка — не выраженная словами весточка от Динни, ведь это он упаковал кору и отправил ее мне. Это сигнал: он знает, где я, и думает обо мне. Пока мне этого достаточно, чтобы радоваться и даже чувствовать себя счастливой.

КОНЕЦ

Благодарности

Моя любовь и благодарность — Алисон и Шарлотте Вебб за чтение, критику и неизменный энтузиазм на протяжении многих лет, а также Джону Веббу за то, что никогда не предлагал мне поискать приличную работу!

Благодарю членов писательской ассоциации WordWatchers в Ньюбери за всю их помощь, поддержку, комментарии и тортики.

Наконец, спасибо Эдварду Смиту и членам группы youwriteon.com за то, что заметили мою книгу и взялись прочитать ее и отрецензировать, а также Саре и Натали в издательстве «Орион», которые помогли довести дело до конца.

Об авторе

Кэтрин Вебб окончила исторический факультет Даремского университета; прежде чем серьезно заняться литературой, будущая писательница попробовала себя в роли официантки, личного помощника, переплетчика, горничной и библиотекаря.

Книга «Наследство» Кэтрин Вебб была номинирована на премию «Роман года», а популярный портал «TV Book Club» в 2010-м назвал ее «Лучшей книгой года».

Сейчас писательница живет в Англии, в графстве Сомерсетшир, с двумя кошками; в свободное от работы время она занимается верховой ездой, путешествует и печет лучшие в мире фруктовые пироги.

notes

Примечания

1

Перевод М. Лозинского.

2

Дуэт Джорджа Майкла и Эндрю Риджли. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

3

Оуэн Уистер (1860–1938) — американский писатель. Его произведение «Виргинец» (1902) принято считать первым современным вестерном.

4

Чарльз Дана Гибсон (1867–1944) — американский художник и иллюстратор, известный как создатель феномена девушек Гибсона, воплощающих идеал красоты на рубеже XIX–XX вв.

5

Построенное как штаб-квартира строительной компании Джорджа А. Фуллера, здание сначала называлось домом Фуллера, но вскоре получило прозвище «Утюг».

6

Чатсуорт-хаус — резиденция герцогов Девонширских, один из самых пышных английских домов-сокровищниц.

7

Территория — здесь: административная единица в США и Канаде, не имеющая прав штата или провинции.

8

Молли Вуд — школьная учительница из восточных штатов, любви которой добивается главный герой романа «Виргинец».

9

Вэдди (*waddy*) — ковбой.

10

Перевод М. Лозинского.

Кромлех — древнее сооружение, представляющее собой несколько поставленных вертикально в землю обработанных или необработанных продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей. У кромлеха в Эйвбери самый большой диаметр.

12

Слабоалкогольный или безалкогольный газированный напиток с ароматом имбиря.

13

Honey (*англ.*) — *здесь*: душечка, милая.

Полумна Лавгуд — персонаж серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Дж. К. Роулинг.

Чапсы — кожаные гамаши, которые надевают поверх джинсов для защиты от колючек, элемент одежды ковбоев.

Энни Оукли (1860–1926) — легендарная американская женщина-снайпер. Выступала в цирке в ковбойском костюме.

17

Бобби — полицейский.

Перевод М. Лозинского.

The Antiques Roadshow — передача на британском телевидении.

Такие крытые проходы-ворота (lychgate) характерны для английских кладбищ.

21

Сорт виски.

Журнал светской хроники, издававшийся в Британии с 1901 года.

Элино́р Гли́н (1864–1943) — английская писательница и сценаристка.

Спион-Коп — холм в Южной Африке, где в 1900 г. проходило важное сражение 2-й Англо-бурской войны.

Перевод Е. А. Воронцовой.

Table of Contents

[Кэтрин Вебб Наследство](#)

[Пролог 1905](#)

[Глава 1](#)

[Отъезд 1902](#)

[Глава 2](#)

[Любовь 1902](#)

[Глава 3](#)

[Ожидание 1902–1903](#)

[Глава 4](#)

[Потеря 1903–1904](#)

[Глава 5](#)

[Горе 1904](#)

[Глава 6](#)

[Испытания 1904–1905](#)

[Глава 7](#)

[Наследство 1911](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

